H. int. 64 P/4

F II 2849a
II n.k.
gl.

0/54/51660. II – 109

Тит 12

ВИЗАНТІЙСКІЕ

ИСТОРИКИ

[4]

ПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

34-395

Bayerische Staatsbibliothek München

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

1862.

Fg 166/698

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Февраля 21 дня, 1862 года.

Цензоръ *Архимандритъ Макарій.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ГЕОРГІЯ ПАХИМЕРА

ИСТОРІЯ

О МИХАИЛѢ И АНДРОНИКѢ

ПАЛЕОЛОГАХЪ

ТРИНАДЦАТЬ КНИГЪ.

ТОМЪ I.

ЦАРСТВОВАНІЕ

МИХАИЛА ПАЛЕОЛОГА

1255—1282.

ПЕРЕВОДЪ

подъ редакціею Профессора

Карпова.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПАХИМЕРѢ

И ЕГО ИСТОРІИ.

Все, что извѣстно намъ о личности Георгія Пахимера, высказано имъ самимъ въ его исторіи. Родившись отъ мірскихъ родителей, Пахимеръ еще въ молодости причисленъ къ клиру и мало по малу взошелъ на степень Протэкдика, слѣдовательно занимался дѣлами церковнаго судопроизводства. Эта среда служебной дѣятельности необходимо сближала его съ должностями гражданскими и придворными, и впослѣдствіи доставила ему почетное имя и значеніе Дикеофилакса. Такимъ образомъ Пахимеръ, по роду своихъ занятій, стоялъ на точкѣ непрестанныхъ отношеній между властями церковными и мірскими, и не могъ не быть знакомъ какъ съ внутренними расположеніями Византійскаго патріархата, такъ и съ монархическими стремленіями своего времени. Такое его положеніе, благоразумно охраняемое умѣньемъ держаться иногда между двухъ огней, давало ему возможность быть вѣрнымъ наблюдателемъ, или даже личнымъ свидѣтелемъ сокровенныхъ пружинъ, приводившихъ въ движеніе дѣла церкви и имперіи, слѣдовательно снабжало его самыми важными условіями для выполненія того, что требуется отъ историка. И дѣйствительно, исторія Пахимера, если будемъ смотрѣть на нее со сто-

роны содержанія и духа писателя, есть явленіе, потому времени, превосходное, и для составленія правильнаго понятія о тогдашнихъ событіяхъ весьма полезное.

Георгій Пахимеръ описалъ царствованіе Михаила Палеолога и большую часть царствованія Андроника Палеолога старшаго; такъ что историческими своими разсказами, если возмемъ ихъ въ совокупности съ повѣствованіями о событіяхъ, предшествовавшихъ этой династіи, обнялъ періодъ времени около 53 лѣтъ, то есть, съ 1255 до 1308 года. Все это время Византійской жизни было самое тревожное; восточная имперія доживала тогда послѣдній періодъ своего существованія и находилась какъ бы въ предсмертной агоніи. Не говоримъ о стѣсненіи внѣшнихъ, или географическихъ ея предѣловъ, и объ отторженіи отъ ней лучшихъ ея городовъ и областей; это одно—еще не рѣшительный признакъ распаденія государственнаго тѣла: говоримъ о нравственномъ разъединеніи сословныхъ интересовъ, за которымъ естественно слѣдовало эгоистическое обособленіе и интересовъ личныхъ. Во второй половинѣ 13-го и въ 14 вѣкѣ Византійская имперія представляется похожею на человѣка, неистово раздирающаго члены собственнаго своего организма. Не мечъ и огонь разрушали ее; эти бичи, подобно хищнымъ животнымъ, падали уже на трупъ мертвеца, убитаго внутреннимъ тиранствомъ, домашнею враждою, нравственною язвою. Въ основаніи зла, отравлявшаго имперію, лежала какая-то дикая игра религіозными убѣжденіями, свободою совѣсти и чувствомъ нравственнымъ. Святыя истины вѣры перешли въ мертвую формулу и сдѣлались либо орудіемъ своекорыстія, либо чѣмъ-то чуждымъ, не принадлежащимъ къ жизни, какими-то не нужными для ней правилами. Поэтому между государственными сословія-

ми и отдѣльными лицами не осталось никакого внутренняго цемента, который разнородныя части связывалъ бы въ одно цѣлое духовно; все, что еще не распалось и напоминало о существованіи гражданскаго тѣла, держалось только связію внѣшнею, и узелъ этой связи былъ исключительно въ рукахъ императора. Высшіе чины государства, томясь неимовѣрно развившеюся и ничѣмъ неутолимою жаждою роскоши, разоряли области и грабили народъ; патріархъ и духовенство страдали подъ гнѣтомъ внѣшней силы и чрезъ то либо замыкались сами въ себя и молчали, либо распадались на партіи и зараждали въ народѣ духъ сектантства; торговля и промышленность обусловливались монополіею, запутывались продажею привиллегій и почти всецѣло перешли въ руки иностранцевъ; войско почти совершенно потеряло національный элементъ и состояло изъ наемнаго скопища разноплеменныхъ варваровъ, которые, нисколько не сочувствуя пользамъ имперіи, жаждали только добычи и больше опустошали Византійскія области, чѣмъ сколько охраняли ихъ. Таково было состояніе восточной имперіи въ тотъ періодъ, который описывается въ исторіи Пахимера. При этой разрозненности интересовъ и разобщеніи частей стройнаго нѣкогда и могущественнаго государства, трудно было историку сохранить безпристрастіе взгляда и не увлечься духомъ партіи: но Пахимеръ въ этомъ отношеніи является неукоризненнымъ; истина у него идетъ впереди всѣхъ личныхъ или сословныхъ расчетовъ, которыми иногда характеризуются разсказы греческихъ писателей. Какъ описыватель государственныхъ событій, онъ поднимается высоко надъ уровнемъ народной жизни, и свободный его взглядъ на явленія ограничивается только сознаніемъ православія и патріотически умѣрен-

нымъ чувствомъ Византійца тогдашняго времени: говоримъ —тогдашняго времени; потому что, при глубокомъ упадкѣ нравственности и ослабленіи внутреннихъ связей, упрочивающихъ благосостояніе государства, и самые благородные представители его необходимо усвояютъ себѣ хотя отчасти понятія своего вѣка и смотрятъ на вещи по своему.

Разсматриваемая со стороны содержанія, исторія Пахимера отличается многосторонностію своихъ повѣствованій и слѣдитъ за жизнію имперіи едва не по всѣмъ ея направленіямъ, хотя не богата разсказами о подробностяхъ быта народнаго, о тогдашнихъ мѣрахъ воспитанія юношества, объ образѣ современнаго писателю судопроизводства, и проч. Но, какъ лице, дѣйствовавшее на поприщѣ офиціальныхъ отношеній между Византійскимъ дворомъ и духовенствомъ, Пахимеръ своею исторіею проливаетъ особенно много свѣта на состояніе церкви въ томъ періодѣ восточной имперіи, который онъ описываетъ. Съ этой стороны на исторію его можно смотрѣть, какъ на восполненіе важнѣйшихъ пробѣловъ, оставленныхъ другими историками, обозрѣвавшими тоже самое время, а еще болѣе, какъ на повѣрку и поправку сказаній, переданныхъ нѣкоторыми повѣствователями подъ вліяніемъ личныхъ и особенно религіозныхъ интересовъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что главною задачею, или какъ бы канвою исторіи Пахимера былъ поднятый Михаиломъ Палеологомъ вопросъ о соединеніи двухъ великихъ церквей—восточной и западной. Рѣшеніемъ этого вопроса опредѣлялось тогда отношеніе императора къ патріархату и, обратно; отъ рѣшенія его зависѣло даже теченіе государственныхъ дѣлъ, волненіе гражданъ и судьба вліятельнѣйшихъ въ имперіи лицъ. Поэтому Ми-

хаилъ Палеологъ, обнаруживъ свое стремленіе примирить раздѣлившіяся церкви, возложилъ на исторію весьма важную и трудную обязанность — опредѣлить достоинство тѣхъ дѣятелей, которые по необходимости должны были принимать участіе въ рѣшеніи поднятаго вопроса. И вотъ среда, въ которой историки западные враждебно сталкиваются съ историками Византійскими, и нерѣдко черное называютъ бѣлымъ, бѣлое—чернымъ. А что бы своимъ сказаніямъ и доказательствамъ придать болѣе силы, они съ особеннымъ удовольствіемъ въ этомъ случаѣ ссылаются на авторитетъ Византійскаго же историка Георгія Акрополита, бывшаго при дворѣ Михаила Палеолога великимъ Логоѳетомъ, слѣдовательно знавшаго обстоятельно свойства тогдашнихъ дѣлъ и дѣятелей. Но этотъ авторитетъ рѣшительно падаетъ при одной, исторически несомнѣнной мысли, что Георгій Акрополитъ былъ отступникъ отъ православія и впослѣдствіи открыто принялъ латинство. Точно таковы же и прочія основанія, на которыхъ опирается исторія западныхъ писателей о событіяхъ въ нѣдрѣ восточной церкви того періода, который описывается Пахимеромъ. Итакъ книги Пахимера можно почитать такимъ историческимъ памятникомъ 13 и отчасти 14 вѣковъ, которымъ должно пополняться и исправляться все, что не высказано, или ложно передано западными и даже восточными историчами относительно православной церкви и представителей ея въ тѣхъ вѣкахъ; хотя нельзя не замѣтить, что Пахимеръ, по своимъ отношеніямъ, а можетъ быть, и по своему характеру, высказываетъ собственныя мнѣнія о религіозныхъ событіяхъ и дѣйствовавшихъ тогда лицахъ безъ особенной ревности.

Исторія Пахимера, на языкѣ латинскихъ критиковъ, называется схизматическою, т. е. раскольническою;—и едва

ли не по этой причинѣ, между прочимъ, греческій ея текстъ долго не былъ издаваемъ и не появлялся съ латинскимъ переводомъ. По крайней мѣрѣ Поссинъ въ предисловіи къ изданію этого текста и перевода счелъ нужнымъ оговориться, просить извиненія и доказывать, что иногда бываетъ не безполезно пускать въ свѣтъ и схизматическія сочиненія. Такая оговорка человѣка ученаго, который, какъ ученый, долженъ бы судить о вещахъ не поверхностно и любить истину не замаскированную, вызываетъ мысли не отрадныя. Но несомнѣнно вѣрною причиною, по которой исторія Пахимера цѣлые вѣка оставалась въ рукописяхъ, было свойство языка, какимъ она написана. При всѣхъ хорошихъ качествахъ этого историческаго памятника, разсматриваемаго со стороны его содержанія и нравственнаго характера, языкъ, какимъ высказался въ немъ Пахимеръ, могъ испугать опытность и терпѣніе самаго настойчиваго филолога. Его нельзя назвать ни варварскимъ, ни изысканнымъ, ни затѣйливымъ, ни софистически тонкимъ, ни ораторски разукрашеннымъ: это—просто нарѣчіе, какимъ тогда говорили византійцы;— и однакожъ оно почти на каждой страницѣ книги поставляетъ читателя въ крайнее затрудненіе. Пахимеръ писалъ такъ, какъ говорилъ, или, точнѣе сказать,—какъ говоритъ человѣкъ, имѣющій въ виду только мысль, и желающій, чтобы поняли ее, въ какихъ бы формахъ рѣчи выражена она ни была,—только бы поняли. Если бы, напримѣръ, живую устную бесѣду двухъ или нѣсколькихъ лицъ посредственнаго образованія могли мы буквально перенести на бумагу, не прибавляя, не убавляя и не измѣняя въ ней ни одной іоты; то это было бы подобіемъ языка Пахимерова. Какъ надъ устнымъ разговоромъ, когда бы мы

стали наблюдать только сочетаніе и послѣдовательность словъ и выраженій, задумалось бы всякое словосочиненіе, всякая грамматика и даже логика, не зная, какъ подвесть эти формы подъ правила: такъ и надъ языкомъ Пахимера по мѣстамъ не можетъ не задуматься всякая филологія. Читая и переводя его, иногда нужно бываетъ забыть всѣ требованія грамматики и ловить мысль однимъ контекстомъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ИСТОРІИ ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ПАЛЕОЛОГА.

Книга первая 1. Предисловіе писателя, и объ истинности сказаній (стр. 1—3). 2. Почему не упоминается здѣсь о прежнихъ царяхъ (3—5). 3. Какъ прежніе цари укрѣпляли замки (5. 6). 4. Какъ заботились о гарнизоняхъ и состояніи ихъ (6—8). 5. Какъ, по отнятіи Константинополя у Италіанцевъ, состояніе дѣлъ на востокѣ стало ослабѣвать; и о Хадинѣ (8. 9). 6. Какъ Персы овладѣвали пограничными мѣстами Римлянъ (9—11). 7. Какъ въ царствованіе Іоанна Михаилъ Палеологъ далъ присягу хранить вѣрность царямъ (11—15). 8. Какъ Ласкарисъ младшій, презрѣвъ многихъ знатныхъ особъ, поставлялъ на ихъ мѣста другихъ (15. 16). 9. Какъ Котисъ уговорилъ Палеолога бѣжать къ Персамъ (16—18). 10. Какъ Палеологъ возвратился и, принятый, посланъ былъ военачальникомъ на западъ (18. 19). 11. Какъ отправленъ былъ Хадинъ взять его и привесть въ узахъ (19—24). 12. Какъ царь, страдая болѣзнію, подозрѣвалъ всѣхъ въ чародѣйствѣ; и о Марѳѣ (24—29). 13. Смерть царя Ѳеодора и дѣла его при жизни (29—31). 14. Какъ воспитываемъ былъ Ласкарисъ отцемъ для вступленія на престолъ (31—32). 15. Какое имѣлъ попеченіе о сынѣ царя, Іоан-

нѣ, Протовестіарій Музалонъ (32—34). 16. Рѣчь Протовестіарія Музалона (34—41). 17. Отвѣтная рѣчь Палеолога (41—46). 18. Нападеніе войска на Музалоновъ (46. 47)) 19) Какъ совершено убійство Музалоновъ (47—55). 20. Какъ отъ этого нѣкоторые вельможи выѣхали за границу, а другіе приняли иныя мѣры самосохраненія (55. 56). 21. Какъ правители соревновали другъ другу въ заботливости о царѣ (56—58). 22. Какъ въ этомъ отношеніи предпочтенъ былъ всѣмъ Палеологъ (58—60). 23. Какъ онъ почтенъ былъ саномъ великаго Дукса (60—62). 24. Какъ царь Іоаннъ, страдая болѣзнію, раздавалъ бѣднымъ милостыню (62. 63). 25. Какъ великій Дуксъ, получивъ доступъ къ царскимъ деньгамъ, снискивалъ себѣ ими расположеніе (63. 64.) 26. Какъ прибывшему патріарху выражалъ онъ необыкновенную угодливость (64—66). 27. Какъ всѣ единодушно говорили въ пользу великаго Дукса и провозгласили его Деспотомъ (66—71). 28. Какъ патріархъ согласился съ мнѣніемъ прочихъ, говорившихъ въ пользу Палеолога (71. 72). 29. Какъ Палеологъ, подчинивъ себѣ воли всѣхъ, сталъ домогаться чрезъ нихъ верховной власти (72. 73). 30. Какъ западный Деспотъ Михаилъ забралъ себѣ въ голову великія надежды (74—76). 31. Какъ Ахайскій князь былъ взятъ въ плѣнъ Римлянами (76—81). 32. Какъ Михаилъ Деспотъ побѣдилъ Римлянъ и взялъ въ плѣнъ Кесаря (81).

Книга вторая. 1. Какъ патріархъ Арсеній былъ озабочиваемъ представленіями о необходимости верховнаго правителя (82—86). 2. Какъ государственные чины освобождали Палеолога отъ клятвы, которою былъ онъ связанъ (86. 87). 3. Какъ Римляне клялись и давали присягу служить обоимъ царямъ, и съ какимъ ограниченіемъ (87). 4. Какъ клялисъ дитяти—царю Палеологъ и вельможи (88).

5. Какъ Палеологъ, ставъ царемъ, сдѣлался щедрымъ на подарки (88. 89). 6. Какъ онъ, еще до коронованія, укрѣплялъ пограничные замки (89—91). 7. Какъ при коронаціи нарушилъ условія (91. 92). 8. Какъ Палеологъ короновался, а царь—отрокъ оставленъ безъ вниманія (92—95). 9. Какъ, вѣнчавшись, Михаилъ привязывалъ къ себѣ народъ словомъ и дѣломъ (95. 96). 10. Какъ, по возвращеніи въ Нимфей, вмѣстѣ съ отрокомъ, принималъ онъ посольства (96. 97). 11. Какъ родной братъ царя, Іоаннъ, украшенъ былъ достоинствами (97. 98). 12. Какъ Михаилъ Деспотъ, поставленный въ тѣсныя обстоятельства, отправилъ къ царю супругу и сына (98. 99). 13. Какъ державный почтилъ вельможъ достоинствами (99. 100). 14. Какъ царь, съ намѣреніемъ взять городъ, занялъ Силиврію (101. 102). 15. Какъ патріархъ Арсеній оставилъ патріархію (102—107). 16. Какъ сдѣланъ патріархомъ Никифоръ Ефесскій (107. 108). 17. Какъ не соглашались на это епископы Сардскій и Өессалоникскій (108—110). 18. Какъ епископъ Сардскій въ Силивріи постригся въ монашество (110. 111). 19. Какъ многіе изъ духовныхъ особъ въ короткое время окончили жизнь (111. 112). 20. Объ осадѣ крѣпости Галаты (112—114). 21. Объ останкахъ царя Василія Булгароктона (114—116). 22. Какъ патріархъ Никифоръ вмѣстѣ съ царемъ пріѣхалъ въ Нимфей (116. 117). 23. Какъ царь лишилъ отрока Іоанна знаковъ царскаго сана (117. 118). 24. О калифѣ и Персахъ, какъ они покорились Тохарцамъ (118—123). 25. Что бывало съ прежними царями, когда они слышали о Тохарцахъ (123—126). 26. О дѣлахъ запада, и о томъ, какъ Кесарь мимоходомъ подступилъ къ Константинополю (126—128). 27. Какъ Константинополь взятъ былъ Римлянами (128—133). 28. Что сдѣлано Италіанцами послѣ потери города;

и о Протасинкритѣ Сеннахиримѣ (134—138). 29. Какъ услышалъ царь о взятіи Константинополя (138—141). 30. Рѣчь царя о взятіи Константинополя (141—147). 31. Какъ царь съ своимъ правительствомъ вступилъ въ городъ (147—149). 32. Какъ, по вступленіи въ Константинополь, распорядился онъ относительно разноплеменныхъ иностранцевъ (149. 150). 33. Какъ приведены царемъ въ порядокъ городскія дѣла (150. 151). 34. Каковы были совѣщанія архіереевъ относительно патріарха Арсенія (151. 152). 35. Какъ царь устранилъ отрока Іоанна отъ престола; и какъ поселены Италіанцы (152—154). 36. Посольство царя къ папѣ и къ Италіанцамъ (154. 155).

Книга третья. 1. Намѣреніе царя относительно патріарха Арсенія (155—158). 2. Какъ Арсеній, согласившись на зовъ, вступилъ въ Константинополь и вторично короновалъ Палеолога (158. 159). 3. О посольствѣ царя къ Тохарцамъ для заключенія брачнаго союза, и къ Еѳіоплянамъ (159—162). 4. Описаніе камелопарда (162. 163). 5. Какъ усилились Еѳіопляне и нападали на Сирію; и о Ногаѣ (163—165). 6. О выдачѣ трехъ царевенъ за мужъ, и за кого именно (165. 166). 7. О Деспинѣ алеманянкѣ Аннѣ (166—169). 8. О братѣ Деспины Анны, королѣ Манфредѣ (169. 170). 9. О досчатой надстройкѣ стѣны со стороны моря, и о томъ, для чего это сдѣлано; также о приготовленіяхъ (170—174). 10. Объ ослѣпленіи отрока Іоанна (174—176). 11. О Мануилѣ Ололѣ и о другихъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи къ Іоанну (176. 177). 12. О Зигинахъ, какъ они отложились отъ царя ради Іоанна (177—182). 13. Совѣщаніе Зигиновъ относительно того, кого приняли они за Іоанна (182—184). 14. Какъ распорядился патріархъ, узнавъ объ ослѣпленіи сына Ѳеодорова, и какъ отлучилъ царя (184—187). 15. Плаваніе рим-

скихъ тріиръ и успѣхи флота на морѣ (187). 16. Западныя области ввѣряются братьямъ царя (187—189). 17. Поступокъ съ постельничимъ, Макриномъ Іоанномъ (189—191). 18. Посольство къ папѣ, и заглазное управленіе войскомъ на Гемусѣ (191—193). 19. Какъ приходилъ царь къ патріарху и просилъ у него разрѣшенія (193—196). 20. О свиданіи Деспотовъ - Іоанна и Михаила западнаго (196—197). 21. Какъ Деспотъ Іоаннъ, оставивъ западъ, отправился на востокъ; описаніе воинскихъ его доблестей (197—201). 22. О жалкомъ состояніи Маріандинянъ, Букелларійцевъ и Пафлагонянъ (202. 203). 23. О явленіи кометы съ сѣвера въ три лѣтніе мѣсяцы, о походѣ царя на западъ и о патріархѣ Арсеніѣ (204—206). 24. О правительственныхъ лицахъ церкви, Веккѣ и Ксифилинѣ (206—209.) 25. О султанѣ Азатинѣ и Тохарцахъ (209—219). 26. Какъ принялъ патріархъ возвратившагося царя, съ какимъ обличеніемъ и ревностію (219—221). 27. Бракъ Евлогіевой дочери Анны съ Никифоромъ, сыномъ Деспота Михаила (221. 222). 28. О ложной молвѣ вторженія Тохарцевъ въ Никею (45 стр. 222—229).

Книга четвертая. 1. Рѣчь царя къ архіереямъ и окружавшему ихъ духовенству (229—233). 2. О посылкѣ Іосифа Галисійскаго къ патріарху съ прошеніемъ разрѣшить царя отъ отлученія (233-234). 3. Какъ получилъ царь обвинительную записку на патріарха (234—237). 4. Объ образѣ и мѣстѣ суда надъ патріархомъ (237 — 238). 5. Какъ патріархъ отправился къ царю и вскорѣ ушелъ отъ него (238 — 241). 6. Какъ собравшіеся архіереи послали Арсенію послѣднее рѣшеніе Собора и какъ за тѣмъ послѣдовало осужденіе его (241 — 245). 7. Какъ три архіерея отправлены были Соборомъ къ Арсенію объявить ему о низложеніи (246—247). 8. Какъ царь посылаетъ вывесть

патріарха изъ патріархіи, и что тогда случилось (247. 248). 9. Какъ смотрѣли на низложеніе Арсенія патріархи восточные — Александрійскій и Антіохійскій (248. 249). 10. Какъ хотѣлось Арсенію, когда онъ еще патріаршествовалъ, возвратить санъ архіерея бывшему Сардскому епископу (249. 250). 11. Рѣчь царя о сектантахъ (250 — 255). 12. Объ избраніи на патріаршество Адріанопольскаго епископа Германа и о личныхъ его свойствахъ (255—257). 13. Какъ Германъ введенъ въ патріархію, и что потомъ дѣлалось (257 — 260). 14. Какъ патріархъ взялъ къ своей церкви Оловола и возложилъ на него должность ритора и учителя (260. 261). 25. Какъ нѣкоторые придворные, обвиненные въ оскорбленіи Величества, запутали въ свое дѣло и Арсенія (261—263). 16. О поѣздкѣ писателя исторіи съ архіереями къ Арсенію, и о томъ, что съ ними тамъ случилось (263—267). 17. Какъ придумалъ царь освободиться отъ отлученія, и чрезъ кого (267. 268). 18. Какъ Іосифъ совѣтовалъ Герману отказаться отъ патріаршества (268—270). 19. Объ Іакинѳѣ, кто онъ и откуда, и о лицахъ, его окружавшихъ (270—272). 20. Карь царь настроилъ Сардскаго епископа Халазу предложить Герману совѣтъ о сдачѣ патріаршества (273 — 275). 21. Германъ оставляетъ патріархію (275—278). 22. Объ Адріанопольскомъ епископѣ Василіѣ или Варлаамѣ (278. 279). 23. Соборъ избираетъ на патріаршество Іосифа (278 — 281). 24. Какъ устраненъ былъ Ираклійскій епископъ Пинаха отъ права хиротонисать патріарха и уступилъ свое право Митиленскому епископу Григорію (281. 282). 25. Іосифъ снимаетъ съ царя отлученіе (282—283). 26. О бракѣ Андроника Тарханіота, сына царской сестры Марѳы съ дочерью западнаго Іоанна (283—285). 27. О погибели восточныхъ областей по причинѣ отозванія Деспота Іоанна

съ войсками на западъ (285—289). 28. О сектантствѣ въ церкви, и о Пантепоптскихъ монахахъ (289 — 292). 29. О посольствѣ великаго Дукса Ласкариса и бывшаго патріарха Германа въ Пеонію, для привезенія оттуда невѣсты царскому сыну Андронику; также о вѣнчаніи и короновании ихъ (292—297). 30. Бѣгство великаго Коноставла Тарханіота къ его тестю Іоанну (297—299). 31. Походъ Деспота Іоанна съ тысячами войска противъ Іоанна западнаго и отвага послѣдняго (299—307). 32. О совершенной побѣдѣ, одержанной Филантропиномъ надъ италіанскимъ флотомъ (308. 309).

Книга пятая. 1. Событіями на западѣ царь поставленъ между радостію и печалію (309—310). 2. О путешествіи патріарха на востокъ по поводу отпаденія тамощнихъ монастырей отъ церкви (310—314). 3. Бракъ Константина царя Болгарскаго съ дочерью Евлогіи Маріею (314—316). 4. О Ногаѣ и Тохарцахъ, что такое были они прежде; также о первомъ ихъ царѣ и законодателѣ (316—320). 5. О Мицѣ и о томъ, какъ сдалъ онъ царю городъ Месемврію (320—322). 6. О намѣреніи царя вступить въ родственный союзъ съ сербскимъ дворомъ и о путешествіи туда патріарха съ царскою дочерью (322 — 326). 7. О Диррахіѣ и бывшемъ тамъ землетрясеніи (326 — 328). 8. О королѣ Карлѣ и о снаряженіи имъ флота для взятія Константинополя (328—331). 9. Царь отправляетъ посольство къ французскому королю (331—334). 10. Какъ онъ, услышавъ о снаряженіи непріятельскаго флота, приготовлялся къ защитѣ города (334 — 339). 11. Какъ, по возшествіи на престолъ папы Григорія, началъ онъ хлопотать о примиреніи церквей (339—343). 12. Какъ побуждалъ предстоятелей восточной церкви къ принятію мира (343—346). 13. Какъ Іоаннъ Хумнъ обвинялъ Хартофилакса Векка

(346—348). 14. Царь представляетъ Собору трактатъ о догматахъ церкви (348. 349). 15. Какъ Веккъ посаженъ въ темницу и, уступая насилію, перешелъ на сторону царя (349. 350). 16. Какъ патріархъ циркулярно объявилъ съ клятвою, что онъ не приметъ мира (350 — 353). 17. О предложенныхъ ему царемъ условіяхъ и объ удаленіи его (353 — 355). 18. Усиліе царя склонить клиръ къ принятію мира съ Латинянами (355 — 359). 19. О проявленіяхъ царской ненависти къ клиру (359—360). 20. Разсказъ о наказаніи ритора церкви (360—365). 21. Какъ посольство къ папѣ испытало на морѣ кораблекрушеніе (365—367). 22. Какъ, по удаленіи патріарха, провозглашаемъ былъ въ церкви папа (367—369). 23. О повсюдномъ раздѣленіи церкви (369 — 371). 24. Объ избраніи Хартофилакса Векка на патріаршество (371 – 377). 25. Какъ царь сталъ скучать ходатайствами патріарха и для разсмотрѣнія его дѣлъ назначилъ третій день недѣли (377. 378). 26. О вторичномъ посольствѣ къ папѣ (378. 379). 27. Икарій принимаетъ подданство царю и дѣлается начальникомъ флота (379—382). 28. О сожительствѣ патріарха Векка и Іосифа въ Анаплскомъ монастырѣ (383 — 385). 29. Неудовольствіе царя, возбужденное Іосифомъ (385—387). 30. Царь смиряетъ жившихъ въ Константинополѣ Генуезцевъ (387—394).

Книга шестая. 1. Какъ и по какимъ причинамъ снова произошли непріязненныя движенія на Гемусѣ (394—397). 2. Какъ Марія злоумышляла противъ Свентислава (397—398). 3. Разсказъ о происхожденіи Лаханы и о томъ, какъ онъ убилъ Константина (398 — 402. 4. Какъ царь дочь свою Ирину выдалъ замужъ за Асана (402. 403). 5. Какъ, по случаю Болгарскихъ дѣлъ, просилъ онъ совѣта у патріарха (403—406). 6. Какъ принялъ въ зятья при-

бывшаго съ запада Михаила (406—408). 7. О дѣйствіяхъ Маріи и о выходѣ ея замужъ за Лахану (408—412). 8. Какъ Марія выдана была царю, а Асанъ принятъ Терновитянами (412. 413). 9. Какъ Асанъ ушелъ изъ Тернова (413—415). 10. Какъ подготовлены были обвиненія противъ Векка (415—417). 11. О присланной въ ставропигію царской новеллѣ (417. 418). 12. Событіе по случаю отсылки къ царю колива (418. 419). 13. Объ отреченіи Іоанна отъ патріаршаго престола (419. 420). 14. О папскихъ послахъ и о патріархѣ Іоаннѣ (420. 421). 15. Царь успокоиваетъ архіереевъ по случаю требованій, выраженныхъ папскими послами (421—423). 16. Какъ папскимъ посламъ показываемы были узники въ темницѣ (423. 424). 17. О вторичномъ вступленіи Іоанна въ патріархію (424—426). 18. Объ отправленіи Игнатія и Мелетія къ папѣ (426—429). 19. Опять о Лаханѣ и о томъ какъ онъ убитъ былъ Ногаемъ (429—431). 20. О походѣ царя Андроника на востокъ (431—435). 21. О возстановленіи Тралловъ и взятіи ихъ Персами (435—437). 22. Объ отправленіи порфиророднаго Константина на западъ (437—439). 23. Веккъ своими сочиненіями возбуждаетъ споръ о догматахъ (439—446). 24. О путешествіи патріарха къ горѣ св. Авксентія, и о томъ, что дѣлалъ тамъ царь (446—454). 25. О Калоидѣ и Іоаннѣ Duксѣ (454—458). 26. О Логоѳетѣ общихъ дѣлъ Музалонѣ (458—459). 27. О возвращеніи порфиророднаго съ запада и о Котаницѣ (459—461). 28. Смерть Деспины Анны и тогдашнія событія (461—463). 29. Походъ царя Михаила на Сангару и тамошнія дѣла его (463—466). 30. О посольствѣ къ папѣ Мартину (466—468). 31. О духовномъ завѣщаніи патріарха Іосифа (468—469). 32. О событіяхъ въ Бѣлградѣ (469—476). 33. Торжественный смотръ плѣнныхъ

(477—480). 34. О правителѣ Лазовъ Іоаннѣ и о женитьбѣ его на дочери царя (480—484). 35. Какъ царь вызвалъ Тохарцевъ противъ Севастократора Іоанна (484—487). 36. Опасность во время морскаго путешествія, и смерть царя (487—492).

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ГЕОРГІЯ ПАХИМЕРА

МИХАИЛЪ ПАЛЕОЛОГЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1. Георгій—издавна Константинополецъ (¹), но рожденъ и воспитанъ въ Никеѣ, а въ Константинополь прибылъ уже двадцати одного года отъ роду—тогда, какъ этотъ городъ, волею Божіею, находился подъ властію Римлянъ. Въ тѣ времена Георгій былъ причисленъ къ священному клиру, украшался церковными достоинствами и достигъ даже степени Протэкдика (²), да и при дворѣ почтенъ саномъ Дикеофилакса (³).

(¹) Пахимеръ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи (l. II, п. 28) говоритъ, что отецъ его былъ гражданинъ Константинопольскій и переѣхалъ въ Никею въ то время, когда Константинополь взятъ былъ Латинянами, которые, по словамъ Акрополита (с. 6), оставили на волю Грековъ или жить въ городѣ и подчиниться законамъ новаго правительства, или переселяться въ другія мѣста.

(²) Протэкдикъ—имя должности въ Константинопольской куріи. Подъ этимъ именемъ разумѣли публичнаго стряпчаго и уголовнаго судью. Codin. de offic. l. 1. Такое же значеніе имѣлъ Протэкдикъ и въ Константинопольской церкви; т. е. на немъ лежала обязанность разбирать дѣла подсудимыхъ клириковъ. Первый, начавшій избирать Протэкдиковъ изъ среды духовенства и для духовенства былъ патріархъ Григорій Ксифилипъ. Hoffmann. Lex.

(³) Дикеофилаксъ, сколько можно судить, основываясь на этимологіи этого слова, былъ чиновникъ отъ двора, наблюдавшій за вѣрнымъ

Bayerische Staatsbibliothek München

Написалъ онъ это сочиненіе, воспользовавшись не незасвидѣтельствованными въ свое время сказаніями и вѣря не одному слуху.—Часто случается, что писатель, какъ скоро кто говоритъ: я самъ видѣлъ или слышалъ это,—тотчасъ принимаетъ слова его за правду—единственно потому, что такъ разсказываютъ; но Георгій былъ большею частію самовидцемъ событій, или до точности разузнавалъ, кто первый видѣлъ событіе, чтобы нетолько недопустить ничего безъ свидѣтельства, но еще оправдать дѣло согласіемъ многихъ. При томъ сочинитель считалъ необходимымъ,—такъ какъ время періодическими своими оборотами обыкновенно многое скрываетъ,—не позволять ему мало помалу изглаживать изъ памяти дѣла мимотекущія, но, по вѣрному выраженію одного мудреца, (¹) прятать явленія. Негодится впрочемъ, говоря о такомъ предметѣ, и уничижать истину ложью; ибо истина, какъ сказалъ кто-то, есть душа исторіи: дѣло истины—дѣло святое; и потому, кто вмѣсто ея вноситъ ложь, тотъ прямо святотатенъ. И такъ мы вовсе недумаемъ преувеличивать событія и, увлекаясь ненавистію или пристрастіемъ, худые поступки порицать, а хорошіе прославлять болѣе надле-

---

ходомъ и рѣшеніемъ дѣлъ въ томъ или другомъ присутственномъ мѣстѣ; слѣдовательно должность Дикеофилакса была тоже, что у насъ должность Прокурора.

(¹) Мудрецъ, на котораго указываетъ здѣсь Пахимеръ, былъ Софоклъ. Въ своемъ Аяксѣ *μαστιγοφόρῳ* онъ говоритъ такъ:

Ἅπανθ' ὁ μακρὸς κἀναρίθμητος χρόνος
Φύει τ' ἄδηλα καὶ φανέντα κρύπτεται.

жащаго, и чрезъ то какъ бы обворожать ухо ума. Хотя и можно конечно разсказывать о произшествіяхъ, гдѣбы они ни случились, можно и говорить онихъ, кому это угодно, и оставлять ихъ невысказанными, когда нѣтъ необходимости; однако, по моему мнѣнію, лучше молчать, нежели говорить иначе, чѣмъ какъ было дѣло, лучше вовсе незнать слушателямъ, что происходило, нежели знать иначе, чѣмъ какъ хочетъ того исторія: потому что въ первомъ случаѣ бываетъ просто незнаніе, которое не постыдно, а въ послѣднемъ—незнаніе является вдвойнѣ, является незнаніе вмѣстѣ сь убѣжденіемъ въ знаніи; а хуже этого неможетъ быть ничего. Впрочемъ я не приступилъ бы къ такому труду, еслибы по настоящему гадая о послѣдующемъ, или лучше, по случившемуся заключая къ имѣющему случиться, не ожидалъ, что съ теченіемъ времени будетъ еще хуже; ибо, можетъ быть, гораздо удивительнѣе былобы слышать не отомъ, какъ это мы отъ глубокой тишины, какою наслаждались, перешли теперь въ состояніе столь бѣдственное, а отомъ, еслибы стеченіе такихъ явленій, отъ наступленія ужасной зимы послѣ прежняго нашего процвѣтанія, привело насъ къ обновленію силъ: вѣдь душа, достигши своей осени, не цвѣтетъ, а напротивъ и вовсе становится чуждою жизненнаго движенія.

2. И такъ мы не думаемъ, хотябы и хотѣли, возводить свое повѣствованіе къ лицамъ, прежде унасъ царствовавшимъ, и тамъ положивъ на-

чало своей исторіи, говорить, какъ они приступали къ царствованію, и съ какою осторожностію, съ какимъ благоразуміемъ, котораго нѣтъ лучше, управляли дѣлами,—управляли тогда, когда, по извѣстнымъ намъ причинамъ, лишились отечества, которое при нихъ ограничивалось только тремя, оставшимися отъ прежней имперіи городами, то есть Никееinto, Бруссою и Филадельфіею. При тѣхъ державныхъ происходило много событій великихъ; но надобно взять на себя не мало трудовъ, чтобы описать ихъ,—тѣмъ болѣе, что мы и незнаемъ до точности, что тогда дѣлалось и по какимъ причинамъ совершалось каждое дѣло. Къ томужъ были уже другіе, которымъ приходилось говорить о тѣхъ событіяхъ, и они приступали къ описанію каждаго случая, не обольщаясь, думаю, слѣпою увѣренностію въ самихъ себѣ, но обстоятельно зная дѣло, такъ какъ при событіяхъ были сами (1), слѣдили за ними до конца и, пока еще время не грозило имъ забвеніемъ, брали ихъ съ самаго опыта и записывали въ книги. Этимъ-то способомъ Эрмій противодѣйствовалъ Летѣ, (2) или, лучше, предотвращалъ

(1) Нельзя думать, что Пахимеръ указываетъ здѣсь на историческія записки Георгія Акрополита Логоѳета и Никифора Григоры; потому что Григора писалъ уже послѣ Пахимера, а Акрополитъ, хотя былъ и старше послѣдняго, однакожъ на столько молодъ, что не могъ быть самовидцемъ событій, происходившихъ при Ѳеодорѣ Ласкари первомъ, но изложилъ ихъ по слухамъ и памятникамъ. Вѣроятнѣе, что указаніе Пахимера относится къ Никитѣ Хоніату, который писалъ о взятіи Константинополя Латинянами, и къ другимъ неизвѣстнымъ историкамъ того времени.

(2) Пахимеръ дѣлаетъ здѣсь принаровленіе къ войнѣ боговъ у Оми-

ея нашествіе. Итакъ дѣла тогдашнихъ временъ надобно оставить, какъ недостижимыя и къ нашей цѣли не относящіяся. О томъ лишь должны мы сказать,—и, можетъ быть, слово наше будетъ не лишнее,—что нѣкоторые одно и тоже почитаютъ причиною какъ тогдашняго спокойствія и состоянія дѣлъ, такъ и нынѣшней превратности и запутанности ихъ, только эта причина не одинаково дѣйствуетъ: будучи присущею и производя вліяніе, какое слѣдуетъ, она раждаетъ спокойствіе, а находясь въ отсутствіи и пренебрѣгаемая, чему быть неслѣдовало, она стала причиною настоящихъ запутанностей.

3. Тѣмъ угрожали непріятели съ двухъ сторонъ: съ востока—Персы, съ запада—Италіанцы, которые занимали мѣста не только приморскія, но и находившіяся въ предѣлахъ имперіи. Тѣми и другими Римляне стѣснены были такъ, что и вздохнуть свободно не могли. Иногда пользовались они помощію Италіанцевъ и нападали на Персовъ; а иногда, для защиты себя, призывали Скиѳовъ, и съ ними, въ то время только что появившимися, прогоняли Италіанцевъ. Цѣлію ихъ было—среду свою обезопасить крѣпостями; а мѣста приморскія не инымъ чѣмъ ограждались у нихъ, какъ моремъ; ибо такъ какъ море и

ра (Iliad v), гдѣ между прочими вооружаются другъ противъ друга Меркурій—Богъ исторической рѣчи, и Лета—богиня забвенія: первый стоялъ за Грековъ, послѣдняя—за Троянъ; и тогда какъ эта старалась изгладить скрижали исторіи забвеніемъ, тотъ возобновлялъ историческія сказанія и спасалъ ихъ отъ забвенія.

приморскіе посты находились во власти Италіанцевъ, то не безопасно было воздвигать тамъ крѣпости. Со стороны же востока ограждали ихъ стремнины и непроходимыя горы, если были во время занимаемы. Не имѣя силъ сражаться вмѣстѣ съ тѣми и другими непріятелями, Римляне на Востокѣ долго были подъ защитою горъ, которыя ручались имъ за безопасность и необращали на себя вниманія Персовъ, а потому построеніе тамъ крѣпостей время отъ времени отлагалось. Со стороны же моря могли они не прежде пользоваться крѣпостями, какъ по изгнаніи Италіанцевъ. Поэтому они чаще вступали въ союзъ съ Персами и, платя имъ ежегодную дань, которая была не маловажна, прекращали съ ними брань миромъ, чтобы можно было со всѣми силами обратиться противъ Италіанцевъ. Предпринимая величайшіе труды и упорныя войны, они дѣйствительно изгоняли этихъ своихъ враговъ и, потомъ, на своихъ корабляхъ переплывъ море, обезопашивали живущихъ тамъ Римлянъ. А наконецъ, заставивъ Персовъ волею или неволею возвратиться во свояси, вступали въ горы, созывали отвсюду множество жителей, отличавшихся силою, и обезопасивъ ихъ крѣпкими стѣнами и неодолимыми оградами, ввѣряли имъ охраненіе Римскихъ предѣловъ.

4. Впрочемъ эти горные жители, какъ могшіе затѣять возмущеніе, если бы какимъ нибудь образомъ напали на нихъ непріятели, и ничѣмъ не обезпеченные для сохраненія вѣрности, когда бы борьба, при случаѣ, оказалась

выше ихъ силъ, не оставались безъ всякаго о нихъ попеченія: всѣ они избавлены были отъ податей, знатнѣйшіе изъ нихъ получали пенсіоны, а тѣмъ, которые могли питать дерзкіе замыслы, даваемы были царскія грамоты. Съ теченіемъ времени они разжились, и богатство текло къ нимъ рѣкою. Но чѣмъ обильнѣе были средства ихъ жизни, тѣмъ смѣлѣе выступали они противъ непріятелей и чрезъ то собирали огромную добычу. Занятіе ихъ было — дѣлать засады по ночамъ и каждый день убивать и грабить враговъ. А отсюда происходило то, что слѣдуя за убѣгающими противниками, они вторгались внутрь ихъ страны, отнимали у нихъ все, что составляло ихъ надежду, и насильно перевозя это домой, пользовались добычею по своему произволу. Между тѣмъ военачальники спокойно оставаясь, сколько возможно, назади, давали войскамъ другое направленіе и, насиліями возбуждая войну тамъ, гдѣ она не возникла бы, заставляли другихъ людей, по однимъ подозрѣніямъ, терпѣть бѣдствія прежде, чѣмъ они ожидали ихъ, и съ такой стороны, откуда не могли ожидать. Все это было слѣдствіемъ благоденствія горныхъ укрѣпленій, поселенцы которыхъ, хотя бы и не представлялось никакой надобности, или хотя бы со стороны противниковъ и задумывалось что нибудь враждебное, во всякомъ случаѣ обезпечивались находившимся вблизи правительствомъ, которое готово было противостать враждебной силѣ. И вотъ первые результаты тогдашняго состоянія дѣлъ: крѣпост-

ные жители не только упомянутою выше свободою отъ податей и доходами, но и ежедневными выраженіями царской дружбы до крайности возгордились и обращали вниманіе только на то, что носило на себѣ признакъ богатства; поэтому съ одной стороны тѣмъ ревностнѣе охраняли его, съ другой тѣмъ смѣлѣе врывались въ непріятельскую землю и противустояли врагамъ, когда они имѣли возможность сдѣлать зло нашему отечеству.

5. Но съ того времени, какъ Константинополь взятъ былъ Римлянами и понадобилось ему возвратить своихъ дѣтей въ отечество, — прежде всего произошло то, что лица, которымъ ввѣрена была власть надъ войсками, должны были, по далекому разстоянію столицы, ослабить защиту пограничныхъ крѣпостей; а затѣмъ слѣдовало и другое, что крѣпостные жители не могли уже получать пенсіоновъ. Они и тогда конечно были не менѣе мужественны, какъ и въ другое время; но интересъ войны для нихъ состоялъ въ богатствѣ. Впослѣдствіи, когда имперія начала упадать, нѣкто Ходинъ, пользовавшійся великою довѣренностію царя по причинамъ, о которыхъ теперь пока не говорится, (ибо съ того-то обстоятельства наша исторія и получитъ надлежащій свой ходъ) счелъ полезнымъ предложить царю (а царемъ былъ тогда Михаилъ Палеологъ) одинъ совѣтъ, который, какъ послѣ открылось на дѣлѣ, былъ весьма вреденъ, хотя совѣтователь за то тотчасъ же возведенъ въ достоинство Эпарха. Думая, что

онъ говоритъ дѣйствительно нѣчто полезное, державный посылаетъ его осуществить то, что онъ совѣтовалъ. Скоро прибывъ въ тѣ мѣста (ибо кто самъ началъ дѣло, тому никакъ нельзя было медлить поѣздкою) и нашедши тамошнихъ гражданъ чрезвычайно богатыми, обладавшими множествомъ рогатаго скота и овецъ, онъ дѣлаетъ перепись ихъ имущества, и потомъ формируетъ войско на ихъ счетъ, назначивъ каждому воину жалованья сорокъ монетъ, а большую часть, какая за тѣмъ останется отъ наложенной теперь на тѣ мѣста подати, (что составляло сумму не малую,) приказываетъ внести въ царскую казну. Когда это было сдѣлано, — въ жителяхъ, потерпѣвшихъ то, чего они никогда не ожидали, исчезла ревность къ воинскимъ подвигамъ и ослабѣла энергія.

6. Послѣ сего, кто изъ Персовъ былъ отважнѣе и привыкъ проводить жизнь съ мечемъ въ рукахъ; тотъ, не слѣдуя за прочими, подчинившимися Тахарцамъ, которые теперь господствовали надъ Персіею, признавалъ дѣломъ болѣе полезнымъ, не возмущаясь противъ своего правительства, бѣжать къ горнымъ крѣпостямъ и, нападая на окрестности ихъ, жить по разбоничьи. Такая жизнь къ немногимъ грабителямъ собрала весьма многихъ, и собравшіеся, ставъ сильными, часто нападали на нашихъ ослабѣвшихъ и, понемногу пользуясь ихъ безсиліемъ, принуждали ихъ къ уступкамъ. Ежедневно выходя противъ враговъ изъ крѣпостей, наши и вовсе оставили бы крѣпости (ибо собственности

у нихъ никакой не было), если бы долгъ коекакъ противустоять непріятелю не обязывалъ ихъ назначеннымъ жалованьемъ. Они и противустояли, и большею частію по собственному расположенію: но иногда противниковъ вторгалось такое множество, что открыто нападая на наше войско, они торжествовали надъ всѣми усиліями его мужества. Такъ было, пока, по обыкновенію, въ опредѣленныя времена выдавалось жалованье. Тогда надлежало только остерегаться отъ вторгающагося зла, а самимъ не выходить, не нападать и не стараться зло обратить на непріятеля, но оставаясь дома, беречь себя, — сражаться, когда враги вносятъ войну въ средину нашей земли, и не сражаться, когда они не хотятъ вступать въ сраженіе. Но какъ скоро державные стали скупиться и въ выдачѣ жалованья, и выдача производилась не только не за каждый день, но и въ меньшемъ противъ прежняго количествѣ, какъ скоро притомъ пріѣзжавшіе по временамъ военачальники значительную часть отнятой у непріятеля добычи стали брать себѣ,—многочисленность Римлянъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ исчезла; потому что одни изъ нихъ сдѣлались жертвою меча, другіе перешли къ непріятелямъ, а иные, такъ какъ, оставаясь на мѣстѣ, нельзя было избѣжать несчастія, переселялись въ другія мѣста и вели жизнь бродяжническую. Когда же некому больше было препятствовать вторженію въ самыя даже крѣпости, противники заняли ихъ, и изъ нихъ могли уже всякой разъ, по желанію, дѣ-

лать набѣги и наносить зло не только жителямъ сосѣднимъ (это разумѣется само собою), но и весьма отдаленнымъ. Чрезъ это не мало обезпокоивали они и римскія войска, которыя всегда должны были удерживать ихъ, оставивъ другія области, требовавшія не меньшей защиты—особенно на западѣ. Притомъ, когда брошены были восточныя крѣпости, пришлось задуматься и войскамъ, состоявшимъ на жалованьѣ; потому что они не знали, слѣдуетъ ли имъ оставаться здѣсь, чтобы защищать восточныя области имперіи, или присоединиться къ вождямъ западнымъ, и обращали свои взоры то на насъ, то на нихъ, непостоянствомъ своего расположенія внушая опасеніе той и другой сторонѣ. Вышедши изъ-подъ власти, они дѣйствительно могли бы, даже въ мирное время, перенести центръ управленія имперіею туда, куда пришли бы съ оружіемъ въ рукахъ. Зная, что дѣлалось на востокѣ, и какъ затруднительнымъ отъ того становилось положеніе имперіи, мы скажемъ теперь, до чего дѣла наши дошли въ послѣдствіи и приведемъ на то причины. Рѣшившись же говорить, начнемъ рѣчь съ того, съ чего лучше начать.

7. Когда послѣ отца самодержавствовалъ Θеодоръ Ласкари,—женившійся на дочери его племянника по брату [1] Михаилъ Палеологъ, укра-

---

[1] Объ этомъ раздѣльнѣе говоритъ Георгій Акрополитъ, личный свидѣтель событія. «Царь (т. е. Іоаннъ, отецъ Θеодора) принялъ Михаила Комнина (надобно разумѣть Палеолога) и женилъ его на внукѣ брата своего Севастократора Исаака Дуки Θеодорѣ, которая у своего отца была одна, тогда какъ сынъ Севастократора Іоаннъ, по смерти

шенный достоинствомъ великаго Коноставла [1] (а съ этимъ достоинствомъ издревле соединено было право имѣть въ своихъ рукахъ все италіанское войско), подозрѣваемъ былъ въ стремленіи къ царской власти; да и всегда видно было, что питая эту задушевную мысль, онъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ затѣетъ возмущеніе. Впрочемъ отцу тогдашняго державнаго далъ онъ присягу въ вѣрности, запечатлѣнную страшными клятвами; къ тому же ограничивало его и опредѣленіе архіерейское, угрожавшее ему проклятіемъ, если онъ вздумаетъ отложиться и вступитъ въ открытую вражду съ лицами царствующими. Въ этомъ состояніи были дѣла, когда принявъ отъ царя власть надъ западными войсками, возъимѣлъ онъ поводъ вступить въ тайныя условія съ правителемъ запада, Михаиломъ Ангеломъ. Условія состояли въ томъ, что Михаилъ Ангелъ долженъ былъ выдать за Палеолога собственную дочь, а Палеологъ обязывался предать Михаилу Ангелу царскую область и, не оставляя службы при царѣ, упрочить за нимъ обладаніе тою страною. Но одинъ слуга донесъ объ этомъ царю и, обвиняя Палеолога, утверждалъ, что самъ допу-

---

своего отца, оставался еще въ младенчествѣ». Слѣдовательно эта Өеодора доводилась племянница царю Өеодору Ласкари.

(1) Достоинство Коноставла дано было Михаилу Палеологу, кажется, по случаю его брака съ Өеодорою, т. е. дано еще Іоанномъ, а не Өеодоромъ, который всегда подозрѣвалъ его въ притязаніи царской власти. Значеніе Констaвла опредѣляется самимъ Пахимеромъ. Въ Италіи и Галліи это — Констабль, comes stabuli при дворѣ великокняжескомъ—конюшій. Подробнѣе см. Hofm. v. constabularios.

щенъ былъ къ участію въ заговорѣ. Тогда Палеолога вдругъ схватили, лишили власти и скованнымъ бросили въ тюрьму. Это обвиненіе не могло не сдѣлаться извѣстнымъ; но неизвѣстно было, правду ли говоритъ обвинитель, какъ онъ утверждалъ, или клевещетъ, какъ утверждалъ Палеологъ, вызывавшійся даже за истину выйти на поединокъ [1],—что въ случаѣ сомнительныхъ доносовъ, по суду царей, издавна было въ обычаѣ. Какъ бы то нибыло, только Михаилъ не могъ избѣжать подозрѣнія и окончательно очиститься отъ обвиненія въ невѣрности, но долго содержался въ оковахъ подъ стражею, и подозрѣніе преслѣдовало его. Ни у кого въ то время не доставало рѣшимости ходатайствовать за него предъ царемъ. Наконецъ тогдашнему патріарху Мануилу пришлось провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Лидіи, гдѣ жилъ и царь. Собираясь выѣхать оттуда и узнавъ, что державный, по сему случаю, желалъ бы сдѣлать іерарху что нибудь пріятное, Мануилъ тотчасъ, оставивъ все другое, сталъ ходатайствовать за узника и просилъ сжалиться надъ нимъ, какъ надъ жертвою клеветы. «Если ты, царь, отпустишь его и не совсѣмъ чистымъ отъ подозрѣнія, говорилъ патріархъ, все же онъ даетъ клятву от-

---

[1] Этотъ обычай—рѣшать спорное дѣло поединкомъ, безъ сомнѣнія заимствованъ былъ куріею восточной имперіи у Латинянъ, во время крестовыхъ походовъ; потому что до того времени на христіанскомъ востокѣ исторія не представляетъ примѣровъ рѣшенія споровъ этимъ способомъ, тогда какъ на западѣ такой обычай еще въ началѣ средневѣковаго періода былъ въ сильномъ ходу, и папы своими буллами стали преслѣдовать его только съ шестнадцатаго столѣтія.

носительно времени будущаго, принимая на себя вмѣстѣ съ тѣмъ опасность подвергнуться наказанію церковному, чѣмъ связанный, не допуститъ въ свое сердце не только самаго дѣла, но и мысли объ отложеніи, и какъ христіанинъ, боясь суда Божія, останется нехитростно вѣрнымъ присягѣ, данной тебѣ и твоему роду». Уваживъ это предстательство, державный показалъ сочувствіе къ осужденному и ручался, что вполнѣ возвратитъ ему душевное свое благорасположеніе, если и онъ впередъ, по обѣщанію іерарха, будетъ твердо хранить данную царю присягу. Потомъ въ бытность свою въ Ахираяхъ, вмѣстѣ со многими архіереями, Мануилъ въ ту самую минуту, когда стоялъ у жертвенника и приготовлялся къ служенію, посылаетъ къ державному одно изъ лицъ, украшенныхъ саномъ священства. Принявъ посланнаго, державный тотчасъ освободилъ узника отъ оковъ и съ удовольствіемъ отпустилъ его къ іерарху вмѣстѣ съ его подручниками. Какъ скоро Михаилъ вошелъ и выслушалъ отъ собора обычныя увѣщанія, тотчасъ, для большаго подтвержденія своей присяги царю, принялъ соборное опредѣленіе о наказаніи; а потомъ, опять возвратившись къ державному, удостоился великаго его благорасположенія. Послѣ того онъ велъ себя осторожно и былъ внимателенъ къ себѣ — съ цѣлію стать выше всякаго подозрѣнія, преимущественно потому, что носилъ высочайшее достоинство, особенно же боялся навлечь на себя

подозрѣніе того, который одною степенью власти стоялъ ниже его.

8. Но царь, бывъ горячь во всѣхъ отношеніяхъ, сильно трогался и унизительнымъ о себѣ мнѣніемъ (ибо владѣвшая имъ мучительная болѣзнь заставляла его вездѣ подозрѣвать что нибудь ужасное). Онъ лишилъ чести Алексѣя Рауля, возведеннаго въ достоинство Протовестіарія (1) и на его мѣсто поставилъ Георгія Музалона, Атрамитянина, выдавъ за него Ѳеодору изъ дома Кантакузиновъ, племянницу Палеолога; потомъ средняго его брата Андроника, сдѣлавъ великимъ Доместикомъ (2), женилъ на Клоистѣ, дочери Рауля; третьяго же брата возвелъ въ санъ Протіеракариса (3). Эти люди нисколько не принадлежали къ благородному сословію, а только занимали и сопровождали Ѳеодора въ его дѣтствѣ. Кромѣ того онъ выкололъ глаза двумъ вельможамъ, изъ которыхъ одинъ былъ сынъ Алексѣя Стратигопула, Константинъ, удостоившійся знаменитаго брачнаго союза (за нимъ была племянница того царя Іоанна), а другой—

(1) Протовестіарій—важное достоинство при дворѣ византійскихъ царей. Онъ, по коренному своему назначенію, начальствовалъ надъ всѣми вестіаріями; а вестіаріи завѣдывали царскими одеждами и присутствовали при торжественныхъ выходахъ царя, какъ prôceres à veste. Внѣшнимъ знакомъ достоинства Протовестіарія была покрытая гвоздеобразными украшеніями шапка или корона — pileum clavatum. Это достоинство было и въ церковной іерархіи. Codin. de offic. l. 3.

(2) О достоинствѣ Доместика см. Вріенн. стр. 6, пр. 1.

(3) Протіеракарисъ—начальникъ надъ ловчими въ ястребиной и соколиной охотѣ царя. Это достоинство при дворѣ византійскихъ императоровъ почиталось весьма важнымъ и коротко сближало ихъ съ особою государя. Acropolit. Histor. c. 61.

Θеодоръ Филесъ. И много подобныхъ дѣлъ совершилъ онъ, смиряя людей, гордившихся своею кровію, и приготовляя себѣ, по его мнѣнію, безопасное шествіе впередъ: такъ какъ болѣзнь не давала ему отдыху; и днемъ и ночью не представлялъ онъ ничего, кромѣ худаго.

9. Тогда какъ Палеологъ, стоя во главѣ Месоθинійскаго ([1]) легіона и даже начальствуя надъ самою дружиною воиновъ изъ знаменитыхъ фамилій ([2]), сильно дѣйствовалъ на Италію,—подходитъ къ нему нѣкто изъ придворныхъ, по имени Котисъ, бывшій съ нимъ въ особенной дружбѣ, и даетъ замѣтить самымъ своимъ видомъ, что ему тяжело говорить о томъ, о чемъ хотѣлъ. «Если ты, сказалъ онъ, не воспользуешься бѣгствомъ, то чрезъ нѣсколько дней испытаешь великую бѣду. Да и мнѣ по той же причинѣ не безопасно здѣсь оставаться, но обо-

---

([1]) Месоθиниты—тоже, что Ализоны, или, какъ у Евстаθія, Гализоны, упоминаемые Омиромъ, Иродотомъ, Стефаномъ и др. Это былъ народъ Европейской Скифіи. У Плинія городъ ихъ называется Гализерномъ и полагается въ Θиніи (1. 5. с. 30 32). Отсюда Месоθинейцы или Месоθиниты, изъ которыхъ въ византійскомъ войскѣ составлялся особый легіонъ. У Страбона Θинійскій городъ называется Гализономъ и помѣщается на лѣвомъ берегу рѣки Эсепы.

([2]) Изъ какихъ воиновъ состояла дружина τῶν ὀπτιμάτων, надъ которою начальствовалъ Палеологъ, у Пахимера определенно не говорится. Можно однакожь думать, что эта когорта состояла изъ охотниковъ, которые принадлежали къ благороднымъ семействамъ и содержались на свой счетъ, чтобы практически изучить военное искуство и потомъ занимать правительственныя мѣста въ войскѣ. Такъ Олимпіодоръ (in excerptis Photianis) называетъ τῶν Ροδογαΐσω Γότθων τοὺς κεφαλῶτας, т. е., воинами изъ знатнѣйшихъ Готθовъ. Эта догадка подтверждается у Пахимера и самымъ мѣстоимѣніемъ ἀυτῶν ὀπτιμάτῶν, какъ бы то есть командованіе ими было почетнѣе, чѣмъ Месоθинитами.

имъ намъ надобно бѣжать въ Персію, если тебѣ жаль своихъ глазъ». Такъ говорилъ онъ, и словомъ дружбы совершенно убѣдилъ Палеолога, который, преслѣдуемый подозрѣніемъ въ домогательствѣ царствованія, и безъ того всегда боялся за самаго себя. Подозрѣніе-то не миновало и дяди его, великаго Хартулларія (1), который назывался тоже Михаиломъ Палеологомъ. Говорятъ, однажды спросили его о царской власти, и онъ простодушно отвѣчалъ: кому Богъ даетъ царствовать, тотъ невиноватъ, если позовутъ его на царство. За это державный возненавидѣлъ его и, представляя, какъ такой человѣкъ можетъ имѣть такія заносчивыя мысли, связалъ его и посадилъ въ тюрьму. Итакъ узнавъ о наступающей бѣдѣ и справедливо пугаясь, какъ бы, оставшись здѣсь, не испытать опасности, Палеологъ почиталъ себя человѣкомъ крайне жалкимъ и рѣшился—хотя на постыдное, однакожъ на спасительное дѣло—бѣжать за границу. Тотчасъ изъ двухъ представившихся ему золъ, онъ, подъ вліяніемъ страха, избираетъ меньшее: стараясь, сколько могъ, долѣе оставаться невидимымъ, беретъ съ собою нѣкоторыхъ домашнихъ, переправляется чрезъ рѣку Сангару, бѣжитъ опрометью прямо въ Персію и приходитъ къ Султану. Султанъ принимаетъ его радушно, съ надлежащими почестями. Тамъ у иностранцевъ, ведя войско подъ царскими знаменами противъ враговъ Султана,

(1) О достоинствѣ Хартулларія см. Киннам. стр. 145 прим. 1.

Палеологъ совершаетъ подвиги мужества, въ надеждѣ смягчить серце царя, если онъ услышитъ о томъ; но наконецъ одумавшись и уже рѣшаясь бѣжать назадъ, приходитъ къ тогдашнему предстоятелю Иконійской церкви и дѣлаетъ его посредникомъ между собою и царемъ, непришлетъ ли ему царь граматы съ увѣреніемъ, что онъ совершенно пересталъ гнѣваться и позволяетъ ему возвратиться въ отечество. Когда іерархъ наскоро написалъ письмо къ державному, выражая свое ходатайство за Палеолога,—державный, прочитавъ его, обнаружилъ сочувствіе и собственноручнымъ отвѣтомъ обезопашивалъ бѣглеца, что отъ царскаго гнѣва не потерпитъ онъ ничего непріязненнаго, если возвратится на родину. И дѣйствительно, смирившійся былъ принятъ великодушно; для возвратившагося отверзты были объятія; сознавшемуся, что его вина непростительна, выражено сочувствіе и возвращены прежнія почести.

10. Вскорѣ за этимъ разнеслась у насъ молва о взятіи на западѣ города Эпидамна ([1]) и о томъ, что его жителямъ нуженъ архіерей, что тамъ требуются и военачальникъ и войско. Поэтому въ санъ архіерея тотчасъ возведенъ былъ Халкутци, который украшался достоинствомъ вели-

---

([1]) Городъ въ Македоніи на восточномъ берегу Адріатическаго моря. Римляне, основавъ тамъ колонію, назвали ее Диррахіею, желая выразить этимъ зловѣщее имя Эпидамна (отъ damnum); потому что съ того пункта переправа въ Италію была весьма опасна. Отсюда становится понятною и аллюзія Плавта (in Menaechmis Act. 2. Sc. 1. v. 42): Ne mihi damnum in Epidamno duis. Hoffmann Lex.

каго Скевофилакса ([1]) великой церкви, а военачальникомъ вмѣстѣ съ нимъ отправленъ туда Палеологъ, которому приказано, по усмотрѣнію, содѣйствовать тамъ и другимъ вождямъ, особенно же архіерею. Быстро проѣхавъ Ѳессалію и уже собираясь переправиться чрезъ рѣку Вардарій, военачальникъ съ своими войсками началъ переправу первый, какъ вдругъ въ этихъ войскахъ встрѣтилъ замѣшательство и расположеніе къ измѣнѣ, которую затѣялъ побочный сынъ Деспота Михаила, Мануилъ ([2]). Явившись тамъ съ значительнымъ войскомъ и завязавъ сраженіе, онъ сошелся съ военачальникомъ и сперва ударомъ копья сбилъ его съ ногъ; но потомъ этотъ всталъ, сѣлъ на коня и нанесъ ему такую рану, какой самъ не получилъ.

11. Тогда правитель Диррахіи, пользуясь этимъ возмущеніемъ, обратился къ Ѳессаловикѣ и, по видимому, усиливался склонить ее на сторону возмутителей; а между тѣмъ распространилась молва, гласившая, что въ Ѳессалонику скоро

([1]) Скевофилаксъ — хранитель церковныхъ сосудовъ, третье лице въ низходящемъ порядкѣ древней церковной іерархіи. Gretz. et Goar. ad Codin. de Offic. Carol. du Fresne.

([2]) Этотъ Мануилъ въ подлинномъ текстѣ называется *ὁ τοῦ δεσπότου Μιχαὴλ ἐκ νοθείας σκότιος παῖς*. Слово *σκότιος* здѣсь не значитъ темный или неизвѣстный; у Грековъ оно, обыкновенно, придавалось къ именамъ дѣтей незаконнорожденныхъ, слѣдовательно это—дитя отъ тайной связи. Такъ и у Омира iliad 3. о Вуколіонѣ.

Βουκολίων δ' ἦν υἱὸς ἀγαυοῦ Λαομέδοντος

Πρεσβύτατος γενεῇ. σκότιον δέ ἑγείνατο μήτηρ.

Впрочемъ о встрѣчѣ Михаила Палеолога съ Мануиломъ Георгій Акрополитъ, почти самовидецъ этого, разсказываетъ нѣсколько иначе и даже Мануила называетъ Ѳеодоромъ.

пріѣдетъ Комитъ царской конюшни, Хадинъ, съ единственною цѣлію взять Палеолога и въ узахъ отправить къ царю. Услышавъ объ этомъ, Палеологъ (который въ то время тоже былъ въ Ѳессалоникѣ) сильно оскорбился и самъ съ собою размышлялъ, что это вздумалось царю, только что отправивъ меня, опять возвращать, и притомъ, отправивъ съ честію, возвращать съ безчестіемъ? Отъ чего это, удостоивъ меня письменно сочувствія и нетолько великодушно забывъ о моихъ поступкахъ, но и ввѣривъ мнѣ важное дѣло военачальника, онъ теперь беретъ свое слово назадъ и осуждаетъ меня какъ бы въ дознанныхъ уже преступленіяхъ? Незная, какъ справиться съ своими мыслями и какой избрать путь, онъ рѣшился прибѣгнуть къ Богу: открылъ свою душу Диррахійскому предстоятелю и просилъ помолиться о немъ предъ Божественнымъ престоломъ. Такъ какъ предметомъ прошенія было дѣло богоугодное, то въ Акатонійской обители тотчасъ послѣ вечерни начали пѣть молебенъ, а на завтра архіерей положилъ совершить тайноводственное священнослуженіе. Когда наступилъ день и надлежало прочитать такъ называемые часы, архіерей предъ литургіею, предписавъ молчаніе клиру, сталъ самъ наединѣ бесѣдовать съ Богомъ и въ глубокой тишинѣ своей души возносилъ обычныя преджертвосовершительныя молитвы. Во время этого-то молитвословія слышалъ онъ, говорятъ, голосъ, повторившійся три раза — не вдругъ, а съ нѣкоторыми промежутками. И этотъ голосъ

произносимъ былъ не на обыкновенномъ нарѣчіи, даже не только не по эллински, но и не на какомъ иномъ языкѣ. Говорилось — μαρπου, — и больше ничего. Удивившись этому, архіерей тотчасъ пошелъ къ Ѳессалоникскому предстоятелю (то былъ Дисипатъ Мануилъ) и объявилъ ему, какъ онъ со псалмопѣніемъ стоялъ предъ Богомъ и какъ, занятый тою мыслію, о которой было сказано, нечаянно услышалъ голосъ. Долго разсматривалъ это выраженіе Дисипатъ и, мысленно находя въ немъ нѣчто сходное съ древнимъ Βεκλας (1), вникалъ отдѣльно въ каждую букву этого слова и наконецъ ясно сказалъ, что оно обѣщаетъ Палеологу римское царство; ибо имъ объявляется, говорилъ, слѣдующее: Μηχαὴλ Ἄναξ Ρωμαίων Παλαιολόγος Ὀξέως Ὑμνηθήσεται. Нѣкоторые же утверждаютъ, что и Диррахійскій епископъ не слышалъ этого выраженія, и Ѳессалоникскій не пророчествовалъ, но что послѣдній изъ нихъ былъ гадатель и занимался такими книгами, которыя тому или другому лицу назначаютъ царствованіе. И такъ, желая дать знать Палеологу, что онъ получитъ престолъ, и надѣясь тѣмъ облегчить его скорбь, угрожавшую самой его жизни, онъ однакожъ видѣлъ, что книгамъ этотъ человѣкъ не повѣритъ (ибо въ дѣлахъ неизвѣстныхъ онъ не крѣпко держался

---

(1) Это слово было слышано Патріархомъ Фотіемъ и истолковано, какъ акростихъ, предсказывавшій царствованіе Василію, супругѣ его Евдокіи и четыремъ его сыновьямъ: Константину, Льву, Александру и Стефану. Объ этомъ подробно разсказываютъ Никита, въ жизни Патріарха св. Игнатія, и Константинъ Манасса.

книгъ). По этому, боясь, какъ бы Палеологъ во все не потерялъ вѣры, говорилъ, что приговоръ о его царствованіи выслушанъ отъ самаго Бога, и для того снесшись съ епископомъ Диррахійскимъ, подучилъ его сказать, будто слышалъ онъ голосъ, а самъ взялся выдуманное имъ слово истолковать такъ, какъ ему хотѣлось. Увѣривъ въ этомъ Палеолога, означенные епископы восторгли его доброю надеждою, а себѣ, еслибы вышло иначе, оставили основаніе къ извиненію въ томъ, что истолкованіе ихъ было ошибочно и что смыслъ того выраженія оказался не тотъ, какой они въ немъ находили. Между тѣмъ Комитъ царской конюшни, упомянутый Хадинъ находился уже въ дорогѣ и, несясь съ быстротою птицы, скоро прибылъ въ Өессалонику. Тогда народная молва оправдалась самымъ дѣломъ: Палеологъ былъ взятъ подъ стражу. Впрочемъ Хадинъ не сковывалъ его ногъ—потому ли, что такъ было ему приказано, или можетъ быть потому, что уважалъ его благородство, либо даже стыдился дружескихъ своихъ къ нему отношеній; ибо побужденій гнѣва нельзя согласить въ мысли съ выраженною имъ добротою. Сохранивъ такимъ образомъ его честь въ возможной безопасности, чтобы со стороны городской толпы не приразилось къ нему поношеніе, онъ выѣхалъ съ нимъ ночью. Когда же городъ оставался уже далеко на зади, Хадинъ объявилъ Палеологу о царскомъ повелѣніи и о томъ, что, уважая личное его достоинство, онъ хотя до настоящей минуты и пренебрегъ это

повелѣніе, однакожъ простирать свою дерзость далѣе не хочетъ; потому что это было бы бѣдственно для нихъ обоихъ. Палеологъ за такое снисхожденіе, выразилъ ему величайшую благодарность и былъ готовъ выполнить царское опредѣленіе со всею точностію. Вслѣдъ за этимъ онъ возложилъ на себя оковы, такъ что сидѣть на лошади ему надлежало уже, спустивъ обѣ ноги на одну сторону, и въ такомъ положеніи продолжалъ свой путь. Когда они ѣхали, случилось, говорятъ, одно доброе предзнаменованіе, которое какъ бы предвѣщало то, чему вскорѣ надлежало исполниться. Вотъ въ чемъ состояло оно. Впродолженіе ѣзды, одинъ изъ нихъ представлялъ будущее и естественно скорбѣлъ, а другой, сколько могъ, облегчалъ его скорбь и старался возбудить въ немъ благодушіе. Наконецъ первый, наскорбѣвшись до изнеможенія, попросилъ другаго пѣть и начать пѣсню, какая придетъ ему въ голову (видно, былъ онъ искусенъ въ пѣніи и имѣлъ способность); отъ этого, сказалъ, можетъ быть будетъ легче на сердцѣ. Тогда Хадину вдругъ пришлось запѣть; «νῦν προφητικὴ πρόρρησις πληρωθῆναι ἐπείγεται» (теперь наступаетъ время исполненія пророческаго предсказанія),—и запѣлъ онъ не тихо какъ нибудь и безъ участія, а съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ и изо всей силы. Эта пѣсня дѣйствительно привела узника въ состояніе воодушевленія и дала ему почувствовать удовольствіе — по наружности, какъ будто своею мелодичностью, а на самомъ дѣлѣ своимъ содержаніемъ, тогда какъ

пѣвецъ и не думалъ, что въ настоящую минуту онъ для узника является добрымъ провѣщателемъ. Когда чрезъ нѣсколько дней потомъ окончили они свой путь и спѣшили къ царю, посланный немедленно является предъ лице державнаго и доноситъ ему о прибытіи Палеолога; но Палеологъ не былъ принятъ имъ ни на минуту и, какъ осужденный, отведенъ въ темницу. Его дѣло положено было подвергнуть большему изслѣдованію, чѣмъ какъ дотолѣ оно было изслѣдовано; но это—тогда, когда державный будетъ пользоваться лучшимъ здоровьемъ. Между тѣмъ, не смотря на признанныя пророчества о его царствованіи, время, по болѣзни самодержца, уходило, и онъ все еще содержался въ темницѣ. Рѣшительныхъ обвиненій противъ него царь не имѣлъ; въ вину узнику вмѣнялось только возбуждаемое имъ подозрѣніе и то, что многіе приходили въ недоумѣніе, вѣря опредѣленіямъ рока. Тутъ самое предсказаніе становилось уже виновнымъ. Оно было....но, что бы описываемыя событія понять яснѣе, возведемъ свое повѣствованіе выше.

12. Державный впалъ въ болѣзнь и—въ болѣзнь тяжкую; такъ что, схватываемый ею, часто падалъ на полъ. Это было, по видимому, физическое сжатіе сердца; отъ чего, думаю, и на лицо его выступала непомѣрная краснота: сердце не вмѣщало въ себѣ разгоряченной крови; что за ставляло ее обращаться, куда было можно, и даже нерѣдко сообщать недобрыя представленія мозгу, а потому и самой мысли. Ка-

сательно способовъ мышленія, можетъ быть, вздумаетъ иной сносить спорныя мнѣнія философовъ: но источникъ мыслей есть сердце, по крайней мѣрѣ, когда онѣ возводятся къ мозгу, и смотря потому, соразмѣренъ онъ или не соразмѣренъ, таково бываетъ и возводимое. Такъ-то и теперь, едва схватывала царя болѣзнь, — страдалецъ начиналъ испытывать какъ бы вліяніе демонскихъ чаръ. Народъ, вѣрившій этому, безумно винилъ во всемъ Музалоновъ, которые тогда, противъ ожиданія, достигли высшихъ почестей. А больному казался подозрительнымъ всякій, кого обвиняли въ чародѣйствѣ. По этому многіе въ то время, люди важные, лишь только кто хрюкнулъ на нихъ обвиненіемъ, забираемы были подъ стражу и, кому хотѣлось отмстить другому за себя или за ближняго, тому стоило только обвинить его въ чародѣйствѣ, и онъ подвергался наказанію. Когда же доносъ поступалъ къ царю, тотчасъ (такъ какъ, слыша что нибудь, онъ не молчалъ) царь съ такимъ безпокойствомъ приказывалъ изслѣдовать дѣло, какъ будтобы оно касалось не другаго, а его самаго. При этомъ подсудимый могъ быть оправданъ не судейскими мнѣніями, не представленіемъ свидѣтелей, не принесеніемъ клятвъ, не разсмотрѣніемъ прежней его жизни, — нѣтъ, все это обличалось во лжи. Подсудимаго спасало только одно, — если онъ рѣшался взять рукою кусокъ раскаленнаго желѣза изъ горящаго огня, (1) который назывался священнымъ, къ чему

(1) Обычай доказывать истину, или опровергать ложь, держаніемъ въ

требовалось трехдневное приготовленіе. Рѣшившійся на это долженъ былъ сперва провести три дня въ постѣ и молитвѣ, а рука его на то время покрывалась сѣткою и обвязывалась полотенцемъ, запечатаннымъ печатью, чтобы кто нибудь не вздумалъ намазать ее мастью, уничтожающею дѣйствіе огня. И пишущій это, приходя тогда уже въ совершеннолѣтіе ([1]), самъ видѣлъ такое диво, что нѣкоторые, подвергшись сему испытанію, выдерживали его невредимо. Въ тѣ времена державный опредѣлялъ жениться на дѣвицахъ благороднаго происхожденія и такимъ людямъ, которые сами происходили иногда отъ сѣмени неблагороднаго; надлежало только, чтобы царь почтилъ ихъ благородствомъ, удостоилъ почестей и, вмѣсто награды, устроилъ брачный союзъ обоихъ лицъ, дабы мужчины

рукѣ раскаленнаго желѣза, перешелъ въ общество христіанское изъ язычества, которое къ этой безчеловѣчной и безумной мѣрѣ прибѣгало еще въ глубокой древности. Софоклъ указываетъ на существованіе его даже тогда, когда въ Ѳивахъ царствовалъ Эдиппъ. (въ Антигонѣ). Акрополитъ разсказываетъ (Hist. c. 50. p. 53. ed. Reg.), что филадельфійскій митрополитъ Фока, по приказанію царя, Іоанна Ватацы, который подозрѣвалъ Михаилла Палеолога въ измѣнѣ, предлагалъ Палеологу очиститься раскаленнымъ железомъ. Но Палеологъ на это предложеніе отвѣчалъ такъ: «я человѣкъ грѣшный и творить чудесъ не могу. Но если сдѣлать это совѣтуешь мнѣ ты, митрополитъ, человѣкъ Божій; то облачись во всѣ священныя одежды, въ какихъ, обыкновенно, приступаешь къ святому престолу и предстоишь Богу, потомъ собственными своими руками раскали желѣзо и тѣмиже святыми руками вложи его въ мои руки.

([1]) Пахимеръ прибылъ въ Константинополь тотчасъ по отнятіи его у Латинянъ, то есть, въ 1261 году; въ это время ему было 19 лѣтъ. Но очищеніе раскаленнымъ желѣзомъ предписывалось въ Никеѣ при Ѳеодорѣ, четырьмя или пятью годами раньше; слѣдовательно ему было тогда 14 или 15 лѣтъ отъ роду.

справедливо гордились своими, какъ говорятъ Римляне, матронами, а эти принимали участіе въ достоинствахъ своихъ мужей. Такъ приказалъ онъ между прочими одному придворному, по имени Валанидіону, который еще при жизни прежняго царя былъ въ числѣ пажей нынѣшняго державнаго, вступить въ бракъ съ племянницею Палеолога Ѳеодорою, дочерью Маріи или Марѳы, которая родила ее Тарханіоту, великому Доместику. Слово царя было для нихъ твердымъ ручательствомъ, и потому, когда обѣ стороны согласились на бракъ, женихъ сталъ свободно ходить въ домъ невѣсты. Оставалось уже не много времени до сватьбы, какъ вдругъ, неизвѣстно по какому побужденію, державный, поставивъ свою власть выше справедливости, повелѣваетъ выдать упомянутую дѣвицу благороднаго происхожденія за сына Каваллаpieвa Василія, тоже изъ благородныхъ. Этотъ съ радостію принимаетъ такой даръ, какъ благодѣяніе, и требуетъ брака. Но второй женихъ не нравился женщинамъ, которыя держались перваго выбора и считали безчестнымъ отвергнуть его. Не смотря однакожъ на то, вскорѣ, по назначенію державнаго, онѣ, волею - неволею, должны были выполнить приказаніе, и сватьба торжественно отпразднована. Но молодой на первыхъ дняхъ не имѣлъ съ своею женою дѣла, свойственнаго мужчинамъ. Когда же спросилъ царь, отъ чего это такъ,—онъ сперва отвѣчалъ обоюдно, не желая открыть настоящую причину, а потомъ, испытываемый настоятельнѣе, сказалъ

что препятствуетъ чародѣйство. Тутъ вдругъ возбудилось въ державномъ подозрѣніе относительно самаго себя, и овладѣлъ имъ сильный гнѣвъ; онъ требовалъ, чтобы чародѣй былъ сейчасъ же открытъ. И вотъ берутъ мякинный мѣшокъ и кладутъ въ него вмѣстѣ съ кошками обнаженную благородную старуху; потомъ начинаютъ извнѣ колоть кошекъ шиповникомъ, отчего они вонзаются своими когтями въ страдалицу, и эта бѣдная принуждена была не хотя высказать свое признаніе. Впрочемъ отъ ней нельзя было услышать болѣе того, что она не знаетъ за собою никакого дѣла и что, можетъ быть, ея дочь ненавидитъ новаго жениха, по любви къ прежнему. Послѣ того царь не хотѣлъ долѣе мучить ее—либо изъ подозрѣнія и въ той мысли, какъ бы она, привыкши чародѣйствовать и подражая воспитанному ею и любимому брату, не дерзнула, подобно ему, примѣнить свое искуство и къ державному, либо изъ опасенія, какъ бы, услышавъ объ этомъ, Палеологъ, въ чувствѣ братскаго негодованія, не наклонился къ возмущенію. По этому-то, онъ и послалъ лишить Палеолога должности военачальника и привести его въ оковахъ—снаружи смотрѣть,—такъ для того, чтобы онъ оправдался по поводу обвиненія его въ чародѣйствѣ, а на самомъ дѣлѣ, причиною такого поступка была боязнь, какъ бы слухъ о страданіи сестры не подвигъ его къ отложенію.—Это видно было и изъ того, что царь вскорѣ нетолько опять вывелъ его изъ темницы и выразилъ ему сочувствіе, но и по причинѣ

болѣзни, опасаясь за себя и за свои дѣла, ввѣрилъ ему попеченіе о своей семьѣ, напоминая вмѣстѣ съ тѣмъ о своей къ нему милости, что тогда какъ онъ своими поступками заслуживалъ наказаніе, ради любви царя не сдѣлано ему ничего непріятнаго.

13. Въ томъ же году къ осени державный умеръ, оставивъ четырехъ дѣтей: трехъ дѣвочекъ и девятилѣтняго мальчика, соименнаго дѣду Іоанну. Старшія же изъ его дочерей были уже выданы за мужъ,—одна за правителя Болгаріи Константина Тиха, а другая за Никифора, сына западнаго Деспота Михаила. Смерть царя совершилась не безъ знаменія: въ шестой день, до третьяго часа затмилось солнце ([1]), отъ чего густой мракъ скрылъ все, и на небѣ видимы были звѣзды. Такъ восхищенъ былъ отъ земли прежде времени мужъ царственно рожденный и образованный. По глубокомыслію и благоразумію въ словѣ и дѣлѣ, по твердости и непреложности мыслей, онъ конечно не равнялся съ отцемъ; за то отличался во всемъ быстротою, великодушіемъ и воинственностію подобно дѣду, а отъ матери заимствовалъ щедродательность, такъ что подданнымъ раздавалъ деньги обѣими руками и, раздавъ ихъ, не скорбѣлъ, а радовался; чрезвычайно также любилъ науки и благодѣтельствовалъ всѣмъ ученымъ, да не меньше и самъ занимался ученостію, особенно же развилъ

([1]) По вычисленію Рудольфа, примѣнительно къ Никейскому меридіану, дѣйствительно на это время, т. е. на 30 декабря 1255 года, падаетъ полное солнечное затмѣніе. (См. прибавл. въ концѣ книги).

въ себѣ искуствомъ прекрасную способность писать, такъ что, еслибы постарался, могъ бы краснорѣчиво излагать свои мысли о многомъ. Надлежало ли (умолчу о многомъ другомъ) торжественно совершить наступающую память святаго:—онъ ничего не дѣлалъ при этомъ, кромѣ того, что откладывалъ въ сторону дѣла и, тогда какъ одинъ изъ клириковъ внятно читалъ положенное предъ утренею шестопсалміе, самъ совершалъ наилучшее служеніе празднуемому святому,—оказывалъ безчисленныя благотворенія не только пѣвцамъ, но и слушавшимъ пѣніе,—изъ придворной ли стражи былъ кто тутъ, или изъ оруженосцевъ и царскихъ тѣлохранителей, при дворѣ ли служилъ кто, или пришелъ со стороны. Милость царя неисчерпаемо лилась на всѣхъ, особенно же на воиновъ и людей, занимавшихся науками. Не было ни дня ни ночи, ни времени скорби, ни часа радости, ни восхода солнечнаго ни запада, когда видѣли бы или слышали, что царь не благодѣтельствуетъ, или самъ лично настроенный къ тому, или настроивъ другихъ. Бывъ такимъ, онъ для своихъ сановниковъ казался однакожъ властелиномъ тяжелымъ, потому что назначалъ людямъ должности и удостоивалъ ихъ надлежащихъ почестей, смотря не на благородство происхожденія и родственныя связи съ царскимъ домомъ, а на отличныя качества. Кто былъ съ нимъ въ родствѣ и одной крови, тому, по мнѣнію заря, уже очень довольно было и этого преимущества. А такой взглядъ правителя, если судить правильно, долженъ былъ

вызывать подданныхъ къ доблести и отличіямъ; потому что раздавать царскія награды правитель положилъ не за безпечность, а за подвиги, за готовность служить ему и возбуждать къ службѣ другихъ. Внушалъ онъ впрочемъ и страхъ, показывая готовность какъ облагодѣтельствовать ревностнаго дѣятеля, такъ и наказать того, кто поступаетъ незаконно; ибо не малое зло совершаетъ вельможа, когда дѣйствуетъ вопреки долгу: онъ походитъ тогда на евнуха, который, чрезъ отнятіе одного члена, производитъ много вреда во всемъ тѣлѣ,—все разъединяетъ и извращаетъ; напротивъ, когда онъ исполняетъ долгъ, его можно уподобить средоточію, отъ котораго зависитъ безопасность всей окружности, пока оно пребываетъ въ своей области. И какъ бы, казалось, не управить надлежащимъ образомъ имперіею тому, кто росъ подъ руководствомъ такого отца, не называясь еще царемъ, бывъ у него единственнымъ сыномъ и получая основательное образованіе во всѣхъ отношеніяхъ?

14. Этотъ сынъ однажды выѣхалъ на охоту въ вышитой золотомъ одеждѣ и на возвратномъ пути случайно встрѣтился съ отцемъ. Когда тотъ сдѣлалъ поклонъ,—этотъ притворился, будто и не видитъ его; а когда первый подошелъ,—послѣдній не обратилъ на него и вниманія. Это показалось сыну конечно знакомъ родительскаго гнѣва, что было и справедливо. Скорбя и думая, въ чемъ бы могла состоять его вина, онъ подошелъ къ отцу и смѣло спросилъ его на единѣ.

Отецъ своимъ взглядомъ выразилъ, что вина его еще не забыта, и сталъ порицать неблаговременность богатой его одежды. «Что сознаешь ты въ своемъ поступкѣ хорошаго для Римлянъ, сказалъ онъ, расточая ихъ достоянiе для развлеченiй, ни сколько имъ ненужныхъ? Развѣ не знаешь, что эти золотошвейныя сирскiя ткани вытканы изъ римской крови и что ихъ надобно употреблять только тогда, когда чрезъ то хочешь оказать пользу Римлянамъ? Но ты спросишь: когда же употребляются они въ ихъ пользу? Тогда, когда представляются намъ иностранные послы: въ этомъ случаѣ, величаясь одеждами, мы даемъ знать иностраннымъ дворамъ о богатствѣ Римлянъ. Вѣдь богатство царя почитается богатствомъ его подданныхъ, и употребленiе его не для этой цѣли, а для порабощенiя себѣ другихъ своихъ соотечественниковъ, достойно клятвеннаго отрицанiя. Ты не размышляешь, сколько дѣлаешь вреда, употребляя свою одежду по пусту». Такiя-то правила выслушивалъ тотъ, кто воспитываемъ былъ для царскаго престола!

15. Какъ скоро умеръ Θеодоръ, тотчасъ объявлено было, что отецъ юнаго царя, при вступленiи въ монашество, попеченiе о своемъ сынѣ ввѣрилъ Протовестiарiю Музалону. Этому князю Iоанну, какъ еще дитяти, которое, по малолѣтству, не могло безопасно управлять самимъ собою, конечно нужно было стороннее охраненiе, чтобы, по непредусмотрительности, не потерпѣть чего нибудь, особенно когда было много злоумышленниковъ, которые и при маломъ

движенiи, могли бы произвесть дѣло великое. Поэтому положено перевесть его въ Магнезiйскую крѣпость Ермосъ, и составить при немъ большую свиту надзирателей. Между тѣмъ вельможи, то занимавшiе еще почетныя мѣста, то разсѣянные по разнымъ областямъ и жившiе безъ надзора, выказывали изъ за угла свою гордость: на дѣлѣ они были либералы, а говорить не осмѣливались (потому что правили имперiею Музалоны); втайнѣ строили замыслы, а притворялись вѣрными слугами царя-отрока. Помня то, что потерпѣли отъ отца, они кусали свои губы и, набивъ себѣ оскомину предложеннымъ отъ него кислымъ виноградомъ, или выпивъ поднесенную имъ чашу желчи, больными зубами скрежетали теперь на сына. Питая такое чувство негодованiя то противъ попечителя и дитяти, то противъ приставленныхъ къ нему лицъ, отъ которыхъ прежде тоже терпѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ зная, что ихъ ненависть не можетъ быть умиротворена местiю людямъ, несправедливо, по ихъ мнѣнiю, получившимъ такiя почести, они, какъ ни мучились этимъ, а должны были бояться ихъ. Тогда первый изъ Музалоновъ, почтенный достоинствомъ Протовестiарiя, видя, что зависть въ имперiи сильна и ползетъ многими путями, что на многихъ падаетъ подозрѣнiе въ домогательствѣ царской власти, и предусматривая въ этомъ великую опасность, призналъ долгомъ благоразумiя испытать духъ войска и вмѣстѣ дознать расположенiе къ себѣ вельможъ. Для этого напередъ ста-

рался онъ словами и дѣлами заявить знаки своего подданства и служенія малолѣтнему властелину, а потомъ созвалъ весь сенатъ, всѣхъ членовъ царскаго дома, всѣхъ правителей и лицъ, командовавшихъ войскомъ; пригласилъ также и братьевъ царскаго дѣда Ласкари, который и самъ нѣкогда украшался царскою діадимою и возстановилъ почти совсѣмъ падавшія дѣла Римлянъ; не были забыты и слѣпцы (какъ то Стратигопулъ и Филесъ). Когда же всѣ эти и другіе сановники явились въ собраніе, Музалонъ сталъ на возвышенномъ мѣстѣ, чтобы могли слышать его первые и послѣдніе, и говорилъ слѣдующее.

16. Разсматривать предъ вами, благородные мужи и товарищи, государственное наше дѣло издалека и въ подробностяхъ, думаю, излишне и, повидимому, не благовременно. Теперь настоитъ необходимость обратить вниманіе на то, что у насъ предъ глазами. Рождены мы и воспитаны своимъ отцомъ едва не во дворцѣ, гдѣ между прочими и онъ служилъ царямъ. Потомъ, взятые блаженной памяти царемъ, мы подъ его же руководствомъ, управлявшимъ дѣйствіями нашего отца, получили и образованіе. И всѣ вы можете засвидѣтельствовать, какъ вѣрно старались мы служить ему, какъ, соединяя любовь со страхомъ, исполняли, что ни приказывалъ онъ. Не было въ нашей мысли ничего иного, кромѣ непритворнаго желанія угодить своему государю, хотя наше усердіе, можетъ быть, и не всегда было ему по нраву. Мы знали, что вѣрность, въ соединеніи съ усердіемъ, хотя

и не бываетъ успѣшна, стоитъ однако выше притворной угодливости. А давать намъ почести и достоинства гораздо большія, чѣмъ какихъ мы ожидали отъ своего царя-властелина, зависѣло отъ его воли; ибо что сдѣлали мы столь удивительнаго, за чтобы удостоивать насъ такихъ почестей? Такъ угодно было царю,—и мы украшены достоинствами, но украшены не съ злымъ умысломъ пользоваться обстоятельствами и дѣйствовать къ чьему нибудь вреду. Это знаетъ наша совѣсть; ибо не такъ получена нами честь, чтобы мы не считали дѣломъ постыднымъ направлять ее къ такой цѣли. Человѣка, пользующагося великою силою у правителя, всякій имѣетъ право ненавидѣть, если онъ подставляетъ кому нибудь ногу, чтобы повалить его безъ справедливой причины. Не вертѣлись мы также около правителя съ неблагороднымъ таканьемъ и низкою лестію, чтобы открыть для себя двери его благоволенія, закрывъ ихъ для другихъ: это показываютъ многіе нанесенные намъ отъ него удары, отъ которыхъ мы нерѣдко близки были къ смерти. А какъ любили мы каждаго изъ васъ и цѣнили больше всего пріемъ, какой онъ дѣлалъ вамъ, о томъ скажутъ, думаю, многіе, кому это извѣстно. Если же иногда просьбы наши были безуспѣшны, то это отъ насъ не зависѣло. По всему вѣроятію, многое надобно приписать тяжкой болѣзни, располагавшей правителя къ сильнѣйшей подозрительности, которая, если разсудить справедливо, падала и на людей вовсе невинныхъ. Тяжкая бо-

лѣзнь, поражая мужей великихъ, справедливо посылаетъ бѣдствіе тѣмъ, которые, въ другое время, когда слѣдовало имъ потерпѣть, ничего не потерпѣли, а насъ между тѣмъ вводитъ въ подозрѣніе (не скажу—въ несчастіе). Впрочемъ судія каждаго человѣка есть око Божіе; оно умѣетъ наказывать зло и не побѣждается ложными умствованіями. Такъ и мы свободны отъ нихъ, хотя инымъ приходилось терпѣть и невыносимыя бѣдствія. Воля царя была сильнѣе всякаго препятствія, и сопротивляться ей по необходимости—не безопасно; а прибавьте къ этому еще болѣзнь. Лучше бываетъ царь, когда гнѣвается на худшаго. Это говорится съ цѣлію доказать, что ни тѣ изъ вельможъ, которые старались получить достоинство, ни тѣ, которые подвергались гнѣву царя, не имѣютъ основанія обвинять насъ. Впрочемъ, иные были, можетъ быть, и не безъ грѣха; подозрѣвали ихъ, можетъ быть, и не въ добрѣ; въ отношеніи къ нѣкоторымъ воля царя вѣроятно согласовалась съ раздраженнымъ его состояніемъ. Между тѣмъ другой, не смотря на его доброту, повидимому, не пользовался добрымъ именемъ и былъ презираемъ, чего онъ всего менѣе заслуживалъ: того требовало ихъ время, такъ казалось главѣ имперіи. Но теперь наступила пора отдохновенія: державный сошелъ съ своего поприща; а тотъ, который послѣ него достоинъ царствовать, какъ видите, еще въ отрочествѣ, и потому со стороны вѣрныхъ ему подданныхъ требуетъ великаго о себѣ попеченія и всякой

заботливости; такъ что подданные должны бдительно наблюдать и за внутренними, и за внѣшними его врагами, какъ бы они не сдѣлали ему чего худаго. А отчего хорошо и справедливо требуется теперь служеніе ему болѣе вѣрное, чѣмъ какое требовалось прежде, скажу откровенно. Вопервыхъ, непринужденное выраженіе чувствованій и отсутствіе всякой тайной мысли въ дѣтскомъ возрастѣ юнаго царя относительно поступковъ, совершаемыхъ его подданымии, и сами по себѣ способны привлекать къ нему благорасположеніе, не возбуждая опасенія потерпѣть что нибудь и разсѣявая страхъ въ сердцѣ трусливаго тою увѣренностію, что онъ готовъ будетъ и ему выразить свою любовь. Дѣло обыкновенное, что на службѣ слѣдуютъ побужденіямъ либо страха, либо любви; и мы тоже обязаны служить: но такъ какъ страха теперь нѣтъ, то во всемъ должна руководствовать нами любовь. А въ комъ дѣйствуетъ чистая и нелицемѣрная любовь; тотъ не измѣнить дѣлу, которому служитъ, и не будетъ нерадѣть о немъ. Это-первое; а второй пунктъ относится къ лицамъ, царствующимъ отъ имени государя-отрока. Благодѣяніе подданнымъ, съ его стороны не необходимое, по обстоятельствамъ времени оказывается необходимымъ; и мы не будемъ избѣгать случаевъ благодѣтельствовать, стараясь не о томъ, какъ бы не навлечь на себя неудовольствіе, а напротивъ въ надеждѣ—благодѣяніями заслужить благорасположеніе. Всякій можетъ получить то, чего хочетъ;

всякому готово щедрое благодѣяніе, лишь бы кто признанъ былъ того достойнымъ. Державный, пока онъ—дитя и находится подъ опекою, не долженъ давать свободы своему желанію, которое нерѣдко можетъ выходить за предѣлы приличія, когда овладѣетъ умомъ гордое сознаніе власти: къ попечителямъ же его доступъ всегда открытъ и можно докучать имъ непрестанно. Но если по этому каждый изъ нынѣшнихъ подданныхъ легко можетъ получить, чего проситъ; то какъ не служить царю со всею готовностію? Кромѣ того, тогда (умалчиваю о многомъ другомъ) было опасеніе, какъ бы иной, сдѣлавъ и доброе дѣло, не былъ отвергнутъ, если другіе вздумаютъ возбудить противъ него гнѣвъ царя тѣми способами, которыми обыкновенно овладѣваютъ имъ. Поэтому тогда нельзя было рѣшиться на подвиги великіе, или стараться сдѣлать больше, чѣмъ другіе; ибо не было никого, кто могъ бы сказать или засвидѣтельствовать это предъ царемъ, и усердіе труженика оставалось напраснымъ, его подвиги часто перетолковывались въ худую сторону, и за свое дѣло онъ, вмѣсто благоволенія, получалъ выговоры: напротивъ теперь, когда государственныя дѣла находятся въ рукахъ опекуновъ, весьма удобно заявлять труды каждаго и вознаграждать заслуги людей лучшихъ; слѣдовательно теперь мы должны трудиться, не боясь уже царя, не питая страха, въ ожиданіи результатовъ либо хорошихъ, кому удастся сохранить себя, либо худыхъ, кому не удастся. И это говорилъ я вамъ, моимъ со-

ратникамъ и товарищамъ: теперь же смѣло и съ надлежащею свободою выскажу истину тѣмъ, которые превознесены своимъ родомъ и украшены гражданскими отличіями. Я принялъ опеку надъ царемъ не по собственному произволу и не съ какою нибудь цѣлію или намѣреніемъ, но принялъ, во-первыхъ исполняя письменное повелѣніе державнаго, во вторыхъ... но нехочу говорить объ этомъ. Я соглашусь продолжать службу опекуна только подъ тѣмъ условіемъ, если вы того хотите; а когда опека будетъ учреждена вами самими, — я съ удовольствіемъ займу мѣсто на послѣдней ступени чиновъ государственныхъ. И кто будетъ заботливо, какъ слѣдуетъ, хранить благоденствіе царя, тотъ пріобрѣтетъ право на мою любовь, хотя бы мнѣ пришлось быть и частнымъ человѣкомъ. Я не перестану докучать царю не гнѣваться, если бы даже кому изъ васъ показалось оскорбительнымъ мое достоинство; ибо лучше жить спокойно, служа въ качествѣ простаго воина, чѣмъ быть жертвою страха и подозрѣній, украшаясь достоинствами. Вотъ теперь, по благости Божія промысла, и подданные благоденствуютъ, и войско въ порядкѣ, и непріятели въ мирѣ. Вотъ васъ много, и вы велики—одни кровнымъ родствомъ съ домомъ царя, другіе—блескомъ достоинствъ и всѣмъ, чѣмъ могутъ превозноситься мужи прекрасные и благородные. Такъ при настоящей необходимости, — окружить царя попеченіемъ, изберите годнаго. Я самъ послѣдую за вами и присоединю свой голосъ къ общему мнѣнію.

Вѣдь у насъ главная забота теперь не о собственномъ нашемъ состояніи, а о царѣ. Но кто не захотѣлъ бы, тогда какъ другіе будутъ подавать голоса, тотъ ничего не сдѣлаетъ своимъ нехотѣніемъ; потому что ваше желаніе пересилитъ. Настроенный столь демократически, я никому не даю предпочтенія предъ другимъ. Если, слѣдуя своимъ соображеніямъ, вы захотите, чтобы я оставался при своемъ дѣлѣ, — соглашусь; а когда не захотите,—распрощаюсь со всѣмъ и не пущусь въ изысканіе причинъ моего увольненія, хотя бы слѣдствія его были для меня вредны. И такъ убѣждаю васъ, не скрывать ничего,—сказать мнѣ правду; ибо есть ли причина бояться тому, кто не рѣшался бы подать голосъ по боязни? Вѣдь противорѣчія не будетъ, страха — никакого, если кто выскажетъ свое мнѣніе. Не медлите же, совѣтуйтесь и сноситесь другъ съ другомъ,—что полезнѣе, и какъ скоро кому нибудь придетъ на мысль сказать нѣчто основательное,—пусть будетъ онъ увѣренъ, что его внимательно выслушаютъ, каково бы ни было содержаніе его рѣчи. Говорить оскорбительно для царя, можетъ быть, не безопасно: но рѣчь, съ какою, относятся равные къ равнымъ, допускается; потому что здѣсь нѣтъ большаго, что бы судить о ней. Такъ и по этому теперь нѣтъ никакой опасности говорить всякому, желающему сказать что нибудь, какой бы сторонѣ ни благопріятствовало его слово.

Когда Протовестіарій сказалъ это,—въ собраніи раздались тотчасъ смѣшанные голоса; но

слышнѣе другихъ были тѣ, которыми какъ будто одобрялось распоряженіе умершаго царя; ясно отзывалось также одобреніе державному, съ присоединеніемъ ему многихъ и необычайныхъ похвалъ, какъ сановнику, достойному управлять дѣлами царства. Эти люди конечно больше слѣдовали за временемъ, боясь опасностей, чѣмъ сколько говорили по убѣжденію. А изъ вельможъ утверждали—кто что: по временамъ слышались мнѣнія льстивыя, которыми льстецы превозносили тогдашняго правителя надъ самими собою, за случавшіяся же событія такъ далеки были винить его, что всю вину относили къ одному царю и даже сознавались, что терпѣли не вовсе несправедливо; по крайней мѣрѣ, служа государю, въ рукахъ котораго была ихъ жизнь, они ему только были и подвластны и отъ него одного получили наказаніе. (17) Но Михаилъ Палеологъ, тогдашній великій Коноставлъ,—отъ того ли, что по женѣ былъ дѣйствительно дядя Протовестіарію и, находясь съ нимъ въ родствѣ, думалъ принять участіе и въ его славѣ, или отъ того, что хотѣлъ поддѣлаться подъ тогдашнія обстоятельства тоже ласкательствомъ, выслушавъ мнѣнія и высказанную покорность другихъ, смѣло возвысилъ свой голосъ и началъ говорить такъ: «что это вздумалось тебѣ развить предъ нами такую рѣчь,—тебѣ, превознесенному достоинствами и, по суду царя, поставленному выше всѣхъ другихъ? Что почудилось тебѣ и касательно насъ, какъ будто мы недовольны правителемъ царства? Кто

могъ бы справедливо обвинять тебя въ томъ, что случилось кому нибудь потерпѣть отъ царскаго гнѣва? Никто вѣроятно не дошелъ до такой степени невѣденія, чтобы не зналъ, какъ гнѣвенъ бывалъ царь и какъ тяжко было то время, какъ тяжело было тогда всѣмъ, а особенно близкимъ. Да, никто, развѣ только человѣкъ, далекій отъ нашихъ отношеній и принадлежащій къ другому роду. Если хочешь твердо сохранять клятву и обязательства, скрѣпленныя вѣрою; то нечему и удивляться, что иногда, по волѣ государя, потерпишь что нибудь несносное, хотя бы и никто съ злымъ умысломъ не раздражалъ его противъ тебя. Гдѣ, по извѣстнымъ всякому особенностямъ единоначалія, и дѣйствительно виновный освобождается отъ вины; тамъ напрасно стали бы мы винить кого нибудь въ клеветѣ, старающейся воспламенить гнѣвъ царя. Было это, но прошло, и разсуждать о подобныхъ предметахъ подробно— все равно, что усиливаться рѣшать вопросъ объ умершихъ, почему они отошли отсюда; ибо какъ тамъ все покрываетъ судьба, участвовала ли въ этомъ болѣзнь, или нѣтъ: такъ и здѣсь страданіе—въ связи съ судьбою, были ли наговорщики, или ихъ не было. Кто подчиненъ другому и служитъ, для того страданія, если онъ всякій разъ страдалъ справедливо, дѣлаются скорбію; а когда несправедливо,—сколько бы ни случилось терпѣть, они обращаются ему въ утѣшеніе. И такъ время ли теперь припоминать намъ различныя событія, приведшія насъ въ на-

стоящее состоянiе, и навязывать вамъ вину, ни сколько васъ не обвиняющую? Что царь почтилъ васъ высокими достоинствами, это было дѣломъ не безотчетной его воли, не безвременнаго его къ вамъ расположенiя, не неразумной и излишней привязанности (кто сталъ бы такъ думать, тотъ былъ бы сумасшедшiй);—нѣтъ, вы обладаете неотъемлемо принадлежащими вамъ дарованiями, вы стояли выше другихъ своими познанiями, своимъ словомъ и дѣломъ, вы отличались искреннею и чистою преданностiю престолу, неутомимымъ попеченiемъ о дѣлахъ имперiи, и всѣмъ, чѣмъ можетъ отличаться человѣкъ наилучшiй на такомъ поприщѣ. Вотъ что расположило мысль царя составить о васъ хорошее понятiе и почтить васъ, какъ слѣдовало! Чѣмъ же тутъ и кто могъ бы обидѣться? Неужели почтить другихъ можно было не иначе, какъ поставивъ васъ въ заднемъ ряду? Вѣдь если бы почтить другихъ надлежало чрезъ презрѣнiе васъ, то хорошо было бы вмѣнять вамъ въ вину все. А когда была возможность и васъ облечь почестями, и другимъ тѣмъ не менѣе даровать приличныя достоинства; когда одни могли имѣть свое, а другiе—получить отъ царя, что принадлежало имъ: то, какъ скоро, по волѣ царя, такой жребiй достался не обѣимъ сторонамъ, а только вамъ,—гдѣ право почитать васъ виновниками ихъ неудачи? Перестань же питать въ душѣ такiя мысли, слыша которыя, приходится испытывать не малую скорбь. Объ этомъ могъ бы я сказать многое, но скажу только

одно: если бы вы съ настоящими вашими качествами жили гдѣ нибудь за границею, то я усердно молился бы возвратить васъ, если возможно, въ отечество,—особенно когда бы оно находилось въ нынѣшнемъ состояніи,—и для вашего прибытія не щадилъ бы ни денегъ, ни другихъ способовъ, а по прибытіи вашемъ, убѣдилъ бы васъ принять управленіе отечествомъ. Между тѣмъ ты, какъ будто есть кто другой достойнѣе тебя имѣть попеченіе о государствѣ, ожидаешь нашего совѣта. Да кто же въ состояніи переверишть царское о тебѣ мнѣніе? Кто, кромѣ тебя, занимая этотъ высокій постъ, можетъ явиться лучшею порукою за благополучное теченіе дѣлъ государственныхъ? Вѣдь ты и по достоинствамъ выше другихъ, и по уму, въ которомъ нѣтъ недостатка, надъ всѣми первенствуешь. И такъ властвуй,—пекись и о царѣ, пекись и о дѣлахъ Римской имперіи. Мы съ удовольствіемъ послѣдуемъ за тобою; ибо не всѣмъ же начальствовать, не всѣмъ повелѣвать: многоначаліе есть безначаліе. И если, послѣ царя, необходимо слушаться одного; то кто достоинъ быть этимъ однимъ, главнымъ начальникомъ, какъ не превышающій всѣхъ достоинствами? Все, что хотѣлось мнѣ сказать, я высказалъ: теперь хорошо было бы говорить последовательно и другимъ, кому угодно. Страхъ не попрепятствуетъ, и мы будемъ выслушаны, если рѣчи послѣдуютъ одна за другою. Но можно видѣть изъ состоянія дѣлъ, а особенно изъ словъ, долетающихъ до моего слуха, что изъ

всѣхъ насъ нѣтъ ни одного, кто не соглашался бы съ тѣмъ, что сказано».

Когда великій Коноставлъ кончилъ, всѣ чины, какъ будто бы у нихъ было одно стремленіе и одна мысль, какъ будто бы нечего было больше говорить, объявили, что они согласны съ сказаннымъ, и что имъ было бы даже досадно и тяжело слушать, если бы кто нибудь тотчасъ вышелъ и вздумалъ предлагать нѣчто иное, отличное отъ того, что сказано. Тутъ всякій, перебивая одинъ другаго, сталъ расточать рѣчи льстивыя и доказывать, что гораздо лучше быть въ подчиненіи у Протовестіарія, чѣмъ начальствовать самому. Но все это, какъ оказалось, были только прикрасы и маски.

Распустивъ собраніе, Протовестіарій вывелъ изъ него то заключеніе, что вельможи охотно уступаютъ ему одному исключительное попеченіе о царѣ и дѣлахъ государства, а потому, принявъ въ свои руки всю власть, отправился въ Магнезію [1]. Тамъ охраненіе царя поручилъ онъ людямъ вѣрнымъ, а царское казнохранили-

---

[1] Подъ именемъ Магнезіи здѣсь надобно разумѣть не городъ, а называвшееся этимъ именемъ предмѣстіе Никеи, съ крѣпкимъ зàмкомъ или царскимъ дворцомъ. Это ясно изъ словъ Григоры (l. 2, p. 21) объ Іоаннѣ Дукѣ или Ватацѣ, и супругѣ его Иринѣ. «Оба они, говоритъ Григора, построили прекрасные храмы, и на эти величайшія и красивѣйшія зданія употребили много издержекъ. Царь въ Магнезіи создалъ храмъ во имя такъ называемой Сосандрской Богоматери, а внутри Никеи—во имя Антонія великаго». Но въ Сосандрскомъ храмѣ, какъ говоритъ Пахимеръ, произошло убійство Музалоновъ; слѣдовательно это случилось въ Магнезіи, близъ того мѣста, гдѣ въ то время было мѣсто жительства царя-отрока. По этому, Магнезія была предмѣстіе Никеи.

ще—другимъ, тоже людямъ вѣрнымъ и достойнымъ, которые пользовались ручательствомъ многихъ, и въ числѣ которыхъ былъ Логоѳетъ (¹) стадъ, Агіоѳеодоритъ; самъ же, съ помощію прочихъ, занимался распоряженіями общими. Составляемы были и разсылались по всѣмъ городамъ Римской имперіи указы, какъ по поводу другихъ нуждъ, такъ особенно и больше всего для объявленія подданнымъ о смерти царя, о нареченіи царемъ его сына и о томъ, что бы всѣ, по обыкновенію, дали ему присягу. Такихъ указовъ пригововлено было множество; а красныя царскія подписи, такъ какъ царь не могъ еще водить рукою и подписывать, поручено было сдѣлать упомянутому Логоѳету стадъ.

Между тѣмъ какъ Протовестіарій заботился о всемъ и не имѣлъ покоя,—заботился свободно, не сознавая никакого своекорыстнаго замысла въ своей дѣятельности, (18) противъ него воздымалась и коварно подползала къ нему ужасная зависть, когда онъ и не думалъ о томъ. И поводъ къ тайной на него злобѣ для людей злыхъ имѣлъ видъ вѣроятія. Злоумышленники, казалось, ревнуютъ о царяхъ, утверждая, что Музалоны одного изъ нихъ, посредствомъ приготовленныхъ ими заколдованныхъ снадобьевъ, вогнали въ болѣзнь и отдѣлались отъ него преждевременно, а у другаго, еще царствующаго, замышляютъ тоже похитить власть, думая о себѣ болѣе надлежащаго и, подъ благовидною на-

---

[1] О значеніи *Логоѳета стадъ* см. *Логоѳетъ*. Вріен. стр. 52, прим. 2.

ружностію, презирая царя и царство. Для иностранцевъ же въ войскѣ Италіянскомъ, которое было въ рукахъ великаго Коноставла, и для нѣкоторыхъ другихъ, поводомъ обвинять Музалоновъ служило то, что, подъ вліяніемъ ихъ и особенно старшаго между ними, эти иностранцы, еще при жизни царя, лишены были прежнихъ своихъ пенсіоновъ, что чрезъ это выражено имъ презрѣніе, тогда какъ справедливость требовала бы почтить ихъ, что по его представленіямъ загражденъ былъ имъ доступъ къ царю, и что униженіе сдѣлано имъ по повелѣнію Протовестіарія. Этими и подобными мыслями раздражаемые люди того красноволосаго и воинственнаго племени готовы были убить ихъ, лишь бы только кто подстрѣкнулъ. А подстрѣкать ихъ къ тому, какъ многіе говорили, имѣлъ причину начальникъ этой фаланги, который, когда его воины и прежде раздражены были противъ нихъ, теперь же воспламенены, и болѣе не связывались страхомъ, но сами грозили ужасами,—возбуждалъ ихъ рѣшиться на убійство, какъ на дѣло благовременное. И эту молву оправдали послѣдствія; потому что тѣ воины, какъ иноплеменники и большею частію пришельцы, безъ возбужденій на то не отважились бы: если же было такъ, что отважились; то самая необходимость заставляла подозрѣвать вождя ихъ. (19). Вотъ наступили девятины усопшаго, и надлежало, по обыкновенію, сдѣлать ему поминовеніе. Всѣ пошли въ Сосандрскую обитель гдѣ тѣло новопреставленнаго царя положено было

подлѣ могилы отца его: туда явились и многія лица духовныя, туда съѣхались и всѣ чины, и кромѣ того, всѣ знатнѣйшія матроны, и весь придворный штатъ. А нѣсколько ниже, какъ бы намѣренно для охраненія царя, поставлено было войско. Когда вошли въ храмъ и Музалоны съ своими семействами, выражая особенную предъ прочими любовь къ покойнику; тогда изъ воиновъ, преимущественно италіанскихъ и иностранныхъ, одни, выбравъ время, стали грозить скорбѣвшимъ, а другіе, въ случаѣ успѣха тѣхъ дерзкихъ, готовы были сочувствовать имъ; ибо бѣдственныя новости всегда занимаютъ людей, и всякій охотнѣе смотритъ на совершеніе общаго зла, постигающаго несчастныхъ, чѣмъ на добро, достающееся счастливымъ. Эти войска, смѣшавшись съ толпою, начали снизу испускать дикіе вопли къ неявлявшемуся имъ царю и громко обзывали стоявшихъ въ храмѣ невѣрными, разумѣя подъ ними Музалоновъ, какъ будто хотѣли тѣмъ заявить пламенную свою заботливость о царѣ и его родѣ. А что бы Музалоны, не потерпѣвъ наказанія, не успѣли уйти, они съ чувствомъ опасенія требовали выхода царя и говорили, что будутъ дѣйствовать по его волѣ, скрывая однакожъ намѣреніе,—если-бы онъ и не согласился, тѣмъ не менѣе напасть и сдѣлать свое дѣло. Когда они такимъ образомъ говорили и кричали,—тѣ, которымъ ввѣрено было охраненіе царя,—извѣстенъ ли былъ имъ замыслъ, или испугало ихъ происшедшее возмущеніе прежде, чѣмъ дру-

гихъ,—вывели тотчасъ дитя—въ надеждѣ, что чрезъ появленіе предъ ними державнаго пробудится въ нихъ чувство стыда. Но какъ скоро отрокъ показался, крикъ разлился еще сильнѣе и безпорядочнѣе, не смотря на то, что окружавшіе учили его дать знакъ рукою. Впрочемъ этотъ знакъ можно было толковать двояко: имъ и прекращался шумъ, и давалось позволеніе шумѣть. Однимъ казалось, что движеніе руки для приставника надъ дитятею впослѣдствіи могло служить оправданіемъ предъ правителями, такъ какъ бы чрезъ это хотѣлъ онъ остановить волненіе; а другіе думали, что подобнымъ способомъ весьма удовлетворительно высказывалось позволеніе волноваться. И такъ вдругъ поднялся вопль, какъ будто бы дозволилъ его царь; всѣ повалили толпою и каждый бѣжалъ, какъ защитникъ царской жизни—съ готовностію, если нужно, подвергнуть за него опасности собственную. Перегоняя въ общемъ смятеніи другъ друга, всѣ спѣшили въ Сосандрскую обитель для нанесенія, какъ сами говорили, величайшаго зла злоумышлявшимъ противъ царской власти. Были впрочемъ и такіе, которые оставались на мѣстѣ, а не бѣжали,—вели себя болѣе благоразумно, чѣмъ дерзко, чтобы, когда узнаютъ объ уничтоженіи тѣхъ, противъ кого направлено было это движеніе, тѣмъ безопаснѣе ворваться въ покои ихъ и вынесть оттуда драгоцѣнности; ибо по смерти лицъ, владѣвшихъ ими, мѣшать будетъ некому. И вотъ, между тѣмъ какъ Музалоны съ нѣкото-

рыми чинами стояли въ храмѣ и слушали псалмопѣніе, мятежики, противъ обыкновенія, сбѣгались туда толпами, и находившимся внутри показалось уже, что они идутъ прямо къ обители. Нѣкоторые изъ свиты Музалона, находившіеся за дверями, угадывая намѣреніе мятежниковъ, не хотятъ ли они, поправъ законъ, совершить какой нибудь отчаянный поступокъ, и подозрѣвая измѣну, съ блѣдными лицами объявили о томъ находившимся внутри храма; а эти полученное извѣстіе немедленно передали господамъ и горячо настаивали, что предъ бѣгущими надобно запереть ворота обители. Но господа не обратили вниманія на такое представленіе, ибо ни изъ чего не могли заключить, что сбѣгающіеся солдаты идутъ на ихъ зло, а подумали, что и имъ захотѣлось принять участіе въ слушаніи торжественной панихиды. Однакожъ тѣ, вышедши опять изъ храма и видя волненіе и безпорядокъ приближавшихся войскъ, испугались еще болѣе и торопливо разсказали о всемъ, что тамъ происходило; потомъ за ними быстро вбѣжали другіе, а за этими еще другіе;—и тогда-то уже не было никого, кто, видя это, не понялъ бы, что приходъ ихъ предвѣщаетъ величайшую бѣду. Посему многіе, боясь за самихъ себя и подозрѣвая, что предстоитъ нѣчто нехорошое, стали прятаться кто куда. А заботившіеся болѣе всего о Музалонахъ снова подходили къ нимъ съ возмущеннымъ духомъ и разстроеннымъ видомъ и, напоминая имъ о скоромъ вторженіи солдатъ, убѣждали, для пред-

варенія ихъ ярости, немедленно запереть церковныя двери, чтобы они не ворвались въ храмъ: вѣдь не къ добру же, говорили они, такое ужасное смятеніе; исходъ его будетъ худой. Но Музалоны нисколько не понимали причины ихъ страха: видно были они уже обречены; видно справедливо говорится, что кому Богъ назначилъ погибель, у того Онъ отнимаетъ умъ. Даже и присутствовавшихъ въ храмѣ вельможъ не озабочивало то, что доходило до ихъ слуха; какъ будто они либо напередъ знали, что будетъ, либо имъ не было надобности, чтобы ни сдѣлали сбѣжавшіеся. Между тѣмъ мятежники заняли выходы и поставили при нихъ стражу; потомъ проникли внутрь храма и подняли буйный крикъ. Изъ ихъ поступковъ и угрозъ еще прежде, чѣмъ появились они въ храмѣ, видно уже было, что цѣль ихъ—убійство. У Протовестіарія былъ свой грамматикъ, мой родственникъ, по имени Ѳеофилактъ, во всемъ походившій на своего господина. Когда этотъ Ѳеофилактъ вышелъ съ намѣреніемъ узнать, что дѣлалось внѣ храма, мятежники обмануты были его сходствомъ съ Протовестіаріемъ, тѣмъ болѣе, что обману ихъ помогала и самая одежда, которая тогда на всѣхъ, важныхъ и не важныхъ лицахъ, по случаю смерти царя, была траурная. Итакъ, принявъ Ѳеофилакта за того, кого искали, они тотчасъ поразили его безчисленными ударами; ибо не было ни одного, кто бы не вонзилъ меча и въ мертвое уже его тѣло. Я слышалъ отъ личнаго свидѣтеля, что въ ужасномъ

неистовствѣ они даже сосали кровь его. Впрочемъ обманъ ихъ скоро открылся: черные туфли на ногахъ убитаго обличили злодѣевъ въ заблужденіи. Тогда они съ неукротимымъ бѣшенствомъ и съ обнаженными мечами ворвались въ храмъ. При появленіи убійцъ священная пѣснь вдругъ замолкла, пѣвцы-кто куда-разсѣялись и прятались по угламъ—въ такихъ мѣстахъ, гдѣ надѣялись спастись. А изъ Музалоновъ одинъ вбѣжалъ въ алтарь и думалъ сохранить жизнь, скрывшись подъ священною трапезою; другой прислонился сзади къ дверямъ храма, и уперся въ нихъ такъ крѣпко, что будто бы лежалъ горизонтально, и если бы кто попытался отворить ее, ему показалось бы, что она примкнута къ двери противуположной; а зять ихъ (ибо и этотъ, по родственной связи съ ними, наслаждаясь счастіемъ, долженъ былъ раздѣлять и ихъ несчастіе) тоже поспѣшилъ спрятаться гдѣ-то между царскими надгробными памятниками. Протовестіарій, вошедши въ алтарь храма и находясь возлѣ конхи предложенія, спустился подъ ея колоннаду и, окруженный мракомъ и святостію того мѣста, сдѣлался бодрѣе. Но это не помогло никоторому изъ нихъ избѣжать опасности. Когда убійцы ворвались въ храмъ во множествѣ, тогда присутствовавшіе въ немъ должны были бѣжать, и каждый заботился о сохраненіи собственной жизни; да разбѣжались и самые служители храма, такъ какъ тамъ дѣлать имъ больше было нечего. Посему тѣ, простирая свою дерзость до крайно-

сти, и переходя отъ неистовства къ неистовству, тщательно пересматривали все и ничего въ храмѣ не оставили не обысканнымъ. Въ такихъ поискахъ кто кого находилъ, тотчасъ схватывалъ и жестоко, какъ только могъ, умерщвлялъ. При этомъ не оставались праздными и другіе, но одного окружали, били, рубили вдругъ многіе; такъ что и мертвое уже тѣло разсѣкали на множество частей. Такая обуяла ихъ злоба! Такъ неистовство превратило ихъ въ кровожадныхъ звѣрей! Протоветіарія убилъ нѣкто Карлъ, который, осмѣлившись войти вь алтарь и обыскавши тамъ все, сперва не нашелъ, кого искалъ, и хотѣлъ было уже идти назадъ. Но судьба не избавила отъ гибели того, кто тамъ спрятался. Этотъ Карлъ подлезъ подъ престолъ, осматрѣлъ тамъ все и, увидѣвъ стоявшаго на колѣняхъ несчастнаго, бросился и умертвилъ его. Протовестіарій умолялъ убійцу и предлагалъ ему дорого выкупить свою кровь: но онъ не тронулся ни видомъ умоляющаго, ни обѣщаніями, и тотчасъ пронзилъ его кинжаломъ. Какъ скоро это убійство сдѣлалось извѣстнымъ, не оставалось никого, кто не прибѣгалъ бы на то мѣсто, не впустилъ бы своего копья въ убитое тѣло и звѣрски не рубилъ бы его мечемъ. Оно было изрублено на такія мелкія части, что погребатели впослѣдствіи должны были сложить ихъ въ мѣшокъ и такъ положить въ гробъ. Окончивъ ужасное свое дѣло, эти неукротимые варвары щелкали зубами, какъ дикіе кабаны, что никто изъ сановниковъ не укорялъ ихъ, не усовѣщи-

валъ, не обличалъ и даже не спрашивалъ, чѣмъ они обижены, что рѣшились это сдѣлать. Ища плодовъ своего убійства, они бросились въ жилища убитыхъ, и каждый, смѣясь, выносилъ изъ нихъ, что ему попадалось подъ руки. А дабы казалось, что это дѣлается съ благороднымъ побужденіемъ, что это не грабежъ бунтовщиковъ, на языкѣ ихъ непрестанно вертѣлась вина погибшихъ: «враги и злоумышленники противъ царей, правители царства, всѣми способами домогавшіеся власти, если бы только не было препятствія, губители войска, тайными кознями чародѣйства поддѣлавшіеся подъ отца, подъ видомъ охраненія и безопасности овладѣвшіе сыномъ,—понесли достойное и заслуженное наказаніе, получили справедливое воздаяніе, и мы теперь, освободившись отъ того зла, будемъ усердно служить своему государю». Такъ говорили они и, исчерпывая богатство въ обоихъ домахъ Музалоновъ, дѣлали изъ нихъ мидійскую [1] добычу. И когда это совершалось,—по видимому, не было никого, кто могъ бы противустать жадной и никѣмъ не управляемой толпѣ; потому что одни дѣйствительно боялись ее, а другіе притворялись боящимися. Доказательствомъ служитъ слѣдующее: бывшая тамъ супруга Протовестіарія, смотря на дерзости солдатовъ, сильно скорбѣла и жаловалась на нихъ;

---

[1] Извѣстна древняя Греческая пословица: Μυσῶν λεία, по истолкованію Зиновія и Свиды, примѣнявшаяся къ тѣмъ, которые грабятъ безнаказанно.

но великій Коноставлъ и дядя ея строго замѣтилъ ей и приказалъ молчать, чтобы не потерпѣть тогоже, что потерпѣлъ мужъ, если не замолчитъ. Итакъ когда всѣ равно были связаны страхомъ—и господа и слуги, и каждый старался только о сохраненіи своей жизни,—хищники наконецъ поднялись оттуда и, не заботясь о томъ, къ чему идутъ, побѣжали въ безпорядкѣ. Между тѣмъ при царѣ поставлена была ими стража еще сильнѣе прежней, что бы не произошло новой измѣны.

Когда все такимъ образомъ смѣшалось,—каждый, сколько могъ, заботился о собственной безопасности. (20) Каріанитъ, бывшій тогда Протовестіаритомъ, человѣкъ почтенный и съ большими достоинствами, ушелъ въ то время къ Персамъ—не потому, что держался стороны царя, но потому, что, при тогдашнихъ безпокойствахъ, боялся за самого себя; ибо мятежники, произведшіе самовольно столько насилія, которому никто не противодѣйствовалъ, либо сами снова могли обратиться къ насиліямъ, и производить ихъ безнаказанно, либо другіе могли возбудить ихъ къ тому, какъ уже готовыхъ къ принятію подобныхъ возбужденій, чрезъ что многіе подверглись бы опасности неожиданно, и особенно люди со властію, подъ которыхъ подползала ненависть сильная и ужасная. Поэтому Каріанитъ въ туже ночь убѣжалъ въ Персію, а другіе, предвидя величайшія бѣдствія, отправились въ другія мѣста, и всѣ спасались, какъ могли. Между тѣмъ великій Коноставлъ,

разумѣя своихъ братьевъ, какъ людей молодыхъ и смышленыхъ, изъ которыхъ одинъ назывался Іоанномъ, а другой за нимъ — Константинъ, и которые не несли еще никакихъ общественныхъ должностей, поставилъ ихъ годными для себя стражами царя. Поэтому они непрестанно ходили къ царю и проводили съ нимъ цѣлые дни, многіе же иные и ночевали тамъ. Гордясь одинъ предъ другимъ преданностію и вѣрностію ему, всѣ эти приставники выражали ее какъ нельзя болѣе. (21) Такое соревнованіе дошло наконецъ до того, что они начали ссориться между собою, и эта ссора происходила изъ честолюбія; ибо попеченіе о царѣ у людей чиновныхъ возбуждало зависть другъ къ другу, и они въ этомъ случаѣ не хотѣли подчиняться подобнымъ себѣ. Въ числѣ приставниковъ при царѣ были Чамантуры, изъ дома Ласкари, возбуждавшіе къ себѣ уваженіе нетолько умомъ и старостію, но и дѣдовствомъ въ отношеніи къ юному царю, что внушало имъ великую смѣлость домогаться преимущества. Но съ другой стороны между приставниками были также лица, производившія свой родъ отъ Торникіевъ, изъ которыхъ первый былъ великимъ Примикиріемъ [1]. Эти на окружающихъ царя хотѣли имѣть вліяніе близостію и братскимъ отношеніемъ своего отца къ царскому дѣду—царю Іоанну Дукѣ. Въ свитѣ царя находились также и Стратигопулы, къ роду которыхъ принадлежалъ славный

---

[1] О значеніи Примикирія см. Киннама стр. 46, 204.

Алексѣй, внушавшій великое къ себѣ уваженіе, какъ старшій изъ всѣхъ и совершившій много прекрасныхъ дѣлъ. Сынъ этого Алексѣя, Константинъ, зять царя Іоанна по племянницѣ его, отличившійся важными заслугами, въ царствованіе Ѳеодора Ласкари лишенъ былъ зрѣнія. Причиною же было то, что онъ выразилъ свою гордость предъ державнымъ и презрѣніе къ нему, когда этотъ послѣ отца только что принялъ скипетръ. Въ той же свитѣ были и благородные отъ Рауля, которые послѣ отца, лишеннаго достоинствъ, о чемъ вскорѣ будетъ сказано, оставались еще въ дѣтствѣ,—и Палеологи, а съ ними и Ватацы и Филесы, которыхъ отецъ, Ѳеодоръ, вмѣстѣ съ Стратигопуломъ, и за туже самую вину, лишенъ былъ зрѣнія. Въ той же свитѣ съ Кавалларіями находились Ностонги и Камицы, а съ Апринами и Ангелами Ливадаріи, Тарханіоты, Филантропины, благородные Кантакузины и множество другихъ, связанныхъ золотою цѣпью родства съ знаменитыми предками. Между всѣми ими особенное честолюбіе обнаруживалъ Георгій Ностонгъ; потому что надмевался болѣе другихъ видами на родство съ царемъ. Державный еще при жизни обѣщалъ выдать за него свою дочь и конечно исполнилъ бы обѣщаніе, если бы не помѣшала этому дѣлу его смерть: а тотъ намѣреніе царя тогда же открылъ многимъ другимъ; да и теперь надежда на успѣхъ относительно этого брака заставляла его много мечтать о себѣ и, хвастаясь предъ знакомыми, презирать

другихъ, особенно же племянника своего по сестрѣ, великаго Коноставла. Поэтому онъ безъ всякихъ околичностей жилъ въ покояхъ царскаго дворца, вмѣстѣ съ правителями занимался скачкою и метаніемъ копья, или обычною у нихъ игрою въ шаръ, вообще съ особеннымъ дерзновеніемъ ѣздилъ съ ними верхомъ и игралъ, рисуясь предъ стоявшими вблизи и смотрѣвшими на нихъ царскими сестрами.

22. Всѣ понимали, что царю нельзя было оставаться безъ попечителя, пока его жизнь находилась въ такомъ беззащитномъ и нѣжномъ состояніи; но сошедшіеся чины, совѣщаваясь объ этомъ, пришли къ тому мнѣнію, что не безопасно разсуждать о такомъ предметѣ безъ участія Церкви и ея предстоятеля (а предстоятелемъ тогда былъ Арсеній). Поэтому они отправляютъ посольство къ патріарху изъ Авторіанъ (1) и наскоро зовутъ его изъ Никеи; а сами между тѣмъ совѣщаваются по цѣлымъ днямъ,

---

(1) Смыслъ выраженія: «патріархъ изъ Авторіанъ» представляется довольно темнымъ. Если предлогъ εξ соединимъ съ αὐτωρειανὸς въ одно слово, то ἐξαυτορειανοὶ, по Меурсію и Свидѣ, будутъ выслужившіеся и свободные воины. Но эта этимологія не дастъ никакой мысли въ связи съ словомъ πατριάρχης. Посему, кажется будетъ вѣрнѣе читать εξ отдѣльно. Послѣднее чтеніе позволяетъ намъ сообразить, что когда Константинополь отнятъ былъ у Грековъ Латинянами и резиденція патріарха перенесена была въ Никею, Никейскій патріархъ тѣмъ неменѣе удерживалъ авторитетъ патріарха Константинопольскаго. Но какъ онъ писался? Первый по взятіи Константинополя, поставленный въ Никею Патріархъ былъ Михаилъ, котораго называли также Авторіаномъ, а иногда Савріаномъ. Теперь же, седьмой послѣ Михаила, Никейскій патріархъ Арсеній называется ὁ ἐξ Ἀυτωρειανῶν πατριάρχης. Поэтому титулъ ὁ ἐξ Αυτωρειανῶν долженъ былъ означать Никейскаго Патріарха съ правомъ представителя Константинопольскаго Патріаршества.

назначая въ попечители о царѣ то того, то другаго, и наконецъ общій совѣтъ останавливается на Констав.лѣ Палеологѣ, который, для исполненія этой обязанности, одинъ показался достаточнѣе другихъ. Онъ и самый воинственный изъ мужей, говорили чины, и ведетъ свое благородство отъ довольно древняго дома, и въ третьихъ состоитъ въ родствѣ съ умершимъ державнымъ,— какъ лично съ нимъ самимъ, такъ и съ его супругою; (ибо былъ двоюроднымъ племянникомъ царицы и сыномъ двоюроднаго племянника царя). Все это даетъ ему предъ прочими право быть опекуномъ царственнаго отрока. Но сколь ни справедливо было такое преимущество, и сколь ни правъ былъ тотъ, кто говорилъ за него, можно однакожъ съ вѣроятностію полагать, что въ этомъ дѣлѣ тайное участіе принималъ и онъ самъ, не мало дѣйствуя лестными обѣщаніями—особенно на тѣхъ, которымъ въ трудныхъ обстоятельствахъ прежняго времени пришлось лишиться своихъ достоинствъ. И Палеологъ, нисколько не думая, соглашался принять на себя опеку, потому что былъ бѣденъ и не имѣлъ столько средствъ, чтобы вести образъ жизни, соотвѣтствующій его достоинству; но опасаясь, какъ бы не показалось кому нибудь, будто, принимая это предложеніе, ему надлежало благодарить предлагающихъ, и какъ бы просить бремени на свои плечи, онъ требовалъ одобренія со стороны патріарха, который еще не пріѣхалъ, и требовалъ не столько по нуждѣ, сколько для того, что бы это дѣло постановлено было тверже. При томъ ему

непремѣнно хотѣлось, чтобы и высшіе чины двора согласились признать его опекуномъ царя. (23) Члены совѣта дѣйствительно полагали, что сила ихъ опредѣленія должна зависѣть и отъ церкви, чтобы послѣ не пришлось имъ по необходимости измѣнить свое постановленіе; да и въ томъ равномѣрно соглашались многіе, что попечитель царя, по значенію своего званія, долженъ быть возведенъ на какую нибудь высшую степень достоинства. Поэтому признано нужнымъ, съ позволенія царя, переименовать его въ Великаго Дукса. Такимъ образомъ Палеологъ провозглашенъ былъ Великимъ Дуксомъ и попечителемъ царя—съ правомъ заботиться объ общественныхъ дѣлахъ и имѣть въ безпрекословномъ подчиненіи своимъ повелѣніямъ всѣ вспомоществующіе себѣ чины. А чрезъ это, въ случаѣ необходимой потребности, онъ могъ касаться царскаго казнохранилища, которое въ Магнезіи наполнено было великимъ множествомъ денегъ, съ трудомъ исчисляемыхъ, собранныхъ и положенныхъ царемъ Іоанномъ Дукою. Деньги же, собранныя сыномъ Іоанна, Ѳеодоромъ Ласкари, въ достаточномъ количествѣ для содержанія имперіи, лежали особо и безопасно хранились въ одной крѣпости при верховьяхъ Єкамандры, называемой Астиціемъ. Впрочемъ это богатство собрано не чрезъ поборы или несправедливое вынужденіе; это золото не было кровію людей или жизнію нищеты, но было плодомъ бережливости, увеличеннымъ еще болѣе взносами податей отъ иностранцевъ: его возрастанію способство-

вали съ одной стороны домашнее земледѣліе, съ другой—иноземныя контрибуціи. И складывались царскія сокровища не съ тѣмъ, чтобы никто не пользовался ими: напротивъ изъ нихъ покрываемы были всѣ необходимые расходы государственные, какъ-то выдача жалованья и пенсіоновъ, а особенно подарковъ мужамъ знаменитымъ и пособій бѣднымъ; такъ что они были матеріальнымъ началомъ царской милости, изливавшейся всюду неизсякаемыми потоками, а остававшееся за тѣмъ хранилось въ казначействѣ. Вообще, что говорится о древнихъ царяхъ, Кирѣ и Даріѣ, тоже были въ этомъ отношеніи Іоаннъ, отецъ Римлянъ и Ѳеодоръ, Деспотъ ихъ. Іоаннъ простиралъ свое наблюденіе на все до такой степени, что не чуждымъ своему царскому попеченію дѣломъ почиталъ входить даже въ состояніе рабочаго скота и, для надзора за улучшеніемъ его, къ каждому стану и крѣпости приписалъ деревни, чрезъ что плодами ихъ земли и взносами довольствовалась и самая близъ лежащая крѣпость. Этимъ способомъ державный разливалъ свое благодѣяніе на многихъ или даже на всѣхъ. А Ѳеодоръ хотя былъ и дѣятельнѣе отца въ собираніи золота посредствомъ общественныхъ податей, за то, по простотѣ сердца, различнымъ образомъ и опустошилъ казнохранилища; такъ что при отливѣ денегъ, и здѣсь, какъ на морѣ, открывались харибды. Но истощенная казна легко наполнялась снова, и истощеніе того, что въ ней было, замѣнялось еще большимъ приращеніемъ.

Хотя каждый, по общественной раскладкѣ, вносилъ и небольшую подать, но изъ этихъ малостей возрастала сумма выше истраченной; такъ что царь могъ тотчасъ удовлетворять нуждамъ каждаго и во всякомъ случаѣ больше любилъ давать, чѣмъ брать. И чего иного хочетъ законъ Христовъ, повелѣвая давать всякому просящему, какъ не того, чтобы каждый имѣлъ потребное и никто не нуждался? Всѣхъ обязываетъ одно общее предписаніе: быть готовымъ дать тому, кто, давая другимъ, самъ терпитъ нужду. А малодушныхъ обязываетъ къ этому дивная порука—Богъ, который ручается имъ за многоразличное воздаяніе.

24. Хочу разсказать и нѣчто другое о томъ же предметѣ, и прошу извинить меня, если, увлекаясь пользою, дѣлаю отступленія. Нѣкогда царь Іоаннъ, лишившись помощницы своей въ добрыхъ дѣлахъ, супруги Ирины, которую, не знаю, какими и назвать великими именами, впалъ въ болѣзнь. Болѣзнь была трудная, и припадки ея происходили, думаю, отъ старости. Врачи недоумѣвали, къ чему и обратиться; но царь обратился къ Богу и рѣшился по возможности подражать Его ко всѣмъ милосердію. По повелѣнію державнаго, берется изъ мѣшковъ золото, и каждому, сколько нибудь не имущему, выдается по тридцати шести монетъ. Сверхъ того расточается оно на святые храмы, на монастыри и на служащихъ Богу мужей, и милость царская разсылается всюду на хребтѣ вьючныхъ животныхъ. Этою милостію царь привлекъ къ себѣ

милость Божію: больному стало легче, и онъ, естественно, обрадованъ былъ выздоровленіемъ. Но вслѣдъ за тѣмъ ему захотѣлось доказать и Римлянамъ, что, не смотря на такую раздачу милостыни, общественная казна не уменьшилась. Свидѣтельствуясь Тѣмъ, Кто его помиловалъ, онъ говорилъ патріарху Мануилу, что изъ общаго достоянія ничто не тронуто, что все розданное имъ пріобрѣтено его благоразуміемъ и частными его трудами, что пользуясь силами опытныхъ людей, онъ не переставалъ обработывать землю и съ помощію ихъ разводить всякаго рода скотъ. Такимъ образомъ Римляне нашли его и благочестивымъ, и любящимъ своихъ подданныхъ.

25. И такъ въ Магнезіи въ то время хранилось много денегъ; но Великому Дуксу и опекуну не легко было брать ихъ и давать, кому онъ хотѣлъ: потому что у казнохранилища стояла вооруженная сѣкирами Кельтійская стража, не допускавшая къ нему никого, кто хотѣлъ бы покуситься, и пропускавшая только того, кто предъявлялъ требованіе на извѣстную сумму для какой нибудь необходимой нужды. Впрочемъ инымъ не рѣдко выдаваемы были деньги подъ предлогомъ и такой надобности, какой въ самомъ дѣлѣ не было. Это принялъ Палеологъ за начало для пріобрѣтенія расположенія къ себѣ,— и получавшіе отъ него благодѣянія не могли забыть о томъ. А чтобы оправдаться въ неправильной раздачѣ денегъ, ему стоило только указать на скудную обстановку собственной своей

жизни. Другимъ онъ предоставлялъ случаи получать деньги, не столько удовлетворяя своему честолюбію, сколько заботясь о будущихъ своихъ планахъ, какъ это оказалось впослѣдствіи. Что касается до его бѣдности, то пишущій настоящую исторію самъ слышалъ, какъ говорилъ онъ о томъ, и предлагая свое свидѣтельство не боится, что будетъ обличенъ во лжи. Выставляя на показъ свою бѣдность, великій Дуксъ находилъ тогда удовольствіе тщеславиться ею: «я царствую, говорилъ онъ; а мнѣ, для удовлетворенія всѣмъ домашнимъ нуждамъ, можно употреблять только три монеты.» Нѣкогда позвалъ онъ къ суду брата своей тещи, Ангела, котораго во время своего царствованія сдѣлалъ великимъ Примикиріемъ, чтобы послѣдній отвѣчалъ на его обвиненія относительно приданаго его племянницы. Въ это время онъ свидѣтельствовалъ, стоя близко, и мы слышали тѣ слова его, запечатлѣнныя клятвою. Вообще, тогда многихъ, и особенно лицъ благороднаго происхожденія, награждалъ онъ, придумывая благовидные предлоги, царскими деньгами, а самъ, сколько могъ, удерживался отъ всякихъ притязаній на царскую казну.

26. Между тѣмъ прошелъ слухъ о приближеніи патріарха съ избраннымъ клиромъ и архіереями. Узнавъ объ этомъ прежде другихъ, Палеологъ тотчасъ выѣхалъ далеко на встрѣчу путешественникамъ и воздавалъ величайшую честь какъ патріарху, такъ и всему священному клиру, идя пѣшкомъ и держа подъ уздцы

іерейскаго лошака, пока поѣздъ не остановился, вступивъ во дворецъ. Для принятія патріарха назначилъ онъ покои царскіе и, съ одной стороны желая выразить ему свое уваженіе, непрестанно бѣгалъ вокругъ него и услуживалъ, а съ другой изыскивалъ настоятельные случаи въ назначенное время приближать его къ царю, такъ что бы онъ не отлучался ни на часъ. Патріархъ съ удовольствіемъ дозволилъ Палеологу во всѣхъ отношеніяхъ вести дѣла опеки не иначе, какъ онъ самъ того захочетъ; да тоже подтвердилъ и Соборъ. Тогда опекунъ вынесъ дитя и, въ присутствіи всего Собора, посадилъ его на руки патріарха—въ знакъ того, что настоящія опредѣленія объ опекѣ надъ нимъ зависятъ отъ Совѣта церковнаго. Такимъ же образомъ многократно выносилъ онъ разныя регаліи, и этимъ молча указывалъ на даваемую ему одному власть, которую, если бы патріархъ захотѣлъ, получили бы другіе. Съ его стороны это былъ хитрый способъ — предоставлять начальство надъ всѣмъ другому, притворяясь, что самъ онъ — лице подначальное и принимаетъ обязанность по необходимости, когда ее возлагаютъ. При томъ, такъ какъ содержаніе патріарха, а особенно архіереевъ, надлежало отнесть на счетъ казны, то Палеологъ самъ бралъ и выдавалъ все нужное, вмѣняя себѣ въ честь выдавать больше надлежащаго, и поступалъ такимъ образомъ, снаружи—подъ предлогомъ необходимости, а внутренно — съ лукавою цѣлію ослѣпить глаза духовенства подарками и пріоб-

рѣсть его расположеніе. Выдавая имъ подарки, онъ ежеминутно располагалъ ихъ къ себѣ со всею силою; а выражая каждому изъ нихъ уваженіе и покорность, въ самое короткое время имѣлъ ихъ въ своихъ рукахъ и могъ вести, куда хотѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, между ними не было ни кого, кто не превозносилъ бы его похвалами даже и тогда, когда онъ не присутствовалъ въ общемъ собраніи, кто не признавалъ бы его достойнѣе всѣхъ править дѣлами государства, кто, кромѣ другихъ почетныхъ титуловъ, не титуловалъ бы его отцомъ царя. Таковы были плоды ночныхъ его посылокъ, его внимательности и обѣщаній въ будущемъ, съ величайшими увѣреніями. (27) Хитростію его замысловъ и льстивостію нрава всѣ были такъ уловлены, что въ собраніи, въ которомъ іерархи разсуждали о государственной власти вмѣстѣ съ чинами свѣтскими, и обстоятельства требовали найти правителя имперіи, всѣ духовныя особы подавали мнѣнія въ его пользу, не смотря на то, что самъ онъ ничего не говорилъ, и утверждали, что опекуну государства, при такихъ, какія у него, качествахъ, нельзя равняться съ другими сановниками, но надобно быть возвышеннымъ надъ всѣми величайшею почестью и царскимъ достоинствомъ. Для чего бы сталъ онъ ежедневно обезпокоиваться заботами и питать въ себѣ столь сильный страхъ, говорили они, если бы, принимая подъ свою опеку такой народъ, не имѣлъ въ виду его пользы? Власть его во всякомъ случаѣ дѣло рѣшенное, когда онъ бу-

детъ занимать постъ выше всѣхъ. Опекуну царя позволительно уже величаться Деспотомъ. Чрезъ это онъ тѣмъ болѣе сохранитъ чувство любви къ тому, кто самымъ своимъ рожденіемъ назначенъ царствовать, и воздастъ ему благодарность даже за свое достоинство. Что страннаго носить имя Деспота тому, чей дѣдъ по матери, деспотствуя, совершилъ важнѣйшіе подвиги противъ Италіанцевъ? Развѣ мы незнаемъ, какъ чтитъ онъ Бога, какъ ревнуетъ о добрѣ, какъ сильно любитъ монаховъ и благоговѣйно чествуетъ все церковное? Свидѣтель — свойственное ему смиреніе, его популярность и ко всѣмъ кротость. А о щедродательности его и нищелюбіи говоритъ крайняя его бѣдность. Поэтому хорошо было бы и полезно для государства, если бы опекунъ царя, кромѣ чести быть царскимъ отцомъ, почтенъ былъ и другими достоинствами. Такъ говорили нѣкоторые,—и многими изъ архіереевъ одобрены эти слова, какъ справедливыя; подтвердилъ ихъ и кое-кто изъ сановниковъ: но прочіе спорили и не сходились другъ съ другомъ въ мнѣніяхъ. Такъ, особенно Чамантуры изъ дома Ласкарисовъ и съ ними Георгій Ностонгъ, только съ трудомъ, и то какъ бы нехотя согласились, чтобы Палеологъ назывался отцомъ царя: достаточно утвердили они также за опекуномъ и достоинство великаго Дукса; но возложить на него должность съ именемъ царскимъ и почтить его правами, превышающими личное его значеніе, говорили они, было бы преступленіе противъ лицъ высокихъ и почтеннѣйшихъ. Вѣдь

есть царскія дочери, созрѣвшія для вступленія въ супружество, и ихъ необходимо выдать замужъ за людей въ государствѣ видныхъ. Такъ если онѣ выйдутъ замужъ, то имъ и самимъ по себѣ будетъ принадлежать право украшаться послѣ супружества такими достоинствами; потому что онѣ—родныя сестры царя и потомки трехъ или четырехъ царскихъ поколѣній. Напротивъ Алексѣй Стратигопулъ, Филесы, и съ ними Торникіи, а особенно ослѣпленные, питавшіе въ себѣ чувство мщенія, равно какъ и тѣ, которые соединены были съ Палеологами родствомъ— либо дѣйствительнымъ, либо чаемымъ, сильно противились ихъ представленіямъ и говорили, что справедливо всячески и полезно будетъ, если сановнику, близкому къ царю и украшенному именемъ его отца, предоставлено будетъ и Деспотство; потому что лишь подъ этимъ условіемъ его будутъ слушаться всѣ,—и дѣла придутъ въ надлежащій порядокъ. Кто захочетъ повиноваться дитяти, которое еще пе можетъ мыслить? Но еслибы и повелѣвающій вмѣсто его оставался частнымъ человѣкомъ,—ему, все равно, не оказали бы надлежащаго послушанія. И такъ надобно подражать плывущимъ на кораблѣ: эти, сами по себѣ, свободны и самостоятельны; но, вступивъ на корабль, они избираютъ распорядителя и, ввѣривъ ему надъ собою власть, охотно повинуются, какъ рабы, если онъ что приказываетъ; неповинующійся же, какъ непростительно виновный противъ Деспота, подвергается должному наказанію. Притомъ, плаватели по-

ставляютъ его не просто, какъ одного изъ всѣхъ, но облекаютъ, знаками уваженія и даютъ его званію высокое значеніе, чтобы другимъ онъ могъ внушать страхъ. Такъ и всякій городъ и всякая власть получитъ стойкость только тогда, когда надъ многими будетъ поставленъ одинъ. А слѣпцы говорили еще свободнѣе и смѣлѣе. «Не для одного ребенка», сказали они, «всѣ эти хлопоты о такой имперіи и о такихъ дѣлахъ; мы должны теперь подумать о правительствѣ, чтобы спастись намъ самимъ. Развѣ неизвѣстно, въ какое бѣдственное состояніе пришла римская имперія? Мы лишены своего отечества, цѣлость его погибла и ограничена уже тѣсными предѣлами. И все это совершилось при царяхъ, которые, послѣ благополучнаго плаванія, подверглись кораблекрушенію потому, что нехорошо управляли своимъ кораблемъ. Если же и не до точности хорошее управленіе сопровождается такими несчастіями, то какихъ бѣдствій не обѣщаетъ отсутствіе всякаго управленія? У насъ вѣрность престолу почитается, конечно, дѣломъ хорошимъ; хорошо также спасаться подданнымъ, давъ клятву: но если нѣтъ спасенія,— вѣрность становится напрасною. Какой вредъ царству, если къ его попечителю присоединено будетъ самое достоинство? Изъ этого напротивъ произойдетъ гораздо больше пользы. Нося почтенное имя относительно дѣлъ государственныхъ, онъ тѣмъ болѣе утвердитъ власть державнаго: больше, напримѣръ, будетъ имѣть авторитета въ сношеніяхъ съ послами, въ бесѣдѣ съ на-

родами, въ предписаніяхъ, даваемыхъ воинамъ и правителямъ, и ничего не оставитъ не установленнымъ по надлежащему, если будетъ смирять всѣхъ своимъ достоинствомъ. А кто станетъ управлять другими, какъ равными, тотъ не легко навяжетъ имъ свои предписанія и не будетъ имѣть довольно силы въ рукѣ, чтобы наказать противящихся. Мы удивились бы, если бы кто вздумалъ управлять римскою имперіею какъ нибудь иначе, а не монархически. Пусть бы державный былъ и не совершенъ,—онъ долженъ предпочесть безъ сомнѣнія форму монархическую: она, по крайней мѣрѣ въ мнѣніи, будетъ тверже, какъ правильная. Нашъ народъ, знакомый съ единоначаліемъ, гораздо охотнѣе подчинится власти одного: однакожъ надобно, чтобы этотъ одинъ, управляя прочими, превосходилъ всѣхъ силою и достоинствомъ, чтобы онъ самымъ своимъ единствомъ изображалъ монарха, который, если бы по немощи и не могъ управиться со многими, то по своей сосредоточенности побѣждалъ бы ихъ властію. Итакъ избранный быть опекуномъ царя необходимо долженъ имѣть и высокое достоинство. Пусть онъ былъ бы взятъ и изъ среды насъ: оно, все равно, должно принадлежать ему. Чтожъ? скажутъ, будемъ искать другаго, который, не думая о славѣ собственной, былъ бы способенъ принять попеченіе о благѣ общемъ. Но хотя бы онъ и принялъ на себя управленіе государственными дѣлами безъ царскихъ почестей,—самая необхо-

димость велитъ ему, какъ сказано, соединить эти почести съ обязанностію опекуна».

28. Когда это было сказано,—сторону говорившихъ въ пользу Палеолога еще болѣе усилилъ предсѣдатель, который задолго былъ предубѣжденъ, что Палеологъ будетъ управлять хорошо. Такъ можно заключать изъ многаго; для его предубѣжденія сдѣлано нѣчто особенное. Извѣстно, что какъ скоро умеръ царь, патріарху, жившему въ Никеѣ, объявлено было о томъ прежде, чѣмъ узнали другіе; патріархъ же эту вѣсть сообщилъ одному изъ своихъ домашнихъ, Гемисту, который впослѣдствіи достигъ въ городѣ степени великаго Эконома, и когда зашла у нихъ рѣчь о томъ, кому теперь управлять государственными дѣлами, первый предъ всѣми отдавалъ преимущество Палеологу. Предзанятый такимъ убѣжденіемъ, патріархъ тотчасъ присоединился къ говорившимъ за Палеолога и подалъ мнѣніе, что надобно облечь его достоинствомъ Деспота. Такимъ образомъ Палеологъ, вмѣсто великаго Дукса, провозглашенъ Деспотомъ; а царь, при помощи патріарха, выдалъ ему и знаки деспотства. Какъ Деспотъ, онъ безъ сомнѣнія смѣло уже рѣшался на все: сановниковъ привлекалъ къ себѣ всякими почестями и общественными подарками; а изъ того, что дѣлалъ для нихъ тогда, они заключали, что тверды будутъ его обѣщанія и на будущее время, и такимъ образомъ привязывались къ нему видами честолюбія; духовнымъ же лицамъ раздавалъ дары щедрою рукою—тайно

и явно, то въ видѣ необходимыхъ жизненныхъ потребностей, то въ значеніи секретныхъ, ночныхъ посылокъ, нашептывая имъ въ тоже время, что онъ еще не довольно свободенъ, соцарствуя царю. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не могъ не предполагать опасностей и не страшиться, какъ бы зависть не устроила ему такой же гибели, какая постигла Музалоновъ; а потому поддался ужасной подозрительности—въ той мысли, что онъ тотчасъ испытаетъ бѣдствіе, если хоть немного ослабитъ свою внимательность. Но кто поставленъ охранять другаго и въ тоже время, охраняя самаго себя отъ многихъ, боится за собственную свою безопасность, тотъ не можетъ конечно посвящать довольно времени лицу, имъ охраняемому. Всякому позволительнѣе нуждаться въ стражѣ, чѣмъ самому стражу. (29) Предполагая это и подобное этому, Палеологъ тѣмъ постояннѣе и сильнѣе стремился къ верховной власти. Подозрѣвая же всѣхъ, которые имѣли причину быть недовольными настоящимъ правительствомъ и искали лучшаго въ будущемъ, онъ, облеченый силою и могуществомъ, низводилъ ихъ съ служебнаго поприща, и однихъ заставлялъ добровольно оставлять свои посты и жить дома, а другихъ арестовалъ публично: такъ, кромѣ многихъ, посланныхъ въ иныя мѣста, Чамантура послалъ онъ въ Пруссу и держалъ его тамъ подъ стражею, какъ преступника. Въ этомъ отношеніи весьма много содѣйствовали ему подручники его, манимые пріятными надеждами. Въ числѣ такихъ подручниковъ былъ

одинъ изъ его братьевъ Іоаннъ, котораго онъ, какъ бы по волѣ царя, облекъ въ важное достоинство великаго Доместика и допустилъ имѣть значительное вліяніе на дѣла. Тогда же лица, разгорячаемыя еще большими надеждами, пришедши къ патріарху и на Соборъ, говорили, что не будетъ никакого успѣха, если Деспотъ не получитъ еще высшаго достоинства; ибо онъ, послѣ царя, по рожденію, одинъ достоинъ социарствовать ему, и потому, чтобы ни дѣлалъ, долженъ дѣлать, какъ совершенный царь. Если ожидать намъ совершеннолѣтія царственнаго дитяти, то какъ бы оно, охраняемое только попечителемъ, не было кѣмъ нибудь устранено, прежде чѣмъ достигнетъ совершеннаго возраста. Вѣдь нынѣшній опекунъ его управляетъ ходомъ дѣлъ не какъ царь; а потому его личность не недоступна и не тверда. Такъ говорили сановники и убѣдили мягкосердечнаго патріарха. Впрочемъ при этомъ не былъ безпеченъ и Палеологъ: чтобы подѣйствовать на мягкосердечіе священнаго Собора, онъ употребилъ надлежащія средства и съ своей стороны. Итакъ назначенъ день нареченія. То было новолуніе Экатомвеона ([1]), втораго протекавшаго тогда индикта.

([1]) *Екатомвеонъ*. Этимъ именемъ Греки въ мірѣ языческомъ означали первый мѣсяцъ луннаго года. Такое названіе дали они ему отъ принятаго у нихъ обычая—наступленіе новаго года праздновать экатомвою, или принесеніемъ въ жертву богамъ ста быковъ (ἑκατον, βοῦς). Но на какой солнечный мѣсяцъ римскаго календаря падалъ у Грековъ лунный мѣсяцъ Экатомвеонъ? По изслѣдованіямъ Петавія (de doctr. temporum t. I. c. II), онъ долженствовалъ быть около весенняго равно-

30. Между тѣмъ какъ все это происходило, на западѣ Деспотъ Михаилъ, родственникъ недавно царствовавшаго Ѳеодора, услышавъ о состояніи дѣлъ на востокѣ,—о томъ, что по смерти Ласкари, сынъ его Іоаннъ находится еще въ дѣтствѣ, и что Римская имперія чрезъ это предоставляется въ добычу всякому желающему, приводитъ себѣ на память примѣръ дяди своего Ѳеодора. А Ѳеодоръ, бывъ человѣкомъ благороднымъ и даже высшимъ между благородными, во время того перваго возмущенія привлекъ къ себѣ души Римлянъ и, выигравъ много сраженій противъ Италіанцевъ, овладѣлъ царствомъ, получилъ вѣнецъ изъ рукъ Іакова Ахридскаго и, присоединивъ къ своей державѣ западные, населенные Италіянцами города, весьма славился своими подвигами, пока не встрѣтился съ неумолимою судьбою и, взятый Асаномъ, не лишенъ былъ глазъ. Припоминая этотъ примѣръ и хвастаясь безсиліемъ имперіи—тѣмъ болѣе, что италіанскій гарнизонъ въ городѣ былъ слабъ, Михаилъ забралъ въ голову мысль отважную, достойную его благородства. Мысль его была—собравъ сколько можно больше войска, идти къ Константинополю, осадить его, постараться взять и провозгласить себя царемъ Римлянъ;

денствія, слѣдовательно въ Іюнѣ, по Аѳинскому календарю—въ Сентябрѣ, по позднѣйшимъ греческимъ писателямъ—то въ Январѣ, то въ Февралѣ, то въ Мартѣ. Пахимеръ же, зная, что Экатомвеономъ у древнихъ Грековъ назывался первый мѣсяцъ года, а у Римлянъ первымъ мѣсяцомъ года былъ Январь, и не отличая луннаго года отъ солнечнаго, подъ именемъ Экатомвеона разумѣлъ Январь.

ибо, по его мнѣнію, ни Ласкарисъ, ни кто другой не былъ столь способенъ царствовать, какъ онъ, человѣкъ благородный, происходившій изъ дома Ангеловъ. При томъ дочери его были замужемъ—одна за Манфредомъ, царемъ Апуліи, роднымъ братомъ Римской царицы Анны, на которой царь Іоаннъ женился уже въ старости, такъ что Манфредъ былъ зятемъ Деспота по дочери его Еленѣ; а другая Анна за княземъ Ахаіи Вильгельмомъ. Итакъ отправивъ посла къ Манфреду, Михаилъ взялъ отъ него три тысячи воиновъ, мужественнѣйшихъ между Германцами, которыхъ въ Германіи называютъ Кавалларіями, а князя призвалъ со всѣмъ его войскомъ; присоединилъ къ себѣ также и побочнаго своего сына Іоанна, съ значительною дружиною изъ его народа. Этотъ Іоаннъ, женившись на дочери Тарона, и чрезъ то получивъ власть надъ отличнымъ народомъ, могъ и одинъ воевать и завоевывать; потому что управлялъ тѣмъ поколѣніемъ древнихъ Эллиновъ, котораго вождемъ былъ Ахиллесъ, и которое теперь называется Мегаловлахами; [1] такъ что Палеологъ, великій Доместикъ Іоаннъ, Стратигопулъ Алексѣй и третій Рауль Іоаннъ, имѣвши подъ собою значительныя войска, не могли сдѣлать и шагу далѣе Беріи. Стянувъ всѣ сказанныя когорты и

---

[1] Мегаловлахіею въ тѣ времена называлась гористая часть Өессаліи. Nicetas de Balduino Flandro p. 313 ed. Bas. an. 1557. Эти самые средневѣковые Мегаловлахи въ древнія времена Греціи назывались Фтіотами и во время Троянской войны были подъ управленіемъ Ахиллеса, Observ. Petri Possini ad calcem Pachimeri.

сверхъ того двинувъ собственныя, очень большія ополченія, Деспотъ думалъ сперва ударить на тѣхъ военачальниковъ и, разбивъ ихъ, занять Θессалонику, а потомъ, перебѣжавъ западъ, напасть на Константинополь. Это было тогда благовременно—и по той причинѣ, что Манфредъ, какъ бы по наслѣдству отъ отца своего Фридерика, питалъ непріязненное чувство противъ Церкви, и потому Германцамъ не дико было сражаться съ находившимися въ Константинополѣ Италіанцами. Да и князю пріятно было надѣяться, что онъ, кромѣ всей Ахаіи, завладѣетъ и Мореею. Итакъ, когда войска были собраны въ одно мѣсто и съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ (ибо и Римскіе военачальники, узнавъ о сосредоточеніи италіанскихъ армій, не могли оставаться спокойными, но и сами вооружались), особенно же когорты Деспота едва удерживались отъ нападенія; въ это самое время между ними произошло тоже, что между тремя богинями, по случаю брошеннаго имъ Эрисою яблока для возбужденія спора о прекраснѣйшей: причина была почти одинакова. (31) Говорятъ, что вельможи князя, называемые въ той странѣ Кавалларіями, ослѣплены были страстію къ женѣ Дукса Іоанна, которая, какъ сказано, была дочь Тарона. Этимъ ея мужу явно нанесено было такое оскорбленіе и презрѣніе, что онъ въ ярости выходилъ изъ себя и грозился отмстить оскорбителямъ. Тогда воспламенилась сильная вражда съ обѣихъ сторонъ и вооружила ихъ къ войнѣ; такъ что

призванные къ соединенному дѣйствію на непріятеля, они противостали другъ другу. Послѣ того и самъ князь, видя это, сталъ, говорятъ, досадовать на такую вражду и, не имѣя силъ бранить своихъ, съ насмѣшками порицалъ Дукса и слишкомъ открыто вмѣнялъ ему въ безчестіе незаконность его рожденія. Вотъ этотъ— мой братъ, сказалъ онъ однажды, указывая на Никифора, а ты—сынъ блуда, ты не свободный человѣкъ, а рабъ. Когда произнесъ это князь съ крайнимъ раздраженіемъ, — Іоаннъ, по чувству мщенія, явился настоящимъ Ахиллесомъ и, желая доказать, что самъ составляетъ главную силу союзной арміи и что куда обратится, тамъ будетъ и побѣда, тайно, ночью послалъ къ Римскимъ вождямъ извѣстіе, что какъ скоро Римляне нападутъ , онъ тотчасъ присоединится къ нимъ и съ своими войсками устремится на изнѣженныхъ и безпечныхъ Италіанцевъ. Іоаннъ при этомъ взялъ однакожъ отъ Римскихъ вождей клятву — жизнь отца его и брата Никифора сохранить неприкосновенною, и нападать со всею силою только на прочихъ, особенно же на подвластныхъ князю Италіанцевъ. Когда эти условія были постановлены и утверждены сопровождаемымъ клятвою обмѣномъ амулетовъ, — завязалось сильнѣйшее сраженіе—съ одной стороны между Римлянами и множествомъ Персовъ и Скиѳовъ, съ другой — между подвластными князю Италіанцами; а отцу и брату Іоаннъ внушилъ, что бы они съ своимъ войскомъ, принявъ угрожающій видъ, оста-

вались безъ дѣйствія и не только не участвовали въ битвѣ, но и отступили; самъ же онъ, напавъ на тылъ Италіанскихъ когортъ, производилъ тамъ ужасы. Тогда Италіанцы узнали, что они преданы, и обратились въ бѣгство, но не убѣжали отъ опасности. Многіе изъ нихъ были настигнуты и переколоты Скиѳскимъ войскомъ, а другіе забраны Персами. Наконецъ и самъ князь, спрятавшійся гдѣ-то въ кустарникѣ и надѣявшійся тамъ уцѣлѣть, не успѣлъ въ этомъ: нашли его и подвергли постыдному плену. И тутъ въ короткое время легко совершено великое дѣло: немного было труда, а польза огромная. Военачальники собрали при этомъ удивительное множество добычи, а самаго Ахайскаго князя, вмѣстѣ съ уцѣлѣвшимъ его войскомъ, повели на востокъ, укрѣпивъ напередъ, сколько было можно, западныя границы, что бы онѣ могли быть легко охраняемы. Прибывъ домой съ славными трофеями, Стратигопулъ нашелъ тамъ государственныя дѣла еще не совсѣмъ въ покойномъ состояніи и немало содѣйствовалъ Палеологу въ его стремленіяхъ. Въ то время князя посадили подъ стражу: но послѣ, когда городъ былъ взятъ (ибо кстати надобно сказать и объ этомъ, что бы повѣствованіе не прерывалось, хотя это дѣло произошло и впослѣдствіи),—и такъ когда, спустя два года, городъ былъ взятъ, князь склонилъ предъ царемъ гордую свою голову и первый говорилъ, что видитъ въ немъ обладателя Романіи, справедливо получившаго престолъ, первый при-

зналъ свое подданство и палъ къ ногамъ царя, уже окончательно провозглашеннаго, даже предлагалъ самый высокій выкупъ за свое освобожденіе, если бы только царь согласился освободить его. Это предложеніе не имѣло бы для Римлянъ никакой цѣны, если бы городъ не былъ въ ихъ рукахъ; а теперь можно было и съ удовольствіемъ принять предлагаемый выкупъ, и не мало хвалиться такимъ дѣломъ. Поэтому князь съ своей стороны объявилъ себя на всегда рабомъ Римскаго царства и принялъ отъ царя нѣкоторый символъ этого рабства; а царь, слыша о выкупѣ и находя его достаточнымъ (ибо отдаваемы были города и земли Пелопонеса въ такомъ количествѣ, что владѣльцу ихъ предоставляли полное право на Деспотство), соображая также и послѣдствія рабства, какое принималъ на себя Латинянинъ, что то-есть оно доставитъ Римлянамъ и величіе и выгоду, заключилъ касательно освобожденія его надлежащія условія. Послѣ сего князь со всѣми окружавшими его и мучившимися съ нимъ подъ стражею, выпущенъ былъ изъ темницы, удостоенъ почестей, принятъ надлежащимъ образомъ, и сдѣлался столь близкимъ къ царю, что послѣдній, въ знакъ совершеннаго примиренія съ нимъ, избралъ его даже въ воспріемники собственнаго своего сына отъ святой купѣли крещенія. Этого мало: они связали себя, какъ нѣкоторые говорятъ, такою страшною клятвою, что возжигали мстительный огонь, полагая на себя обѣты проклятія и смерти; а это у Ита-

ліанцевъ совершается какъ вѣрное ручательство за погибель нарушителя договора. Договоръ же у нихъ состоялъ въ слѣдующемъ: Князь отдастъ Римлянамъ и царю въ неотъемлемое обладаніе мѣста въ Пелопонесѣ: Монемвасію, Маину, Іеракіонъ, Мизитру (но Анаплъ и Аргосъ оставались подъ сомнѣніемъ), также всю территорію вокругъ Кинстерны, имѣющую большое протяженіе и изобилующую великими благами; сверхъ того и самъ онъ всегда будетъ называться рабомъ Римлянъ и царя, и въ знакъ своего рабства не откажется исполнять возлагаемыя на него обязанности. А царь почтитъ его достоинствомъ великаго Доместика и отпуститъ вмѣстѣ со всѣми оставшимися при немъ соотечественниками. По силѣ такого договора, князь отпущенъ былъ съ надлежащими почестями, и вмѣстѣ съ нимъ отправлены лица для принятія условленнаго выкупа. Прибывъ домой, онъ объявилъ себя княземъ Ахаіи и великимъ Доместикомъ Римской Имперіи, и тотчасъ по прибытіи, нисколько не медля, выдалъ обѣщанный выкупъ. И до конца остался бы онъ вѣренъ своему договору съ Римлянами, называясь именемъ должностнаго Римлянина, если бы не разстроилъ этого папа. Услышавъ о заключенныхъ княземъ условіяхъ, онъ разгнѣвался и, особенно возбуждаемый царемъ Апуліи, который всячески умолялъ его (ибо неполезнымъ казалось быть въ вѣчномъ союзѣ съ Римскимъ дворомъ), уничтожить тотъ договоръ, снялъ клятву съ князя, какъ бы на томъ основаніи, что она дана

была въ темницѣ и въ узахъ, а не произвольно, какъ слѣдовало. Отсюда между договаривавшимися сторонами впослѣдствіи непрестанно воспламенялись жестокія войны. Такъ шли тогда дѣла.

32. Между тѣмъ Деспотъ Михаилъ, лишившись многихъ войскъ (потому что большая часть ихъ состояла изъ вспомогательныхъ когортъ Ахайскаго князя) и сверхъ того впослѣдствіи потерпѣвъ много зла отъ арміи Севастократора Іоанна Палеолога, находился въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ,—не имѣлъ ни довольно земли, ни достаточно вооруженныхъ силъ. Поэтому онъ посылаетъ къ царю Апуліи Манфреду, своему зятю по дочери и, принявъ отъ него вспомогательное войско, передаетъ военныя свои силы помощнику своему, сыну Никифору. Никифоръ, схватившись съ Кесаремъ близъ Трикорифа, нанесъ Римлянамъ страшное пораженіе, положилъ на мѣстѣ весьма много Никеянъ, перебилъ или схватилъ живыми множество другихъ, и даже взялъ въ плѣнъ самаго Кесаря. Впрочемъ Кесарь, по заключеніи мира, освобожденъ и потомъ дѣйствовалъ подъ Константинополемъ, о чемъ вскорѣ будетъ сказано. Впослѣдствіи же, сражаясь опять съ западными, онъ снова взятъ былъ въ плѣнъ Деспотомъ Михаиломъ и отосланъ къ царю Апуліи Манфреду, который сперва держалъ его у себя подъ стражею, а потомъ вымѣнялъ за него сестру свою Деспину Анну. Но объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

КНИГА ВТОРАЯ.

1. Крайняя и неотразимая необходимость связала патріарха Арсенія новою заботою возвесть Палеолога на престолъ; потому что, кромѣ немногихъ, которые имѣли въ государствѣ не важное значеніе, и которыхъ мнѣнія заглушаемы были голосомъ многихъ и значительныхъ лицъ, всѣ другіе явно и единодушно высказывали желаніе, чтобы царствовалъ надъ ними Палеологъ. Наилучшее царствованіе, говорили они, есть не наслѣдственное, которое получить, по скользкому жребію судьбы, можетъ иногда человѣкъ недостойный, и не родовое, которое часто предвосхищается людьми развратными и самыми дурными, какимъ хорошій правитель не захотѣлъ бы дать мѣсто и въ ряду своихъ подданныхъ,—но то, которое предоставляется правительственному лицу испытанной и высокой доблести. Такое только царствованіе и полезно народу; потому что такіе только правители знаютъ, для чего призваны они властвовать. Мы достойнымъ своего имени врачемъ не назовемъ того, кто возстановлять здоровье больныхъ назначенъ или случаемъ или происхожденіемъ; такимъ же образомъ, судя по происхожденію и о кормчемъ, мы ввѣримъ управленіе кораблемъ не кормчему, а скорѣе то-

пителю. Есть причины опасаться, что рожденный на престолѣ, имѣя нужду въ очищеніи себя и образованіи для хорошаго царствованія, будетъ особенно нечистъ; потому что въ царскомъ дворцѣ сопровождаютъ его роскошь и нѣга, бесѣдуетъ съ нимъ лесть, закрывается отъ него истина, и самое дурное поддѣлывается для него подъ самое хорошее; такъ что льстецы, по старинной поговоркѣ [1], могутъ слышать гармонію даже въ кашлѣ больнаго царственнаго дитяти.—А кто осмѣлился бы хрюкнуть какое нибудь наставленіе, того вдругъ назовутъ вольнодумцемъ и самымъ негоднымъ человѣкомъ, принимая его наставленіе за приказаніе. Огорчаясь и сами тѣмъ, что дѣлается, они однакожъ не менѣе ласкательствуютъ, чрезъ мѣру честятъ правителя и тѣмъ надмѣваютъ его самомнѣніе. Правитель, прикрываясь, будто на сценѣ, различными масками, порукою за наилучшее царствованіе почитаетъ свой родъ, такъ какъ бы уже въ первомъ верженіи сѣмени заключались какія-то царскія силы для превосходнѣйшаго управленія. Говоря такимъ образомъ, многіе Римляне сильно желали скорѣе видѣть на престолѣ Деспота и вѣнценосца, и непрестанно настаивали, чтобы Арсеній взялся за это дѣло. Тѣ же мысли питалъ и Палеологъ, утверждая, что если сынъ его будетъ признанъ недостойнымъ царствованія,—онъ самъ устранитъ его отъ престола. Кромѣ того, онъ обѣ-

(1) Погречески: ἐμμελὲς βήττειν. Эту самую поговорку Ювеналъ (satyt. 3) выражаетъ нѣсколько иначе: landare paratus si bene ructavit.

щалъ совершить много важныхъ дѣлъ: возвысить Церковь; сколько можно болѣе чтить духовенство; достойнѣйшихъ между сановниками украсить величайшими титулами; устроить справедливое рѣшеніе дѣлъ въ судахъ; поставить безкорыстныхъ судей (изъ которыхъ самаго главнаго дѣйствительно прозвалъ онъ Михаиломъ Какосомъ и Сенихиримомъ, вооруженнымъ многими причинами и законами), возстановивъ старинное, вышедшее изъ употребленія достоинство Протасинкрита, и учредивъ подъ нимъ Асинкритовъ, которые судили бы нелицепріятно и неподкупно; почтить также ученость и людей ученыхъ возвысить надъ другими; болѣе же всего любить войско, и содержаніе воиновъ— пали ли они въ битвѣ, или умерли дома, передавать ихъ дѣтямъ, хотя бы дитя, по смерти отца, находилось еще въ утробѣ матери; что же касается до несправедливыхъ вымогательствъ, то не терпѣть и самаго имени ихъ, не давать мѣста наговорамъ, отмѣнить по этому поводу поединки, отмѣнить и желѣзо, такъ какъ отъ сего способа узнавать истину можетъ произойти величайшая опасность, когда бы кто изъ людей сильныхъ и имѣющихъ власть вздумалъ принуждать кого нибудь держать въ рукахъ раскаленный металъ; гражданскую же жизнь оградить чуждымъ страха миромъ, такъ чтобы и бѣдные люди могли составить себѣ достаточное состояніе, хвалиться имъ и ничего не бояться; болѣе всего слушаться Церкви, почитать ее, какъ и слѣдуетъ, своею матерью, и всяче-

ски стараться о ея умиротвореніи. Къ этому Палеологъ прибавлялъ, что царствовавшаго предъ тѣмъ можно было подозрѣвать въ незаботливости о содержаніи Церкви и въ царскомъ превозношеніи надъ нею; отчего патріархъ терпѣлъ много оскорбленій съ разныхъ сторонъ и не имѣлъ силы защищать народа, не былъ выслушиваемъ, хотя бы говорилъ за кого нибудь и справедливо. Все это двоило тогда мысли какъ патріарха, такъ и архіереевъ, заботившихся о будущемъ: всѣ они дѣлились на партіи, и каждая изъ нихъ была сильна. Имѣвшіе въ виду благо государства, полагали, что хорошее дѣло и для подданныхъ спасительное, когда царствуютъ два лица: одно — именемъ, до совершеннолѣтія, а другое—самымъ дѣломъ. Тѣже, которые смотрѣли на будущее, ожидали, что для благоденствія народа болѣе всего сдѣлаетъ Палеологъ,—особенно когда слышали о его обѣщаніяхъ и высказанныя имъ намѣренія принимали какъ бы уже за самыя дѣла. Съ другой стороны, первые опять, представляя, что правленіе единодержавное чуждо всякихъ споровъ и раздоровъ, а гдѣ царствуютъ двое, тамъ неизбѣжны возмущеніе и вражда, потому что тамъ одна партія обезпокоивается подозрѣніемъ, подъискивается подъ другую, и наконецъ одинъ изъ двухъ—слабѣйшій, гибнетъ отъ сильнѣйшаго,—и тѣ первые начинали разногласить между собою и отказывались отъ своего мнѣнія. Царствованіе конечно есть дѣло вождѣленное и выше всего; но въ тоже время оно—самое доступное

подозрительности: такъ что, если и нѣтъ зла, оно воображаетъ что нибудь злое, по одному подозрѣнію; а когда зло дѣйствительно есть, оно нудитъ самаго правителя совершать что нибудь злое. Поэтому правитель царствуетъ безопасно, воставая только противъ того, чего нѣтъ. А кто въ самомъ дѣлѣ подъискивался бы подъ него; тотъ, что бы не показаться несправедливымъ, подъискиваясь подъ монархію, сошлется на софизмъ, высказанный въ одной трагедіи: «когда ужъ человѣку, запятнанному именемъ несправедливаго, надобно совершить несправедливость; то всего лучше совершить ее въ отношеніи къ тиранніи». Разсуждая подобнымъ образомъ, духовные и боялись, и вмѣстѣ готовы были содѣйствовать стремленіямъ Палеолога: но такъ какъ мнѣнія ихъ являлись взаимно противоположными, то ничего и не дѣлалось, а только всѣ наперерывъ говорили. Наконецъ побѣдило небесное опредѣленіе. Весьма многіе, даже почти всѣ были расположены ввѣрить власть Палеологу; однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ считали справедливымъ—противупоставить ему страшную клятву, заклиная царей не умышлять другъ другу никакого зла. (2) Этимъ они хотѣли устранить всякое подозрѣніе, будто содѣйствуютъ видамъ искателя престола; ибо въ противномъ случаѣ Соборъ архіереевъ расторгъ бы, какъ ткань паука, тѣ условія, которыя Палеологъ заключилъ и подписалъ съ дѣдомъ царя — ничего не замышлять противъ царскаго рода, сколь бы далеко онъ ни распространился.

Такое мнѣніе Собора не имѣло въ себѣ ничего худаго для лица царствующаго, а напротивъ придавало ему содѣйствователя и неизмѣннаго охранителя, пока дитя, требующее помощи, современемъ не воспріиметъ власти само. Это опредѣленіе Палеологъ брался выполнить тѣмъ верже и ненарушимѣе, что въ немъ новыя обѣщанія примирялись съ прежними условіями, запечатлѣнными клятвою, и что, злоумышляя противъ дитяти, онъ нарушилъ бы тѣ и другія. Впрочемъ и самъ онъ, на оборотъ, требовалъ присяги и клятвы въ томъ, что юный царь не затѣетъ противъ него никакого замысла и подчинится той же необходимости. Это дѣло получило ходъ: клятвы скрѣплены записями, и записывавшій ихъ былъ поставленный тогда Протасинкритъ Какосъ. (3) Вслѣдъ за тѣмъ приказано Римлянамъ во всѣхъ областяхъ имперіи, по обыкновенію, присягнуть на рабство обоимъ царямъ. При чемъ, для большей безопасности того и другаго, въ манифестѣ прибавлено, что подданные готовы будутъ простерѣть мстительную руку на того, кто вздумалъ бы коварствовать противъ своего товарища. Къ присягѣ сдѣлана эта прибавка между прочимъ, думаю, по побужденію страха, а не ради истинной нужды; ибо тутъ видно было, что сдѣлавшіе прибавку, если бы коварство случилось, воспламенили бы только домашнюю войну. Тѣмъ не менѣе однакожъ это понравилось, и мнѣніе осуществлено самымъ дѣломъ: клали руки и клялись на святомъ Евангеліи, что будутъ слу-

жить обоимъ и все исполнятъ по силѣ присяги. (4) Наконецъ наступилъ торжественный день, то есть, какъ было сказано, новолуніе Экатомвеона. Первый присягнулъ дитяти-царю самъ, возводимый на царство,—присягнулъ, не въ томъ однакожъ, что будетъ служить ему, а въ томъ что будетъ давать совѣты и не дозволитъ себѣ замышлять противъ него что нибудь злое. Присягали и вельможи, что будутъ служить обоимъ, и что коварствующему тотчасъ отмстятъ, какъ скоро вздумаетъ онъ коварствовать. По принесеніи присяги, приготовляющійся царствовать садится на царскій щитъ, потомъ прежде всего надѣваетъ на ноги царскую обувь и, поднятый съ одной стороны руками архіереевъ, съ другой—руками вельможъ, съ торжественными восклицаніями и рукоплесканіями провозглашается Августомъ.

5. За тѣмъ принесли ему поздравленіе члены Сената, причемъ одни изъ нихъ получили подарки, а другимъ даны обѣщанія. Роднаго своего брата Іоанна, бывшаго великимъ Доместикомъ, женилъ онъ на дочери Константина Торникія; слѣдовавшее же ему достоинство было отложено, а другаго изъ своихъ братьевъ, Константина, тогда еще частнаго человѣка, намѣревался онъ современемъ почтить достоинствомъ Кесаря, теперь же соединилъ его узами брака съ благородной дочерью Враны, чтобы посредствомъ брачныхъ союзовъ привлечь на свою сторону домы главныхъ сановниковъ имперіи. Да и членамъ Сената выказалъ онъ высокое

вниманіе, увеличивъ ихъ доходы, и вообще отпустилъ всѣхъ обрадованными; потому что одни получили уже что нибудь доброе, а другіе получить надѣялись. Что же касается до войска и народа, то людямъ военнымъ назначилъ онъ ежедневное продовольстіе, выполнилъ все, что обѣщано было имъ хрисовулами, и возбудилъ въ нихъ готовность служить всегда, такъ какъ бы они были безсмертными; потому что жизнь ихъ была обезпечена и съѣстные припасы выдавались имъ даже на дѣтей. А народу услужилъ онъ тѣмъ, что отворилъ тюрьмы, снялъ съ должниковъ казенные недоимки, пожаловалъ бѣднымъ обильныя средства жизни, защитилъ обиженныхъ и вознаградилъ ихъ своею щедростію; такъ что, едва поступала на кого либо жалоба, тотчасъ готовъ былъ царскій указъ, повелѣвавшій удовлетворить желанію просителя; хотя чрезъ два года потомъ всѣ эти указы были отмѣнены. А кто, обезпокоиваемый по поводу чего нибудь, предъявлялъ милостивую грамоту, выпущенную тотчасъ втораго индикта и освобождавшую челобитчика отъ платежа; въ пользу того дѣло не подвергалось точному расчисленію времени. По этимъ и другимъ причинамъ, изъ казнохранилища износимо было много денегъ: пользуясь собраннымъ для угожденія народу, Палеологъ исчерпывалъ казну обѣими руками и мотовски расточалъ то, что собираемо было скряжнически. Все это было такъ.

6. Вскорѣ новый царь, задумавъ между дѣломъ укрѣпить замки и вмѣстѣ лично показать

Римлянамъ того, кто нареченъ царемъ, положилъ отправиться въ Филадельфію, а царственное дитя оставлялъ въ Магнезіи, оградивъ его, какъ слѣдовало, царскою свитою. Новому царю сопутствовалъ весь корпусъ тѣлохранителей, окружавшій его съ величайшею преданностію и готовый для него на всѣ труды, на всякую битву,—гдѣ и съ кѣмъ бы то ни было. Между тѣмъ послалъ онъ въ Никею патріарха, давъ обѣщаніе вскорѣ пріѣхать тудаже съ юнымъ царемъ, что бы обоимъ имъ вѣнчаться на царство. Итакъ патріархъ вмѣстѣ съ клиромъ и архіереями, простившись по обыкновенію съ царями, направился къ Никеѣ; а царь, взявъ съ собою войско и простившись съ сановниками государства, поѣхалъ въ Филадельфію. Остановившись въ этомъ городѣ, онъ распоряжался укрѣпленіемъ замковъ; однихъ посылалъ туда, а другихъ, возвращавшихся оттуда, принималъ и награждалъ, какими только могъ, дарами, чрезъ что возбудилъ въ нихъ усердіе къ гарнизонной службѣ и окрылилъ ихъ лестными надеждами. Поѣхавъ потомъ немного далѣе и обогнувъ всю цѣпь укрѣпленій, онъ, то ласковыми рѣчами, то щедрыми подарками, то обѣщаніями, а иногда примѣшиваемымъ къ кротости страхомъ, всѣ случайности упорядочилъ по царски, и тамошнія крѣпости привелъ въ самое безопасное, какое могъ, состояніе; ибо на западъ смотрѣлъ онъ съ безпокойствомъ и видѣлъ, что тамъ готовятся востанія, если не обуздаетъ враговъ какой нибудь благопріятный случай. Потомъ онъ от-

правилъ пословъ въ Персію—частію для того, что бы извѣстить султана о своемъ возшествіи на престолъ,—и эта вѣсть долженствовала быть ему пріятна,—а частію и для того, что бы сообщить ему о ходѣ дѣлъ въ имперіи, какъ своему другу, которому новый царь былъ довольно извѣстенъ; самъ же, быстро возвратившись и взявъ съ собою царственное дитя, съ чрезвычайною пышностію и многочисленнымъ конвоемъ отправился въ Никею. По прибытіи туда, нисколько не медля (ибо смотря на то, что дѣлалось на западѣ, медлить было нельзя), стали готовиться къ коронованію. Тогда всѣ думали, какъ и слѣдовало, что прежде будетъ коронованно и провозглашено дитя, и что въ торжественной процессіи онъ пойдетъ впереди, а Палеологъ и его супруга примутъ вѣнцы послѣ него и, по обычаю царскихъ выходовъ, послѣдуютъ за нимъ (7). Но тутъ многіе увидѣли первый шагъ коварства и вѣроломства.—Сановники конечно предзаняты были благодѣяніями и надеждами; языкъ ихъ, исключая немногихъ, связанъ былъ честолюбіемъ,—и они, смотря на то, что дѣлалось, хранили молчаніе. А нѣкоторые, потерпѣвшіе зло отъ отца дитяти, видя униженіе послѣдняго, этимъ даже какъ будто удовлетворяли своей мести и радовались. Патріархъ же надѣялся, что въ условіяхъ ничто не будетъ нарушено, и далѣе не обращалъ ни на что вниманія. Между тѣмъ Палеологъ сообщилъ нѣкоторымъ архіереямъ мысль, что непристойно дитяти не совершеннаго возраста короноваться первому и

въ торжественныхъ процессіяхъ предшествовать тому, кто достигъ уже мужескаго возраста и провелъ свою жизнь среди государственныхъ дѣлъ. Архіереи дали ему обѣщаніе, что и сами будутъ одобрять это, и, какъ поборники праваго слова, убѣдятъ патріарха, что бы коронованіе дитяти отложено было до болѣе удобнаго времени. Отсюда само собою слѣдовало, что если царственное дитя не будетъ вѣнчано въ тотъ же день, то и въ провозглашеніяхъ, и во всемъ прочемъ, станетъ оно позади вѣнчаннаго. Впрочемъ надобно, говорили, скрывать это намѣреніе, и объявить его уже при самомъ совершеніи церемоніи, что бы, предузнавъ о томъ, имѣющій дать вѣнецъ не отложилъ коронованія.

8. Въ такомъ состояніи были дѣла. Наконецъ наступилъ торжественный день вѣнчанія: все было готово; архіереи облачились въ священныя одежды, что бы совершить обрядъ, и ждутъ царствующихъ особъ. Но вдругъ открылся замыслъ, произошло смятеніе, и одни говорили то, другіе—другое. Нѣкоторые изъ сенаторовъ грозились даже, что они худо поступятъ съ дитятею и умертвятъ его, если Церковь захочетъ сдѣлать иначе. Говоръ становился силенъ и раздавались споры. Патріархъ былъ въ затрудненіи и не зналъ, къ которой пристать сторонѣ. День проходилъ, а согласиться еще не могли. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, всѣ архіереи, кромѣ не многихъ, кое-какъ склонились на сторону Палеолога. Эти немногіе были Андроникъ Сардскій, Мануилъ Өессалоникскій, по про-

званію Псарасъ, и Дисипатъ. Сардскій, вмѣстѣ съ патріархомъ, покрайней мѣрѣ видѣлъ, что къ утвержденію такого постановленія много содѣйствовали—Орестіадско-адріанопольскій епископъ Германъ, Анкирскій Григорій и Меланrійскій Константинъ; а Ефесскій Никифоръ, мужъ благочестивый и высоко уважаемый, по своей простотѣ, даже и не подозрѣвалъ въ этомъ постановленіи злаго умысла и тотчасъ подписалъ его. Такъ думали и многіе другіе. Патріархъ понималъ, что его обманули, но поставленный въ крайнюю необходимость, не зналъ что дѣлать. Впрочемъ, эти все-таки подписали опредѣленіе; а Ѳессалоникскій не хотѣлъ и слышать о немъ, не позволялъ себѣ коснуться его и пальцомъ, но требовалъ, что бы вездѣ былъ впереди наслѣдникъ царя. Когдаже Палеологъ вспомнилъ о словѣ Μαρπου, и чрезъ посланнаго сталъ укорять Мануила, что самъ онъ, еще при жизни покойнаго царя, предсказывалъ ему царствованіе, хотя видѣлъ въ немъ только частнаго человѣка,—Мануилъ признался и изъявилъ готовность принять его и чтить, если вовсемъ будетъ предшествовать ему наслѣдникъ царя. Между тѣмъ стоявшіе подлѣ Мануила толковали ему, что и дитя хочетъ, что бы Палеологъ коронованъ былъ одинъ, и что, обращаясь къ архіерею съ любовію, оно лепечетъ ему о своемъ на то согласіи, лишь бы только остаться живымъ и не потерпѣть ничего худаго; ибо многіе грозились убить его, если оно будетъ противиться, и стоявшіе тутъ Кельтическіе сѣки-

роносцы, смотря потому, что прикажутъ старшіе, готовы были и охранять его и нанести ему ударъ. Архіерей впрочемъ обращалъ мало вниманія на слова одного дитяти и стоялъ за него твердо: но наконецъ стоять не могъ; потому что многіе обнаружили негодованіе и гнѣвъ, — какъ смѣетъ онъ одинъ идти противъ такого множества. Побѣжденный этимъ множествомъ, и онъ подписалъ актъ, хотя достаточно, повидимому, утѣшалъ себя тѣмъ, что въ душѣ продолжалъ быть одинаковымъ; ибо избирая, по словамъ поэта (¹), подобное въ смыслѣ худаго, открыто говорилъ, что его подпись вынуждена необходимостію и несогласна съ его убѣжденіемъ, что онъ скрѣпляетъ это дѣло, сознавая его вовсе не какъ хорошее и благопріятное, а какъ требуемое необходимо и насильственно, и что подобное въ этомъ случаѣ онъ принимаетъ такъ же, какъ поэтъ принималъ подобную войну и подобную старость.

И такъ, когда царственный обрядъ былъ совершенъ, и вѣнценосцамъ надлежало идти въ царскія палаты,—впереди шли принявшіе вѣнецъ, а за ними слѣдовало дитя—не въ царскомъ вѣнцѣ, а подъ однимъ священнымъ покровомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями и жемчу-

---

(¹) Пахимеръ указываетъ здѣсь на нѣкоторыя мѣста въ Иліадѣ Омира, напр. і. v. 440 *νήπιον, οὔπω εἰδόϑ' ὁμοίϊȣ πολέμοιο*, и *δ. υ* 320 *ἀλλὰ σὲ γῆρας τείρει ὅμοιον*. На эти слова древній схоліастъ, вѣроятно Дидимъ, дѣлаетъ такое замѣчаніе: *ἰστέον δ'ὅτι ὁ ποιητὴς πανταχοῦ τὸ ὅμοιον 'επὶ τοῦ φαύλȣ λαμβάνει*. Точно такъ же слово *ὅμοιος* принимается въ смыслѣ *τοῦ φαύλȣ* и у Евстаѳія (р. 476).

гомъ. Да ему до этого и надобности не было; оно этого и незамѣчало: тогда каждый занимался только собою, а на другихъ не смотрѣлъ. Мы знаемъ, что впослѣдствіи всѣхъ ихъ постигъ судъ Божій; (9) а въ то время оставленное въ небреженіи дитя проводило жизнь въ дѣтскихъ забавахъ. Между тѣмъ царствующій то и дѣло ораторствовалъ, ласкалъ народъ и въ толпы его обѣими руками бросалъ золото. Облагодѣтельствованные, сходясь, прославляли благодѣтеля, а дитя и его интересы упускали изъ виду и не знали, какое отсюда можетъ произойти зло: между тѣмъ отсюда то именно и начался замыслъ одного царя противъ другаго. Въ самомъ дѣлѣ, что теперь вышло? Тогда какъ не засохли еще и чернила договорной граматы, народъ уже забылъ, что онъ обязался извлечь мечь на нарушителя договора. Столь же безпечнымъ оказывался и церковный клиръ. Но облеченные саномъ архіерейскимъ, не имѣя силъ защитить права царственнаго дитяти, по крайней мѣрѣ приступали къ народу и напоминали ему о страшныхъ клятвахъ, какимъ долженъ подвергнуться одинъ изъ царей,—либо тоесть поднять междоусобную войну и быть убитымъ, либо навлечь на себя величайшій гнѣвъ Божій вѣроломствомъ. Но видно справедлива простонародная поговорка: чему быть, того не отвратитъ и сама мудрость. Палеологъ наораторствовавшись, рыскалъ на конѣ и, съ своими правителями забавляясь бросаніемъ копья и гоньбою шара, увеселялъ собою зрителей. Рѣчами своими онъ распола-

галъ народъ къ такой безпечности, а приближенныхъ къ себѣ обольщалъ такими сладкими надеждам напрекрасную жизнь въ будущемъ, что напоминалъ имъ даже о древнихъ отношеніяхъ гражданъ, имѣвшихъ форму свободы; а эта форма свободы состояла въ томъ, что бы, расчесывая бороду, завивать ее и необузданно веселиться, либо завивкою раздѣлять ее на двое,—и я смотрѣлъ на нихъ съ восторгомъ, представляя, что такъ приказалъ царь, обѣщающій быстрое движеніе дѣлъ государственныхъ. Не знаю, откуда-то явились тогда и предрекатели будущаго, и людямъ веселымъ совѣтовали завиваться—въ надеждѣ, что этимъ занятіемъ они заглушатъ въ себѣ скорбь, когда впослѣдствіи придется имъ терпѣть голодъ. Были однакожь люди, не внимавшіе такимъ справедливымъ рѣчамъ, но питавшіеся добрыми надеждами, хотя говорили имъ и страшное. Вѣрны ли были предсказанія,— время показало, и мы въ своемъ мѣстѣ скажемъ объ этомъ, не прибавляя ничего къ истинѣ.

Проведши нѣсколько дней въ Никеѣ, Палеологъ наконецъ нашелъ нужнымъ возвратиться въ Нимфей; а потому, простившись съ патріархомъ, взялъ дитя, о которомъ обѣщался пещись, и отправился вмѣстѣ съ сановниками и войскомъ. (10) Прибывъ въ Нимфей, принималъ онъ персидскихъ пословъ и дары; да и султана, который ожидалъ тогда нападенія на себя и находился въ сомнительныхъ обстоятельствахъ, обѣщалъ, если онъ придетъ, принять съ отверзтыми объятіями, а когда волненіе прекратится,

отпустить его опять сохранно. Въ то время шелъ на него Меликъ, и онъ боялся, что не въ состояніи будетъ противустоять этому непріятелю, потому что не можетъ выставить противъ него стольже сильнаго войска. Порукою за свою безопасность султанъ представлялъ давнее свое знакомство съ Палеологомъ. Присылали къ царю пословъ и константинопольскіе Италіанцы, и онъ заключилъ съ ними перемиріе, увѣряя, что скоро заключитъ и прочнѣйшій миръ, если они выполнятъ нѣкоторыя требованія. Впрочемъ пословъ римскихъ и изъ Римлянъ принялъ онъ, сколько могъ, благосклонно и, не имѣя ничего въ городѣ, обѣщалъ удовлетворить ихъ искательствамъ, когда овладѣетъ имъ, что утвердилъ и хрисовулами. Съ той поры относился онъ къ нимъ, какъ людямъ частнымъ, изъявляя имъ и получая отъ нихъ знаки довѣренности; но подписаніе мирнаго трактата все откладывалъ, надѣясь чрезъ бесѣду съ ними узнать что нибудь больше. Между тѣмъ сильно озабочивало его состояніе западныхъ дѣлъ. Онъ отправляетъ на западъ съ многочисленнымъ войскомъ брата своего Іоанна, бывшаго тогда еще великимъ Доместикомъ. (11) Этотъ, прибывъ туда, казалось, дышалъ вездѣ страхомъ: пламенѣя огнемъ юности и окрыляясь многочисленнымъ войскомъ, онъ налету беретъ крѣпость Канину крѣпость Бѣлградскую, Пологъ ([1]) и Колонію,

---

([1]) Пологъ находился въ окресностяхъ верхняго Вардара (въ Ахіи). Въ значеніи области, это была Пелагонія. Она извѣстна изъ граматъ Серб-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

покоряетъ Касторію ([1]), Пелагонію, Дуры, Черниковъ, Діаволисъ, Прилапъ ([2]), Бодену, Бостръ, островъ на Лиманѣ, Петру ([3]), Преспу ([4]), Стеридолъ, Ахриду, крѣпости Иллирійскія, и простеръ свое оружіе до самаго Диррахія. Кромѣ того, напалъ онъ на Патру и Трику и осадою заставилъ ихъ сдаться; вообще,—овладѣлъ многими мѣстами безъ боя и, сильно стѣснивъ Деспота, навелъ на него великій страхъ. Тогда державный, нашедши своего брата достойнымъ большей близости къ престолу, послалъ ему знаки Севастократора. (12) Между тѣмъ Михаилъ, съ войскомъ зятя своего Манфреда испытавъ неудачу въ борьбѣ съ Кесаремъ, о чемъ сказано было выше, и узнавъ, что городъ уже въ рукахъ царя, возъимѣлъ мысль послать къ нему супругу Ѳеодору и сына Іоанна,—первую, что бы она вошла съ нимъ въ мирные догоры, а послѣдняго, чтобы онъ былъ заложникомъ—на всегда, пока будетъ живъ, и получилъ себѣ жену, какую даетъ ему царь.

Тогда Іоаннъ, послѣ мужественныхъ подвиговъ и по взятіи крѣпостей, быстро овладѣвъ всею тою страною, вездѣ оставилъ гарнизоны и воз-

---

скихъ царей и по сю пору населяется еще Славянами. *Шафарика* Слав. древн. II кн. I. стр. 367.

([1]) Касторія—городъ въ Македоніи при Лихнидскомъ озерѣ *Hoffman.* Lex.

([2]) Городъ въ Македоніи, нынѣ Прилѣпъ. *Шафар.* тамже стр. 373.

([3]) Петра—городъ въ Македоніи на берегу моря, близь Диррахіи. О немъ упоминаетъ Луканъ 3. 1. v. 16. *Hoffmann.* L.

([4]) Преспа—городъ въ Македоніи, на озерѣ того же имени, столица царя Самуила. *Шафар.* тамже.

Bayerische Staatsbibliothek München

вратился съ блистательными трофеями и не малою добычею. Царь же какъ его, такъ вмѣстѣ съ нимъ и многихъ другихъ вельможъ наградилъ достоинствами: (13) именно—Іоанна нарекъ Деспотомъ и, за его дѣла, къ этому титулу прибавилъ имя великаго; а другаго своего брата, Константина, сдѣлалъ сперва Севастократоромъ, потомъ Кесаремъ, такъ какъ Іоаннъ имѣлъ достоинство Севастократора и Кесаря; тестя же Деспотова, Торникія Константина, изъ великаго Примикирія произвелъ въ Севастократоры, только поставилъ его нѣсколько ниже своего брата,— ибо послѣдняго, по обычаю, возвеличилъ и царскими орлами, а перваго оставилъ безъ этихъ символовъ, и вписалъ его въ Севастократоры только съ правомъ употреблять пурпуровый цвѣтъ. Кромѣ того, вторую дочь его, послѣ первой, которая была за Деспотомъ, выдалъ онъ за прибывшаго съ запада Іоанна, сына Деспотова, который, какъ сказано, присланъ отцемъ къ царю въ качествѣ заложника. И Алексѣя Стратигопула старшаго объявилъ также Кесаремъ; а старшаго Ласкариса, брата Чамантурова (ибо Чамантуръ принялъ монашество), почтилъ достоинствомъ великаго Дукса. Подобнымъ образомъ наградилъ онъ Іоанна Рауля, сына Рауля Протовестіарія, и Алексѣя, сына ослѣпленнаго Филеса: перваго женилъ на племянницѣ своей Ѳеодорѣ, вдовѣ недавно убитаго Протовестіарія Музалона, какъ объ этомъ было сказано, тоесть на дочери родной своей сестры Евлогіи отъ Кантакузина, и сдѣлалъ его Протовестіаріемъ; а послѣдняго

сочеталъ бракомъ съ родною сестрою Θеодоры, Маріею, и объявилъ его великимъ Доместикомъ. Θеодору же, родившуюся отъ одной изъ сестеръ его Марθы, которая была за Василіемъ Кавалларіемъ, вступивъ съ нимъ въ супружество по прозьбѣ родной ея сестры, имѣвшей на то свою причину, выдалъ за Валанидіота и почтилъ его достоинствомъ Стратопедарха. Родныхъ же ея братьевъ, сыновей родной сестры Марθы, которые были еще юны, очень полюбилъ и воспитывалъ во дворцѣ (имена ихъ были Михаилъ, Андроникъ и Іоаннъ). Потомъ гораздо позднѣе,—пришедшаго съ запада Андроника Палеолога, котораго писалъ онъ своимъ племянникомъ, и который прибылъ къ нему вмѣстѣ съ Деспотомъ и другими западными правителями, сочеталъ бракомъ съ дочерью Рауля, вдовою Андроника Музалона, бывшаго великимъ Доместикомъ, и объявилъ его Протостраторомъ. Въ это же достоинство возвелъ онъ тогда и Алексѣя Филантропина. А роднаго брата своей тещи Ангела сдѣлалъ великимъ Примикиріемъ, Протосевастами же сдѣлалъ Михаила Ностонга и Михаила Палеолога, которые, по происхожденію были, какъ сказано, племянники царя. Много было и другихъ, которыхъ тогда почтилъ онъ отличіями: на примѣръ Логоθета стадъ, Агіоθеодорита, нарекъ Логоθетомъ домочадцевъ, а Михаила, прозваннаго Какосъ, Протасинкрита, женилъ на благородной дѣвицѣ изъ рода Филантропиновъ, и вообще—всячески привязывалъ къ себѣ правителей.

14. Между тѣмъ Палеолога сильно занимала мысль о томъ, какъ бы взять городъ. Поэтому онъ выдумалъ поводъ къ войнѣ противъ италіанскихъ пришельцевъ и вознамѣрился овладѣть окрестностями Константинополя. Такъ какъ въ рукахъ Италіанцевъ была и Силиврія, то онъ послалъ войско и, отнявъ силою этотъ городъ, безъ труда присоединилъ его къ Римской имперіи. Потомъ наши подошли еще ближе и заняли подгородныя мѣста, исключая Афамію, сильную крѣпость, защищаемую Италіанцами. Тамъ жили нѣкоторые выходцы изъ Хрисіи и странъ дальнѣйшихъ, готовые пристать безразлично какъ къ Римлянамъ, такъ и къ Италіанцамъ; потому что Римляне расположены были къ нимъ, какъ къ Римлянамъ, а Италіанцы,— какъ къ своимъ друзьямъ, которымъ довѣряли охраненіе города и кромѣ ихъ никому не вѣрили. Притомъ, изгнать этихъ жителей значило подвергнуться опасности превратить всю ту мѣстность въ пустыню. Итакъ они держали средину между Римлянами и Италіанцами, (потому-то и назывались охотниками или вольными), пользовались подгородною землею и извлекали изъ ней средства жизни, не будучи обезпокоиваемы ни тѣми ни другими; такъ какъ обѣ стороны имѣли нужду въ ихъ расположеніи, что бы не получить отъ нихъ вреда, какой очевидно могли они нанести, если бы къ которымъ нибудь своимъ сосѣдямъ стали питать ненависть. Италіанцамъ повредили бы они, если бы удалились оттуда и оставили мѣсто пустымъ; а Римля-

намъ,—если бы задумали не содѣйствовать имъ, но отбиваться отъ нихъ силою и, выражая имъ свою ненависть, тѣмъ самымъ держали бы сторону Италіанцевъ. Когда же взята была Силиврія,—охотники не занимали уже средины между Италіанцами и нашими, но гдѣ ни встрѣчались съ Римлянами, и сами относились къ Римлянамъ дружески, и Римляне къ нимъ,—враждебныхъ столкновеній между ними не было. Тогда царю показалось благовременнымъ переправиться чрезъ Геллеспонтъ и, опираясь на Силиврію, только что взятую, стараться возвратить Римской имперіи Константинополь. Но церковныя событія того времени помѣшали этой переправѣ.

15. Патріархъ Арсеній, (привелъ ли онъ самъ себѣ на память поступокъ съ царемъ,—какъ его обманули, какъ наслѣдникъ престола незаслуженно подвергся презрѣнію, и какъ всѣми дѣлами государства правитъ одинъ Палеологъ,—или другой кто укололъ его, что, совершивъ такое важное и незабвенное дѣло, онъ дремлетъ, или наконецъ иное что нибудь огорчило его, — ибо явно, что не безотчетное чувство влекло его къ такому поступку:—видимою же причиною было, кажется, презрѣніе къ патріарху и безуспѣшность его представленій царю о дѣлахъ, касающихся церкви) вдругъ, высказавъ свою скорбь клиру, идетъ пѣшкомъ къ воротамъ города Никеи и, тамъ отославъ, какъ могъ, окружавшій его народъ, въ сопровожденіи немногихъ, отправляется далѣе; потомъ присѣвъ немного

у стѣны одного монастыря, называемаго Радостью (ἄγαλμα), продолжаетъ свой путь ночью и, достигнувъ обители Пасхазія, по мѣстоположенію весьма уединенной, потому что она съ одной стороны омываема была моремъ, а съ другой—рѣкою Дракономъ, остается тамъ на покоѣ. Успокоившись въ этомъ мѣстѣ, онъ не занимался никакими, лежавшими на патріархѣ дѣлами, все оставилъ и бесѣдовалъ съ однимъ Богомъ. Между тѣмъ клиръ и находившіеся въ Никеѣ архіереи, почитая это событіе необыкновеннымъ, писали къ патріарху просительныя посланія и говорили, какъ бы, услышавъ объ этомъ, не обезпокоился царь. Вѣдь во всякомъ случаѣ справедливо, прибавляли они, что хотя бы кто и скорбилъ его, онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ оставаться на патріаршемъ престолѣ, строго обличить оскорбителя и донести на него царю; а если бы оскорбилъ его одинъ царь, то, съ помощію архіереевъ, онъ долженъ бы былъ, по возможности, вразумить, обличить, уговорить самаго царя. Удалиться же безъ явныхъ причинъ—не сочтутъ ли это пустою затѣею. Однакожъ такія письменныя сношенія были безполезны для обѣихъ сторонъ—и для писавшихъ и для успокоившагося: первые не могли извлечь патріарха изъ обители, что ни говорили; а послѣдній стоялъ твердо на своемъ и не высказалъ причины удаленія, слѣдовательно не представлялъ возможности поправить дѣло. Чрезъ нѣсколько времени это событіе дошло и до царя, и слухъ о немъ съ перваго раза сильно по-

разилъ его. Онъ сообщаетъ о поступкѣ патріарха бывшимъ при немъ архіереямъ и спрашиваетъ ихъ, что надобно дѣлать. Архіереи находили интересъ представлять это удаленіе отъ дѣлъ явленіемъ весьма важнымъ, въ мирное время необыкновеннымъ, и говорили, что въ настоящую минуту они не могутъ подать мнѣнія объ увольненіи прежняго патріарха и назначеніи новаго. Но предложенный вопросъ болѣе всѣхъ смущалъ самаго царя Михаила, который внутренно боялся, не въ немъ ли была причина удаленія патріарха; ибо неумолимая совѣсть служила для него въ этомъ случаѣ лучшимъ доказательствомъ: онъ зналъ, что огорчало предстоятеля церкви, хотя послѣдній явно и не высказывалъ того, обнаруживая пренебреженіе ко всему и питая въ себѣ нѣмую скорбь. Съ этого времени начались собираться іерархи и разсуждать о поступкѣ патріарха. Наконецъ посылаютъ они къ предстоятелю Ираклійскаго епископа Никиту, который тогда, подобно патріарху, жилъ въ обители св. Діомида, съ извѣстіемъ, что Соборъ призываетъ его и, почитая его удаленіе дѣломъ важнымъ, желаетъ знать причины такого поступка, что Собору непріятно, за чѣмъ поступилъ онъ, не какъ слѣдовало, но увлекшись, можетъ быть, скорбію, упустилъ изъ виду обычное правило: патріархъ, главный хранитель отеческихъ постановленій, долженъ былъ объявить дѣло Собору и постараться исправить его соборно. Гдѣ право обличенія, увѣщанія, нака-

занія, если бы и это понадобилось? Іерархи желали бы также знать, если можно, и средства для поправленія этого дѣла. Такое-то посланіе къ патріарху вручили они Никитѣ, и кромѣ того, велѣли ему извѣдать, не смягчился ли онъ и не готовъ ли возвратиться, а не то,—пускай изберетъ одно изъ двухъ: либо взойдетъ снова на престолъ и вступитъ въ управленіе Церковію, либо, когда не хочетъ, пришлетъ письменный отказъ; потому что не хорошо оставлять Церковь безъ пастыря. Получивъ это посланіе, Никита отправился въ Никею и долженъ былъ исполнить порученіе, какъ можно скорѣе; а изъ Никеи поѣхалъ въ ту обитель, гдѣ жилъ патріархъ, и изложилъ ему все, чего требовалъ отъ него Соборъ. Но пратріархъ отвѣчалъ, что время открытія причины прошло, и что теперь остается молчать о совершившемся; ибо поправить дѣло уже нельзя, а потому рѣшительно отказывался отъ управленія. Никита однакожъ многократно настаивалъ, стараясь измѣнить образъ его мыслей, но наконецъ видя, что всѣ усилія его безуспѣшны, долженъ былъ высказать ему устное приказаніе Собора. На это требованіе Патріархъ отвѣчалъ совершенною готовностію дать письменный отказъ,—и онъ тутъ же, какъ слѣдовало его составить, былъ составленъ. Но когда при этомъ епископъ Ираклійскій сталъ говорить о присоединеніи причины отказа,—Арсеній, разгнѣвавшись на этого человѣка за то, что для него какъ будто мало священства, что бы утвердить отказъ, сильно воз-

мутился. «Что же?» сказалъ онъ; «не довольствуясь моимъ отказомъ на словахъ и на самомъ дѣлѣ, ты хочешь еще опутать меня не добрыми причинами? Я добровольно оставляю управленіе дѣлами и знать ничего не хочу, что бы тамъ ни было». Прогнанный раздраженнымъ Арсеніемъ, Никита быстро совершилъ обратный путь и явился къ державному и къ Собору—съ извѣстіемъ о томъ, что говорилъ патріархъ, и о томъ, какъ непоколебима его мысль, выраженная отреченіемъ отъ престола. Въ этомъ они удостовѣрятся еще болѣе, прибавилъ Никита, когда пошлютъ взять отъ него посохъ и свѣтильникъ; Арсеній тотчасъ же выдастъ эти символы. Такъ и было: онъ позволилъ взять ихъ, если хотятъ. Тогда царь увидѣлъ, что ему нечего болѣе ожидать для достаточнаго оправданія себя предъ патріархомъ въ томъ, что должно было произойти, и что онъ имѣетъ уважительное основаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій, особенно когда Ефесскій епископъ Никифоръ сталъ утверждать, что Арсеній получилъ хиротонію несогласно съ канонами (ибо тогдашній державный, Θеодоръ, по случаю сильныхъ безпокойствъ на западѣ, очень торопился своею коронаціею. Это было причиною, что Арсеній не въ извѣстные промежутки времени, но сряду день за днемъ, прошелъ всѣ степени священства и такимъ образомъ возведенъ въ первый іерархическій чинъ). Поэтому онъ предоставилъ архіереямъ дѣлать, что, по ихъ желанію, слѣдовало. Они разсуждали въ продолженіе многихъ

дней, но не могли найти въ патріархѣ ничего худаго, кромѣ нетерпѣливости и отчаянія, утверждая, что вмѣсто того, что бы малодушествовать и престолъ свой передавать другимъ, онъ долженъ былъ говорить о дѣлахъ, изслѣдовать ихъ и исправлять. Такъ полагали они. Но тутъ былъ вопросъ, какъ впослѣдствіи оказалось, нетолько затруднительный, но и вовсе неразрѣшимый; поэтому патріархъ для оправданія предъ Богомъ, хотѣлъ совершенно произвольно взять на себя вину невѣденія, когда дѣла совершились вопреки его чаянію. Потомъ архіереи долго разсуждали о томъ, кому ввѣрить оставленную Церковь, — разсуждали по крайней мѣрѣ высшіе, отъ которыхъ зависѣли прочіе, и наконецъ всѣ остановились на епископѣ Ефесскомъ, (16) мужѣ благоговѣйномъ, который славился добродѣтелію, украшался знаніемъ словесныхъ наукъ, былъ уже старъ и имѣлъ довольно ревности защищать Церковь и ея законы, когда они были презираемы. Случилось ему испытать нѣчто такое, что мучило его во все время іераршества. Онъ избранъ былъ Соборомъ на патріаршій престолъ еще при Іоаннѣ Дукѣ, прежде патріарха Мануила; но царь тогда остановилъ избраніе, потому что боялся ревности этого человѣка. «Если никто не могъ противустоять ему, бывшему еще архидіакономъ», говорилъ онъ, «то какъ терпѣть его въ санѣ патріарха?» Поэтому въ то время рукоположили его въ Ефесъ, и эту обиду со стороны царя онъ всегда считалъ, какъ нанесенное себѣ

безчестіе. Такой случай нѣсколько умѣрилъ Никифора и сдѣлалъ его послушнымъ; такъ что соборное избраніе принялъ онъ съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что и прежде избранъ былъ благодатію на это служеніе, и только сказанная причина помѣшала его призванію. Благодать конечно и сама по себѣ могла поставить его на степень патріарха; но что бы занять ему свое мѣсто, помогли и другіе. А такъ какъ избраніе его признано совершившимся по праведному суду Божію, то онъ, нисколько не медля, и нареченъ патріархомъ. Царь съ великою честію отпустилъ его въ Никею, а самъ поѣхалъ въ Лампсакъ, что бы оттуда переправиться въ стоящій на другомъ берегу Калліополь, гдѣ собралъ онъ немало войска противъ Италіанцевъ, съ которымъ надѣялся взять лежащую противъ Византіи крѣпость, называемую Галатою.

17. Въ то время епископы—Сардскій Андроникъ и Ѳессалоникскій Мануилъ явно воспротивились опредѣленію Собора (воспротивился также и Калофоръ Смирнскій, но представлялъ другія причины противленія, которыя равномѣрно почиталъ достаточными) и по видимому ревновали за обиженнаго патріарха, внутренно же за то, за что ревновалъ и оставилъ престолъ самъ патріархъ. Между тѣмъ Никифоръ, бывшій Ефесскій, избранный конечно Соборомъ, однакожъ больше по желанію царя, прибылъ въ Никею со множествомъ собраннаго въ Ефесѣ золота. Тамъ прежде всего старался онъ различ-

ными средствами привести раздѣлившихся архіереевъ къ единодушію и миру; потомъ началъ сильно дѣйствовать угрозами: но этимъ ничего не достигъ, а только больше раздражилъ ихъ ревность и свои угрозы подвергъ посмѣянію. Не достигши же предположенной цѣли никакими средствами, онъ задумалъ передать церкви враждебныхъ епископовъ инымъ предстоятелямъ, что въ послѣдствіи и исполнилъ, а другихъ между тѣмъ испытывалъ. Отсюда произошло сильное возмущеніе и всеобщій соблазнъ. Кромѣ возведенныхъ вновь предстоятелей церкви, прочіе не хотѣли имѣть съ нимъ общенія, и уже наконецъ, одни волею, другіе неволею, исключая немногихъ, склонились на его сторону и, подчинившись чувству страха, наружно высказали то, чего не имѣли въ сердцѣ. Міряне же новаго пастыря рѣшительно отвергали и требовали прежняго. Когда происходило въ Церкви такое волненіе, Никифоръ, узнавъ, что державный рѣшается, что бы ни случилось, на величайшее сраженіе для взятія крѣпости Галаты (ибо на этомъ основывалась его надежда овладѣть и Константинополемъ), не долго оставался въ Никеѣ, но тотчасъ двинулся и, у воротъ отрясши прахъ съ своихъ сандалій, какъ бы во свидѣтельство, выѣхалъ изъ города и, переправившись чрезъ Еленопольскій проливъ моря, прибылъ къ царю, что бы съ одной стороны утѣшиться его благоволеніемъ, а съ другой оживить свою надежду при видѣ уготовляемой битвы, что городъ скоро будетъ взятъ, и онъ

вступитъ въ церковь столицы, оставивъ Никею и все тамошнее. Но между тѣмъ какъ онъ былъ еще въ дорогѣ, а державный находился въ Силивріи, пріѣхалъ туда и Сардскій епископъ Андроникъ; ибо изъ двухъ отрѣшенныхъ—его и Мануила Ѳессалоникскаго, первый самъ себя осудилъ на ссылку и выѣхалъ за границу. (18) Епископъ Сардскій въ этомъ случаѣ придумалъ хитрый оборотъ: что бы не спорить съ царемъ, отвергая патріарха, онъ вознамѣрился подойти къ державному съ другой стороны. Когда Филадельфійскій епископъ Іоанникій, по приглашенію царя совершалъ литургію въ обители Спасителя, гдѣ присутствовали и царь, и епископъ Сардскій,—послѣдній подошелъ къ царю и далъ знать ему о себѣ, что онъ намѣренъ изъ рукъ епископа Филадельфійскаго принять одежду монаха. Тогда царь, не подозрѣвая тайной мысли говорившаго это (а онъ нарочно заговорилъ съ царемъ, желая высказать, что принимаетъ схиму по-неволѣ, что произволенія къ тому у него нѣтъ), спросилъ его, отчего это вздумалось ему перемѣнить одежду и съ какою цѣлію избираетъ онъ уединенную и бездѣйственную жизнь. Впрочемъ, никто не мѣшаетъ, если такъ угодно, прибавилъ онъ. Когда же Андроникъ сталъ приводить на это причины и указалъ на слухъ о произведенномъ соблазнѣ, царь, прервавъ его, такъ какъ литургія уже кончилась, подошелъ къ литургисавшему и, перекрестившись, взялъ во освященіе себя святаго антидора, а потомъ, оставивъ ихъ, вышелъ

изъ храма и предоставилъ имъ дѣлать, что хотятъ. Такимъ образомъ Андроникъ подходитъ, принимаетъ схиму и, вмѣсто Андроника, получаетъ имя Аѳанасія.

19. Удивительно совершился тогда судъ Божій; ибо не случайно же въ то время постигла смерть столь многихъ церковныхъ правителей. Въ продолженіе девятнадцати мѣсяцевъ скончались такіе почтенные и достославные мужи! Кончину ихъ даже видѣли во снѣ еще прежде, чѣмъ они умерли. Это былъ Іоаннъ Веккъ, который впослѣдствіи, изъ Хартофилакса сдѣлавшись патріархомъ, перенесъ много скорбей, о чемъ въ свое время будетъ сказано. Видѣвшій сонъ разсказывалъ слѣдующее. Ему снилось, будто правители верхомъ на коняхъ ѣхали по какому-то ровному полю. Совершивъ уже много пути, остановились они при устьѣ величайшей и страшной, протекавшей предъ ними рѣки, и начали въ томъ порядкѣ, въ какомъ умирали, переправляться чрезъ нее,—сперва этотъ, потомъ тотъ, и такъ всѣ; ибо не по два и не по три переправлялись они, а по одиначкѣ. Стоявшій и смотрѣвшій, видя это, былъ пораженъ и озабоченъ мыслію, какъ бы и ему переправиться; но вдругъ откуда-то слышитъ голосъ: «что ты заботишься? Теперь еще не будешь переправляться чрезъ рѣку. Придетъ пора, когда по неволѣ переправишься; а теперь ступай и дорожи временемъ,—употребляй его на дѣло». Такъ впослѣдствіи говорилъ тотъ, кто видѣлъ сонъ,—и слыша его разсказъ, мы удивлялись.

А этотъ человѣкъ, всегда любившій говорить правду, въ подтвержденіе своихъ словъ еще побожился и тутъ же чудился дѣйственности и непреложности Промысла.

20. Итакъ державный, собравъ множество разныхъ войскъ, направилъ ихъ на Галату, а самъ, поставивъ свою палатку довольно далеко, сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ и смотрѣлъ, что дѣлается, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ быть и въ виду противниковъ, чтобы наводить на нихъ страхъ. Между тѣмъ собиравшіеся сражаться тянулись отвсюду, будто потоки, и чтобы быть внѣ стрѣлъ, тоже останавливались въ палаткахъ и готовились къ битвѣ. Отдѣльные отряды тотчасъ произвели нападеніе, даже поставили стѣнобитныя машины и сдѣлали попытку на стѣны. Войска было больше, чѣмъ сколько требовалось для нападенія на такую крѣпость; ибо кромѣ многихъ другихъ, сильныхъ въ битвѣ, сюда, по приказанію царя, пришли и стрѣлки изъ Никейскаго округа, стрѣлявшіе столь мѣтко, что никому нельзя было и выглянуть изъ за стѣны,—тотчасъ попадали въ лице, лишь только кто покажется. Италіанцы же, смѣняясь каждый день, переправлялись на рыбачьихъ лодкахъ къ крѣпости и вторгаясь въ нее чрезъ ворота морской гавани, изъ большихъ деревьевъ устрояли съ внутренней стороны переходы вдоль стѣнъ и такимъ образомъ сильно защищали ихъ, такъ что многіе изъ осаждавшихъ крѣпость, попадались подъ скрытые выстрѣлы и падали. Стоя на подмосткахъ твердою ногою,

тѣ свѣжіе люди, только что смѣнившіе прежнихъ, легко натягивали привычныя имъ стрѣлометательныя орудія и, скрываясь за зубцами, стрѣляли чрезъ отверстія. За то внѣшніе брали надъ ними верхъ посредствомъ камнеметательныхъ и стѣнобитныхъ машинъ: для этого наносили они изъ садовъ кустарнику, котораго вѣтви связывая въ щиты, закрывались ими отъ стрѣлъ, и держа ихъ надъ головами, сами между тѣмъ по галлереямъ подходили къ стѣнѣ, не смотря на то, что осажденные, пользуясь стѣнными отверстіями, угрожали имъ, сколько могли. Наши были крѣпки многочисленностію, силою, опытностію и вмѣстѣ тѣмъ, что самъ царь смотрѣлъ, какъ сражались; а Италіанцевъ укрѣпляла ревность и смышленость, съ которою они стремились изъ своихъ домовъ, а особенно то, что на дневныя опасности выходили они преемственно. Вылазки были для нихъ не безопасны, потому что осаждавшіе далеко превышали ихъ численностію; за то заглушая страхъ отвагою, они ежедневно бодрствовали на стражѣ. Забота мучила ту и другую сторону: войскамъ державнаго хотѣлось взять крѣпость, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ они овладѣли бы и городомъ; а Италіанцамъ необходимо было противиться, потому что вмѣстѣ съ крѣпостью они должны были лишиться и города. Но въ войскахъ царя долговременная борьба наконецъ явно возбуждала стыдъ,— какъ это они, при всей многочисленности и послѣ столь многихъ битвъ, не могутъ взять крѣпости маловажной и охраняемой небольшимъ

гарнизономъ: напротивъ Италіанцамъ именно то, что они столь малочисленные, что не смѣли сдѣлать и вылазки, не поддавались такому множеству непріятелей, внушало гордость, а особенно когда представляли они, что тутъ былъ самъ царь и, что съ цѣлію побѣдить ихъ, онъ собралъ все свое войско. Потомъ Италіанцы, посредствомъ величайшихъ машинъ, стали бросать со стѣнъ каждый день такое множество камней, что наконецъ насмѣшливо выказывали къ Римлянамъ состраданіе, говоря, что они нехотятъ уже бросать, но кто подойдетъ на разстояніе полета стрѣлы, того будутъ отсылать далѣе,—пускай-де поживетъ для жены. Въ то же время распространился слухъ, что отъ апостольскаго престола идутъ другія, многочисленныя и сильныя войска. Поэтому царь, какъ бы утомленный неудачнымъ трудомъ, боясь, что бы послѣ потери стольскихъ воиновъ, не надѣлать еще смѣха, призналъ за лучшее прекратить войну, впрочемъ не входя въ условія съ осажденными, чтобы оставить себѣ благовидный поводъ снова начать ее и при лучшихъ надеждахъ.

21. Около того времени нѣкоторые изъ домашнихъ царя, вышедши прогуляться, зашли въ обитель Богослова, находившуюся въ предмѣстіи Евдомѣ. Отъ этой обители оставалось тогда одно имя, а не самая обитель. Завернули они въ тамошній храмъ: онъ тоже былъ разрушенъ и обращенъ въ помѣщеніе для овецъ. Смотря туда и сюда, они и въ самыхъ остат-

кахъ удивлялись красотѣ зданія (въ числѣ этихъ посѣтителей изъ домашнихъ царя былъ тогда Ятропулъ Димитрій Логоѳетъ), и вдругъ въ одномъ углу видятъ стоящее тѣло человѣка, давно умершаго, цѣлое, сохранившее всѣ члены, обнаженное съ ногъ до головы. Въ устахъ его былъ наконечникъ пастушеской свирѣли, который, ради смѣха, вложилъ кто-то изъ людей, ходившихъ тамъ за овцами. Смотря на это тѣло, дивясь, какъ уцѣлѣли всѣ его члены, и недоумѣвая, чья бы могла быть эта отвердѣвшая персть, сохранившая еще форму тѣла, вдругъ видятъ они справа гробъ и на немъ начертанные стихи, открывающіе имя покойника. То былъ, какъ явствовало изъ надписи, Василій Булгароктонъ. Возвратившись къ себѣ, они объявили царю о томъ, что видѣли, и царь, тронутый этимъ, тотчасъ послалъ златотканныя сирійскія покрывала, отправилъ также пѣвцовъ со многими настоятелями, и приказалъ, положивъ останки въ драгоцѣнную раку, перенесть ихъ съ великими почестями и псалмопѣніемъ къ Галатѣ, гдѣ велѣлъ своему брату Севастократору помѣстить ихъ въ его палаткѣ, покрыть золотымъ покровомъ, сохранять при гробѣ неугасимый огонь и воздавать имъ подобающія почести, пока, возвращаясь оттуда въ Силиврію, онъ не возметъ ихъ и не перенесетъ благочестно и торжественно въ обитель Спасителя. Отъ Галаты войска пошли къ Нимфею, направляясь къ западу до самой Орестіады, и молва, опережившая царя, укротила тамъ волненія.

22. Когда всѣ съ великою поспѣшностію прибыли въ Нимфей, патріархъ, путешествовавшій вмѣстѣ съ державнымъ, видя, что епископы Ѳессалоникскій и Сардскій, и по удаленіи отъ своихъ каѳедръ, остаются неизмѣнными въ своихъ мнѣніяхъ, поставилъ на ихъ мѣста другихъ начальниковъ церкви, именно—Іоанникія Кидона, настоятеля Сосандрской обители, нарекъ епископомъ Ѳессалоники, а Іакова Халазу, пришедшаго къ державному съ запада, —епископомъ Сардскимъ; и на каѳедру Смирнскую избралъ также Исаака, мужа достоуважаемаго, пришедшаго съ запада изъ Ксиропотамской обители. Когда же, собираясь рукоположить его, патріархъ, вдругъ сдѣлался болѣнъ,—по его назначенію, или даже по назначенію служившаго при немъ (ибо и такъ говорятъ; а самъ онъ былъ безъ чувствъ и испускалъ послѣднее дыханіе), рукоположенъ былъ въ Дирраxійскаго епископа Никита изъ Ѳессалоники. Наконецъ наступилъ день смерти патріарха, и царь, еще прежде, чѣмъ онъ умеръ, поручаетъ Пелопонесскому монаху Ѳеодосію, изъ княжескаго рода, мужу благоговѣйному, проводившему долгое время въ подвигахъ, пріятному въ обращеніи, увлекавшему разнообразною бесѣдою всякаго, кто хотя одинъ разъ видѣлъ его (какъ ни будь скученъ, а бывало, выйдешь отъ него совершенно веселымъ)—и по знаменитости своего рода почитавшемуся дядею державнаго, принять въ свою опеку патріаршее имущество, такъ какъ у патріарха было множество денегъ, которыя вывезъ

онъ изъ Ефеса. Этотъ опекунъ сталъ, говорятъ, располагать лежавшаго къ принятію монашеской одежды; но онъ не только не согласился на это, а еще съ неудовольствіемъ принялъ напоминаніе и хотѣлъ умереть архіереемъ. Смерть его послѣдовала вскорѣ, и тѣло умершаго перенесено было въ Ефесъ, хотя погребеніе совершено въ митрополіи. Онъ былъ человѣкъ, по жизни страшный, для правителей недоступный, чуждый всякой боязни, къ добродѣтели привыкъ съ дѣтства, для многихъ казался непріятнымъ— не столько за возшествіе на патріаршій престолъ, сколько за то, что возшелъ на него еще при жизни любимаго патріарха.

23. Послѣ сего мысль царя совершенно остановилась на единодержавіи; ибо никто уже не противился ему. Дитя мало по малу устранялось отъ управленія и было слабо для царской власти, такъ что даже и царскіе знаки считало лишнимъ бременемъ; а потому и опредѣлено было взять ихъ отъ него. Михаилъ пользовался теперь свободою, проводилъ время въ удовольствіяхъ и ввѣрился женщинамъ—роднымъ своимъ сестрамъ, отъ которыхъ зависѣлъ во всемъ. Старшая сестра Марѳа казалась ему матерью: она нѣкогда взяла его въ свой домъ, такъ какъ была въ замужествѣ за великимъ Доместикомъ, тѣмъ знаменитымъ Тарханіотомъ, котораго царь цѣнилъ такъ высоко. Другая сестра Евлогія, имѣвшая прекрасный нравъ, еще больше заботилась о царѣ, чѣмъ первая, и, не знаю, не поддерживала ли въ немъ доброй надежды, что ему

назначено судьбою взять Константинополь. Это опредѣленіе судьбы, послѣ, когда городъ былъ уже взятъ, она высказывала рѣзко и съ удивленіемъ; но расположить ее къ разсказу можно было не иначе, какъ убѣжденіемъ. Вотъ какое повторялось явленіе: когда царь, бывъ еще младенцемъ, лежалъ въ колыбели и питался изъ сосцовъ кормилицы, тогда часто раздражался и кричалъ, никакъ не поддаваясь сну. Въ такихъ случаяхъ, чтобы онъ пересталъ раздражаться и замолчалъ, надлежало убаюкивать его пѣснями: но какихъ ни выдумывали и не слагали пѣсней,— онѣ нисколько не дѣйствовали на младенца. Когда же начинали сквозь зубы бормотать пѣсню о городѣ, именно эту: «вотъ царь вступитъ въ городъ чрезъ золотыя ворота и тѣмъ прославитъ свое царствованіе»,—дитя умолкало, будто очарованное Сиренами, и сладко засыпало. Такъ-то родныя сестры царя и прежде имѣли надлежащее о немъ попеченіе, и теперь очень заботились и пеклись; по ихъ докукамъ, онъ оказывалъ инымъ много благодѣяній, такъ какъ былъ внимателенъ къ ихъ совѣтамъ и принималъ ихъ. По ихъ-то совѣтамъ и, особенно по внушенію Евлогіи, которую нѣжно любилъ, рѣшился онъ обратить Іоанна въ частное состояніе.

24. Тогдаже Персію, будто рѣки, наводнили Тохарцы, которыхъ въ просторѣчіи называютъ Атаріями, и которые умертвили Калифа, вливъ ему въ горло распущенное золото. Они такъ поступили не для того, чтобы только убить его,

а для того, чтобы наругаться надъ нимъ; ибо тогда какъ, употребивъ золото, онъ могъ бы побѣдить враговъ, у него оказалось больше любви къ золоту, чѣмъ къ себѣ; потому отъ золота должна была произойти и его смерть, какъ бы то-есть онъ самъ себя такимъ образомъ осудилъ на нее. Въ это время дѣла Персіи находились въ худомъ состояніи; такъ что не свободенъ былъ отъ страха и самъ султанъ Азатисъ. Этотъ народъ—Персы трепетали и, ни на что не смотря, старались — каждый, какъ могъ, спасти самъ себя. Да и правительство персидское стояло не твердо, сатрапы возмущались; такъ что двое вельможъ пришли оттуда къ царю и открыто бранили султана, что онъ удовольствіямъ преданъ и живетъ безпечно, какъ частный человѣкъ. Это были Василики, происходившіе изъ Родоса: они жили во дворцѣ султана, въ качествѣ театральныхъ забавниковъ, и сверхъ того славились, какъ люди смышленые,—по образованію занимали тамъ первое мѣсто, и отъ того собрали очень много золота, которое заключалось частію въ заздравныхъ чашахъ, частію въ калифской монетѣ; а тканей, драгоцѣнныхъ камней и жемчугу было у нихъ столько, что, смотря на все это, можно было изумляться. Вспомнивъ о старинной своей дружбѣ съ Михаиломъ, которая подавала имъ надежду, что онъ, и сдѣлавшись державнымъ, будетъ стольже хорошо къ нимъ расположенъ и не забудетъ давняго обѣщанія оказать имъ милость, если успѣетъ сдѣлаться царемъ, они

секретно получили отъ него охранныя граматы и, уложивъ все свое имущество, подъ видомъ бѣглецовъ пустились изо всей силы къ царю. Царь принялъ ихъ ласково и удостоилъ надлежащей чести: одного изъ нихъ, Василія, наименовалъ Постельничимъ, а другаго, Василика, великимъ Этеріархомъ (¹). И онъ часто пользовался ихъ услугами въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло требовало ловкости; дружба его къ нимъ была неизмѣнна. Впрочемъ, имѣя у себя дома большое богатство, да не мало для своей экономіи получая и отъ царя, они дѣйствительно превратились въ Римлянъ, — были очень вѣрны и преданы царю; ибо ничто столько не упрочиваетъ преданности престолу, какъ заслуженная милость, съ готовностію оказываемая тѣмъ, которые достойно цѣнятъ ее. Въ тоже время и султанъ, когда все вокругъ него трепетало, частію отъ появленія Тохарцевъ, частію же и отъ собственныхъ дѣлъ, пришелъ въ такое положеніе, что не зналъ, что и дѣлать, и тогда какъ всюду происходило волненіе, рѣшился съ женами и дѣтьми, съ старухою матерью, которая была Христіанка, и съ сестрою, бѣжать къ царю,—въ надеждѣ, что въ немъ одномъ найдетъ помощника, и современемъ высокою его рукою

(¹) Этеріархомъ въ войскѣ Византійскомъ назывался начальникъ дружины, или предводитель областнаго ополченія. Глава всѣхъ такихъ Этеріарховъ имѣлъ титулъ великаго Этеріарха *Hoffm.* L. При царскомъ же дворѣ Этеріархами звали τοὺς ἐπὶ τῆς εἰσαγωγῆς, то-есть чиновниковъ, вводившихъ къ царю тѣхъ лицъ, которымъ позволено было представиться ему. Possini Observ.

и силою возвратитъ свое право. Да и негдѣ было ему тогда больше найти безопасное убѣжище, хотя упомянутый прежде Меликъ, явившійся нѣкогда бѣглецомъ къ царю, былъ и задержанъ имъ; потому что царь каждый день опасался, какъ бы онъ, освободившись, не окружилъ себя толпою и не уничтожилъ тогдашняго посягательства его на верховную власть. Притомъ султанъ вѣрилъ старинной пріязни царя и смѣло надѣялся, что, явившись къ нему, онъ пріобрѣтетъ его расположеніе. И такъ собравъ множество золота, которое не легко было и сосчитать, и одѣвшись въ богатыя Персидскія одежды, онъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, провожаемый Писсидіемъ, прибылъ къ царю. Царь, конечно, принялъ его радушно и, хотя изъ его прихода не могъ извлечь для себя пользы, однакожъ, выражая ему свое благорасположеніе, позволилъ надѣяться, что со времеменемъ поможетъ ему возвратить власть, и потомъ предоставилъ ему жить, какъ жилъ онъ у себя дома, владычествуя въ Персіи. Поэтому султанъ обыкновенно садился рядомъ съ царемъ на возвышеніи, окруженъ былъ страшными тѣлохранителями, пользовался знаками власти, надѣвалъ красную обувь. Побужденіемъ, поставлявшимъ царя въ такія къ нему отношенія, была прежняя пріязнь, которую оказывая нѣкогда Палеологу, султанъ надѣялся получить отъ него еще большее воздаяніе. Но эта надежда была не тверда и не основательна. Сображаясь съ обстоятельствами времени, царь сви-

ту султана, а особенно его женъ и дѣтей, послалъ подъ конвоемъ въ Никею,—по наружности для того, что бы обезпечить ихъ безопасность, какъ бы то-есть безъ охраненія они не потерпѣли какого нибудь вреда; ибо нехорошо, казалось, когда царь вмѣстѣ съ султаномъ будетъ вести войну, тутъ же находиться его гинекею, непривычному къ военнымъ передвиженіямъ; да небезопасно было бы и то, если бы его гинекей, въ отсутствіе царя, оставался въ какомъ нибудь пограничномъ городѣ на востокѣ. Водя съ собою султана и окружая его надлежащими почестями, царь такъ прикрывалъ этимъ свой поступокъ съ султанскою свитою, что гостю представлялось, будто хлопочутъ,какъ сказано, о ея безопасности; между тѣмъ, на самомъ-то дѣлѣ, хлопотали о безопасности султанской свиты, что бы обезопасить самаго султана, что бы, то-есть, удержать его отъ бѣгства. Извѣстно было, что султанъ и прежде началъ уже переговариваться о мирѣ съ правителемъ Тохарцевъ Халавомъ, такъ какъ, живя и у царя, онъ занимался дѣлами Персіи, хотя уже и не считался тамъ султаномъ. Персы между тѣмъ, видя, что время уходитъ, а Султана нѣтъ, стали переходить на сторону Тохарцевъ; другіе же не имѣвшіе осѣдлости и чуждавшіеся гражданскаго общества, не желая подчиняться Тохарцамъ, оставались сами по себѣ, и занимали пограничныя мѣста Римской имперіи. Они понимали, однакожъ, что здѣсь не могутъ быть въ безопасности, если будутъ открыто дѣлать набѣги, и по-

тому общинно признавали себя данниками царя, а по одиначкѣ занимались въ нашихъ предѣлахъ ночными грабежами. Не трудно представить, что тѣмъ-же платили имъ и наши. Царь съ своей стороны всячески старался расположить къ себѣ Тохарское племя, потому что въ настоящее время не могъ, какъ видно, противустать ихъ движенiямъ; охотно также принималъ онъ въ подданство и пограничныхъ Персовъ, надѣясь пользоваться ими, какъ стѣною, когда бы стали дѣлать набѣги Тохарцы. Послѣднихъ онъ думалъ умиротворить съ собою даже посредствомъ брачныхъ союзовъ; потому что не только было ему страшно думать о войнѣ съ ними, но и одно имя ихъ поражало его строхомъ. (25) Нѣкогда Iоаннъ Дука, только еще прослышавъ о славѣ ихъ, велѣлъ снабжать крѣпости съѣстными запасами и оружiемъ. Сдѣлавъ запасы на долгое время, онъ приказалъ запечатать ихъ мѣдными печатями, чтобы жители получали продовольствiе извнѣ, и потому оставилъ у владѣльцевъ столько лишь, сколько было необходимо, лишнее же все отобралъ. А жертвователямъ приказалъ, — послѣ святыхъ иконъ, вписывать въ книгу пожертвованiй и оружiе; ибо нельзя знать, когда двинется изъ своихъ ущелiй этотъ народъ и съ какимъ расположенiемъ,—миръ ли принесетъ онъ или войну. Эти люди до такой степени были тогда неизвѣстны, что многiе представляли ихъ съ собачьими головами; разсказывали, что они питаются отвратительною пищею и даже ѣдятъ человѣческую плоть. Когда же вступилъ на престолъ

Θеодоръ, и прошелъ слухъ, что изъ Персіи ѣдутъ къ нему послы (и этотъ слухъ былъ справедливъ),—онъ испугался и пришелъ въ смущеніе. Впрочемъ царь призналъ нужнымъ, скрывъ свой страхъ, обмануть ихъ: онъ напередъ послалъ объявить Персамъ, что готовится идти на нихъ войною, и послы его поѣхали быстро. При этомъ внушено было имъ, чтобы они всѣ народы старались убѣждать въ могуществѣ Римской имперіи и въ томъ, что у Римлянъ самыя дѣти и женщины получаютъ отъ казны обильное содержаніе. Потомъ на встрѣчу посламъ отправлены были особыя лица, долженствовавшія служить имъ проводниками, и приказано, чтобы они нарочно вели ихъ по мѣстамъ неудобопроходимымъ; а когда послы станутъ скучать трудностію пути, говорили бы, что Римская земля вся такова: пусть, не зная ее, они вѣрятъ этому. Когда, послѣ многихъ трудовъ, Персы наконецъ прибыли къ царю,—онъ и тутъ придумалъ для нихъ нѣчто страшное, въ надеждѣ, что, смотря на это, они испугаются. Царь приказалъ войскамъ собраться въ одно мѣсто и, вооружившись, раздѣлиться по фратріямъ, по филамъ, по оружію и по строю; потомъ, расположившись въ нѣкоторомъ разстояніи на многихъ пунктахъ стоять въ желѣзныхъ броняхъ и наводить страхъ эволюціями. Кромѣ того, онъ велѣлъ Сенату, всѣмъ чинамъ и своимъ родственникамъ, для болѣе торжественнаго представленія, одѣться блистательно и обнаруживать благородство своего духа такъ, какъ будто бы все уничтожалось

подъ ихъ ногами,—часто выходить и опять туда же входить, что бы, тогда какъ они на дѣлѣ одни и тѣже, казались иными и иными, а никакъ не тѣми же, подобно тому, какъ кольцо безъ камня, если бы кто смотрѣлъ на него прежде и послѣ, хотя оно было бы одно, отъ перемѣны мѣста казалось бы не однимъ. Въ то время и самъ царь одѣлся такъ, что не упустилъ изъ виду ничего ужасающаго: онъ сидѣлъ на высокомъ престолѣ, держалъ въ рукахъ мечъ и былъ закрытъ драгоцѣнными завѣсами; всѣ стояли вокругъ его со страхомъ, такъ что и это одно могло уже поражать того, кто смотрѣлъ на нихъ. Наконецъ посламъ, которые стояли вдали, приказано было говорить; а царь показалъ видъ, будто ему желательно посмотрѣть, что тамъ дѣлается,—и вотъ вдругъ, невидимо отдергиваются завѣсы, послы могутъ теперь зрѣть царя на его тронѣ, видъ его важенъ, онъ что-то выслушиваетъ и кратко высказываетъ свою волю людямъ приближеннымъ, которые кажутся до того объятыми страхомъ, что и одни слова царя поражаютъ ихъ. Сказавъ немногое на рѣчи пословъ, царь отпускаетъ ихъ и приказываетъ прежнимъ проводникамъ выпроводить ихъ по тѣмъ же неудобопроходимымъ мѣстамъ. Такъ приходилось прежде, по внушенію благоразумія, прикрывать свой страхъ чрезъ возбужденіе страха въ послахъ; но теперь надлежало съ большею ласкою и кротостію какъ отправлять свои посольства къ Персамъ, такъ и при-

нимать персидскія, и даже вступать съ ними въ брачные союзы.

Но если въ восточныхъ областяхъ имперіи все подавало хорошія надежды; то на западѣ снова являлись волненія. (26) Михаилу Деспоту досадно было, что онъ лишенъ крѣпостей и изгнанъ изъ той страны, которую дядя его и отецъ Ѳеодоръ, нареченный царемъ запада и коронованный Ахридскимъ епископомъ Іаковомъ, съ великимъ трудомъ и силою меча отнялъ у Италіанцевъ и присоединилъ къ себѣ. Досадуя на это, Михаилъ взялъ назадъ данныя царю обязательства и, легко привлекая на свою сторону западное народонаселеніе, воспользовался его легкомысліемъ и снова отдѣлился отъ царя. По этому царь приказалъ Деспоту Іоанну тотчасъ взять войско и идти на него. А такъ какъ и царь Сициліи присвоилъ себѣ многія мѣста въ Иллиріи и новомъ Эпирѣ, то онъ посладъ и туда отряды, могшіе отразить непріятеля. Кромѣ того ввѣрилъ онъ войско Скиѳское, съ небольшимъ числомъ другихъ воиновъ, Кесарю Алексѣю, и послалъ его къ предѣламъ Ѳракіи, съ тѣмъ, чтобы онъ, сколько можно лучше, устроилъ дѣла въОристіадѣ, имѣя при этомъ въ виду и другую цѣль. Въ то время Болгары не хотѣли жить мирно и питали вражду и ненависть особенно къ царю; потому что старшая дочь царя Ѳеодора Ласкариса, Ирина, супруга Константина, который, какъ извѣстно, былъ царемъ Болгарскимъ, сильно располагала ту страну къ непріязни и требовала мести за страданія бра-

та своего Іоанна. Итакъ Кесарю приказано было остановиться въ предѣлахъ Ѳракіи и показывать угрожающій видъ городу, главнымъ же образомъ грозить мечемъ Италіанцамъ, ничего однакожъ не дѣлая, потому что у него мало было войска. Переправившись чрезъ проливъ къ Калліополю, Кесарь счелъ полезнымъ, прежде чѣмъ пойдетъ ниже, побывать въ Силивріи и, приблизившись къ городу съ западной стороны (ибо никто изъ жившихъ тамъ подданныхъ царя не могъ препятствовать ему въ этомъ), обозрѣть его, въ какомъ онъ былъ тогда состояніи, и разузнать, что дѣлается внутри его, также видѣть охотниковъ, о которыхъ еще прежде разсказывали, и чрезъ разговоры собрать тамошнія мнѣнія о городѣ. И такъ подступивъ къ городу и поставивъ въ предмѣстіяхъ его палатки, онъ тайно призывалъ къ себѣ тамошнихъ гражданъ, кто повиднѣе, и открывалъ имъ свои мысли, питая въ нихъ высокія надежды, если они будутъ содѣйствовать. Призванные говорили ему, что теперь самое благопріятное время напасть на городъ; потому что весь стоявшій у города Италіанскій флотъ отправился для взятія острова Дафнусіи [1], и вотъ, къ прискорбію Италіанцевъ, находится тамъ уже весьма много дней; въ городѣ же остались только народъ и самые неопытные изъ воиновъ. Когда они сказали это и дали слово, что будутъ содѣйство-

---

[1] Дафнусія—небольшой островъ Эгейскаго моря, между Самосомъ и Лесбосомъ. *Hoffman.*

вать (въ чемъ сочувстовали имъ и другіе граждане),—Кесарь, лишь только услышалъ ихъ рѣчи и увидѣлъ ихъ готовность помогать, рѣшился было тотчасъ сдѣлать ударъ; сознавая однакожъ всю трудность и опасность этого дѣла и представляя, какъ онъ, съ малымъ войскомъ и при томъ мимоходомъ, думаетъ въ минуту овладѣть такимъ городомъ, котораго не могли взять и силы многочисленныя, медлилъ и откладывалъ. Ему казалось, что должно созвать совѣтъ и выслушать общее мнѣніе: когда же въ совѣтѣ племянникъ его Алексѣй сталъ сильно настаивать, что надобно напасть на городъ, когда тоже самое отважно защищалъ и одинъ изъ охотниковъ, по прозванію Кутрицакій (неизбѣжная судьба управляетъ какъ существами бездушными, такъ и городами); тогда уже и онъ одушевился отвагою и сталъ мечтать о завладѣніи городомъ. Наконецъ о намѣреніи Алексѣя узнали всѣ и готовы были слово его осуществить самымъ дѣломъ; а онъ между тѣмъ вездѣ ходилъ и, какъ слѣдовало, осматривалъ мѣстность, иногда же, чтобы избѣжать подозрѣнія, скрывался изъ виду, прислушивался къ замѣчаніямъ другаго, кто хорошо зналъ мѣста, и соображалъ, какимъ бы образомъ это дѣло совершить лучше и успѣшнѣе, и какъ бы задуманное тайно не вышло наружу.

27. Когда все было обдумано и время наступило, — ибо положено сдѣлать нападеніе ночью, вдругъ, неожиданно, — главною заботою ихъ было теперь взойти на стѣну

по лѣстницамъ безъ шума, сбросить сверху стражу и отворить ворота, что при источникѣ, выломавъ ихъ сперва, посредствомъ клиньевъ, изъ камней стѣны, къ которой они прилажены; а Кесарю предоставлено, приведши ночью войско, быть готовымъ къ нападенію и вступить въ отворенныя ворота. Какъ скоро настала назначенная ночь, они приступили къ дѣлу и, попавъ на предъизбранное мѣсто, принесли туда лѣстницы и все дѣлали осторожно, чтобы не открыла ихъ стража и не улетѣла добыча, а особенно, чтобы не подвергнуться величайшей опасности, если замѣтятъ ихъ умыселъ. Между тѣмъ Кесарь въ туже ночь, взявъ Скиѳовъ и все прочее войско, повелъ его къ городу. Прибывъ на мѣсто прежде, чѣмъ тѣ успѣли исполнить свое дѣло, и видя, что ночь проходитъ въ бездѣйствіи, онъ испугался этого бездѣйствія и сталъ подозрѣвать, не противупоставлена ли ихъ хитрости хитрость. Кутрицакій конечно старался разсѣять его страхъ и питать въ немъ живую надежду, что ихъ товарищи дѣлаютъ что нибудь внутри города: однако подозрѣніе не оставляло Кесаря; ибо могъ ли онъ вообразить, что они заняты раскапываніемъ укрѣпленія, сложеннаго позади воротъ изъ дикихъ камней? Поэтому и неудивительно, что опасность представлялась ему явною, и ловчій казался осмѣяннымъ; такъ что наконецъ и тотъ, кто старался уврачевать Кесаря, сдѣлался предметомъ подозрѣнія, какъ злоумышленникъ,—его взяли и связали, будто человѣка, которому извѣстны

были козни внутри города. Онъ далъ себя связать и готовъ былъ потерпѣть, что угодно, если находившіеся въ городѣ злоумышляютъ. Съ словами Кутрицакія соглашался и племянникъ вождя, старавшійся ободрить дядю и разсѣять его страхъ. Алексѣй сидѣлъ у обители ([1]) Источника, предписавъ войску молчаніе, и нетерпѣливо ожидалъ условленнаго знака (знакомъ надлежало быть провозглашенію царей, громогласно произнесенному на стѣнѣ). Между тѣмъ прежніе, поднявшись тихо по лѣстницамъ, тотчасъ напали на сонныхъ стражей (это были Италіанцы) и сонъ ихъ сдѣлали мертвымъ; ибо однихъ, и не очнувшихся еще, убили и сбросили со стѣны, а другихъ, проснувшихся отъ шума и убѣгавшихъ въ страхѣ, догоняли и рубили; такъ что не осталось ни одного, кто по крайней мѣрѣ извѣстилъ бы о событіи. Когда же ревность преодолѣла преграды, возбуждавшія страхъ; тогда Римляне готовы были уже сражаться со всякимъ, кто вздумалъ бы противустать имъ. Пришедши къ воротамъ Источника и нашедши, что они завалены камнями, Рим-

---

([1]) Это мѣсто и самый источникъ описываетъ Прокопій въ книгѣ 1-ой περὶ κτισμάτων (c. 3). Здѣсь построенъ былъ Юстиніаномъ храмъ во имя Богоматери. Прокопій говоритъ такъ: «другой храмъ созданъ ей (Богоматери) на мѣстѣ, называемомъ источникъ; тамъ есть тѣнистая кипарисовая роща и лугъ, усѣянный нѣжными цвѣтами; по красотѣ,—это рай, и на томъ мѣстѣ молчаливо катится прозрачный источникъ пріятной для питья воды». Храненіе этой церкви ввѣрено было монашествующимъ, которые окружили ее жилыми зданіями и образовали монастырь. Монастырь Источника, по словамъ Прокопія, находился у золотыхъ воротъ, которыя у писателя Pandectae Turc. c. 200, называются также Силиврійскими.

ляне тотчасъ принялись растаскивать ихъ и, расбрасывая по сторонамъ, приготовляли свободный проходъ для войска, а потомъ стали мѣдными клиньями выбивать и вытаскивать воротныя крючья. Случился съ ними тамъ нѣкто и изъ посвященныхъ, по имени Лакерасъ, который тоже былъ изъ охотниковъ и мужественно помогалъ. Вотъ онъ наконецъ входитъ на стѣну вмѣстѣ съ Главаномъ и нѣкоторыми другими. Но у него все еще недоставало смѣлости, и отъ боязни едва не замиралъ голосъ; страхъ внушалъ ему представленіе, что подъ его ногами трясется стѣна, и что, провозгласивъ громко имена державныхъ, онъ упадетъ. Возбуждаемый однако другими, Лакерасъ трепещущимъ голосомъ провозгласилъ царствующій домъ, а стоявшіе внизу услышавъ провозглашеніе верхнихъ, вдругъ издали самыя громкія восклицанія. Тогда дошло это и до слуха тѣхъ, которые были съ Кесаремъ,—и они, выскочивъ изъ своей засады, быстро полетѣли къ воротамъ и, занявъ ихъ, толпами ринулись въ городъ. Только что блеснули первые лучи солнца, Кесаревы воины вдругъ разбѣжались по окрестностямъ и начали грабить, что попадалось: напротивъ Скиѳское войско, управляемое благоразуміемъ, не разсѣявалось, но держало въ порядкѣ прибывавшій изъ города народъ — съ намѣреніемъ узнать, справедливо ли то, что разсказываютъ; ибо это событіе казалось сказкою. Между тѣмъ Кесарь, часто бывавшій въ битвахъ и знавшій по опыту, съ ка-

кимъ трудомъ сопряжено занятіе городовъ, смотрѣлъ на совершившееся дѣло все еще не безъ опасенія, пока при полномъ разсвѣтѣ дня не узналъ опредѣленно, сколь великъ былъ гарнизонъ города. За этимъ опасеніемъ слѣдовало другое безпокойство: появилось множество вооруженныхъ Италіанцевъ и стояло по видимому въ угрожающемъ положеніи. Видя это, Кесарь близокъ былъ къ тому, что бы идти назадъ и оставить начатое дѣло; потому что, если бы его войско и рѣшилось сражаться, то, годное лишь для набѣговъ и засадъ, оно не устояло бы предъ непріятелемъ. Къ счастію въ составъ его входили тогда охотники, которые были и сами по себѣ смѣлы; а тутъ еще угрожавшая всѣмъ опасность, еслибы Италіанцы окружили и одолѣли ихъ, внушала имъ мужество болѣе обыкновеннаго. И такъ собравшись и устроившись, они противустали Италіанцамъ и превозмогли ихъ,—съ небольшою потерею съ своей стороны, одержали надъ ними побѣду и обратили ихъ въ бѣгство, а бѣгущихъ убивали, такъ что спаслись немногіе. Тогда-то уже Скиѳы неудержимо пустились грабить и, врываясь въ кладовыя жизненныхъ запасовъ, выносили, что имъ было нужно. Впрочемъ, въ теченіе дня они снова многократно собирались вокругъ Кесаря, строились стѣною и охраняли его, да и сами себя берегли, что бы мужественно броситься на непріятеля, если бы онъ показался. Царь же Италіанцевъ Балдуинъ, услышавъ о взятіи города, такъ пораженъ былъ этимъ, что будто

сошелъ съ ума, и видѣлъ, что ему ничего не остается больше, какъ бѣжать. Поэтому, оставивъ Влахернскія палаты, такъ какъ нельзя было уже защищать ту страну, быстро переѣхалъ онъ въ большой дворецъ (ибо собирался бѣжать моремъ) и, бросивъ тамъ царскую калиптру (1) и мечъ—символы своего царствованія, какъ могъ скорѣе, искалъ спасенія на кораблѣ. Въ тотъ же день вожди римской фаланги, отправленные для отъисканія и задержанія италіанскаго царя, овладѣли символами его бѣгства. Это бѣгство того, кто поставленъ былъ хранить городъ, еще больше ободрило Римлянъ. Они взяли калиптру и мечъ бѣглеца и смотрѣли на это, какъ на священный начатокъ добычъ, полученныхъ въъ возвращенномъ городѣ. Византійцы же въ этомъ увидѣли ясный знакъ, что бѣглецъ, бросившій символы своего царствованія, нисколько не любилъ своихъ подданныхъ.

---

(1) Калиптрою въ древности называлось женское головное покрывало служившее преимущественно украшеніемъ царицъ. У Лукіана живописецъ Аэцій на картинѣ, изображающей бракъ Александра и Роксаны, представляетъ тотъ самый моментъ, когда Александръ снимаетъ калиптру съ головы своей невѣсты. Платонъ въ своемъ Алхивіадѣ, разсуждая о богатствѣ Персидскаго царя, говоритъ, что въ Персіи, для устроенія калиптры царицѣ, назначились доходы цѣлой области. Но позднѣе калиптра получила новую форму и сдѣлалась также украшеніемъ головы царя. По словамъ Никифора Григоры (L. 3. 7), это была шапка, построенная изъ пурпуроваго, вышитаго золотомъ сукна, и имѣвшая фигуру коническую. А Георгій Логоѳетъ (chronic. Constantinop.), говоря о Византійскомъ царѣ Іоаннѣ, описываетъ его калиптру такъ: Іоаннъ носилъ на головѣ конусообразную (cum pyramide) красную, осыпанную жемчугомъ шапку, на вершинѣ которой блисталъ пурпуровый камень (знакъ царскаго достоинства). Подобнаго рода шапкою отличалось потомъ и достоинство Деспота.

28. Когда это событіе, которому удивлялись сами Римляне и не совсѣмъ вѣрили, что они владѣютъ городомъ, сдѣлалось извѣстно,—молва о немъ вскорѣ дошла и до Латинянъ, находившихся тогда при Дафнусіи,—молва подлинно божественная, которую услышавъ, они чувствовали, что дыханіе въ нихъ замирало, и страшились за своихъ женъ и дѣтей. Что дѣлать? Надлежало скорѣе возвратиться и, сколько можно, отмстить. При Дафнусіи было у нихъ, говорятъ, около тридцати длинныхъ кораблей ([1])—мониръ и тріиръ, и на всѣхъ ихъ поспѣшно отправились они къ городу, надѣясь при томъ на огромный корабль, плывшій изъ Сициліи со множествомъ путешественниковъ, которые могли помочъ своимъ единоплеменникамъ въ дѣлѣ мщенія и вмѣстѣ съ ними идти на приступъ. Съ такими надеждами плыли они; а Кесарь между тѣмъ, предвидя ихъ прибытіе, созываетъ сочувствовавшихъ Римлянамъ гражданъ, которые, какъ Римляне, волею-неволею должны были намъ содѣйствовать. Былъ тогда приближенный къ Балдуину врачъ, по имени Іоаннъ Филаксъ, человѣкъ глубокомысленный и въ высшей степени благоразумный: онъ подалъ Римлянамъ такой дѣльный и сообразный съ обстоятельства-

---

([1]) Древніе греки величину своихъ морскихъ судовъ опредѣляли количествомъ скамей, назначенныхъ для помѣщенія гребцовъ. Ихъ бывало на корабляхъ одна, двѣ и три: отсюда у Грековъ *μονήρης, διήρης, τριήρης*. Для краткости, мы удерживаемъ эти термины и въ русскомъ переводѣ и будемъ греческія суда называть монирами, діирами, тріирами.

ми совѣтъ, какого иной предложить не рѣшился бы, какъ скоро обратилъ бы вниманіе на гибельныя послѣдствія его исполненія. Зная, что Италіанцы будутъ сражаться по необходимости и съ усиліемъ, что за женъ, за родныя семьи и за все имущество, станутъ они лезть, какъ кабаны, съ намѣреніемъ или побѣдить, или по крайней мѣрѣ пасть со славою,—онъ благоразумно взвѣшиваетъ крайность и совѣтуетъ подложить огня. Мысль его была та, что когда будутъ горѣть домы и лишніе безполезные предметы,—жены и дѣти (Латинянъ) безъ сомнѣнія постараются спасаться и выбѣгать изъ города, а нѣкоторыя, можетъ быть, спасутъ и драгоцѣнныя вещи. Тогда находящіеся на карабляхъ, видя, что домы ихъ гибнутъ отъ огня, а жены и дѣти простираютъ руки съ просьбою о защитѣ, не будутъ обращать вниманія на имущество, какъ уже несуществующее, но постараются собирать и спасать родныхъ и такимъ образомъ, благодаря тому, что ихъ выпустили, обрадуются спасенію себя, своихъ женъ и дѣтей. У нихъ готовы тріиры, которые примутъ этотъ народъ; а захотятъ бѣжать и другіе, могутъ быть взяты и они: вѣдь довольно и одного корабля, идущаго изъ Сициліи, чтобы помѣстить всѣхъ ихъ. Когда такой совѣтъ былъ высказанъ и одобренъ, и противорѣчія не встрѣтилось — особенно потому, что войска въ городѣ было не много,—тотчасъ подкладываютъ огонь тамъ, гдѣ было больше домовъ и вещей. Пламень охватилъ домы и превратилъ ихъ въ пепелъ. Испуганные жители

выбѣгали изъ жилищъ, какъ пчелы, выкуриваемыя дымомъ, и почти нагіе,—въ чемъ были, стремились на возвышенныя мѣста города, страшась за собственное спасеніе и со слезами умоляя бывшихъ за городомъ зрителей бѣдствія. Тогда Латиняне, въ затрудненіи не зная, что дѣлать (если бы, то есть, имѣли они успѣхъ, то нехорошо было бы принять гражданъ обнаженными, и притомъ, можетъ быть, съ опасностію для своихъ домашнихъ; а когда бы остались безъ успѣха, то погибли бы вмѣстѣ съ женами и дѣтьми), обращаются къ просьбамъ и весьма усердно молятъ Кесаря отпустить имъ домашнихъ, если угодно, съ имуществомъ, а не то,—они удовлетворятся и тѣмъ, что примутъ своихъ родныхъ здоровыми. Потомъ произошли ужасныя и плачевныя явленія, какихъ, конечно, никто не видывалъ и не слыхивалъ. Благородныя жены и дѣвицы въ одной сорочкѣ, да и то разорванной, накинувъ на себя, что попало, бѣжали къ своимъ, босыя, предъ глазами толпы, смотрѣвшей на ихъ неблагообразіе. Такъ наказаны были Италіанцы за подобный поступокъ ихъ нѣкогда съ Римлянами. Чрезъ это исполнилось и древнее предсказаніе: «Алексѣй, Алексопулъ и съ ними Кутрицакій». Писатель этой исторіи слышалъ такое предсказаніе отъ своего отца, который, бесѣдуя съ своимъ другомъ, произнесъ, что было предсказано,—и слышалъ за долго прежде, чѣмъ дѣло совершилось. Они, какъ Константинопольскіе граждане, вспоминая о своихъ домахъ, при ночномъ свѣ-

тѣ гадали, случится ли когда нибудь взятіе отечественнаго города (я тогда держалъ восковую свѣчу и свѣтилъ имъ), и говорили: случится; это видятъ они,—даже видятъ, когда городъ будетъ взятъ; взятіе его совершится при какомъ-то царѣ Алексѣѣ и другихъ, о которыхъ говоритъ предсказаніе. И въ самомъ дѣлѣ, такими лицами были—Кесарь Алексѣй, племянникъ его Алексѣй, много способствовавшій успѣху, и отличнѣйшій изъ охотниковъ Кутрицакій, который прежде всѣхъ подалъ совѣтъ взять городъ.

Таковы были дѣла въ городѣ. Между тѣмъ о событіи стала вездѣ разноситься молва, и разносилась тѣмъ скорѣе, чѣмъ дѣло было удивительнѣе, — что такой городъ взятъ мимоходомъ и притомъ войскомъ, имѣвшимъ вовсе не то назначеніе. Нѣкоторые скороходы съ радостію бѣжали по всей землѣ и объявляли, что великій городъ взятъ въ знаменитый день Анны матери Богородицы, въ мѣсяцѣ Анѳестиріонѣ [1], почти безъ сраженія, и взятъ такъ, какъ не надѣялись никогда сами взявшіе; въ доказательство же истины своихъ словъ показывали македонское копье, покрытое красною краскою. Когда прибыли они въ Никомидію, что было при наступленіи праздника величайшаго изъ мучениковъ Пантелеимона,—тамъ случился въ то вре-

---

[1] *Анѳестиріонъ* у Пахимера тоже, что іюль. Это видно изъ того, что здѣсь къ этому мѣсяцу относитъ онъ τὴν ἑορτὴν τῆς θεομήτορος Ἄννης; и опять объ этомъ же мѣсяцѣ упоминаетъ въ кн. VI гл. 24. Въ Аѳинскомъ календарѣ іюль называется Θαργηλιών.

мя Какосъ Сеннахиримъ, хваставшійся достоинствомъ Протасинкрита. Услышавъ это извѣстіе, онъ сперва не повѣрилъ и принялъ разсказъ за выдумку: а когда вышелъ и новыми слухами былъ убѣжденъ; то, возвратившись домой, крѣпко рвалъ себѣ бакенбарды и говорилъ: «что я слышу? Это ли сберегалось нашему времени? Въ чемъ мы согрѣшили, что дожили до такого бѣдствія и видимъ его? Послѣ этого уже никто не жди ничего хорошаго, если Римляне своими ногами будутъ опять попирать великій городъ.» Такъ восклицалъ онъ и открыто выражалъ свое неудовольстіе на то, чему народъ удивлялся. А что отсюда произошло, о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

29. Тогда многіе спѣшили и къ царю, который жилъ въ Нимфеѣ, и другъ передъ другомъ старались прибыть впередъ, чтобы передать ему добрую вѣсть прежде другихъ. Одинъ своею скоростію предварилъ всѣхъ, но не принесъ съ собою письма отъ Кесаря. И такъ какъ никто не долженъ былъ узнать объ этомъ событіи прежде царя, а прибывшій не могъ быть допущенъ къ нему; то онъ пошелъ и объявилъ новость царской сестрѣ Евлогіи, говоря, что Византія дѣйствительно взята. Получивъ это извѣстіе, она, противъ обыкновенія, рано утромъ пришла во дворецъ и стала у кровати спящаго царя, но не находила хорошимъ разбудить его тотчасъ, чтобы передать ему такую вѣсть, какъ бы тоесть онъ не потерпѣлъ какого вреда, если услышитъ объ этомъ вдругъ, сверхъ чая-

нія, при самомъ пробужденіи отъ сна. Этотъ поступокъ ея мудръ и выше женскаго ума; потому что когда врожденный человѣку духъ, по принятіи пищи, уходитъ въ желудокъ, что бы сварить ее, тогда, не находясь на поверхности, онъ не помогаетъ чувствамъ, бездѣйствуютъ ли они у спящихъ, или ослабѣваютъ у бодрствующихъ, и, если что нибудь касается ихъ, бываетъ не способенъ касающееся воспринимать надлежащимъ образомъ. Въ этомъ случаѣ принужденныя воспринять что нибудь, дѣйствующее умеренно и обыкновенно, чувства, при внезапности дѣйствія, воспринимаютъ его лѣниво: а когда сообщаемое имъ слишкомъ прискорбно или радостно и необыкновенно, — они, недовольно приготовившись къ воспринятію, приходятъ въ смущеніе и, встревоженныя въ душѣ, получаютъ ударъ. По этому Евлогія тогда неменѣе заботилась о безопасности царя, какъ и о томъ, чтобы сказать ему пріятное, и стала будить его понемногу. Взявшись за большой палецъ его ноги, она, съ намѣреніемъ разбудить незамѣтно, пожала его своими пальцами и скоро разбудила. Увидѣвъ ее стоявшую подлѣ себя одну, царь спросилъ, по какому побужденію дѣлаетъ она это. Сестра смѣющимся и веселымъ видомъ показала, что намѣрена объявить нѣчто пріятное, однако не объявила, что было у ней на умѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не пришелъ въ бодрственное состояніе. Когда же царь всталъ и опять спросилъ, желая узнать нѣчто, какъ догадывался,

пріятное, тогда она передала ему добрую вѣсть, что городъ взятъ, что Кессарь съ Скиѳскимъ войскомъ находится тамъ въ безопасности, и что эта вѣсть получена отъ пришедшаго оттуда, который крѣпко утверждаетъ, что самъ присутствовалъ при тамошнихъ событіяхъ. Но царь спросилъ: Кесарь ли послалъ его? Это мнѣ неизвѣстно, сказала Евлогія; на это можетъ отвѣчать самъ пришелецъ. Тутъ царь, сообразивъ все—и необычайность дѣла и то, что Кесарь не прислалъ письма, и число отправленнаго войска, котораго недостаточно было для совершенія такого подвига, и которое, если бы даже хотѣло, не могло бы совершить его, не вполнѣ повѣрилъ сказанному, но думалъ, не насмѣшка ли это, или не слишкомъ ли простъ измыслившій такую вѣсть. Поэтому онъ заблагоразсудилъ самъ допросить прибывшаго, не для того, чтобы тотчасъ повѣрить разсказу, а чтобы, подъ вліяніемъ страха, внушаемаго царемъ, заставить его сказать правду,—думалъ вывѣдать истину. Итакъ, по приказанію царя, вѣстникъ былъ введенъ и на вопросы рѣшительно отвѣчалъ, что самъ видѣлъ, какъ городъ былъ взятъ. Разсказывая обо всемъ подробно, онъ произвелъ во многихъ увѣренность, а во всѣхъ изумленіе. Но царь, желая показать, что у него больше опытности, чѣмъ у другихъ, особенно въ дѣлахъ воинскихъ, и опасаясь, какъ бы въ случаѣ ложнаго извѣстія, не быть обвиненнымъ въ увлеченіи, а когда оно окажется справедливымъ, не лишить вѣстника надлежащей награды,—для обе-

зопашенія себя, приказалъ держать его связаннымъ подъ стражею. Между тѣмъ всѣ сильно желали услышать подтвержденіе, что Италіанцы выгнаны изъ города. Когда же въ тотъ самый день прибыли и другіе, посланные уже отъ Кессаря, а за ними и тотъ, кто принесъ съ собою калиптру и мечъ Балдуина, какъ вѣрное свидѣтельство о событіи, и когда сверхъ того въ письмѣ къ царю Кесарь высказалъ, какимъ образомъ взятъ былъ городъ; тогда царь пересталъ уже сомнѣваться и повѣрилъ. Послѣ того первому вѣстнику далъ онъ награду больше обѣщанной, а начальника и виновника этого событія возвеличилъ, сколько могъ; потому что такой подвигъ, думалъ царь, не мало придавалъ блеска его царствованію. Этотъ день онъ сдѣлалъ днемъ величайшаго торжества, одѣлся великолѣпно, созвалъ вельможъ, которые явились также въ разноцвѣтныхъ одеждахъ и говорилъ имъ рѣчь. Не лишилъ онъ удовольствія и тѣхъ, которые находились вдалекѣ, но писалъ къ нимъ граматы и приглашалъ всѣхъ благодарить Всевышняго. (30) «Вы знаете,— мужи, подданные Римскаго царства», говорилъ онъ присутствовавшимъ, «знаете всѣ—и вельможи, и сродники наши по крови, и простолюдины, знаете, какъ нѣкогда предки наши, по попущенію Божію, изгнаны были изъ отечества Италіанцами, будто бурнымъ вѣтромъ, и какъ стѣснены были предѣлы ихъ имперіи. Не упоминаю объ имперіи древней, когда она граничила къ востоку съ Ефратомъ и Тигромъ, къ

западу съ Сициліею и еще дальше—съ Апуліею, къ югу съ Еѳіопіею, а къ сѣверу съ самыми сѣверными странами. Оставляю это. Вы конечно слыхали и знаете, что тогда этимъ самымъ моремъ надлежало плыть къ сушѣ не два или три дня, а десять дней и больше того,—и что все то пространство находилось въ нашей власти, кромѣ острововъ и притомъ весьма обширныхъ. Но наконецъ по волѣ, или лучше, попущенію Божію, въ наказаніе за грѣхи противъ Бога, пострадало какъ бы самое сердце отечества, и въ слѣдъ за тѣмъ омертвѣло все: одни области взяты Италіанцами, другія Персами, иныя Болгарами и Трибаллами, и раздѣлены между ними; а иногда и сами Римляне, подданные имперіи, возмущались и дѣлались правителями независимыми. Наша же область ограничивалась Никеею, Бруссою, Филадельфіею и окрестными ихъ странами; о прочихъ городахъ, какъ они только еще оживали,—и теперь, по милости Божіей, мало помалу оживаютъ, нужно ли и говорить? Да и этимъ нельзя было владѣть безопасно, пока недоставало намъ столицы. Въ самомъ дѣлѣ, кто не нападалъ на насъ и не оскорблялъ нашихъ пословъ, какъ лицъ, неимѣющихъ города и по необходимости живущихъ вдали отъ царскаго престола? А отыскивать прочія области, очертывая предѣлы отечества по звѣздамъ, и требовать ихъ отъ нынѣшнихъ обладателей—было бы дѣломъ безумія. И бывшіе прежде насъ цари много трудились для этой цѣли; не мало усилій употребляли и мы:

но успѣха не было. Какъ ни охраняй города, тщетно будешь охранять его; вотъ онъ у тебя въ рукахъ, но напрасно твое стараніе удержать его: все это—дѣло воли Божіей, могуществомъ которой городъ, и находящійся по видимому въ опасности, сохраняется безъ человѣческой стражи; а охраняемый и сильными ратниками предается въ руки враговъ. Вѣдь, если употребивъ много великихъ усилій, чтобы взять его, и испытавъ столько бѣдствій, не смотря на разнородность тамошнихъ жителей, мы не имѣли никакого успѣха; то этимъ Богъ показалъ, что онъ одинъ, по своему милосердію, можетъ дать его, хотя намъ и кажется, будто взятъ онъ нами. Нынѣ наступилъ наконецъ торжественный день Божія милосердія и,—странно, наступилъ въ наше царствованіе, тогда какъ о насъ можно ли сказать что хорошее? Итакъ по истинѣ за возвращеніе престольнаго нашего города надобно благодарить Господа и надѣяться, что, какъ по паденіи его, пало и прочее, такъ по возвращеніи его нельзя не возвратиться и прочему. Въ самомъ дѣлѣ, настанетъ обратный судъ и воздымавшіяся выи многихъ смирятся до уничиженія. Если отцы наши не видѣли такой милости Божіей, то увидимъ мы, дѣти ихъ; потому что не отдѣльнымъ лицамъ, а большею частію цѣлымъ родамъ посылаются отъ Бога и благодѣянія и наказанія. Такъ бывало и въ древности: Богъ обѣщалъ отцамъ добрую землю, издревле предназначенную Аврааму, какъ будто бы они вступятъ въ нее тотчасъ по освобож-

деніи изъ Египта; а между тѣмъ устроилъ иначе—кости ихъ пали въ пустынѣ, и обѣтованіе хотя не осталось неисполненнымъ, однакожъ исполнилось уже на сынахъ ихъ. Такими праведными мѣрами и вѣсами опредѣляются дѣла Божіи! Теперь, по волѣ Господа, настало время переселенія не подъ тѣнію повозокъ, осѣненныхъ вѣтвями, какъ было въ древности, а подъ сѣнію Божіей благодати. Поэтому нужно немедленно послать кого нибудь изъ правителей, чтобы онъ принялъ домы, въ которыхъ можно было бы помѣститься цѣлыми семействами. Если найдется кто нибудь изъ наслѣдниковъ или родственниковъ, пускай владѣетъ; а не то,—пусть каждый изберетъ себѣ удобнѣйшій. Когда Богъ даетъ благодать,—должно поступать по Его законамъ и каждаго ущедрять придадлежащею ему частію; ибо не намъ однимъ, надобно думать, ниспослано Божіе дарованіе, но и вамъ: и какъ изгнаніе было общею чашею гнѣва, которую пили всѣ, такъ и благодѣяніе возвращенія должно быть достояніемъ общимъ. За тѣмъ послѣдуютъ и другіе, и такимъ образомъ оскудѣвшее восполнится. Мы получимъ городъ вмѣсто городковъ,—городъ славный по самому имени, вмѣсто поселеній безъимянныхъ и малолюдныхъ. Впрочемъ не надобно оставлять въ небреженіи и здѣшніе. Безопасность внутреннихъ мѣстъ бываетъ больше тогда, когда не терпятъ безпокойствъ мѣста пограничныя; а послѣднія избавятся отъ безпокойствъ, если будутъ наблюдать за ними жители вмѣстѣ съ присланны-

ми къ нимъ правителями. Но это, при помощи Божія милосердія, будетъ сказано современемъ; теперь же, послѣ Бога, воздадимъ письменно благодарность (слѣдуетъ по всей справедливости) и тѣмъ, чрезъ которыхъ эта милость намъ дарована». За тѣмъ царь повелѣваетъ немедленно написать благодарственныя граматы и избираетъ людей, которымъ надлежало отправиться для наблюденія за раздѣломъ домовъ вельможамъ; простому же народу раздачу ихъ отложилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ городѣ, который взятъ мечемъ, никто не имѣетъ права на собственность, хотя бы она кому и принадлежала. Сверхъ того въ Константинополѣ оставалось еще не мало имуществъ сомнительныхъ, которыхъ владѣльцы могутъ отъискаться, такъ какъ городомъ владѣли враги только въ теченіе пятидесяти осьми лѣтъ. Да въ немъ сохранилось бы конечно и все, еслибы съ Италіанцами цари жили въ мирѣ. Предположи, что Латиняне, по случаю частыхъ войнъ, не имѣли бы недостатка въ необходимомъ: они не коснулись бы, на примѣръ, священныхъ храмовъ. А такъ какъ пришлось имъ владѣть чужимъ и постоянно находиться въ страхѣ, какъ бы не потерять имущества, имъ непринадлежащаго; то каждый изъ нихъ, не надѣясь долго пользоваться чужимъ, спѣшилъ присвоить себѣ что нибудь,— похитить.

Сказавъ и сдѣлавъ это, царь непрестанно посылалъ къ Кесарю,—не одного въ одинъ разъ, и не всѣхъ вмѣстѣ, но многихъ ежедневно—

другъ за другомъ, какъ для того, чтобы чаще получать отъ него извѣстія о каждомъ случаѣ, такъ и съ цѣлію—передавать повелѣнія объ ускореніи тамошнихъ приготовленій, потому что и самъ, вмѣстѣ со своими, намѣревался вскорѣ отправиться. Съ этимъ намѣреніемъ повелѣлъ онъ привесть въ порядокъ и царскіе дворцы. Равнымъ образомъ и каждый изъ вельможъ отправилъ отъ себя нарочнаго, для испрошенія себѣ и принятія дома; потому что вельможамъ, по отъѣздѣ царя, медлить было нельзя. Между тѣмъ въ Константинополѣ люди должностные всякій свою обязанность исполняли ревностно. Кесарь между лицами и чинами раздѣлялъ домы надлежащимъ образомъ и вмѣстѣ безпрестанно занятъ былъ другими дѣлами, такъ что отъ заботъ не имѣлъ времени и уснуть, а днемъ усмирялъ чернь, довѣряя Римлянамъ и подозрѣвая Италіанцевъ. Чернь въ городѣ состояла изъ людей разнаго рода, которые волновались, но большею частію были невоинственны и занимались ремеслами. Онъ боялся однакожъ ея порывовъ—напасть на иностранцевъ, какъ за то, что послѣдніе недавно лишили ее имущества, такъ и по склонности къ возмущеніямъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствовавшихъ противъ нея оказалось не много, да и тѣ не чужды были боязни. Содержа это въ умѣ, Кесарь днемъ старался успокоивать народъ, внушая ему страхъ, а по ночамъ посылалъ объѣздныхъ, да и самъ, подобно ночному стражу, обозрѣвалъ каждую улицу, чтобы не вошелъ въ городъ извнѣ какой

нибудь злодѣй, такъ какъ стѣна во многихъ мѣстахъ была разбита и желающему представляла возможность сдѣлать это. Впрочемъ и внѣшніе, приходя въ городъ на день въ большомъ числѣ, раздѣляли съ нимъ заботы и внушали нашимъ безстрашіе.

31. Наконецъ, устроивъ всѣ свои дѣла, царь, вмѣстѣ съ августѣйшею супругою и недавно родившимся у него сыномъ Андроникомъ, котораго названіемъ онъ, какъ преданный сынъ, почтилъ умершаго тогда уже отца, считая память его для себя священною, также съ великимъ Доместикомъ и матерью Августѣйшей, которую многіе, ради чести, называли великою Госпожею, равно со всѣмъ Сенатомъ и синклитомъ, отправился въ путь къ городу и, переправившись чрезъ Геллеспонтъ, пошелъ оттуда къ Византіи. Прибывъ туда и достигнувъ золотыхъ воротъ, онъ остановился тамъ на нѣсколько дней и не входилъ въ городъ, но смотрѣлъ и распоряжался, чтобы свое вступленіе сдѣлать боголюбезнымъ и великолѣпнымъ. Для сего послалъ онъ принести изъ обители Вседержителя священную икону Пречистой Богоматери, написанную, какъ говорятъ, божественнымъ Лукою. Эта икона гдѣ-то тамъ явилась и подарена царицѣ Пулхеріи невѣсткою ея Евдокіею, Аѳинскою Деспиною, какъ даръ, несомнѣнно присланный изъ Палестины. Итакъ, вступая въ городъ въ сопровожденіи этой водительницы, отъ которой, по его убѣжденію, зависѣло и самое возвращеніе города, онъ думалъ этимъ воздать ей досто-

должную благодарность. Царь распорядился также, чтобы одинъ изъ находившихся тамъ архіереевъ, Георгій Кизикскій, облекшись въ ризы, совершилъ молебствіе и воздалъ Богу благодарность за великое событіе. Послѣ всего этого отворились давно уже не отворявшіяся золотыя ворота,—и архіерей началъ молитвословіе, въ сопровожденіи котораго царь со всею свитою, медленнымъ шагомъ, благоговѣйно и съ самымъ смиреннымъ исповѣданіемъ предъ Богомъ, вступалъ въ городъ, шествуя пѣшкомъ и совершенно отложивъ царскую пышность, какъ при такомъ дѣйствіи неприличную. Тогда былъ полдень, жаркій болѣе обыкновеннаго, и солнце стояло надъ головою: но усердіе собравшихся побѣждало зной; всѣ желали, хотябы что и случилось, дойти вмѣстѣ съ царемъ до большаго дворца. А Влахернскій дворецъ для помѣщенія царствующихъ особъ оказался негоднымъ; потому что былъ закопченъ и наполненъ италіанскимъ смрадомъ, которымъ повара Балдуина, по крайней неопрятности его, пропитали стѣны дворца такъ, что трудно было очистить ихъ. При томъ, тамъ было безопаснѣе царямъ, только что вступившимъ въ городъ, еще не успокоившійся. Въ эти минуты народъ радовался, что во дворцѣ въ первый разъ видитъ римскаго царя, и перемѣнивъ изумленіе на удовольствіе, сталъ надѣяться, что теперь подъ его скипетромъ будетъ благоденствовать. Мнѣ кажется, что и оставшіеся въ городѣ Италіанцы, при этомъ зрѣлищѣ, перемѣнились бы и радовались

случившемуся (ибо для нихъ небезчестно было служить такому царю), еслибы не надмевали ихъ — родовая ненависть и недавно претерпѣнныя ими бѣдствія. Впрочемъ, по проведеніи этого дня въ побѣдныхъ рукоплесканіяхъ и священныхъ пѣсняхъ, на ночь дворецъ былъ окруженъ надежною стражею.

32. На другой день царь всѣ свои мысли направилъ къ тому, какимъ бы образомъ обезопасить городъ укрѣпленіями и гарнизономъ, съ почетнѣйшими же изъ Италіанцевъ (каковы были Генуэзцы, Венеціане и Пизанцы) обойтись искуснѣе, чтобы подчинить ихъ себѣ; ибо если подчинятся тѣ, которые способны совершить нѣчто важное, на что рѣшились бы, то прочіе успокоятся уже противъ воли. Съ этою цѣлію, призвавъ ихъ, онъ цѣлый день бесѣдовалъ съ ними, какъ слѣдовало, и лучшими надеждами отклонялъ ихъ отъ привязанности къ единоплеменникамъ, чѣмъ мало по малу и успѣлъ подѣйствовать на нихъ; порывы же ихъ искусно укрощалъ благодѣяніями. «Вы будете жить безопасно въ хорошей части города» говорилъ имъ царь, «займете много мѣста и подчинитесь обычному вашему порядку, подъ управленіемъ начальника, избираемаго вашимъ обществомъ изъ соплеменниковъ, котораго по-гречески можно будетъ назвать властителемъ (Ποτεστάτος ἐξουσιαστής); вы будете управляться вашими законами, освободитесь отъ податей и получите свободу въ мореплаваніи и въ дѣлахъ торговли. Такія обѣщанія далъ онъ Генуэзцамъ; подобныя же

предложилъ Венеціанамъ и Пизанцамъ—съ тѣмъ, что одни изъ нихъ, подъ управленіемъ Байола, котораго по-гречески можно назвать блюстителемъ (ἐπίτροπον), а другіе подъ управленіемъ Консула, т. е. эфора (ἔφορος), пользуясь собственными законами, будутъ безпрепятственно исполнять свои дѣла и жить свободно. Впрочемъ Генуэзцамъ, такъ какъ они были многочисленны и не имѣли общенія съ прочими италіанскими племенами, онъ невѣрилъ на столько, чтобы дать имъ мѣсто внутри города; а о Венеціанахъ и Пизанцахъ, по ихъ малочисленности, не безпокоился. Итакъ Палеологъ старался разъединять племена и присутствовавшимъ оказывалъ благорасположеніе, а отсутствовавшихъ издали укрощалъ подарками, и тѣмъ показывалъ, что боится ихъ союза—особенно, потому, что Балдуинъ, убѣжавъ и вступивъ въ родство съ Карломъ, человѣкомъ суровымъ и чрезвычайно умнымъ, чрезъ бракосочетаніе своего сына съ его дочерью, въ видѣ брачнаго подарка отдалъ ему городъ, котораго уже не имѣлъ. И Карлъ принялъ его, хотя Балдуинъ и не владѣлъ имъ, надѣясь предлагаемый подарокъ взять вооруженнымъ флотомъ.

33. Первымъ дѣломъ царя было перевести и поселить внутри города жителей, обитавшихъ прежде при морѣ; вторымъ — раздѣлить между сановниками мѣста внѣ и внутри города для воздѣлыванія,—кромѣ той земли, которую роздалъ онъ въ даръ охотникамъ, за ихъ усердіе и расположеніе, и которая, какъ способная къ пло-

дородію, отлично произращала все, что было въ ней посѣваемо,—также кромѣ весьма тучныхъ полей, отданныхъ монастырямъ. У него было намѣреніе—для пользы монастырей, приписать къ нимъ монастыри и внѣшніе, находившіеся на востокѣ и славившіеся большимъ богатствомъ; ибо такимъ образомь эти, по его мнѣнію, поддерживались бы тѣми. Третьимъ дѣломъ было дать собраннымъ гражданамъ мѣсто, на которомъ они могли бы построиться, со внесеніемъ податей; кромѣ того,—что еще важнѣе,—оказать помощь возстановляемымъ въ прежній видъ монастырямъ, и укрѣпить городъ, введши въ него дѣятельнѣйшихъ изъ воиновъ. Онъ зналъ, что прежде владѣвшіе имъ, бывъ изгнаны такимъ образомъ, не останутся въ покоѣ, но нападутъ съ флотомъ; а потому самъ тоже готовилъ флотъ строилъ корабли и изъ переселенцевъ составилъ нѣсколько тысячь (войска). Дѣлалъ онъ много и другаго, какъ по нуждѣ, такъ и для внушенія страха, чтобы предупредить нападеніе.

34. Заботился онъ и объ избраніи пастыря осиротѣвшей тогда Церкви; по сему собралъ іерарховъ и совѣщался съ ними, желая узнать, что нужно было дѣлать. Одни изъ нихъ полагали, что надобно снова призвать жившаго еще патріарха Арсенія; потому что дѣло о немъ было окончено не канонически: слѣдуетъ, говорили они, настоятельно убѣдить его и не оставлять безъ приглашенія. Другіе же напротивъ полагали, что онъ и теперь остается при своемъ отреченіи, что для увольненія его достаточно

было и самаго удаленія; да и то уже, что онъ не принималъ просьбы и отсылалъ просившихъ, показываетъ отреченіе его отъ предстоятельства. Когда они такимъ образомъ разсуждали и говорили,—царь, имѣя въ виду собственные интересы, по видимому, соглашался съ мнѣніемъ тѣхъ и другихъ: хорошо бы, думалъ онъ, вызвать и Арсенія и ввѣрить ему управленіе Церковію, если бы при его патріаршествѣ все пошло по желанію, и если бы его взглядъ на дѣла не подалъ никому повода къ соблазну; но вмѣстѣ съ тѣмъ было и опасеніе, какъ бы Арсеній не разошелся съ царемъ въ образѣ мыслей, и не произошло отъ того смятенія. Не дѣлать этого и поставить другаго, по мнѣнію царя, значило — дать дѣламъ ходъ безпрепятственный: но тутъ опять могло произойти возмущеніе, вслѣдствіе котораго, какъ и справедливо разсуждалъ онъ, иные даже и не взяли бы въ расчетъ настоящихъ обстоятельствъ, сколь ни худы они. Итакъ, колеблясь тѣми и другими соображеніями, онъ недоумѣвалъ, чью принять сторону, и потому избраніе патріарха откладывалъ на время послѣдующее,—не укажетъ ли оно чего нибудь лучшаго, предоставивъ однакожъ совѣщаться о томъ іерархамъ, пока не придутъ они къ согласію въ этомъ отношеніи; самъ же занимался общественными дѣлами и ограничивался только заботою о патріаршескомъ престолѣ.

35. Но то, что замышлялъ онъ самъ въ себѣ, не давало ему покоя. Не безъизвѣстно бы-

ло, что кого считали преданнымъ Іоанну, того обвинялъ онъ въ нерасположеніи къ себѣ и питалъ къ нему подозрѣніе, а иногда, придумывая причины, даже жестоко наказывалъ нерасположенныхъ. Вообще, — онъ не хотѣлъ раздѣлять съ Іоанномъ и имени царя, и всячески старался совершенно удалить его отъ власти. Къ этому подстрѣкали его нѣкоторые приближенные сестры его Евлогіи, и то обстоятельство, что подрасталъ сынъ его Андроникъ, котораго не возвести на престолъ казалось ему дѣломъ ужаснымъ и невыносимымъ; но сильнѣе всего увлекали его величайшее честолюбіе и необыкновенная гордость, не знавшая предѣловъ. Поводомъ къ такому безразсудному стремленію было взятіе города, которое одно казалось ему достаточнымъ для утвержденія его на царскомъ престолѣ. Представляя, что единственно онъ призванъ былъ въ столицу, Палеологъ полагалъ, что единственно онъ же долженъ и царствовать. Впрочемъ, сколь не ужаснымъ казался такой замыселъ,—для народа оставался онъ пока еще тайною, хотя люди, смотрѣвшіе глубже, какъ изъ многаго другаго, такъ и изъ того обстоятельства, что Іоаннъ не входилъ въ городъ вмѣстѣ съ Михаиломъ, легко проникали въ душу послѣдняго и замѣчали, что она исполнена дикой жадности, побуждавшей его, чрезъ нарушеніе клятвы, тяжко грѣшить предъ Богомъ, и воздымавшейся такъ высоко, что человѣку мыслящему нельзя было не видѣть ее. А это послужило началомъ великихъ бѣдствій

для Римлянъ и причиною невыносимаго смятенія.

Впрочемъ, тогда-то онъ старался устроить дѣла городскія, какъ можно безопаснѣе. Видя, что Генуэзцы, какъ наличные, такъ и ожидаемые, были многочисленны, и что они не расположены легко подчиниться Римлянамъ, но при случайныхъ предлогахъ готовы произвесть возмущеніе, какъ люди надменные и жестокіе, онъ не призналъ полезнымъ оставить ихъ въ городѣ, но сперва приказалъ имъ поселиться особо въ Ираклеѣ Ѳракійской, а потомъ нашелъ болѣе безопаснымъ дать имъ отдѣльное мѣсто противъ Переи, близъ крѣпости Галатійской. Венеціанъ же и Пизанцевъ, такъ какъ они были немногочисленны, призналъ справедливымъ оставить внутри города и только отдѣлилъ ихъ отъ прочихъ. Съ этою цѣлію, имѣя въ виду и собственную безопасность, онъ приказалъ немедленно срыть двѣ крѣпости, одну построенную въ приморской части площади, а другую за Галатою, и такимъ образомъ Генуэзцевъ поселилъ къ западу отъ Переи, близъ Галаты, и притомъ на большомъ протяженіи, а прочимъ назначилъ особыя мѣста для жительства. Кромѣ того, каждому изъ означенныхъ италіанскихъ народовъ позволено было имѣть и особую торговую площадь.

36. Вскорѣ за тѣмъ отправилъ онъ пословъ и къ папѣ, чтобы смягчить его дарами. Пословъ было два: одинъ по имени Никифорицъ, а другой Алувардъ. Оба они прежде

исправляли должность секретарей при италіанскомъ королѣ Балдуинѣ, а теперь были обвиняемы въ предательствѣ города Римлянамъ. Прибывъ въ Италію, эти послы подверглись великой опасности, отъ которой не могли защититься самымъ своимъ значеніемъ и не избавились отъ жесточайшихъ страданій. Если державный, раздраженный измѣною, по уваженію къ личности посланниковъ, и скрылъ свою ненависть; то рѣшились мучить ихъ Италіанцы. Эти люди, и безъ того жестокіе, а послѣ потери города пришедшіе еще въ большее бѣшенство, обвинивъ ихъ въ сознательномъ предательствѣ, взяли Никифорица и, въ наказаніе обвиненному, равно какъ и въ безчестіе пославшему виновника, сняли съ него живаго кожу отъ ногъ до головы; а Алувардъ, за ранѣе узнавъ о злоумышленіи, поспѣшно убѣжалъ. Вотъ что и какъ случилось съ отправленными въ Италію послами.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1. Понимая, что безъ патріарха Церковь не можетъ быть управляема, царь размышлялъ самъ въ себѣ, какъ бы дѣло о патріархѣ и окончить и устроить по своему желанію; ибо если одно что нибудь изъ этого, думалъ онъ,

пойдетъ хорошо, а другаго будетъ недоставать, то по необходимости захромаетъ и цѣлое. Пусть возстановленъ будетъ прежній патріархъ и положитъ препятствія развитію желаній царя: отъ этого послѣдній испыталъ бы величайшее несчастіе. Пусть опять прежняго патріарха не будетъ, и для царя облегчатся способы приводить въ исполненіе свои намѣренія: послѣдній, въ отношеніи къ нему, согрѣшитъ конечно немного; за то народъ, какъ скоро увидитъ, что при новомъ патріархѣ, царь поступилъ несправедливо,—тотчасъ произведетъ величайшее возмущеніе, основательно представляя, что если бы патріархъ былъ прежній, то никакъ не допустилъ бы его до такого злодѣйскаго замысла. Теперь-то вѣдь, замысливъ преступное дѣло, царь преступному правительству придалъ бы и преступную главу, то-есть, недобрыми помыслами предъ лицемъ Божіимъ обманулъ бы и новаго патріарха, низвергъ бы и царя, какъ будто Богъ или не видитъ, или не наказываетъ грѣшника. А отсюда произошло бы сильное безпокойство, такъ что можно было бы ожидать страшнаго бѣдствія. Представляя это, царь хотѣлъ соединить несоединимое: и возстановить патріарха, и устранить отъ дѣлъ природнаго царя; а это значило—къ ткани прививать такую ткань, которая съ нею не свивается. Михаилъ призналъ нужнымъ спросить патріарха, не согласится ли онъ, оставивъ дѣло объ Іоаннѣ въ настоящемъ, неопредѣленномъ и безнадежномъ его положеніи, прибыть въ городъ и, принявъ

предстоятельство въ Церкви, вѣнчать его на царство въ другой разъ, по уваженію къ занятой имъ столицѣ (ибо во всякомъ случаѣ справедливо, чтобы прежде вошедшій въ нее прежде былъ и вѣнчанъ). Если бы патріархъ согласился на это, то можно было бы надѣяться, что обстоятельства придутъ въ спокойное состояніе. Царь думалъ, что три побужденія помогутъ ему убѣдить патріарха: во первыхъ то, что патріархъ, отъ долговременнаго пребыванія на покоѣ, ослабѣлъ; во-вторыхъ то, что онъ могъ бояться, какъ бы опять не былъ возведенъ другой, что уже случилось и прежде; въ третьихъ то, что безъ сомнѣнія и онъ любитъ отечество, въ которое могъ теперь возвратиться, и притомъ съ величайшею честію и славою. А между тѣмъ, не давъ обѣщанія исполнить предложенное, ему было бы это невозможно. Если же патріархъ и несогласился бы, то для царя было бы уже довольно и того, что честь ему предложена. Въ этихъ мысляхъ царь, пока архіереи не пришли еще къ единомыслію, присоединяется къ сторонѣ тѣхъ, которые подавали голосъ въ пользу Арсенія. Тогда эта сторона, по присоединеніи къ ней царя, получила перевѣсъ; такъ что другая, какъ уже ослабѣвшая, должна была уступить, и уступила тѣмъ болѣе, что была убѣждаема царемъ и Соборомъ, и что при этомъ обѣщано не считать ея требованія ни дерзкимъ ни несправедливымъ, и немедленно принять въ общеніе священниковъ, рукоположенныхъ Никифоромъ, чтобы Церковь,

по поводу какого нибудь малодушія, не раздѣлилась. Положивъ такое мнѣніе, Соборъ посылаетъ къ патріарху вѣстниковъ. Выслушавъ предложеніе, патріархъ сперва сталъ жаловаться, что его только зовутъ, а не просятъ у него прощенія въ грѣхѣ, тогда какъ первое свойственно правымъ, а послѣдніе согрѣшившимъ: но потомъ, когда стали просить его, показалъ кротость и былъ готовъ отправиться; только отправился оттуда пѣшкомъ и остановился въ Руфинѣ, какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы, находясь ближе къ столицѣ, могъ на дальнѣйшія требованія Собора съ большею скоростію присылать свои отвѣты.

2. Итакъ отъ царя и Собора были посылаемы въ Руфинъ вопросы, по обсужденіи которыхъ, патріархъ на одни соглашался, а на другіе давалъ обѣщаніе, и затѣмъ вскорѣ переправился и, вступивъ въ городъ, съ общаго согласія и одобренія принялъ Церковь. Царь первый извинился предъ нимъ въ томъ, что было сдѣлано, и оказалъ ему великія почести, а Церковь почтилъ дарованіемъ ей доходовъ. Онъ привелъ въ прежній видъ весь храмъ, во многомъ переиначенный Италіанцами, поставивъ распорядителемъ при этомъ монаха Руха, человѣка дѣятельнаго, и на счетъ царской казны возобновилъ престолъ, амвоны, солею и прочее; потомъ, самымъ приличнымъ образомъ снабдилъ домъ Божій покровами и священными сосудами; наконецъ приписалъ къ церкви нѣкоторыя села, а другія пожаловалъ въ пользу священ-

нослужителей, чтобы, имѣя нужду въ необходимомъ, они не были нерадивыми. Архіерей принималъ все это, какъ даваемое въ честь Богу, и самъ лично благодарилъ царя, какъ будто бы дары назначались собственно для него. Поэтому онъ соглашался и вѣнчать дорователя и забыть сдѣланное архіереями, предоставивъ рукоположеннымъ отъ Никифора всѣ права священства, кромѣ того только, что они не могли служить вмѣстѣ съ нимъ, во всемъ же прочемъ не чуждался ихъ; иначе подумаютъ,—говорилъ онъ,—будто сдѣланное противъ него было справедливо, и будто онъ соглашается съ этимъ, если приметъ ихъ въ общеніе съ собою предъ престоломъ. Когда нужно было вести переговоры о вторичномъ вѣнчаніи царя, онъ охотно согласился и на то, и въ назначенный воскресный день великолѣпно вѣнчалъ его во святомъ храмѣ. При этомъ объ Іоаннѣ не было и помину, а только приказано,—послѣ царствующихъ лицъ и патріарха, въ общественныхъ молитвахъ поминать и взявшаго городъ Кесаря Алексѣя.

3. Устроивъ дѣла хорошо и по своему желанію, царь началъ отправлять и дальнія посольства именно къ правителю Тохарцевъ, Халаву, и къ Еѳіопскому султану. Персидскій же султанъ Азатинъ былъ при немъ и жилъ въ городѣ распутно, проводя время въ развратѣ и пьянствѣ на перекресткахъ; ибо, такъ какъ городъ былъ еще пустъ и перекрестки уподоблялись пустынямъ, то онъ, безстыдно садясь тамъ съ большою толпою приближенныхъ, предавался Діо-

нисовымъ оргіямъ и пьянству. Итакъ къ тѣмъ царь отправлялъ посольства и обратно оттуда принималъ пословъ. За Халава выдавалъ онъ побочную свою дочь Марію, рожденную отъ Дипловатацины, и посредникомъ при этомъ назначилъ монаха и священника Принкипса. Принкипсъ, бывшій тогда архимандритомъ обители Вседержителя, сопровождалъ означенную дѣвицу великолѣпно, роскошно и везъ съ собою разнообразное богатсво, имѣя при себѣ и походный храмъ изъ толстыхъ покрововъ, также изображенія святыхъ, обдѣланныя золотомъ, скрѣпленныя крестами и шнурками, и священные драгоцѣнные сосуды для употребленія при святой жертвѣ. Но между тѣмъ какъ это бракосочетаніе приготовлялось съ такимъ великолѣпіемъ, Халавъ скончался прежде, чѣмъ прибылъ къ нему Принкипсъ,—и дѣвица, опоздавшая пріѣздомъ къ отцу, сочеталась съ его сыномъ Апагою, который остался преемникомъ его власти. Еѳіопскаго же султана войти съ царемъ въ переговоры побуждала другая нужда. Этотъ султанъ происходилъ изъ Комановъ и, бывъ однимъ изъ отданныхъ въ рабство, имѣлъ похвальную причину домагаться союза съ своими родичами. Извѣстно, что климаты на землѣ, сѣверный и южный, какъ противоположные одинъ другому, имѣютъ вліяніе на врожденныя способности жителей,—тѣлесныя и душевныя, равно какъ и на темпераменты, которыхъ различіе можно замѣчать не только въ безсловесныхъ животныхъ, сравнительно съ подобными имъ жи-

вотными, но и въ людяхъ сравнительно съ людьми. На сѣверѣ—животныя бѣлыя, а на югѣ—черныя. Люди на сѣверѣ вообще несмысленны и едвали разумныя существа: у нихъ нѣтъ ни правилъ словесности, ни естественныхъ наукъ, ни познаній, ни разсудка, ни экономіи въ жизни, ни искуствъ, и ничего другаго, чѣмъ люди отличаются отъ безсловесныхъ; они имѣютъ только наклонности воинственыя и, будучи стремительны, всегда готовы втупить въ бой, тотчасъ бросаются, лишь бы кто подстрѣкнулъ ихъ. Отношеніе ихъ другъ къ другу какое-то дерзкое и вакхическое, и они служатъ Арею. А на югѣ все напротивъ: эти благородны, вообще очень благоразумны и превосходны въ общественной жизни, славятся искуствами, словесными науками и совѣтливостію, за то медленны въ стремленіяхъ, слабы для сраженій и склонны скорѣе жить малымъ въ бездѣйствіи, чѣмъ имѣть много посредствомъ усильныхъ трудовъ. Естественною причиною такихъ явленій можно почитать солнце, которое на сѣверѣ мало показывается и недостаточно согрѣваетъ мозгъ; ибо тогда какъ отъ теплоты его происходятъ хорошія естественныя качества,—холодъ, сжимающій кожу, сообщаетъ членамъ грубость. На южной части напротивъ солнце стоитъ долѣе и способствуетъ развитію хорошихъ естественныхъ качествъ, чрезъ что однакожъ всѣ члены тѣла для подвиговъ мужества становятся слабѣе; а физика говоритъ, что тѣламъ соотвѣтстуютъ и души. Поэтому Еѳіопляне и прежде вы-

соко цѣнили Скиѳовъ, когда пріобрѣтали ихъ для рабскихъ услугъ, или когда пользовались ими, какъ воинами: теперь же и самая власть находилась въ рукахъ Скиѳа; такъ Скиѳы съ большимъ радушіемъ были тамъ принимаемы и составляли вспомогательное войско. Но имъ, нанявшись, не иначе можно было туда переправиться, какъ чрезъ проливъ Евксинскаго моря; а дѣлать это безъ согласія царя было трудно. Посему къ царю нерѣдко присылаемы были послы съ подарками, чтобы находившимся на коробляхъ онъ позволилъ войти въ Евксинское море и, за большія деньги нанявъ скиѳскихъ юношей, отправиться съ ними обратно домой. И это, какъ мы знаемъ, дѣлалось часто: оттуда присылаемы были къ царю подарки, а отсюда плавателямъ открывался свободный путь къ султану.

4. Между подарками былъ и камелопардъ—живодное удивительное и необыкновенное, о которомъ я хочу сказать нѣсколько словъ—видившимъ его для напоминанія, а невидѣвшимъ для свѣдѣнія. Тѣло у него небольшое, какъ у тѣхъ ословъ, которыхъ мы называемъ канѳонами (κάνθων); кожа, какъ у леопардовъ, бѣлая, испещренная красными пятнами; фугура тѣла, какъ у верблюдовъ—отъ заднихъ то-есть частей его къ плечамъ поднимаются горбы; переднія ноги значительно выше заднихъ; шея, какъ у журавлей, очень длинная и поднимающаяся вверхъ до самой головы, такъ что онъ представляется животнымъ гордымъ; голова малая,

видомъ похожая на верблюжью; брюхо бѣлое; отъ шеи по всему хребту до самаго хвоста, который не великъ, простирается весьма прямо, какбы по линейкѣ, черная полоса; ноги тонкія, какъ у оленей, и съ раздвоенными копытами. Нравомъ это животное кроткое, такъ что и дѣти забавлялись имъ, водя его за носъ;—послушное,—веди, куда хочешь, травоядное, питающееся и хлѣбомъ и пшеницею, какъ овца,—вообще ручное. А для защиты отъ нападенія (ибо природа по большей части доставила животнымъ и это, еслибы кто сталъ угрожать имъ) оно не снабжено ни такимъ копытомъ, какъ у лошадей, ни рогомъ, какъ у быковъ, (ибо не увѣнчано рогами), ни зубомъ, какъ у кабановъ, ни когтями, какъ у кошекъ, а только одними зубами, которыми впрочемъ оно, по видимому, кусаетъ умѣренно, лишь бы только отклонить нападенія, не дѣлая вреда, и никакого яда не заключается въ его зубахъ, какъ у тѣхъ животныхъ, которыхъ природа вооружила зубами. Камелопарда, будто какое чудо, присланное къ царю изъ Еѳіопіи, каждый день водили по площадямъ для зрѣлища и удовольствія видѣвшихъ.

Это дѣлалъ царь, по видимому, для пользы нашимъ. Дѣйствительно, въ видахъ сохраненія мира, пропускъ еѳіопскихъ кораблей былъ полезенъ: но съ другой стороны такое распоряженіе приносило и величайшій вредъ; потому что при частыхъ переселеніяхъ юношей съ сѣвера, составившееся изъ нихъ еѳіопское войско съ

теченіемъ времени сильно возвысило духъ Еѳіоплянъ; такъ что, прежде довольствуясь сохраненіемъ домашней своей безопасности, они стали теперь выходить изъ своихъ предѣловъ и вторгаться войною въ среду [1] христіанъ. Тогда какъ Италіанцы занимали поморье всей Сиріи, владѣли Финикіею, господствовали надъ самою Антіохіею, и настойчиво состязались за мѣста Палестины, славившіяся святостію по той весьма справедливой причинѣ, что тамъ жилъ, страдалъ и устроилъ наше спасеніе Спаситель,— Еѳіопляне, надѣясь на составившіяся изъ Скиѳовъ войска, выходили изъ своихъ мѣстъ, и всю землю, по пословицѣ, дѣлали Мидійскою добычею до тѣхъ поръ, пока мало по малу (ибо Италіанцы не вступали съ ними въ мирныя условія, такъ какъ они были и назывались врагами честнаго креста), не стали нападать даже на самые большіе города и не сравняли ихъ съ землею. Въ такихъ развалинахъ лежитъ и теперь славная Антіохія, въ такихъ—Апамея; разрушены Тиръ и Беритъ; тоже испыталъ и Сидонъ; а съ другой стороны стонетъ Лаодикія; Триполисъ же и Птолемаида, великіе города Италіанцевъ, считаются какъбы не существующими; да уничтоженъ и прекрасный Дамаскъ, нѣкогда бывшій пограничнымъ городамъ Римской имперіи къ востоку; и рѣшительно ничто

---

(1) Здѣсь Пахимеръ говоритъ о происхожденіи и способѣ образованія тѣхъ еѳіопскихъ войскъ, которыя у западныхъ историковъ называются Сарацинами и Мамелюками, нападавшими на крестоносцевъ въ предѣлахъ Сиріи и Палестины.

не осталось цѣлымъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя платятъ дань Армянамъ. А многочисленное населеніе всѣхъ этихъ городовъ разсѣяно по всей землѣ, исключая павшихъ или на войнѣ, или въ мученическихъ пыткахъ за несогласіе отречься отъ вѣры.

Вотъ какую, благодаря нашему неблагоразумію, или злоумышленію, нашимъ произвольнымъ стремленіямъ и желаніямъ, христіанство получило пользу отъ Еѳіоплянъ. Между тѣмъ дерзость Тохарцевъ мы еще удерживали—не мужествомъ войскъ, а дружественными, или лучше сказать, рабскими пожертвованіями,—вступали съ ними въ родственныя связи и посылали имъ подарки, иногда превосходные и величайшіе. Таковъ былъ второй по времени союзъ, заключенный съ западными Тохарцами, которые вышли неизвѣстно откуда и съ огромными силами занимали сѣверныя страны подъ начальствомъ своего вождя Ногая. Царь выдалъ за него вторую свою незаконную дочь, по имени Евфросинію; отъ чего и случилось, что дружелюбно получили они то, чѣмъ едвали овладѣли бы посредствомъ самой трудной войны.

6. Послѣ того царь счелъ нужнымъ избавиться отъ царевенъ, сестеръ юнаго Іоанна, которыя, по смерти отца, казалось, имѣли отчасти право на жребій царствованія. Глубоко соображая это, онъ не выдалъ ихъ замужъ за Римлянъ, но одну сочеталъ бракомъ съ благороднымъ Латиняниномъ изъ Мореи, по имени Маіемъ де-Великуртомъ, который въ то время при-

былъ оттуда; вторую съ латинскимъ сановникомъ, котораго дома величаютъ графомъ Винтимиліа (онъ прибылъ тогда изъ Генуи по вызову царя и, одаренный надлежащимъ образомъ, отправился обратно съ супругою); а третью—съ Болгаряниномъ Свентиславомъ, владѣльцемъ гористыхъ странъ Гемуса въ Мизіи. Освободившись отъ нихъ такимъ образомъ и облегчившись отъ заботъ въ этомъ отношеніи, царь приступаетъ къ другимъ дѣламъ.

7. Предварительно надобно сказать объ Аннѣ Алеманянкѣ, съ которою недолго былъ въ супружествѣ отецъ Ласкариса, Іоаннъ, женившійся на ней уже въ глубокой старости. Эта Анна была дочь Сицилійскаго владѣльца Фридерика и сестра Манфреда. Упомянутый царь Іоаннъ увидѣлъ ее, когда она прибыла съ посольствомъ, и женился на ней, любилъ ее, короновалъ и объявилъ Августою. Въ эту-то Анну влюбился царь Михаилъ и, опасаясь, какъ бы она не удалилась къ своимъ, достовлялъ ей по царски все необходимое и всячески старался побѣдить ея цѣломудріе. Однако, не смотря на многія усилія и просьбы, ему это не удалось; ибо она не считала похвальнымъ или приличнымъ дѣломъ, чтобы бывшая супруга царя, столь великаго и страшнаго, осквернила его ложе, чтобы женщина важная и изъ важныхъ сдѣлалась наложницей раба, хотя теперь и достигъ онъ царской власти, но рѣшилась исцѣлить его отъ неистовой любви. Михаилъ обѣщался взять ее замужъ и развестись съ своею

женою, лишь бы только это было подъ благовидными предлогами, которые онъ и высказывалъ въ слухъ многихъ. Хороша, конечно, Ѳеодора (такъ называлась Августа), говаривалъ онъ, и достойна царскаго рода; нѣтъ ничего укоризненнаго ни въ ея происхожденіи, ни въ цѣломудренномъ нравѣ, ни въ любви къ мужу; она стоитъ того, чтобы соцарствовать ему: но необходимо остерегаться враговъ города. Сильная зависть ихъ возбуждаетъ въ немъ невольное чувство опасенія; многіе готовы востать на него, и прежде всѣхъ—Италіанцы, которые возбуждены къ мести и тѣмъ уже, что потеряли, чѣмъ владѣли, и которые теперь, какъ слышно, снарядили и двинули страшный флотъ: а онъ такимъ нападеніямъ не можетъ противустоять, потому что не въ состояніи выслать ни столько же кораблей, ни столько сухопутнаго войска. Съ другой стороны угрожаютъ нападеніемъ чрезъ Ѳракію и Болгары, особенно Болгарскій правитель Константинъ, которому супруга его Ирина, по ненависти своей къ царю, не даетъ покоя. Итакъ, когда вокругъ востаютъ враги,—нужно, сколько есть силы, брать предосторожности противъ ихъ нападеній, а особенно нужно опасаться родственниковъ царицы Анны, которые за нее готовы усилить собою нападеніе другихъ. Если же заблаговременно примемъ лучшія мѣры, то они не только не будутъ врагами, а еще сдѣлаются друзьями, и изъ уваженія къ брату, ради ближайшаго родства, какъ скоро мы женимся

на ихъ родственницѣ, будутъ расположены къ намъ дружески. Между тѣмъ какъ царь замышлялъ это и софистически доказывалъ пользу своего замысла (а доказательства представлялись убѣдительными, когда диктовала ихъ пламенная и притомъ презираемая царицею Анною любовь), царица Өеодора, узнавъ о томъ, сильно вознегодовала: какъ это возможно, говорила она, чтобы Деспина, вѣнчанная и законная жена, родившая мужу-царю дѣтей—сперва умершаго Мануила, потомъ остающагося въ живыхъ Андроника, котораго отецъ воспитываетъ поцарски, и наконецъ третьяго, рожденнаго уже въ городѣ, Порфиророднаго ([1]) Константина,—чтобы эта Деспина потерпѣла такія страданія, была отвергнута, лишена мужа, лишена царства, лишена всякой чести, и видѣла свою соперницу на царскомъ престолѣ, вмѣстѣ съ ея мужемъ? Въ этихъ мысляхъ посылаетъ она къ патріарху прошеніе защитить ее отъ несчастія и вступиться за божественные законы. Узнавъ о томъ, патріархъ изумился, что царь питаетъ эти замыслы, безстыдно посягаетъ на цѣломудріе, хочетъ попрать законы, къ чему прежде казался несклоннымъ, и сдѣлалъ ему строгое внушеніе,—то укорялъ его, то угрожалъ

([1]) Изъ этого видно, что для полученія имени Порфиророднаго, мало было родиться отъ отца, занимавшаго царскій престолъ; недостаточнымъ почиталось также быть, по рожденіи, принятымъ въ царскіе пурпоровые покровы. Для этого надлежало увидѣть свѣтъ въ царской пурпоровой храминѣ, которая находилась именно въ константинопольскомъ дворцѣ, и въ которую удалялась царица, когда наступало время разрѣшенія ея отъ бремени. Снес. Анны Комн. кн. 6. гл. 8.

ему гнѣвомъ Божіимъ, а предлоги разорвалъ, какъ паутинную ткань! ибо считать страхъ Божій за ничто, говорилъ онъ, свойственно тому, кто худо знаетъ, что страшно; а бояться законовъ божественныхъ значитъ пріобрѣсти величайшіе безстрашіе, чѣмъ бы кто ни угрожалъ ему. Когда патріархъ высказалъ это и притомъ съ угрозою, въ случаѣ то-есть противленія царя, выразилъ готовность даже отлучить его отъ общенія съ Христовою Церковію, какъ членъ уже согнившій и не принимающій врачеванія; тогда Михаилъ понялъ, что онъ столкнулся съ человѣкомъ, превосходящимъ его силою, что этотъ человѣкъ, зная его намѣренія, поступаетъ съ нимъ, будто съ Критяниномъ [1] (ибо не совсѣмъ еще успокоились его мысли, взволнованныя и удаленіемъ отъ царства юнаго Іоанна),—и, какъ говорится, поворотивъ корму своихъ замысловъ, — рѣшился Деспину Анну, снабженную дорожными припасами, отправить въ ея отечество, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ замѣнъ ея возвращенъ былъ Кесарь, содержавшійся у ея брата Манфреда; ибо тесть Манфреда, Михаилъ Деспотъ, взявъ въ плѣнъ Кесаря, отослалъ его, какъ было сказано, къ зятю. Но что такой обмѣнъ былъ только предлогомъ, и что это совершилось въ угодность любви, а не государству, знающіе дѣло ясно понимали. (8) Анна, какъ уже выше сказано, была дочь Фри-

---

(1) Указывается на свидѣтельство Апостола Павла Тит. 1, 12. Критяне присно лживы.

дерика и сестра Манфреда, отступившихъ отъ папы и отъ папистовъ, или, какъ сами они говорили, отъ ихъ церкви; потому что эти правители не хотѣли, подобно прочимъ, подчиняться и покоряться всему, что ни скажетъ и не сдѣлаетъ предстоятель латинства, но желали слѣдовать собственной волѣ и такимъ образомъ господствовать какъ въ Сициліи, такъ и внѣ ея. Папа оскорбился этимъ и, избравъ дѣятельнаго человѣка, брата короля Франковъ, возведеннаго въ графское достоинство, по имени Карла, поручилъ ему воевать противъ тѣхъ отступниковъ, съ правомъ быть царемъ ихъ страны, и вторгся къ нимъ войною безъ объявленія. Такъ могли ли они, находясь въ столь враждебномъ отношеніи къ Карлу, бороться еще съ царемъ? Какъ бы то ни было, но замыслъ царя не исполнился: онъ остался при своемъ образѣ жизни и продолжалъ свои дѣла. Дѣла его состояли въ совѣщаніяхъ съ начальниками, какимъ бы образомъ скорѣе возстановить городъ, пока неизвѣстно было, что замышляютъ противъ него Италіанцы (опасались, чтобы не напали они тайно); и какъ бы, при ихъ нападеніи, спастись Римлянамъ, и этихъ враговъ, необходимо превосходящихъ силою, не допустить до грабительства; ибо слышно было, что они не успокоиваются, но готовятъ огромный флотъ для нападенія на городъ съ суши и моря.

9. Итакъ признано было нужнымъ, для сопротивленія врагамъ, скорѣе возвысить стѣны города, особенно со стороны моря, гдѣ они

были низки; потому что вначалѣ строившій ихъ, Константинъ, величайшій какъ по благочестію, такъ и по дѣламъ, владѣлъ моремъ. Но такъ какъ время было коротко, и для совершенія построекъ не имѣлось ни камней, ни извести; то рѣшились возвысить башни и стѣны деревянными пристройками, широкими, длинными и крѣпкими досками, чтобы они могли устоять противъ натиска. А для образованія корпуса защитниковъ, приказано было переселить въ городъ множество воиновъ, только впрочемъ легко вооруженныхъ, которые во время сраженія должны были оставаться внутри. Когда же понадобилось бы вести войну и на сушѣ; тогда надлежало выслать войско изъ большаго царскаго лагеря, для содержанія котораго, если бы осада была продолжительна, положено было съѣстные запасы доставлять изъ города. Съ этою цѣлію пригнано было въ городъ множество быковъ, годныхъ для обработанія полей, гдѣ бы эти поля ни находились и кому бы ни принадлежали. Пригнанными быками надлежало пахать землю, сѣять и собирать жатву; они же должны были служить людямъ и достаточною пищею. Кромѣ того привезена была солонина какъ изъ свинаго, такъ и изъ овечьяго мяса, равно и сѣно для лошадей и рабочихъ животныхъ, (которыя, въ случаѣ необходимости, должны были поступить въ пищу людямъ), чтобы имѣлось для нихъ достаточно корму. А снятыми съ быковъ кожами приказано покрыть деревянныя по стѣнамъ надстройки, чтобы враги, бро-

сая огонь, не зажгли ихъ. Наконецъ надстройки были окончены, башни возвышены почти на три локтя; соразмѣрно же съ башнями получили возвышеніе и стѣны, а прочія работы до времени оставлены. Легко-вооруженныхъ воиновъ поселить внутри города царь считалъ дѣломъ крайне необходимымъ: поэтому многимъ Лаконянамъ, которые впослѣдствіи ([1]) прибыли изъ Мореи, роздалъ онъ мѣста и дозволилъ жить въ городѣ, какъ туземцамъ; даже выдавалъ имъ ежегодное жалованье и дѣлалъ многія другія льготы, за что часто пользовался ими внутри и внѣ, какъ людьми, къ войнѣ очень привычными. Гасмуликійское ([2]) же поколѣніе, которое на италіанскомъ языкѣ называлось смѣшаннымъ (ибо эти люди родились отъ Римлянъ и Латинянъ), онъ послалъ на корабли; потому что отъ Римлянъ наслѣдовали они расторопность въ дѣлахъ воинскихъ и благоразуміе, а отъ Латинянъ стремительность и смѣлость. Устроилъ онъ также и порядочный флотъ и занялъ ближайшіе изъ острововъ, назначивъ островитянамъ жалованье изъ общественной казны и усиливъ ихъ усердіе подарками, чрезъ что изъ ихъ усердія и

([1]) Эти морейскіе выходцы пришли въ Константинополь, вѣроятно, тогда, когда Михаилъ, по взятіи Константинополя, отправилъ флотъ для завоеванія нѣкоторыхъ острововъ и между прочимъ занялъ высоты Пелопонеса близъ Монемвасіи, вмѣстѣ съ Спартою и Пелопонесомъ.

([2]) Подъ именемъ Гасмуликійскаго племени Пахимеръ разумѣетъ тѣхъ Византійцевъ, которые родились отъ браковъ смѣшанныхъ, то-есть отъ супружескаго соединенія Италіанцевъ съ Византіянками. Это имя происходитъ, вѣроятно, отъ латинскаго mulus; потому что мулъ есть также порода смѣшанная.

дѣятельности и самъ извлекъ себѣ много пользы. Правду сказать, онъ благотворилъ всѣмъ, и изъ большаго, прежде накопленнаго богатства, черпалъ обѣими руками,—не знаю, потому ли, что таковъ былъ по природѣ, или потому, что притворно оказывалъ обязательную благосклонность съ намѣреніемъ достигнуть дальнѣйшихъ цѣлей, какъ человѣкъ, получившій власть незаконно, или наконецъ потому, что соревновалъ въ благодѣяніяхъ прежнимъ царямъ, хотя благодѣтельствовалъ не столько и не такъ. Какъ бы то ни было, но онъ, чтобы не показаться на престолѣ актеромъ, долженъ былъ управлять дѣлами по царски. Вѣдь какъ солнце не бываетъ вожделѣнно, если не проливаетъ лучей на землю, на людей и на всѣхъ животныхъ: такъ и царь не имѣетъ истиннаго могущества, если не благодѣтельствуетъ подданнымъ. Кто изъ царей скупъ на подарки, тотъ носитъ только видъ царской власти, а не самую царскую власть. Образцами призрачныхъ царей могутъ служить Агамемнонъ, Эномай, Эдипъ и его дѣти, Адрастъ, царь Аргосскій, и другіе (не хочу перечислять всѣхъ такихъ по одиначкѣ). Кто когда нибудь чувствовалъ себя отъ нихъ хорошо, хотя бы даже осыпаемъ былъ ихъ благодѣяніями, если замѣчалъ, что лица ихъ скрыты подъ маскою? Впрочемъ маски могутъ еще оправдаться и избѣжать народнаго упрека тѣмъ, что, представляя одинъ видъ царственныхъ лицъ, а не самыя лица, покрайней мѣрѣ благодѣтельствуютъ хоть по виду; а этимъ какое остается

оправданіе, когда они не дѣлаютъ благодѣяній? Если же и эти носятъ только видъ царей, а на самомъ дѣлѣ не цари, то для чего они, не будучи истинными царями, требуютъ себѣ почестей? Честь прилична вѣдь царю, а не тому человѣку, который имѣетъ только видъ царя. Представляя это, и особенно смотря на людей, недавно облагодѣтельствованныхъ умершими царями, онъ обличаемъ былъ своею совѣстію и благодѣтельствовалъ, хотя не столько, сколько тѣ,—частію по необходимости и боясь обличеній, находившихся предъ его глазами, частію по своей природѣ не перенося, можетъ быть, жизни бѣдныхъ людей и зная, что по древнему закону, всякая служба исполняющимъ ее по необходимости должна доставлять пропитаніе. Впрочемъ объ этомъ мы говоримъ только мимоходомъ, чтобы показать, какъ свойственны царской власти благодѣянія. Этого довольно было и въ Михаилѣ, хотя и не слишкомъ много: онъ щедръ былъ только на подарки знаменитымъ Италіанцамъ, и особенно духовнымъ, чтобы хоть издалека сдѣлать ихъ себѣ друзьями.

10. Изъ другихъ, задушевныхъ своихъ помысловъ, Палеологъ считалъ благовременнымъ привести въ исполненіе одинъ самый злой. Этотъ помыслъ состоялъ въ слѣдующемъ: Михаилу казалось весьма несообразнымъ, что вмѣстѣ съ нимъ царствуетъ Іоаннъ, и что одна шапка (какъ говорится) лежитъ на двухъ головахъ. Кромѣ того, это было и не безопасно; ибо когда одинъ любитъ одного, другой—другаго, тогда лю-

бящіе дѣлятся на партіи, и многоначаліе становится безпорядкомъ. Поэтому нужно было уничтожить надежду многихъ на Іоанна и докончить начатое. Начало, говорятъ нѣкоторые, есть половина всего; а началомъ было то, что объ Іоаннѣ молчали, какъ будто бы онъ и не существовалъ. Притомъ, когда Михаилъ вѣнчался въ другой разъ, Іоаннъ не былъ почтенъ и провозглашенъ вмѣстѣ съ царемъ: патріархъ, вѣнчавшій перваго, какъ то тихо миновалъ необходимость вѣнчать и послѣдняго; а это еще болѣе предрасполагало къ тому, чтобы не оставалось наконецъ и надежды. Раскладывая въ головѣ такіе помыслы, царь, горѣвшій жаждою единовластія и, по этой жадности, преходящую славу ставившій гораздо выше страха Божія, принялъ намѣреніе самое гнусное и богопротивное: приказалъ посланнымъ ослѣпить отрока,—ослѣпить дитя нѣжное и почти вовсе еще не понимавшее, что такое радость или печаль,—дитя, для котораго было все равно—повелѣвать, или повиноваться, которое вѣрило одному патріарху, да ходившимъ за нимъ людямъ, и не знало, что называется клятвою, слѣдовательно могло рѣшиться на сохраненіе себя не самодѣятельно, а въ лицѣ людей, его окружавшихъ. И такъ совершилось, что было приказано, и отрокъ, едва вышедшій изъ младенчества, лишенъ зрѣнія. Исполнители преступнаго дѣла имѣли къ несчастному только то состраданіе, что истребили ему глаза не раскаленнымъ желѣзомъ, а какою то раскаленною, обращае-

мою предъ глазами побрякушкою; такъ что зрѣніе дитяти сперва ослабѣвало, а потомъ мало по малу совершенно погасло. Послѣ того въ день праздника рождества Спасителя, руки преступныя, по приказанію, еще преступнѣйшему, взявъ несчастную и почти безчувственную ношу, снесли ее къ морю и заперли въ Никитской крѣпости, называемой Дакивизою [1], поставивъ тамъ надежную стражу и назначивъ заключенному достаточное содержаніе. А тѣ клятвы, условія и страшныя прещенія проглочены царемъ, какъ овощь, не смотря на то, что онъ казался благочестивымъ, за что и избранъ былъ Церковію на царство. Тогда оправдалась поговорка, что власть обнаружитъ человѣка; ибо и здѣсь власть обнаружила, сколько заботился онъ о справедливости и благочестіи. Ослѣпленный суетною славою душевно, онъ приказалъ ослѣпить невиннаго—тѣлесно.

11. Тогда же обвинилъ онъ и Оловола Мануила, который, бывъ еще въ дѣтствѣ, служилъ въ числѣ собственныхъ его писцовъ и чрезвычайно сострадалъ столь несправедливо потерпѣвшему Іоанну. Этому-то Мануилу, — о судъ безъ совѣсти! — отрѣзываютъ носъ и губы,—и онъ тотчасъ, надѣвъ рясу, вступаетъ въ обитель Предтечи. Было много и другихъ, кото-

---

[1] Судя по словамъ Акрополита (c. 37 Hist p. 32): *καὶ παραμείψας τὸν χάρακα ἐπόρθησε τὴν Δακιβύζαν πρὸ καιροῦ καὶ κατέσχε ταύτην, προσέτι καὶ τοῦ Νικητιανοῦ φρουρίου*,—Дакивиза была мѣсто, отдѣльное отъ Никитской крѣпости. Можетъ быть именемъ Никитской крѣпости означаемъ былъ рядъ геллеспонтскихъ укрѣпленій, между которыми была и Дакивиза.

рыхъ подозрѣвая въ томъ же, Михаилъ частію лишалъ всѣхъ выгодъ службы, частію наказывалъ. И вотъ что значитъ властвовать не законно, а тирански. Когда властелину случается, въ отношеніи къ кому нибудь, сдѣлать несправедливость,—онъ конечно долженъ подозрѣвать, что люди благомыслящіе негодуютъ на него за это, и не рѣшаясь ни раскаяться въ своихъ дѣлахъ, ни просить прощенія, подозрѣваемыхъ въ ненависти къ себѣ по необходимости начинаетъ самъ ненавидѣть, и потомъ наказываетъ. Тогда при дворѣ умы отъ страха были въ сильной тревогѣ, и люди, даже съ характеромъ, по природѣ безпечнымъ, не могли оставаться покойными; опасеніе, какъ бы кто не узналъ и не донесъ, и какъ бы не подвергнуться неизбѣжному наказанію, сжимало всякаго: изъ доносовъ же особенно опасенъ былъ тотъ, которымъ свидѣтельствовалось о чьемъ нибудь расположеніи и сочувствіи къ юному Іоанну.

12. По этой причинѣ, спустя не много времени, жители Никейскихъ высотъ, — поселяне, занимавшіеся земледѣліемъ, впрочемъ люди храбрые, надѣясь на свои луки и на неудобопроходимость своей мѣстности, на которой они, что ни сдѣлали бы, не легко могли быть покорены, нашли пришедшаго къ нимъ откуда-то юношу, который отъ болѣзни лишился зрѣнія, и о которомъ составители басней распространяли молву, будто онъ и есть тотъ отрокъ Іоаннъ, и сильно ухватившись за него, какъ за предполагаемаго своего Деспота, жертвовали

ему всѣмъ своимъ усердіемъ; потому что были связаны данною отцу его клятвою и вмѣстѣ хотѣли отмстить за нанесенную ему обиду. Эти поселяне начали волноваться и показывали видъ, что готовы вступить въ борьбу со всякимъ, кто сталъ бы нападать на нихъ; а того юношу одѣли въ приличную одежду и, оказывая ему рабское повиновеніе, поставили его своимъ царемъ и рѣшились идти за него на всякую опасность. Узнавъ объ этомъ, царь воспламенился гнѣвомъ, но не чувствовалъ себя довольно сильнымъ, что бы удержать востаніе, если бы тѣ высоты, какъ и говорила молва, вздумали отложиться,— тѣмъ болѣе, что тогда пришли бы въ волненіе и многія другія мѣстности. Посему онъ обратилъ на это все свое вниманіе и, собравъ войска, какія имѣлъ, послалъ ихъ вести междусобную войну. Тогда многіе, превосходившіе другихъ силою, въ чаяніи заслужить благоволеніе царя, бросились на это дѣло съ жаромъ, и состязались другъ съ другомъ, кто напередъ подвергнется опасности и угодитъ ему. Но тѣ жители, узнавъ, что противъ нихъ идетъ многочисленное войско, будто противъ мятежниковъ, сочли нужнымъ прикрыть свое востаніе, и объявили, что совершаютъ нѣчто великое, какъ доказательство своего благочестія, потому что подвергаются опасности за царя, и притомъ обиженнаго, и единодушно положили одно, — или побѣдить, или всѣмъ пасть. Съ этою цѣлію построили они укрѣпленія, съ которыхъ бросали стрѣлы изъ луковъ во всякого, кто подходилъ

близко, и сверхъ того, легко вооружившись, дѣлали вылазки, въ которыхъ нападали на воиновъ съ такою смѣлостію, что послѣдніе не могли противостоять имъ и негодовали, какъ это немногіе одолѣваютъ многихъ, и притомъ деревенскіе—городскихъ. Негодованіе заставило ихъ поощрять другъ друга и нападать сильнѣе и, хотя многіе изъ поселянъ были убиты, однако энергія ихъ отъ этого не ослабѣвала. Испытывая потери, они тѣмъ болѣе храбрились и, быстро занявъ неудобопроходимыя мѣста, стали оттуда бросать стрѣлы. Къ окопамъ ихъ близко подойти было нельзя, а стрѣльба издалека была бы напрасною. Сами-то они, спрятавшись за деревья, могли стрѣлять и удачно попадали, лишь только кто, натянувъ лукъ, спускалъ стрѣлу; а поражать ихъ было вовсе невозможно. Не зная, что дѣлать и не имѣя возможности напасть на нихъ отвнѣ, осаждавшіе рѣшились подложить огонь, въ надеждѣ—этимъ только способомъ заставить ихъ отступить, чтобы потомъ приблизиться къ ихъ жилищамъ и сдѣлать на нихъ нападеніе. Но неудобопроходимыя мѣста не уступили и огню; ибо тогда какъ огонь показывался въ одномъ мѣстѣ, осажденные переходили въ другое, гдѣ выстроившись, вредили нападавшимъ и препятствовали имъ. Между тѣмъ и въ жилищахъ ихъ все было безопасно; потому что жены и дѣти скрывались во внутреннѣйшихъ тѣснинахъ, которыя ограждены были длиннымъ частоколомъ и телѣгами, такъ что нападавшіе проникать туда не осмѣливались.

Такимъ образомъ и отличнѣйшіе воины, увлекаясь пламенною яростію, ежедневно падали, и нельзя было надивиться, какъ это войска, могшія по видимому своею численностію одолѣть даже великія силы, въ теченіе продолжительнаго времени терпѣли такія потери и были удерживаемы немногими, и притомъ сельскими жителями. А эти жители, напротивъ, были въ безопасности, что ни дѣлали противъ нихъ нападавшіе и, подъ защитою мѣстности, не боялись, хотя бы нападали на нихъ непріятели еще многочисленнѣйшіе; ибо отсюда произошло бы только то, что своими луками они убивали бы другъ друга и, не имѣя возможности вредить противникамъ, погибали бы сами. Напротивъ тѣ, еслибы необходимость и заставила ихъ раздѣлиться, всякій разъ терпѣли бы небольшія потери по той причинѣ, что впереди предъ ними была открытая мѣстность, а сзади не угрожала имъ никакая опасность. Поэтому, смотря только впередъ и отъ страха закрываясь деревьями, они были бы обезпечены; а между тѣмъ, ожидая нападенія во всѣхъ мѣстахъ и кругомъ подвергаясь опасности, могли бы дѣлать частыя вылазки: и дѣйствительно, когда можно было, они выбѣгали и сражались дубинами (потому что не всѣ имѣли мечи). Такимъ образомъ эта война тянулась долго, и дѣло шло медленно. Наконецъ, видя, что воставшихъ побѣдить оружіемъ нельзя, военачальники признали благоразумнымъ предложить имъ миръ, однакожъ не всѣмъ вдругъ, потому что такъ невозможно было склонить ихъ

къ миру: оставаясь при томъ, на что рѣшились вначалѣ, они постыдились бы другъ передъ другомъ перемѣнить свое намѣреніе, и ожидали бы вѣрной погибели, если уступятъ. Нападавшіе посылали къ каждому вождю ихъ порознь и обѣщали, что какъ царь, такъ и военачальники даруютъ имъ совершенное прощеніе, если вмѣстѣ съ тѣмъ они не будутъ имѣть въ дурномъ дѣлѣ постояннаго единодушія съ прочими; говорили также, что, когда имъ угодно, они могутъ быть переселены въ другія избранныя ими мѣста,—и притомъ возмутъ заложниковъ, такъ какъ ихъ не желаютъ обманывать; прибавляли наконецъ, что изъ этого они могутъ понять, сколько благодѣяній получатъ отъ царя, если согласятся прекратить возмущеніе миромъ и выдадутъ царю упомянутаго обманщика, который вовсе не Іоаннъ Ласкарисъ, хотя бы и всѣ такъ говорили; ибо этотъ заключенъ въ Никитской крѣпости и находится тамъ подъ надежнымъ карауломъ, и кто желаетъ видѣть его, тотъ, запечатлѣвъ обѣщаніе страшными клятвами, можетъ идти, и увидитъ. Подходя къ нимъ ежедневно съ такими и еще сильнѣйшими внушеніями, и вмѣстѣ посылая не мало подарковъ, осаждавшіе кое какъ убѣдили и подчинили себѣ разъединенныя золотомъ души противниковъ. Приступая то къ тому, то къ другому либо съ угрозами, либо съ угожденіями, либо съ обѣщаніями, они увлекли многихъ, и особеннно болѣе видныхъ, которые поэтому, дѣйствуя все слабѣе и слабѣе, возбудили къ себѣ со стороны про-

чихъ подозрѣніе въ измѣнѣ. Тогда предвидя перемѣну въ ходѣ войны, поселяне не знали, что и дѣлать: можно было предполагать, что избавятся отъ бѣды только тѣ, которые согласятся на миръ,—и къ этимъ, боясь опасности, ежедневно присоединялось множество другихъ. Но были и такіе, которые избрали за лучшее умереть въ борьбѣ, чѣмъ вытерпѣть наказаніе, если покорятся и будутъ выданы; и потому рѣшились противустоять до конца. (13). Еще же больше было такихъ, которые предлагали свое мнѣніе въ пользу слѣпца. «Справедливо ли поступимъ мы, говорили они, въ отношеніи къ этому пришлецу,—Іоаннъ ли онъ, или нѣтъ? Принявъ его, мы полагали за него свои души, бросали и женъ и собственность, только бы спасти человѣка, искавшаго нашей защиты: какъ же теперь перемѣнимся и выдадимъ его? Что скажемъ въ свое оправданіе тѣмъ, которые будутъ укорять насъ въ предательствѣ? То ли, что онъ увлекъ насъ противъ воли? Но мы рѣшились страдать за своего повелителя по собственному желанію. То ли, что онъ возмутилъ наше спокойствіе? Но за наше усердіе всякій укоритъ скорѣе насъ, чѣмъ его. То ли, что онъ выдалъ себя за царя и прибѣгъ къ нашей защитѣ? Но во-первыхъ, ктоже въ этомъ дѣлѣ знаетъ правду? Они, вмѣсто истиннаго, легко могутъ показать другаго и обмануть насъ: и однакожъ какъ убѣдиться, что это будетъ другой, а не истинный? Во-вторыхъ, пусть и такъ: но вѣдь всѣмъ свойственно пріобрѣтать большее, и старающе-

муся о большемъ вожделҍнно получить его. Если же это справедливо, то и величіе даетъ не малую пищу честолюбію. Какъ же мы, слагая съ себя укоризну въ томъ, что вдругъ принялись за дҍло и рҍшились на опасность, положимъ пятно на него, и вмҍсто того, чтобы спасать его, предадимъ на величайшую опасность? Да хотя бы онъ и въ самомъ дҍлҍ совершилъ нҍчто страшное, — одинъ уже умоляющій видъ его долженъ расположить насъ въ его пользу: ибо мы обязаны смотрҍть не на то, чему подвергается онъ, а на то, что дҍлать намъ». Когда это было сказано,—нҍкоторымъ выдать просителя показалось дҍломъ крайне безчестнымъ. Непрестанно вести войну, думали они, и опасно и нелҍпо (ибо нельзяже было преодолҍть всҍхъ, а не преодолҍвъ необходимо было воевать); но и примириться подъ условіемъ выдачи странника находили они дҍломъ преступнымъ и, въ отношеніи къ этому пришлецу, очень несправедливымъ, еслибы ввҍрившись имъ, онъ преданъ былъ смерти. Итакъ избранъ средній путь: они отказались выдать самозванца и соглашались, если угодно, заключить миръ безъ этого условія; а не то,—положили сражаться до конца. Между тҍмъ время шло, и тогда какъ одни не могли ничего сдҍлать, а другіе не знали, что отвҍчать, пришлецу позволено было бҍжать къ Персамъ, съ которыми заключены условія и взято клятвенное обҍщаніе, что онъ не пострадаетъ. Съ поселянами, заключившими миръ, военачальники обошлись кротко, а съ прочими по-

ступили жестоко, наказали ихъ налогами тяжкими и большими, чѣмъ какіе могли они выставить; изгнать же ихъ изъ той страны,—хотя и рады были бы подвергнуть ихъ такому великому наказанію,—не рѣшились, чтобы тѣ высоты не остались безъ поселенцевъ, могущихъ удерживать набѣги Персовъ. Окончивъ такъ дѣло съ Трикоккіотами ([1]) и союзниками ихъ, войска возвратились домой.

14. Между тѣмъ событіе съ юнымъ Іоаномъ, слишкомъ важное для того, чтобы могло оставаться скрытымъ, наконецъ дошло и до свѣдѣнія патріарха. Услышавъ о совершившемся, онъ принялъ извѣстіе съ негодованіемъ, не зналъ, что дѣлать, и немогъ удержаться отъ скорби. Разсудивъ, что ему о такихъ дѣлахъ не безопасно молчать и оставить виновнаго безъ наказанія, онъ пригласилъ къ себѣ бывшихъ при немъ іерарховъ, горько жаловался прежде всего на то, что его обманули, изъявлялъ свое негодованіе, что чрезъ нарушеніе клятвъ попираются божественные законы, и наконецъ спрашивалъ, что слѣдуетъ дѣлать, чтобы ложь не посмѣвалась надъ истиною и преступникъ не считалъ себя счастливымъ, не получивъ наказанія. «Мы должны», говорилъ онъ, «сдѣлать съ своей стороны справедливое, хотя бы это было и понапрасну, лишь бы только, негодуя на совер-

---

([1]) Горные жители назывались Трикоккіотами, вѣроятно, отъ имени занимаемой ими страны. У Птоломея и Страбона есть *Τρικόριον* и *Τρικόρνιον*, но *Τρικόκκιον* не встрѣчается.

шившееся преступленіе, выразить намъ ненависть къ злу.» Когда патріархъ высказалъ это, бывшіе при немъ крайне вознегодовали и показали омерзеніе къ такому поступку, но объявили, что все зависитъ отъ него и что они последуютъ за нимъ, какую бы мѣру онъ ни придумалъ. Припоминая данныя клятвы, патріархъ стеналъ и, присовокупивъ, что послѣ этого не станутъ и другіе исполнять то, къ чему обязались подъ клятвою, принялъ на себя одинъ сдѣлать, что слѣдовало. Онъ хотѣлъ наказать не тѣлесно (это было бы ему не свойственно), но сколько нужно подѣйствовать на душу, и отъ этого не отказывался. А такое наказаніе обыкновенно производится мечемъ духовнымъ, т. е. словомъ Божіимъ, которое отдѣляетъ достойнаго отъ недостойнаго, и одного благословляетъ, а другаго отлучаетъ отъ цѣлости тѣла Христова. Рѣшивъ это въ самомъ себѣ, тогда какъ и другіе были убѣждены въ справедливости его рѣшенія, и только удерживались страхомъ, какъ бы не сдѣлано было съ ними какого насилія, онъ чрезъ посланныхъ обличилъ преступника и вмѣстѣ, въ наказаніе его души, объявилъ ему отлученіе. Здѣсь иной могъ бы укорить патріарха за сдѣланное; такъ какъ въ его поступкѣ не соблюдено формальности: но съ другой стороны онъ могъ быть и оправданъ; такъ какъ поступить иначе не представлялось никакой возможности. Возможность укоризны представлялась въ томъ, что, наложивъ на царя отлученіе, патріархъ дозволилъ однакожъ клиру пѣть для

него, такъ что чрезъ священнодѣйствіе и самъ находился въ общеніи съ нимъ, даже самъ священнодѣйствовалъ, и на литургіи открыто поминалъ того, кого связалъ духовными узами. А оправданіемъ ему служитъ то, что для такого лица достаточно было и этого наказанія; потому что, еслибы прибавить нѣчто больше того, то угрожала бы опасность привести все въ хаосъ, какъ это было въ Эмпедокловой [1] сферѣ, и самовластнаго царя вызвать на что нибудь безумное. Вѣдь, если большой домъ съ трудомъ переноситъ малое несчастіе, а малый—великое; то на величайшій домъ наложить величайшее несчастіе, не смягчивъ его надлежащимъ образомъ, значило бы, чрезъ униженіе его гордости, сдѣлать ему немалый вредъ, что могутъ засвидѣтельствовать Эдиподы, пиршества Ѳіеста и путешествія Одиссея. Когда патріархъ наказалъ царя за его преступленіе,—онъ волею-неволею принялъ наказаніе и, уступивъ мѣсто справедливому гнѣву, молчалъ, не бранился (да и не слѣдовало), а только оправдывалъ, какъ могъ, свои поступки. Покорившись неизбѣжной

---

[1] Эмпедоклова сфера есть образное представленіе философской системы Эмпедокла. Идея его философіи была такова, что всякое образованіе въ мірѣ или сферосѣ (шарѣ) производится чрезъ борьбу любви и вражды, и потому въ немъ нѣтъ покоя, но безпрестанная война. Вражда стремится все отдѣлять и разъединять, а любовь все разъединенное сдружаетъ и соединяетъ. Разумѣется, что чрезъ взаимодѣйствіе этихъ враждебныхъ началъ міръ или сферосъ долженъ держаться въ хаотическомъ состояніи. Такой хаосъ, по мысли Пахимера, былъ бы и въ Римской имперіи, если бы Патріархъ прервалъ всякое сношеніе съ Палеологомъ.

необходимости, онъ старался скрывать свою досаду и просилъ себѣ времени для покаянія, послѣ котораго могъ бы получить прощеніе; ибо надѣялся, что если немножко помолчитъ, а потомъ покажетъ видъ, что раскаялся, и станетъ просить разрѣшенія, то разрѣшеніе тотчасъ же и послѣдуетъ.

15. Между тѣмъ свои дѣла исправлялъ онъ съ нѣкоторою сдержанностію. Червь совѣсти точилъ его сердце, какъ кость, и онъ казался смиреннымъ, хотя, боясь подвергнуться презрѣнію и лишиться необходимаго вліянія, считалъ нужнымъ выказывать царское величіе. Флотъ его плавалъ и тріиры, приставая къ островамъ, немало ихъ взяли; взятые же, бывъ немедленно ограждены крѣпостями, изъ подданства Латинянамъ переходили во власть Римлянъ. Въ числѣ такихъ острововъ былъ взятъ Наксосъ, завоеванъ Паросъ, пріобрѣтены въ разныя времена Косъ и Каристъ съ Ореемъ, заняты также между прочимъ высоты Пелопонеса близъ Монемвасіи и, вмѣстѣ съ Спартою и Лакедемономъ, присоеденены къ Римской имперіи.

16. Тогда царь, братьямъ своимъ ввѣривъ области западныя, а Деспоту Іоанну войска восточныя вмѣстѣ съ Скиѳскимъ, приказалъ имъ занять нѣкоторыя мѣста на сушѣ, прослѣдить земли Иллирійцевъ и Трибалловъ, проникнуть до береговъ Пенея, сдѣлать набѣгъ на собственно такъ называемую Элладу и сразиться съ Деспотомъ Михаиломъ. Теперь Деспоту уже нельзя было ссылаться на то, что, такъ какъ

царь находится внѣ отечества, то подданный его имѣетъ право владѣть тѣми мѣстами. А Севастократора Константина посадилъ онъ на корабли и послалъ въ Монемвасію, передавъ ему все, что въ Римскомъ войскѣ было изъ Македоніи и Персіи; ибо войско италіанское, негодное для войны съ Италіанцами, повелъ съ собою Деспотъ. Съ Деспотомъ находились и другіе многіе вельможи, и Михаилъ Кантакузинъ, бывшій впослѣдствіи великимъ Коноставломъ, и племенники его — Тарханіоты, и нѣсколько иныхъ, присовокупившихся къ царю, западныхъ сановниковъ. А съ Севастократоромъ были, кромѣ прочихъ, великій Доместикъ, Алексѣй Филесъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Макринъ, тогдашній царскій постельничій. Флотъ весною поплылъ въ Арктуръ и во многомъ имѣлъ успѣхъ. Его вели Филантропинъ и Протостраторъ Алексѣй, мужъ почтенный и храбрый, не возведенный еще на степень великаго Дукса только потому, что другой тогда имѣлъ это достоинство,— братъ прежняго царя Ласкариса, уже престарѣлый и дряхлый, жившій въ Константинополѣ и спокойными своими совѣтами, сколько могъ, помогавшій Михаилу въ управленіи общественными дѣлами. Филантропинъ же былъ ближній царя, потому что племянникъ его, сынъ Мареы, Михаилъ, женатъ былъ на его дочери. Онъ управлялъ морскими силами и, снарядивъ флотъ, весною поплылъ въ море, впослѣдствіи же, по смерти Ласкариса, «въ воздаяніе за свои труды, какъ будетъ сказано, получилъ досто-

инство великаго Дукса. Такъ эти-то трое, управляя каждый своею частію, устрояли въ то время дѣла запада. Деспотъ тѣснилъ Деспота Михаила и отнималъ у него область, какъ издавна принадлежавшую имперіи. Прежде могъ онъ ссылаться и ссылался на то, что, если самъ царь не владѣетъ царскимъ престоломъ (который былъ въ Константинополѣ), то нѣтъ надобности отнимать у него остальное; ибо лучше было бы отнять престолъ у Италіанцевъ, чѣмъ у него страны западныя, совершенно близкія и почти смѣжныя съ Ѳессалоникою. Такъ онъ отговаривался прежде, а теперь говорилъ: можно ли ему отказаться и отдать ту страну, которую предки его пріобрѣли своими трудами, потомъ и едва-ли не кровію, и оставили въ наслѣдство дѣтямъ? Она отнята, прабавлялъ онъ, у Италіанцевъ, а не у Римлянъ, и потому справедливѣе было бы передать ее по преемству Италіанцамъ, какъ пріобрѣтенное ихъ храбростію наслѣдство; ибо хорошо сказано, что нѣтъ ни у кого собственности, кромѣ той, которая пріобрѣтена оружіемъ. Въ такихъ состязаніяхъ проводили время ввѣренныя Деспоту Римскія войска. А Севастократоръ, находясь въ Монемвасіи и ея окрестностяхъ, ежедневно сражался съ принцемъ, потому что не довольствовался частію острова, но хотѣлъ владѣть всѣмъ и, пользуясь содѣйствіемъ великаго Доместика Филеса и постельничаго Макрина, подвизался, сколько могъ.

17. Этотъ постельничій былъ мужъ отличный, воинскими дѣлами пріобрѣлъ извѣстность

у самыхъ враговъ и внушалъ имъ страхъ; такъ что, когда Севастократоръ удалился оттуда, управленіе войскомъ ввѣрено было тѣмъ мужамъ, и они въ сраженіи часто имѣли успѣхъ; но однажды, потерявъ битву, оба взяты были въ плѣнъ. Тогда какъ они тамъ содержались, великій Доместикъ вскорѣ умеръ. Теща его Евлогія, объявляя объ этомъ царю, выходила изъ себя въ жалобахъ, что постельничій выдалъ ея зятя, и нарочно позволилъ взять себя въ плѣнъ, копая яму своему товарищу; въ доказательство же справедливости этого обвиненія приводила то, что онъ условился съ принцемъ и далъ обѣщаніе жениться на дочери царя Ѳеодора Ласкариса, которая жила тамъ вдовою, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ предать страну принцу и противустоять царю. Эти слова Евлогіи, съ такими прибавленіями, показались брату ея вѣроятными; потому что царь и прежде слышалъ о постельничемъ много подобнаго. При томъ обвиненіе подкрѣплялось и доблестями обвиняемаго, соображая которыя, можно было считать вѣроятнымъ, что принцъ съ столь отличнымъ человѣкомъ дѣйствительно вошелъ въ сношенія и вмѣстѣ съ нимъ замыслилъ такое дѣло. А бракъ съ дочерью бывшаго царя представлялся весьма достаточнымъ побужденіемъ для Макрина, потому что вводилъ его въ родство съ величайшими домами и сильно раздражалъ гордость Михаила, начинавшаго подозрѣвать, что Макринъ ненавидитъ свою жену. Посему, принявъ вѣроятное за истинное, онъ хотѣлъ немедленно наказать

Макрина, не смотря на то, что этотъ заключенъ былъ непріятелями въ темницѣ. Въ обмѣнъ за него, выслалъ онъ къ принцу важнѣйшихъ италіанскихъ вельможъ и, возвративъ его, ослѣпилъ. Таково было воздаяніе за отличные подвиги, которые онъ совершилъ на войнѣ въ мужественной борьбѣ съ непріятелями. Такъ это происходило. Между тѣмъ Протостраторъ Алексѣй Филантропинъ, приставая съ своими кораблями къ островамъ (а на корабляхъ его для сраженія назначено было мужественное племя Гасмуликійское, называемые же Проселонами (1) употреблялись для гонки судовъ), и къ томужъ имѣя у себя подъ рукою Лаконцевъ, которыхъ державный выселилъ изъ Пелопонеса, опустошилъ съ ними тѣ острова и привезъ царю много непріятельскаго богатства.

18. Но съ чего взяли, будто царь оставался дома въ совершенной праздности и не занимался дѣлами? Совсѣмъ нѣтъ. Этотъ человѣкъ обладалъ умомъ истинно царственнымъ и не доводилъ себя до такого униженія. Онъ часто отправлялъ посольства къ папѣ и сопровождалъ ихъ дарами; потому что всегда подозрѣвалъ тамъ опасность, такъ какъ Италіанцы никогда не были спокойны: обезопасивъ же себя, сколько могъ, съ этой стороны, смѣло принимался и за другія дѣла. А частыми посольствами и пріемомъ пословъ смягчалъ онъ не только папу, но и многихъ кардиналовъ, и другихъ сильныхъ

(1) Проселонами назывались, вѣроятно, матросы—προσελαύνοντες.

у него людей. Что же касается Болгаръ, то царь и ихъ не оставлялъ въ покоѣ, но затрогивалъ изблизи. Ненависть къ нему Константина была очевидна; потому что Ирина подстрѣкала своего мужа отмстить за ея брата, отрока Іоанна, который,—о правосудіе!—совершенно невинно пострадалъ отъ тайной интриги. Такая ненависть со стороны Болгаръ заставила царя взаимно ненавидѣть и ихъ,—за царапину царапина. Когда Римская имперія граничила Орестіадою и дальше не простиралась, когда по ту сторону ея были владѣнія болгарскія, царь часто посылалъ туда свои войска и, къ удивленію, самъ располагалъ ими: ибо гдѣ прежде случалось ему быть, тамъ онъ за-знать дѣйствовалъ чрезъ посылаемыхъ имъ лицъ, указывая, гдѣ стать лагеремъ, какъ сразиться, откуда сдѣлать нападеніе,—изъ засады, или открыто, днемъ или ночью; если же самъ не зналъ мѣстности, то, приказывалъ описывать ее людямъ знающимъ, и потомъ опять управлялъ всѣми движеніями, угрожая судомъ всякому ослушнику. Итакъ, часто посылая туда войска, онъ многое тамъ подчинилъ себѣ,—взялъ Филиппополь (¹), занялъ крѣпость Стенимахъ (²), — и овладѣлъ

(¹) У Птоломея Филиппополь называется также Адріанополемъ и Тримонціемъ: но Адріанополь городъ отдѣльный отъ Филиппополя. Послѣдній у Плинія называется Paronopolis, у Страбона-Калибе, и находится при рѣкѣ Гебрѣ во Ѳракіи; а у Турковъ носитъ имена Филибе и Пресремъ, и отъ Адріанополя, по направленію къ Западу, отстоитъ на 100 миль. *Hofmana*. Lex.

(²) Στένη или Стенеями назывались укрѣпленные замки въ горныхъ ущельяхъ. По этому Стенимахъ, вѣроятно, была крѣпость, находившаяся въ одномъ изъ ущелій Гемуса, или Балкановъ.

всѣмъ краемъ, до внѣшней стороны Гемуса. Въ тоже время завоеваны были имъ, или, какъ говорили, преданы ему Мильцою большіе города—Месемврія и Анхіалъ; да и всѣ окрестности ихъ, испытавъ однажды перемѣну, охотно подчинились Михаилу. Потерпѣвъ такія потери, Константинъ защищаться тогда не могъ, однакожъ былъ раздраженъ этими обстоятельствами и выжидалъ времени, которое справедливо называютъ душею дѣлъ,—чтобы отмстить за себя достойнымъ образомъ.

19. При такомъ ходѣ событій, царь однакожь ежедневно возмущенъ былъ духомъ; потому что совѣсть не давала ему покоя: связанный такими узами, все вмѣнялъ онъ ни во что. Не видя ни основанія къ своему оправданію, ни дерзости отвергнуть судъ, онъ въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ обратился къ посредникамъ,—людямъ духовнымъ и близкимъ къ патріарху, съ усердною мольбою—снять съ просителя тѣ узы и предписать кающемуся какое угодно врачевство: онъ готовъ былъ исполнить все, что ни повелитъ ему патріархъ; сдѣланное же разъ уже невозвратимо. Явившись къ патріарху, они изложили предъ нимъ и рѣчи царя, и многое отъ себя въ его пользу: но патріархъ не внялъ ихъ прошенію и даже не хотѣлъ его слышать. Я пустилъ за пазуху голубя, сказалъ онъ; а этотъ голубь превратился въ змѣю и смертельно уязвилъ меня. Этими двумя противуположными животными характеризовалъ онъ одного и того же царя, указывая тѣмъ не на

природу, конечно, а на душевныя свойства. Кромѣ того, патріархъ говорилъ и многое другое въ этомъ родѣ, давая знать, что ни въ какомъ случаѣ не сниметъ отлученія съ царя, хотя бы угрожали ему ужасными бѣдствіями, даже самою смертію. Возвратившись назадъ и объявивъ волю патріарха, посланные повергли царя еще въ большую безвыходность. Тогда онъ, подумавъ, что личное ходатайство, бываетъ, по пословицѣ (1), вѣрнѣйшимъ противоядіемъ (такъ повѣствуется въ баснѣ о Горгонѣ), рѣшился идти самъ и, съ чувствомъ раскаянія, просить себѣ разрѣшенія. Много разъ являлся онъ къ патріарху и, когда просилъ его для исцѣленія язвы назначить врачевство, тотъ дѣйствительно требовалъ употребленія врачевства, только не прямо, а прикровенно и неопредѣленно. Одинъ хотѣлъ узнать ясно, что ему сдѣлать, чтобы выполнить его требованіе; а другой опять говорилъ неопредѣленно: «употреби врачевство,—и я приму тебя.» Но послѣ того какъ царь многократно просилъ врачевства, а патріархъ не высказывался ясно,—первый сказалъ ему: «да кто знаетъ, согласишься ли ты принять меня, если я сдѣлаю и больше?» На это патріархъ отвѣчалъ: великія грѣхи требуютъ и великаго врачеванія. А царь, желая проникнуть въ его мысль сказалъ: «что же? не велишь ли мнѣ отказаться отъ царства?» и—говоря это, для дознанія его

(1) Эта пословица въ подлинникѣ: *αὐτοπρόσωπον ἀντιφάρμακον*. Но въ общемъ собраніи греческихъ пословицъ ее, кажется, нѣтъ.

мыслей, хотѣлъ снять съ себя мечь и подать его патріарху. Когда же патріархъ быстро протянулъ руку, какъ бы взять подаваемое, а мечъ еще не совсѣмъ отвязанъ былъ отъ бедра, — царь тотчасъ запѣлъ палинодію и сталъ укорять св. отца, говоря, что онъ покушается на его жизнь, если хочетъ этого. Послѣ сего снялъ онъ съ своей головы калиптру и, не стѣсняясь присутствіемъ многихъ, видѣвшихъ это, упалъ къ ногамъ патріарха. Но патріархъ съ гнѣвомъ отвергъ его, не замѣчая, какъ крѣпко обнималъ онъ его колѣна. Такъ-то робко преступленіе! такъ почтенна добродѣтель! Когда же царь съ усильною мольбою послѣдовалъ за патріархомъ и вынуждалъ у него прощеніе, послѣдній, вошедши въ свою келію, тотчасъ затворилъ за собою двери предъ самымъ его лицемъ и отпустилъ его ни съ чѣмъ. Много разъ принимаясь за такія попытки, много дѣлая и терпя, но безъ всякаго успѣха, царь наконецъ пришелъ въ сильный гнѣвъ и, предъ многими обвиняя патріарха въ жестокости, выставлялъ на видъ, будто онъ велитъ ему оставить государственныя дѣла, не собирать податей, не требовать пошлинъ, не принимать никакого участія въ судопроизводствѣ, вообще—сложить съ себя всякую власть. Такъ-то, говорилъ онъ, врачуетъ насъ духовный нашъ врачъ! Даже не рѣдко прибавлялъ онъ, что если патріархъ пренебрегаетъ церковными правилами, предписывающими покаяніе, то пора мнѣ обратиться къ римскому папѣ и у него искать помилованія.

Въ такомъ состояніи, раздраженный и суровый, онъ опять приступилъ къ управленію государственными дѣлами и уже не рѣшался снова умолять патріарха, ибо зналъ, что не будетъ имѣть успѣха, но старался расположить обстоятельства для отмщенія.

20. Въ то время сдѣлалъ онъ еще одну попытку на западъ. Не могло быть, нельзя было и думать, чтобы западные правители оставались въ покоѣ. Поэтому Десподъ Іоаннъ нисколько не медлилъ воспользоваться какъ митрополіею, такъ и географическимъ положеніемъ Ѳессалоники. Не смотря на то, что дѣла на востокѣ были трудны, царь снова посылаетъ на западъ многочисленное войско и ввѣряетъ его Деспоту. Двинувшись съ величайшею быстротою, Деспотъ собралъ свои силы въ Ѳессалоникѣ и готовился начать войну съ Михаиломъ. Еще никто порядочно не слышалъ о его прибытіи, а онъ уже давалъ о себѣ знать,—нападалъ на области и возвращался съ богатѣйшею добычею. Войска его зимовали въ окрестностяхъ Вардарія — съ тѣмъ, чтобы, съ открытіемъ весны, снова начать нападенія. Михаилъ объятъ былъ не малымъ страхомъ. Онъ уже и по одной молвѣ боялся Деспота и трепеталъ, припоминая участь войска италіанскаго, которое прислалъ тогда въ помощь своему зятю родственникъ его, сынъ Фредерика, Манфредъ. Поэтому, не имѣя смѣлости противустать Іоанну, онъ прибѣгъ къ мирнымъ переговорамъ и, чрезъ пословъ умоляя Деспота забыть прежній обманъ, увѣрялъ его

клятвою въ вѣрности на будущее время. Михаилъ домогался также видѣть его самаго и просилъ вѣрить въ твердость и искренность личнаго ихъ объясненія. Деспотъ принялъ это посольство, такъ какъ имѣлъ на то позволеніе отъ царя, и требовалъ отъ него клятвы. Потомъ Михаилъ, сошедшись съ нимъ въ назначенный день, обнялъ его съ непритворнымъ чувствомъ, (хотя и въ этотъ разъ скрывалъ свой обманъ), и отпустилъ его домой.

21. Между тѣмъ царь, отозвавъ Деспота Іоанна изъ Ѳессалоники, и ненадолго удержавъ его при себѣ, отправилъ потомъ съ войскомъ на востокъ—воевать съ Персами. Для этого человѣка война была истиннымъ наслажденіемъ,—дѣломъ, прямо достойнымъ славы. Это былъ военачальникъ, въ собственномъ смыслѣ лѣтучій: то онъ, слышно, здѣсь, то вдругъ является тамъ, гдѣ его вовсе не ожидали. Оставивъ и обозъ, и многочисленныя когорты, и прислугу, онъ, при наступленіи вечера, садился на быстрыхъ коней и перелѣталъ туда, гдѣ присутствіе его никому и на умъ не приходило. А чтобы постояннымъ движеніемъ и тряскою на конѣ не изнурить тѣла, онъ обвязывалъ и стягивалъ себя широкимъ поясомъ; поэтому всегда смотрѣлъ отважнымъ храбрецомъ и на всѣхъ наводилъ страхъ, слышали ли о немъ, или видѣли его; воиновъ же своихъ ласкалъ словами, поощрялъ дарами, а что важнѣе всего,—относился къ нимъ не деспотически, а братски, словомъ—былъ человѣкъ набожный, кроткій, добродѣтельный безъ

притворства, и щедростію на подарки превосходилъ всѣхъ. Въ тоже время отличался онъ и цѣломудріемъ; такъ что никогда не слыхивали, чтобы имъ содержима была какая нибудь женщина съ цѣлію наложничества, кромѣ одной законной жены, не смотря на то, что эта единственная его жена была ему невѣрна и отъ незаконной связи родила дочь, которую онъ выдалъ замужъ за Иверца Давида Мепе. Былъ онъ умѣренъ и во всемъ прочемъ и воздерженъ до крайности, весьма любилъ порядокъ въ домѣ и до всего доходилъ самъ; оказывалъ истинные знаки своей благорасположенности и вниманія къ домашней прислугѣ, чѣмъ пріучалъ ее къ точному и добросовѣстному исправленію обязанностей; такъ что, по смерти его, эти слуги признаны были достойными занять важнѣйшія должности при дворѣ самаго царя. А что сказать о его нестяжательности, или, лучше, презрѣніи къ деньгамъ? Онъ все отдавалъ своимъ воинамъ, хотя могъ имѣть цѣлыя бочки золота и весьма обагатиться, потому что совершалъ много славныхъ войнъ и, во всѣхъ странахъ показывая опыты воинскаго своего искуства, могъ изъ своихъ добычь многое обратить въ собственность. Иные за признакъ величайшей мудрости принимаютъ умѣнье увеличивать свое имущество, не трогая ничего чужаго, и это почитаютъ плодомъ крайней умѣренности. А онъ на всѣ предлоги къ обогащенію по случаю смотрѣлъ, какъ на жадность къ богатству, и потому отвергалъ, ненавидѣлъ ихъ; услаждался же

одною славою, которую предпочиталъ всему, потому что за умершими слѣдуетъ только слава подвиговъ въ настоящей жизни. Не Солоновъ или Ликурговъ законъ, а законъ христіанскаго Законодателя—Христа, Творца, Владыки и Господа повелѣваетъ намъ изъ своего имущества давать другимъ, и обѣщаетъ за то гораздо большія блага. Такъ должно вѣровать всякому, кто вѣруетъ во Христа—не потому только, что крестился въ Него, а потому, что живетъ истинно такъ, какъ обѣщался. Крестившійся и увѣровавшій, не вѣруя ученію Христову на самомъ дѣлѣ, показываетъ, что онъ и прежде не вѣровалъ, хотя и высказывалъ свою вѣру. Законъ Христовъ обѣщаетъ воздать намъ сторицею за всякое дѣло благотворительности. Да и помимо этой награды, одна вѣчная слава,—даже судя по человѣчески,—сильна убѣдить благоразумнаго человѣка—не предаваться любостяжательности, но раздавать свое имущество нуждающимся. Я исключаю отсюда заботливость людей—сберегать часть своего имѣнія на необходимыя нужды, особенно, когда не представляется случая раздать его другимъ. Такъ-то Деспотъ Іоаннъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ и свои мысли старался осуществить на дѣлѣ. Но впослѣдствіи окружили его единомышленники монаха Нила, который пришелъ изъ Сициліи и, ко вреду римскаго государства, сталъ учить людей быть воздержными и осторожными въ дѣлѣ благотворительности, чтобы кто нибудь, обладая достаточнымъ имуществомъ, и только

притворно выпрашивая себѣ милостыню у нищелюбца, неумѣющаго располагать своимъ богатствомъ, не сталъ его порицать, а щедрости его, вмѣсто того, чтобы она заслуживала награды, не сдѣлалъ напрасною. Отсюда выходило, что никто не долженъ давать людямъ, имѣющимъ что нибудь; а этотъ законъ, благовидно запрещая всякое сочувствіе, способствовалъ къ ослабленію закона милосердія. Какъ можно судить объ этомъ, смотря на людей въ предѣлахъ своего времени? Деспотъ, кромѣ другихъ похвальныхъ качествъ, отличался и любовію къ монахамъ: посему, когда эти единомышленники Нила входили въ его домъ, онъ принималъ ихъ, какъ друзей добродѣтели, и слѣдуя ихъ ученію, начиналъ, при раздачѣ милостыни бѣднымъ, обнаруживать мало по малу нѣкоторое смущеніе. Таковъ-то былъ этотъ человѣкъ: онъ имѣлъ сердце юное и видимо заботился о благостояніи римскаго государства. Такъ какъ дѣла на востокѣ въ то время были въ худомъ состояніи, то онъ быстро перенесся на мѣста, лежащія по Мэандру. Тамъ подъ наблюденіемъ и охраненіемъ Деспота были многія и великія обители. Нѣкоторыми изъ нихъ еще прежде овладѣли Персы, потому что тамошніе жители отъ царей отложились. Не говоря о другихъ, я укажу на Стравилъ и Стадіотрахію, возвращеніе которыхъ сдѣлалось невозможнымъ, такъ что нельзя было и пытаться удержать ихъ. Но въ какомъ числѣ ни находились они по Мэандру, въ окрестностяхъ Траила,

Кайстра, и во внутренней Азіи, всѣ онъ силою оружія удержалъ и обезопасилъ. Равнымъ образомъ, возстановилъ онъ и привелъ въ безопасное состояніе Магедонитовъ, которымъ повредило то, что когда многіе изъ нихъ уведены были оттуда въ рабство на западъ, на прочихъ Персы стали нападать смѣлѣе. Многіе изъ нихъ были ловкими стрѣлками и способными воинами. Поэтому Деспотъ воодушевилъ ихъ золотомъ и одарилъ почетными титулами. Персы, узнавъ объ этомъ походѣ на нихъ Деспота, сильно испугались и, обратившись назадъ, скрылись въ своихъ ущельяхъ. Отказавшись противустоять Римлянамъ, они прислали посольство, возвратили плѣнниковъ, и рады были, что спаслись. Деспотъ и самъ вполнѣ вѣрилъ готовности ихъ сохранить спокойствіе, — не потому впрочемъ, что таковы были ихъ убѣжденія, а потому, что если они тронутся, онъ снова нападетъ на нихъ и побѣдитъ.

Эти враги Римлянъ не потерпѣли конечно того зла, какое нанесли сосѣднимъ жителямъ; потому что Іоаннъ вовсе не считалъ справедливымъ мстить имъ: однакожъ, принимая ихъ прошенія, онъ указалъ имъ границы, до которыхъ только могли они передвигаться со своими шатрами; если же прострутся далѣе, то угрожалъ строжайшимъ наказаніемъ. Такимъ образомъ Деспотъ своимъ присутствіемъ на востокѣ покрылъ прежнія неудачи тамошнихъ правителей, а земледѣльцамъ внушилъ смѣлость безпрепятственно заниматься обдѣлываніемъ полей своихъ.

22. Въ весьма жалкомъ состояніи находились также Букелларійцы, Маріандины и Пафлагоняне. Причиной было то, что державный общественныя ихъ деньги расточилъ на свадебные подарки иностранцамъ и на чрезмѣрныя почести чужимъ народамъ, къ которымъ отправлялъ частыя посольства. Въ какихъ видахъ дѣлалось это,—я не знаю; только на нужды денегъ не имѣлось. Неизвѣстно также, насколько справедливъ былъ ропотъ нѣкоторыхъ, будто царь считалъ полезнымъ обобрать своихъ подданныхъ, подозрѣвая ихъ, по случаю ослѣпленія Іоанна, готовыми къ востанію. Было ли дѣйствительно такъ, или только казалось; но частыми переписями онъ раззорилъ восточныя области. Такую экономію и уравниваніе податей поручалъ онъ людямъ ничтожнымъ, тогда какъ прежде занимались этимъ сановники важные. Такъ по Скамандру собирали подати римскій Кесарь и великій Доместикъ, отецъ царя. Они брали деньги и привозили ихъ въ государственное казнохранилище. А теперь съ Пафлагонцами и ихъ сосѣдями произошло то, что сборы для нихъ были обременительны—особенно по безвременности; ибо хотя, въ случаѣ урожая, хлѣба у нихъ находилось и въ изобиліи, но монеты не имѣлось, какъ и вообще бываетъ съ земледѣльцами. Посему, они принуждены были, въ счетъ подати, отдавать золотыя и серебряныя монеты, служившія для нихъ головнымъ украшеніемъ, и оттого дѣлались еще бѣднѣе, а дѣла воинскаго вовсе не знали. Кто

хотѣлъ бы исправить дурныя наклонности корыстолюбиваго народа; тому пришлось бы много трудиться, хотя бы народъ при этомъ и ничего не терпѣлъ: а когда онъ терпитъ, удержать его отъ замысловъ невозможно. Тамошніе жители и особенно находившіеся въ крѣпостяхъ, терпя разнаго рода непріятности отсюда, и надѣясь лучшаго со стороны противной, если только перейдутъ, считали полезнымъ переходить, и съ каждымъ днемъ присоединялись къ Персамъ. Когда же такихъ перебѣжчиковъ оказалось не мало, Персы, употребляя ихъ въ качествѣ помощниковъ и проводниковъ, стали дѣйствовать на остальныхъ уже смѣлѣе. Сначала, дѣлая набѣги, они только опустошали ихъ землю и, награбивъ добычи (ибо не осмѣливались еще оставаться тамъ), возвращались домой; потомъ, когда одни склонялись на ихъ сторону, а другіе, опасаясь за жизнь, переселялись оттуда, нашимъ противникамъ было уже легко,—и они, овладѣвъ цѣлою страною, производили нападенія на сосѣдей. Когда слухъ объ этомъ доходилъ до ушей царя, онъ не позаботился помочь тому краю, но думалъ, что можетъ возвратить его, лишь только захочетъ, такъ какъ онъ подъ рукою, и презирая то, что было передъ нимъ, все свое вниманіе устремлялъ на западъ. Всегда бываетъ такъ, что люди, по привычкѣ, пренебрегаютъ тѣмъ, что уже въ рукахъ, и стараются искать другаго, чѣмъ еще не владѣютъ, и что, по своей новости, кажется особенно привлекательнымъ.

23. Между тѣмъ какъ они такимъ образомъ бѣдствовали, по направленію съ запада къ востоку, отъ весны до осени, появлялась комета (¹) и своимъ огнемъ, смѣшаннымъ съ дымомъ, весьма пугала зрителей, какъ бы предвѣщая имъ какое-то несчастіе. Въ самомъ дѣлѣ, за подобными небесными знаменіями едвали не всегда слѣдовали какія нибудь необычайныя перемѣны и на землѣ, между народами. И чѣмъ страшнѣе были кометы, — какова тогдашняя, тѣмъ очевиднѣйшее настояло бѣдствіе. Объ этомъ свидѣтельствовала и пословица: «ни одна комета не приходитъ безъ чего нибудь». А люди знающіе присоединяли къ тому и стихъ: «она по природѣ зла».

(¹) Комета, о которой говоритъ здѣсь Пахимеръ, была видима на всей землѣ и весьма занимала тогдашнихъ астрономовъ. О ней говорятъ: Theodor in vita Urbani IV; Supplementum Parsiense Rigerdi c. 175. Uillamus 1. 6. c. 7; s. Antonin. tit. 19 in fin. Bernardus Guido in Chron, Magnum chronicum Belgicum in Urbano. IV. Palmerius in chronic. etc. Всѣ свѣдѣнія этихъ писателей собралъ Генрихъ Спонданъ in Contin. Annalinm, anno 1264 (ибо въ этомъ году она появилась) n. 8. Онъ говоритъ такъ: Видима была комета, которая поднимаясь съ востока, протягивала свой хвостъ до средины полусферы, по направленію къ западу и, достигая большей величины въ мѣсяцы Іюль, Августъ и Сентябрь (почти отъ весенняго до осенняго равноденствія), изумляла всѣхъ людей. Особенно страшились ее въ Греціи. Съ Спонданомъ Пахимеръ не согласенъ здѣсь только въ томъ, что, по его словамъ, комета двигалась не отъ Востока къ Западу, а отъ Запада къ Востоку, и въ этомъ показаніи нашъ историкъ, по всей вѣроятности, ошибся, что засвидѣтельствовалъ одинъ ученый его читатель, который, имѣя предъ глазами списокъ его сочиненія, не могъ удержаться, чтобы противъ этого мѣста на поляхъ не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія: *ὁ δὲ τοῦτο παριστορεῖ· ὁ γὰρ κομήτις, ὡς ἡμεῖς αὐτοπτεύσαμεν ἐξ ἀνατολῆς τὴν κίνησιν ἐποιεῖτο, περί που τὰς Ὑάδας φαινόμεχος. ἦν δέ καπνώδης, δίχα διαιρούμένος. Οὐδὲ τοῦτο παριστορεῖ. Ἴσως δὲ βορειότερον ὁ γὰς βοῦς τῶν βορέιων ἄστρον, ὅπȣ καὶ αἱ Ὑάδες.*

Услышавъ о новомъ безпокойствѣ въ западныхъ областяхъ и о производимыхъ тамъ грабительствахъ, царь собралъ довольно значительныя силы и двинулся съ ними къ Ѳессалоникѣ, чтобы оттуда начать войну. Но достигнувъ Ксанѳіи, рѣшился распустить войско по зимнимъ квартирамъ. Въ этотъ промежутокъ времени къ нему собралось нѣсколько іерарховъ и начато было дѣло о патріархѣ. Нѣкоторые изъ нихъ обвиняли его въ нарушеніи церковныхъ правилъ, и потому приглашали въ Ксанѳію: но патріархъ отправилъ туда двухъ архіереевъ. Не слушаясь требованій царя и выжидая времени, онъ разъ и два посылалъ къ нему людей изъ своего клира, чтобы частію узнать о его здоровьѣ, частію оправдаться и представить благовидную причину, почему онъ не ѣдетъ. И царь съ своей стороны, волею-неволею, принималъ его оправданія, предлагалъ ему миръ, посылалъ взаимныя дружескія привѣтствія, и вообще— казался благосклоннымъ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ архіереевъ, какъ можно думать, не переставали обвинять патріарха и производили надъ нимъ судъ тайно. Не должно допускать, говорилъ одинъ изъ нихъ въ своей рѣчи, чтобы царь—душа государства лишался покровительства Церкви; потому что такое разобщеніе, подобно тлетворному воздуху, заражающему здоровье, можетъ повредить общественному благосостоянію. Тогда какъ державный высказывалъ то и сё, притворяясь, что не питаетъ къ патріарху никакого непріязненнаго чувст-

ва,—епископамъ предоставлена была свобода разсматривать его дѣло, какъ слѣдуетъ, примѣнительно къ поднятому о немъ вопросу.

24. Между тѣмъ, въ городѣ случилось обстоятельство, еще болѣе возбуждавшее царя къ мщенію. Бѣда касалась и патріарха, хотя стороною, тогда какъ терпѣли другіе. Когда въ санѣ Хартофилакса (а Хартофилаксъ долженствовалъ вести книги о бракахъ) былъ Веккъ,—одинъ изъ священниковъ, служившій въ Фаросскомъ храмѣ большаго дворца, совершилъ бракъ безъ его вѣдома. Услышавъ объ этомъ, Веккъ, въ наказаніе, запретилъ ему священнослуженіе. Такая мѣра показалась царю не простою эпитиміею, а прямымъ отлученіемъ царскаго клирика. Полагая, что въ этомъ участвовалъ и патріархъ, онъ сильно раздражился, такъ что не могъ скрыть раздраженія, и свой гнѣвъ простеръ на всю церковь. Патріархъ, кричалъ онъ, отлучивъ придворное священство, чрезъ это хотѣлъ оскорбить царское величество. Такимъ поступкомъ обида нанесена самому хозяину; потому что, когда посланные Хартофилаксомъ объявили пресвитеру запрещеніе, онъ находился во дворцѣ. Впрочемъ царь не рѣшался высказать это самому патріарху, но всячески старался скрывать свою угрозу глубоко въ душѣ: онъ могъ бы огорчить патріарха; но показывая, что не расположенъ къ мести, надѣялся отмстить тѣмъ сильнѣе. Немедленно отправилъ онъ посла къ Севастократору Торникію, который былъ тогда правителемъ города, и приказалъ ему разру-

шить домы Хартофилакса и великаго Эконома (а это былъ Θедоръ Ксифилинъ), срыть ихъ виноградники и, связавъ самихъ, прислать къ нему. Такое приказаніе показывало, что левъ боится собаки. У царя была мысль, что когда эти, страшась наказанія, покорятся царю, то уже ничего не будетъ значить заставить и патріарха дѣлать по своему и такимъ образомъ смягчить его. Севастократоръ готовъ былъ уже исполнить данное ему повелѣніе: но опальные, предвидя несчастный для себя исходъ этого дѣла, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми прибѣгаютъ въ храмъ и надѣются найти тамъ мѣсто спасенія. Раздраженный, подобно льву, Севастократоръ хотѣлъ было силою оружія исторгнуть ихъ изъ храма, ибо зналъ, что худо ему будетъ, если не исполнитъ высочайшей воли: но вдругъ приходитъ патріаръ и, съ гнѣвомъ удаляя преслѣдователя, говоритъ: «зачѣмъ вы нападаете на наши глаза, руки и уши, и ищете одни ослѣпить, другіе отсѣчь?» При этомъ, онъ взывалъ къ Богу и людямъ, что его обижаютъ, не имѣя на то права, что людей, посвященныхъ Богу, несправедливо судить мірскимъ судомъ,—и Севастократоръ, такъ гордо грозившійся предъ тѣмъ извлечь несчастныхъ, чтобы ни сталось, теперь стоялъ какъ вкопанный. Послѣ сего эти люди, оставаясь въ храмѣ, перестали бояться нападенія; а тотъ возвратился домой. Исторгать виноградники ему также было не нужно, потому что ихъ и не оказалось; да и домовъ коснуться онъ не могъ, такъ какъ домы принадлежали соб-

ственно не обвиненнымъ, а причислялись къ церкви. Отраженный такимъ образомъ на всѣхъ пунктахъ, этотъ каратель посылаетъ въ Никею и исполняетъ повелѣніе царя надъ тамошнимъ имуществомъ опальныхъ. Но его все еще безпокоило препятствіе, не позволявшее ему, какъ было приказано, связать ихъ и отправить. Поэтому, желая удалить ихъ изъ истиннаго убѣжища, какимъ былъ для нихъ храмъ, онъ совѣтовалъ имъ добровольно идти къ царю, а самъ надѣялся оправдаться предъ нимъ частію святостію занятаго ими мѣста, частію противленіемъ патріарха; связать же ихъ, когда они добровольно отправляются къ царю не было нужды—тѣмъ болѣе, что избранное ими убѣжище, изъ котораго вышли они по своей волѣ, для нихъ не заключалось, да и патріархъ, наблюдавшій за нимъ вездѣ, не допустилъ бы его до этого. При томъ Севастократоръ давалъ еще замѣтить имъ, что идя добровольно, они извлекутъ изъ этого и другую пользу: осужденные, видя лице царя, необходимо увлекаются сочувствіемъ къ нему, хотя бы смотрѣли на него одну минуту. Таками-то и подобными рѣчами убѣдилъ онъ ихъ выйти изъ храма и идти къ царю. Согласіе ихъ на такое путешествіе одобрено было и патріархомъ, который надѣялся, что чрезъ это непріятности прекратятся и окончатся примиреніемъ. Итакъ, напутствуемые молитвами и благословеніемъ святителя, они немедленно отправились въ Ѳессалонику. Что было съ ними въ Ѳессалоникѣ, когда они предстали предъ лице царя,—

теперь не мѣсто говорить о томъ. Впрочемъ всякій догадается, что имъ нельзя было получить больше того, что позволяли тогдашнія обстоятельства; то есть, и они, подобно другимъ, оставили патріарха и перешли на сторону царя.

25. Теперь слѣдуетъ разсказать о Султанѣ Азатинѣ, который былъ жестокимъ бичемъ для Македонянъ и Ѳракіянъ, и явно осуществилъ то, что предвѣщала комета. Проживъ долгое время въ Константинополѣ и непрестанно ожидая, что возвратится во свояси съ большою силою, Азатинъ наконецъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ; ибо видѣлъ, что царь занятъ другими дѣлами и зналъ о тайныхъ его условіяхъ съ Апагою, по которымъ надлежало оттянуть его возвращеніе на родину. Поэтому, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, когда царя не было дома, онъ вступилъ въ сношенія съ однимъ изъ своихъ родственниковъ,—человѣкомъ, на сѣверныхъ прибрежьяхъ Эвксинскаго Понта весьма славнымъ, и тайно просилъ у него помощи противъ царя, который держитъ его безоружнымъ и прикидывается другомъ, тогда какъ ничѣмъ не отличается отъ врага. Если захочешь помочь мнѣ, прибавлялъ Азатинъ, то можешь сойтись съ Константиномъ и убѣдить его тоже къ нападенію на Римлянъ; а я между тѣмъ буду увиваться около Михаила и, находясь съ нимъ, выкину его прямо въ ваши руки, особенно если съ тобою будутъ—не только Константинъ болгарскій, но и Тохарцы. Какъ скоро царь та-

кимъ образомъ будетъ захваченъ, — нападеніе для васъ совершенно облегчится; а не то,—вы соберете по крайней мѣрѣ богатѣйшую добычу и овладѣете царскими сокровищами: ты же изъ той добычи получишь самое лучшее; только помни родство и прежнюю славу. Но если мало и этихъ двухъ причинъ, чтобы спѣшить,—мало родства и надежды отважиться на дѣло великое; то одно уже желаніе помочь родственнику и сжалиться надъ нимъ, сто́итъ того, чтобы оно осуществилось надлежащимъ содѣйствіемъ. Переписываясь такимъ образомъ тайно съ своимъ дядею и получая письменныя увѣренія отъ него самаго, Азатинъ сталъ прикидываться, что сильно желаетъ видѣть царя, и говорилъ, что даже писалъ къ нему объ этомъ и просилъ позволенія—быть у него, потому что ему тяжело столько времени не видѣть лица царскаго. Дастъ онъ, или нѣтъ, позволеніе, прибавлялъ Азатинъ, и безъ того поѣду къ нему; потому что нудитъ и мучитъ меня сильное желаніе. — Узнавъ объ этомъ, царь (могъ ли онъ тутъ подозрѣвать какое коварство?) самъ писалъ къ султану и позволялъ ему пріѣхать къ себѣ, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ имѣть случай видѣть страны запада, которыхъ, живя на востокѣ, никогда не видывалъ. Получивъ такое дозволеніе, султанъ поспѣшилъ отъѣздомъ и, оставивъ все свое богатство, даже женъ, дѣтей, сестру и мать, частію — чтобы устранить отъ себя подозрѣніе, частію же, чтобы безпрепятственнѣе совершать свой путь, выѣхалъ изъ города съ одной при-

слугой и направился прямо къ царю. Между тѣмъ, упомянутый дядя его, отправившись къ царю болгарскому, Константину, открылъ ему, или лучше, его супругѣ, о намѣреніяхъ султана противъ царя и успѣлъ склонить ихъ къ тому, къ чему они давно были готовы. Послѣ того, чрезъ пословъ призываетъ онъ къ себѣ множество Тохарцевъ, обѣщая имъ добычу, если они соединятся съ нимъ самимъ и съ Болгарами. Этотъ народъ въ то время управлялся еще самовластно; такъ какъ не со всѣмъ пока подчинилъ его себѣ Ногай, который началъ первый низвергать Деспотовъ. Живя съ Тохарцами дружелюбно и обходясь за просто, онъ вмѣстѣ съ ними и при ихъ содѣйствіи завоевывалъ области не въ пользу хана, который посылалъ его, какъ они думали, но все, что пріобрѣталъ, усвоялъ себѣ и имъ. Услышавъ о такомъ приглашеніи, Тохарцы немедленно бросились съ жадностію собакъ опустошать лучшія области. Это было еще до родственнаго союза, въ который царь вошелъ съ Ногаемъ; ибо незаконнорожденная его дочь Евфросинія выдана была за Ногая уже впослѣдствіи. Въ то самое время, когда царь, по окончаніи дѣлъ на западѣ, возвращался въ свой городъ, — они вдругъ сошлись съ Константиномъ и, всею своею массою пробираясь чрезъ ущелья Гемуса, остановились тамъ лагеремъ. Впрочемъ эти толпы не составляли одного строя и стояли не въ одномъ мѣстѣ, но разсѣяваясь отрядами по многимъ холмамъ, выскакивали вмѣстѣ съ другими изъ

засадъ и такимъ образомъ производили ужасы,—грабили, умерщвляли, уводили въ плѣнъ, причиняли всякаго рода зло. Естественно, что слухъ объ этомъ скоро достихъ до ушей царя; ибо они совершали свои нападенія не тайно и не съ осторожностію, но быстро обхватили всю страну, на подобіе свирѣпѣющаго огня. При первой вѣсти объ этомъ, сердце Михаила затрепетало, и онъ увидѣлъ себя въ крайнемъ затрудненіи. Къ сраженію онъ былъ вовсе не готовъ (войска были распущены по домамъ), и возвращался домой съ немногими дворцовыми слугами; а между тѣмъ Тохарцы извѣстны были Римлянамъ, какъ народъ непобѣдимый. Невозможно было и бѣжать; потому что враги, занявъ и кругомъ обложивъ проходы, безъ страха бѣгали всюду во множествѣ, и однихъ убивали, другихъ отводили къ варварамъ въ жалкое рабство; такъ что, куда бы кто ни обратился, нигдѣ не могъ надежно спасти свою свободу. Окруживъ такимъ образомъ все мѣсто, они едва не схватили державнаго; ибо, судя потому, какъ успѣвали доносить вѣстники о варварствѣ непріятелей, между ними и царемъ не было разстоянія и на пол-дня верховой ѣзды; такъ что вечеромъ они останавливались лагеремъ тамъ, откуда царь выступилъ утромъ, или,—сегодня располагались тамъ, гдѣ тотъ былъ вчера. Впрочемъ шли они въ такомъ безпорядкѣ, что не были распредѣлены на фаланги, но разсыпались повсюду, съ надеждою на добычу, и эта надежда была у нихъ выше всякаго страха.

Тутъ же, между прочимъ, ѣхалъ въ колесницѣ и Константинъ, который, сломивъ себѣ когда-то ногу, съ тѣхъ поръ не могъ владѣть ею надлежащимъ образомъ,—шелъ ли пѣшкомъ, или ѣхалъ верхомъ. Окруженный Болгарами, онъ тщательно освѣдомлялся, гдѣ находится царь, и надѣялся схватить его, когда онъ останется одинъ; ибо всѣ окружавшіе царя,—слуги и домочадцы, опасаясь каждый за себя, безъ оглядки бѣжали, кто куда, и, предоставляя царю заботиться о своемъ спасеніи самому, скрывались. Теперь каждый имѣлъ въ виду только личную безопасность и не думалъ уже о своемъ ближнемъ: одни управлялись благоразумнымъ страхомъ, другіе—излишней трусостью; иные притомъ влеклись необходимостію,—что если то-есть не позаботятся о себѣ, то должны ожидать плѣна; а нѣкоторые, не понимая бѣды сами, смотрѣли на другихъ и, приходя къ той же мысли, удалялись, кто гдѣ надѣялся спастись. Соединиться и въ боевомъ порядкѣ принять враговъ они не могли; ибо и самъ предводитель ихъ испуганъ былъ этою нечаянностію и думалъ, куда бы уйти. И дѣйствительно, имѣя при себѣ не многихъ, особенно приближенныхъ и вѣрныхъ людей, царь пробирался теперь съ ними по глухимъ путямъ и, устраняясь отъ однихъ ужасовъ, наталкивался на другіе; такъ что, избѣгнувъ опасности тамъ, подвергался ей здѣсь и, спасшись отъ перваго зла, впереди ожидалъ другаго, еще большаго. Объятый несказаннымъ страхомъ, онъ и вершины горъ не рѣдко при-

нималъ за вооруженныхъ воиновъ. Даже всякая вѣсть представлялась ему страшною; ибо не было никого, кто, встрѣтившись съ нимъ, или подошедши къ нему, не разсказалъ бы какихъ нибудь ужасовъ. Поэтому, когда кто говорилъ, что онъ былъ вблизи непріятелей съ намѣреніемъ узнать, сколько ихъ и гдѣ они идутъ, — находившіеся съ царемъ, имѣя въ виду только спасеніе, не вѣрили такой отвагѣ. Наконецъ, благодаря ночной темнотѣ и разнымъ обходамъ, царь кое-какъ достигъ горы Гана, а прочихъ оставилъ спасаться, гдѣ могутъ. Что же касается заднихъ, то въ нихъ онъ совершенно отчаялся и считалъ ихъ въ плѣну. Между тѣмъ эти имѣли на своихъ рукахъ царскую казну, и съ ними ѣхалъ султанъ Азатинъ. Взошедши на гору, посылаетъ онъ гонцевъ,— однихъ для наблюденія за врагами, наказавъ имъ быть осторожными и тщательнѣе скрывать свое бѣгство, другихъ—для скорѣйшаго пригнанія къ горѣ легкой тріиры; а самъ, переходя съ мѣста на мѣсто, искусно укрывался отъ непріятеля, когда этотъ показывался. Узнавъ же, что тріира приготовлена, онъ сошелъ съ горы вмѣстѣ съ прочими и, сѣвши на нее, благополучно прибылъ въ Константинополь. Изъ его спутниковъ, разсѣявшихся по всей Ѳракіи, иные взяты были въ плѣнъ, а другіе сверхъ всякаго чаянія спаслись. Что же касается до тѣхъ, которымъ ввѣрена была общественная казна, и съ которыми находился султанъ, то они, съ трудомъ избѣжавъ рукъ непріятельскихъ, укрылись въ крѣ-

пости Энъ [1] и такимъ образомъ миновали опасность. Но не долго отдыхать удалось имъ въ крѣпости: враги, узнавъ о султанѣ и о томъ, что онъ находится въ Энѣ, немедленно соединились съ Константиномъ и, окруживъ городъ со всѣхъ сторонъ, стали осаждать его самымъ ужаснымъ образомъ и грозили разрушить до основанія. Стѣны его каждый день были разбиваемы и жителямъ предстояло величайшее бѣдствіе, если они не сдадутся. Видя, что бѣда надъ головой и что избѣгнуть ее нельзя, если непріятель наступитъ всѣми своими силами, которыя не вдругъ и сосчитаешь,—равно предугадывая, что полуразрушенная крѣпость не выдержитъ осады и тотчасъ падетъ, какъ скоро придвинуты будутъ стѣнобитныя машины, осажденные пришли въ крайнее затрудненіе. При всемъ томъ они не упадали еще духомъ на столько, чтобы не думать о своемъ спасеніи. Особенно были въ сильномъ раздумьѣ державшіе у себя общественную казну, не зная, какъ сохранить имъ такое множество сокровищь, заключавшееся частію въ монетѣ, частію въ разныхъ вещахъ. И о собственномъ спасеніи заботились они больше въ той мысли, что если падутъ сами, то ужасна будетъ потеря государственнаго имущества, и потому всячески старались сберечь его. Съ этою цѣлію сняли они съ цар-

---

[1] Энъ—городъ во Ѳракіи, по словамъ Мелы (l. 2. c. 2), построенный Энеемъ, у Турковъ называемый Игносъ, лежитъ при устьѣ рѣки Гебра въ Меланскомъ заливѣ, противъ Херсонеса Ѳракійскаго. *Hofmann.*

скихъ одеждъ драгоцѣнные камни и жемчугъ и, положивъ это скрытно, вмѣстѣ съ царскими регаліями, спрятали такимъ образомъ все, что было при нихъ лучшаго и богатаго; а сами, вмѣстѣ съ другими, приняли участіе въ сраженіи и, вооружившись, какъ могли, дѣйствовали изъ крѣпости луками и пращами. Но полнаго успѣха получить имъ было нельзя; потому что враги, подступивъ во множествѣ и подставивъ лѣстницы отваживались лѣзть на самыя стѣны. Ихъ сильно подстрекала надежда овладѣть многочисленнымъ богатствомъ, какое находилось у нихъ почти подъ руками,—и они рвались, какъ собаки. Но такъ рвалась большею частію толпа, которая ничего не желала, кромѣ насущной добычи. У начальниковъ же была другая мысль. Имѣя уже много награбленнаго въ той странѣ и даже больше, чѣмъ сколько нужно было для удовлетворенія ихъ жадности, они размышляли теперь, что будутъ смѣшны, если не выполнятъ предположенныхъ своихъ условій; поэтому отправляютъ къ осажденнымъ посольство—объявить объ ожидающемъ ихъ бѣдствіи и сказать, что хотя нетрудно одолѣть ихъ и завладѣть всѣмъ, но теперь они удовольствуются выдачею одного султана и требуютъ его вмѣстѣ съ свитою и деньгами, и на этомъ условіи обѣщаютъ имъ безопастность. Выслушавъ такое предложеніе, осажденные раздѣлились въ своихъ мнѣніяхъ на двѣ партіи: однимъ казалось, дѣйствительно, лучше выдать добровольно одного султана

и чрезъ то обезопасить прочее, если не хотятъ вмѣстѣ съ нимъ потерять все, да и сами подвергнуться опасности; а другіе представляли, что гораздо больше нужно бояться царя, и совѣтовали держаться. Царь не замедлитъ вѣроятно, говорили они, прислать къ намъ войско (ужели же не позаботится онъ спасти столь огромное богатство?) и, подавъ помощь съ моря, избавить насъ отъ бѣды. А не то,—мы отрубимъ султану голову и бросимъ ее со стѣны непріятелю:—тогда онъ долженъ будетъ либо совсѣмъ отступить, либо напасть на насъ съ местію смерти, и мы слѣдовательно будемъ имѣть случай, при помощи Божіей, или побѣдить, или пасть жертвами вѣрности царю. Послѣ долгихъ совѣщаній, одержало верхъ второе мнѣніе:—положено терпѣть еще и ждать помощи, но не отнимать у враговъ надежды на сдачу, а между тѣмъ всемѣрно заботиться о себѣ и благоустроять свои дѣла такъ, чтобы продержаться, какъ можно, долѣе, если не будетъ помощи. Когда же опасность дойдетъ и до высшей степени, головы султану все однакожъ не рубить и не бросать непріятелю; потому что такая жестокость свойственна только людямъ безразсуднымъ и отчаяннымъ: гораздо благоразумнѣе выдать его на условіяхъ. Остановившись на этомъ послѣднемъ мнѣніи, они тотчасъ же отправляютъ пословъ и обѣщаютъ, посовѣтовавшись, исполнить то, чего отъ нихъ требуютъ. Однакожъ отсрочка была дана только на одинъ день,—долѣе враги ждать не хотѣли, но, окру-

живъ крѣпость со всѣхъ сторонъ, еще болѣе усилили свои нападенія, а осажденные должны были отражать ихъ. Борьба съ обѣихъ сторонъ была ужасная, но защитники крѣпости наконецъ почувствовали свое безсиліе и видѣли гибель надъ головою; поэтому выслали пословъ— согласиться на выдачу султана, если только осаждающіе дадутъ клятву предъ Богомъ и святынею, что оставятъ ихъ въ покоѣ (это посольство было отправлено къ Константину). Отправивъ посольство и получивъ согласіе непріятелей, они обратились къ мѣстному своему епископу. Епископъ, возложивъ на себя священныя одежды и взявъ святыя иконы, вышелъ со всѣмъ клиромъ и направилъ путь къ Константину. Когда Константинъ произнесъ клятвы предъ Богомъ и іерархомъ, архіерей возвратился въ крѣпость, и осажденные немедленно выдали султана со всею его свитою и имуществомъ. Взявъ его, враги тотчасъ удалились и не требовали ничего другаго; ибо поклялись довольствоваться выдачею одного султана и ничего больше не дѣлать. Но видно судьба сильна; сколько ни умудряйся противиться ей, опредѣленія не избѣгнешь. Спустя день—два послѣ того, на морѣ являются царскія тріиры. Не успѣли онѣ еще войти въ пристань, какъ жители крѣпости раскаялись уже въ своемъ поступкѣ. Однакожъ теперь нечего было сдѣлать, раскаяніе опоздало и вовсе ни къ чему не вело. Поэтому, не могши возвратить того, что уже сдѣлано, они начали думать по крайней мѣрѣ о сохраненіи

денегъ, боясь, какъ бы и тутъ не ошибиться; потому что страна наполнена была еще множествомъ разсѣявшихся непріятелей. Поставивъ противъ города тріиры и по обѣимъ сторонамъ пути къ морю протянувъ войска, они вынесли царскія сокровища и положили ихъ на суда, а потомъ и сами сѣли на нихъ и поплыли. Когда прибыли они въ Константинополь и возвѣстили царю о всемъ случившемся, царь, раздраженный такими вѣстями, вдругъ пришелъ въ неудержимый гнѣвъ и выходилъ изъ себя. Епископъ былъ вытребованъ предъ судъ Церкви, обвиненъ и едва не подвергся особому наказанію за то, что принялъ участіе въ этихъ дѣлахъ; слуги были высѣчены и, въ посрамленіе, одѣтые въ женскія платья, прогнаны съ царскихъ глазъ; жена, дочь, мать и сестра султана, равно какъ дѣти его и вся прислуга, заключены въ крѣпкихъ тюрьмахъ; а всѣ его сокровища, деньги серебряныя и золотыя, богатыя покрывала, одежды и пояса, также жемчугъ и драгоцѣнныя камни, — словомъ, всѣ предметы персидской роскоши, какъ называли ихъ, сданы въ общественное казнохранилище.

26. Но еще прежде этихъ событій, патріархъ много разъ возбранялъ царю воевать противъ Христіанъ, представляя ему, что онъ не будетъ имѣть успѣха въ войнахъ междоусобныхъ. Теперь, когда онъ возвратился въ Константинополь вовсе не по-царски, и вступилъ въ великую церковь для возношенія молитвы къ Богу и принесенія ему благодарственной

жертвы, внезапно явился патріархъ и сталъ укорять его, совѣтуя ему благодарить Господа за свое спасеніе. «Воздай благодареніе Богу, говорилъ онъ, что Онъ спасъ тебя и не предалъ въ руки враговъ, ищущихъ души твоей. Развѣ не тѣже и прежнія мои слова тебѣ? Развѣ не помнишь, что я возбранялъ тебѣ такія войны, предсказывая ихъ неудачи? Не отклонялъ ли я тебя отъ войнъ междоусобныхъ? А что иное значитъ дѣйствіе твое и твоихъ войскъ, противупоставленное Деспоту Михаилу и его войскамъ? Не такъ же ли и ты своимъ именемъ назнаменованъ Христу, какъ и онъ—слуга Христовъ? За кого, говорилъ я тебѣ тогда, должно намъ возносить къ Богу моленія, и о комъ бесѣдовать съ Богомъ, какъ о врагахъ непримиримыхъ? Молитвы, какъ за насъ, такъ и за нихъ,—тѣже самыя; потому что оба вы принадлежите къ одному стаду Христову. И такъ, благословенъ Господь, избавившій тебя нынѣ отъ беззаконныхъ враговъ. Ему угодно было чрезъ это напомнить тебѣ, что тѣ вовсе не должны быть признаваемы за враговъ, кого ты считаешь врагами. А смотри, если угодно, говоритъ Господь,—вотъ твои враги, и съ ними ты не сойдешься, если Я не захочу. Такимъ образомъ Онъ и указалъ тебѣ истинныхъ враговъ, и, вмѣстѣ попугавъ только, сохранилъ тебя отъ нихъ. Такъ творитъ Господь суды свои!» Державный слушалъ эти обличительныя слова патріарха со вниманіемъ и смиренно, потому что не могъ противорѣчить имъ; однакожъ какъ бы въ оправ-

даніе свое, сказалъ, что путемъ этой войны онъ пріобрѣлъ миръ и теперь хочетъ скрѣпить его еще болѣе прочными узами брака. Сказавши нѣсколько подобныхъ словъ (ибо не время было говорить много), царь, напутствуемый благожеланіями патріарха, удалился въ свой дворецъ. Дѣло о предположенномъ бракѣ было таково: (27) часто посылая войска и нападая на Михаила, царь былъ отражаемъ; ибо Михаилъ пользовался помощію со стороны Италіанцевъ и, дѣйствуя энергически, противустоялъ царю, который поэтому ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, а только вредилъ самъ себѣ и тратилъ время. Наконецъ, послѣ многихъ опытовъ со стороны царя, Деспотъ сталъ просить самодержца и неоднократно смягчалъ его посольствами для склоненія къ миру. У Михаила было три законорожденныхъ сына. Одинъ изъ нихъ Іоаннъ находился въ рукахъ царя, присланный ему отцемъ и добровольно отданный матерью въ заложники; это, какъ мы видѣли, былъ зять Севастократора Торникія: а два другіе, Никифоръ и Димитрій, жили у отца. Деспотъ имѣлъ и другаго, незаконорожденнаго сына Іоанна. Димитрій былъ еще подростокъ и проводилъ время въ бездѣйствіи; а Никифоръ вдовствовалъ, ибо жена его, дочь царя Ласкариса умерла. Этого-то Никифора царь и Михаилъ условились женить на третьей дочери Евлогіи, Аннѣ; а онъ былъ уже Деспотомъ, и получилъ это достоинство съ первымъ бракомъ отъ прежде царствовавшаго Іоанна И такъ, отпустивъ Анну съ

большимъ великолѣпіемъ, царь устроилъ этотъ бракъ; а потомъ, вызвавъ къ себѣ въ Константинополь Никифора и утвердивъ за нимъ достоинство Деспота, тоже съ большими почестями и дарами отпустилъ его домой.

Когда дѣла на западѣ такимъ образомъ были возстановлены, на востокѣ предстояло царю еще довольно трудовъ. Онъ посылалъ туда уже многихъ, но наконецъ отправилъ Деспота Іоанна, котораго считалъ вполнѣ способнымъ къ исправленію тамошняго зла. Тогда какъ царь обращалъ вниманіе на западъ—съ намѣреніемъ возвратить въ составъ имперіи недостающее, на востокѣ дѣла приходили въ разстройство по двумъ причинамъ,—разъ потому, что военныя силы отозваны были на западъ, а другое потому, что о востокѣ долго не заботились. Теперь же пользуясь спокойствіемъ запада, царь отправилъ туда столько войска, сколько могъ собрать, и привелъ все въ прежнее состояніе; ибо, не бывало и не могло быть, чтобы, при появленіи тамъ Деспота, Персы не успокоились, или, лучше сказать, не отступили въ большомъ страхѣ.

28. Между тѣмъ, въ томъ же году, въ мѣсяцѣ Кроніѣ ([1]), въ святые дни поста, во второй

([1]) *Кроній.* Этимъ словомъ Пахимеръ означаетъ мѣсяцъ Мартъ, въ которомъ обыкновенно бываетъ великій постъ, о чемъ здѣсь и говорится. На этотъ же мѣсяцъ указываетъ онъ словомъ Κρόνιος и въ кн. V гл. 7. 21. Но у Гарпократіона, или въ Аѳинскомъ календарѣ, мѣсяцъ Мартъ называется Γαμηλιων, а не Κρονιος; Κρόνιος же здѣсь есть синонимическое съ Ἑκατομβαιων, то-есть съ первымъ мѣсяцомъ года. Итакъ

день второй недѣли, случилось въ Никеѣ чудное и неожиданное событіе, до того ужасное, что не можетъ идти въ сравненіе ни съ однимъ изъ подобныхъ явленій, бывшихъ когда либо прежде, что и какъ ни случилось бы,—не сравнимое ни по обширности и продолжительности, ни по величинѣ зла; хотя, конечно, такого рода бѣдствія гораздо страшнѣе и поразительнѣе бываютъ для тѣхъ, которые испытываютъ ихъ на самомъ дѣлѣ, не имѣя никакой надежды на спасеніе, чѣмъ для того, кто пишетъ и разсказываетъ о нихъ. Можно, правда, словомъ преувеличивать вещи посредственныя и придавать имъ большое значеніе: но преувеличивать событія величайшія значило бы ослаблять ихъ. Поэтому въ такихъ случаяхъ хорошо не останавливаться на одной буквѣ повѣствуемаго дѣла, а углубляться въ смыслъ рѣчи и, читая разсказъ, какъ бы принимать участіе въ самомъ дѣлѣ. Такъ, въ первую стражу одного дня, когда на горизонтѣ солнце уже сіяло, и протекло почти тридцать частей зодіака, когда люди начали свои дѣла,—кто духовныя, кто тѣлесныя,—вдругъ послышался крикъ, и не то, чтобы въ одной части города, а въ другой нѣтъ, но кругомъ по всему городу,—будто Тохарцы, въ безчисленномъ множествѣ, перебивъ стоящихъ у

что заставило Пахимера называть Мартъ Кроніемъ, когда ни древніе, ни позднѣйшіе Греки такъ его не называли? — Пахимеръ при этомъ вѣроятно имѣлъ въ виду годъ церковный, который обыкновенно начинается Мартомъ; а первый мѣсяцъ греческаго года, кромѣ Экатомведна, носилъ также и имя Кронія; поэтому названіе Кронія съ перваго мѣсяца Аѳинскаго онъ перенесенъ на первый мѣсяцъ церковный.

воротъ стражей, быстро и съ величайшею яростію ворвались въ городъ, и всякаго, случайно встрѣчающагося имъ, въ одну минуту умерщвляютъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Эти слова, только что были произнесены, мгновенно охватили весь городъ. Жители, выбѣгая изъ домовъ, кто въ чемъ былъ, рыскали въ смятеніи по всѣмъ улицамъ и, суясь — кто назадъ, кто впередъ, сталкивались другъ съ другомъ, а между тѣмъ тѣхъ и другихъ преслѣдовала одна и таже мысль. Тѣ и другіе, угрожающимъ бѣдствіемъ, какъ бы гонимые въ тылъ, давили другъ друга и одни у другихъ спрашивали, что слышно, и правда ли, что говорятъ. Но ни тѣ, ни другіе не могли отвѣчать навѣрное, хотя всѣ единогласно утверждали, что это справедливо. Каждый, сомнѣваясь въ собственномъ своемъ спасеніи, не сомнѣвался въ разнесшемся слухѣ. Пока это продолжалось, другіе, бѣгущіе сзади, разсказывали объ ужаснѣйшихъ сценахъ, говоря, что видѣли собственными глазами, какъ непріятели всякаго, попадающагося имъ, разсѣкали на части, и смерть несчастныхъ была поражающимъ зрѣлищемъ. Я думаю, что, когда страхъ рисуетъ образы страданій, то и бодрствующимъ они, на самомъ дѣлѣ не существуя, бросаются въ глаза будто существующіе, и обманывая зрѣніе, отводятъ отъ истины. Въ самомъ дѣлѣ, если испорченное зрѣніе поражаетъ умъ, то подчиняясь трусости омраченнаго чувства внѣшняго, онъ такъ и смотритъ, то-есть хочетъ видѣть истину въ мечтахъ воображенія

и что у него только въ мысли, то представляетъ существующимъ дѣйствительно. Да и что могло воспрепятствовать имъ вѣрить въ несуществующіе предметы, какъ въ дѣйствительные? Слушая разсказы переднихъ, они съ ужасомъ возвращались домой и здѣсь старались прятаться въ углахъ, думая найти въ нихъ достаточное мѣсто спасенія; нѣкоторые рѣшались даже открывать гробницы давно умершихъ, и тамъ укрывались; а иные искали убѣжища въ другихъ безопасныхъ мѣстахъ. Но были между ними и люди мужественные, которые, думая, что надобно дѣйствовать смѣло, вооружались, брали копья и щиты, и искали себѣ предводителя. Къ числу такихъ людей принадлежалъ Николай Мануилитъ, тогдашній начальникъ города, незнавшій военнаго дѣла, но умѣвшій брать взятки,—хвастаясь именемъ градоначальника,—и многіе другіе, богатые воинскою опытностію, которымъ однакожъ тогда и въ голову не приходило изслѣдовать, не лживъ ли распространившійся слухъ. Такъ-то пришибъ ихъ общій страхъ! Впрочемъ, они хотѣли не себя только спасти, но защитить весь городъ. И такъ, вооруженные, бѣгали они по всему городу, будто какіе непрерывно перелетные, и направляясь — одни туда, другіе сюда, съ чрезвычайною быстротою, но ничего нигдѣ не видѣли, о чемъ были толки, а только всюду слышали вопли и стѣнанія, что городъ взятъ и что бѣда надъ головою. Словомъ,—все было точно такъ, какъ въ самомъ дѣлѣ бываетъ по взятіи города, кромѣ того лишь, что тутъ

плакали о воображаемомъ бѣдствіи, а не о дѣйствительномъ плѣнѣ. Вѣдь не то, чтобы работающій звалъ неработающаго все забирать и тащить, упрекая его въ безпечности, или обремененный ношею побуждалъ другаго; но всѣ, будто помѣшавшіеся отъ страха, бросались на своихъ, какъ на чужихъ, подозрѣвали друзей, будто враговъ, и потому только не убивали ихъ, что боялись, какъ бы и съ ихъ стороны не потерпѣть того же. Эти люди были безумными помощниками другимъ и жалкими оберегателями самихъ себя. Въ то время въ Никейскихъ тюрьмахъ находилось много узниковъ, закованныхъ въ желѣзныя цѣпи; потому что заключаемыхъ на смерть непріятельскихъ плѣнныхъ положено было держать подъ стражею въ Никеѣ, такъ какъ оттуда не легко было имъ убѣжать. Эти плѣнники, видя общее смятеніе, подумали, что непріятели вошли въ городъ и овладѣли имъ;—не потому, такъ подумали они, чтобы сами видѣли, а потому, что замѣтили тревогу жителей. Это внушило имъ смѣлость снять съ ногъ своихъ оковы, и составить изъ себя какъ бы сторожевой отрядъ той бѣгущей фаланги,—не съ тѣмъ, чтобы угрожать ей, а чтобы самимъ уйти. Цѣль этихъ бѣглецовъ была— спѣшить къ городскимъ воротамъ; а за ними толпою слѣдовалъ народъ и, въ безсознательномъ чувствѣ отчаянія, трепеталъ каждый за себя, представляя, что, либо должно будетъ ему погибнуть, если враги, ворвавшись отъвнѣ, истребятъ переднихъ, либо эти узники, отразивъ

и прогнавъ непріятеля, сами соединятся съ нимъ и убѣгутъ. Но концомъ всего былъ стыдъ. Побывавъ у городскихъ воротъ, они возвращались и расходились оттуда уже не въ прежнемъ расположеніи духа, а смущенные и въ безпорядкѣ,—шли тихо, съ надлежащимъ спокойствіемъ, потому что нашли тамъ стражей, сидѣвшихъ мирно и ничего не знавшихъ о томъ, что происходило въ городѣ. Очень досадовали они, что такъ обманулись, и боялись только того, чтобы не встрѣтить опасности у другихъ воротъ. Боязнь ихъ была особенно сильна — при мысли, что враги, пользуясь безпечностію стражей, находившихся у воротъ, удобно могли проникнуть въ городъ. Поэтому раздѣлившись, пошли они — одни туда, другіе сюда, третьи къ среднимъ между обоими воротамъ, полагая, что бѣда грозитъ со стороны востока. Когда же и здѣсь не нашли ничего (а съ моря нельзя было подозрѣвать никакого нападенія), тогда, сошедшись опять, успокоились и только не знали, что дѣлать, приговаривая: вѣдь не по воздуху же, на крыльяхъ, могли бы прилетѣть къ намъ непріятели. Наконецъ, отправились они даже къ воротамъ, ведущимъ къ морю и, нашедши, что и тамъ не было никакихъ признаковъ опасенія, а со стороны стражей встрѣтивъ насмѣшку надъ своимъ заблужденіемъ, совершенно уже отдохнули отъ боязни и стали изслѣдовать причину первоначальнаго слуха. Вѣдь не самъ же собою вырвался онъ изъ земли; конечно былъ кто нибудь первый распространитель ложнаго

страха. Пробуя разные пути и не находя никакой предлагаемой догадки правдоподобною, они ничего не могли узнать, кромѣ того, что слухъ этотъ родился мгновенно и потомъ столь же мгновенно отразился въ ушахъ каждаго. Наконецъ случайно представившаяся и вѣроятная причина открылась въ томъ, что тогда вынесена была для поклоненія икона Божіей Матери, что за нею шло множество женщинъ, и что онѣ-то возглашали безъ сомнѣнія ту молитву, которая была услышана позади ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если тѣ женщины молились съ воплями о заступленіи отъ Персовъ и Тохарцевъ, то, слова ихъ молитвы, произносимыя можетъ быть очень громко, по всей вѣроятности разносились, и окружавшіе этихъ молитвенницъ приняли ихъ возгласы въ значеніи не молитвы объ избавленіи отъ враговъ, а въ значеніи извѣстія о вторженіи ихъ, и эти слова, въ такомъ страшномъ смыслѣ распространенныя, наполнили слухъ многихъ и произвели всю эту тревогу. Такъ разсуждали граждане. Впослѣдствіи царь, узнавъ объ этомъ происшествіи, былъ сильно огорченъ и въ своей граматѣ не мало укорялъ ихъ. Людямъ умнымъ и разсудительнымъ, писалъ онъ, не свойственно, при встрѣчѣ съ такими безразсудными слухами, тотчасъ же увлекаться и возмущаться ими; надобно было понять нелѣпость дѣла. Какъ могли враги, не осадивъ города, не дѣйствуя стѣнобитными машинами и, по не давнимъ извѣстіямъ, находясь еще въ Персіи, вдругъ въ безчисленномъ множествѣ перенес-

тись оттуда безпрепятственно, и взять городъ безъ войны и нападенія? Говоря эти и подобныя укорительныя слова, царь имѣлъ въ виду внушить своему народу, чтобы онъ впередъ былъ осторожнѣе.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Отсюда начинается дѣло о патріархѣ Арсеніѣ. Царь до сихъ поръ всячески старался склонить патріарха къ кроткому съ собою обращенію и къ разрѣшенію себя отъ клятвы; когда же увидѣлъ, что цѣль его не достигается,—сталъ употреблять всѣ мѣры къ его низверженію. Посему, часто созывая архіереевъ, онъ свидѣтельствовался предъ ними въ тѣсныхъ своихъ обстоятельствахъ, говоря, что на немъ лежитъ долгъ заниматься великими и трудными дѣлами правленія, требующими свободы; а онъ, между тѣмъ, связанъ неумолимою необходимостію нести тяжелыя, наложенныя на него патріархомъ узы. Если въ самомъ дѣлѣ должно быть такъ; то не лучше ли имъ самимъ принять участіе въ дѣлѣ общественнаго управленія, когда допущенный проступокъ не можетъ уже быть изглаженъ и совмѣщенъ съ прежнимъ порядкомъ вещей.—Поставленный врачевать зло долженъ сдѣлать одно изъ двухъ: или требовать

по возможности того, что было прежде, или отложить врачеванiе. Но первое невозможно, а второе вовсе неблагоразумно. Онъ обязанъ дѣлать увѣщанiя и указывать падшему путь къ раскаянiю, хотя бы даже этотъ не сознавалъ своего преступленiя и упорствовалъ въ рѣшимости. Я просилъ у него прощенiя съ искреннимъ раскаянiемъ и настойчиво хотѣлъ отъ него врачевства, хотя бы то было раскаленное желѣзо; но онъ отказалъ и, вмѣсто раскаянiя, возбудилъ отчаянiе между тѣмъ лучше было бы уже не раскаяваться, чѣмъ, раскаявшись, отчаяться; потому что первымъ обличается безчувственность, а послѣднее ведетъ къ вѣчной погибели. Я многократно приходилъ къ патрiарху, но былъ отсылаемъ, и ища способовъ врачеванiя, не только не получалъ ихъ, а еще выслушивалъ порицанiя. Патрiархъ ничего не открывалъ мнѣ, кромѣ необходимости исцѣлить язву, а какъ исцѣлить, не научилъ: призывалъ къ дѣлу, а самъ не зналъ, что надобно дѣлать. Тутъ можно было подозрѣвать одну насмѣшку. И такъ, время показало, что если бы я и сдѣлалъ что нибудь въ заглажденiе своей вины, онъ не снялъ бы ея и, признавая дѣло недостаточнымъ, не принялъ бы меня; слѣдовательно, подвиги мои были бы безуспѣшны. Поэтому, выслушавъ меня, разсудите, послужитъ ли къ чему нибудь такой двусмысленный образъ его дѣйствiй. Мнѣ кажется, онъ хочетъ, чтобы я за свой проступокъ оставилъ престолъ и возвратился къ частной жизни: но кому предпола-

гаетъ онъ отдать царство,—рѣшительно не вижу. Какія отсюда произойдутъ для государства слѣдствія,—это само собою очевидно; не нужно и спрашивать. Вѣдь если другой окажется не способнымъ управлять общественными дѣлами, и отъ его недостаточности произойдетъ упущеніе такого великаго служенія; то стремящійся къ этой перемѣнѣ будетъ, думаю, виновникомъ общественной гибели, дѣйствующимъ по способу Телхина [1]. Что касается до другихъ многихъ, лично ко мнѣ относящихся обстоятельствъ, то я сталъ бы держать длинную рѣчь, если бы не могъ въ одномъ представленіи обнять всю бездну зла. Какъ поручиться, что я, и лишенный власти, буду жить спокойно? Въ особенности, что станется съ моею женой и дѣтьми? Ихъ на первыхъ же порахъ радъ будетъ всякій встрѣчный повергнуть въ несчастіе. Я не сомнѣваюсь въ духовной мудрости патріарха, какая видна въ другихъ его распоряженіяхъ; но въ этомъ дѣлѣ никакъ не могу одобрить его. Гдѣ, у какого народа произошло когда нибудь подобное явленіе? Какой примѣръ показываетъ, что іерархъ можетъ безнаказанно дѣлать это и у насъ? Или онъ не знаетъ, что однажды вкусившему блаженство царствованія не иначе можно разстаться съ нимъ, какъ чрезъ смерть? Какими казнями окруженъ престолъ? Вѣр-

---

[1] По Евстаѳію (In Iliad. V, p 941 cd. Rom.), Телхинъ въ греческой миѳологіи изображается, какъ злой духъ. По Исихію Τελχῖνες βάσκανοι, γόητες, φθονεροί.

ность большей части подданныхъ окоченѣла на маскѣ, и притомъ, пока царь благоденствуетъ; а какъ скоро онъ униженъ,—подданные необходимо становятся дерзки и нападаютъ. Но положимъ, что сами они и не сдѣлаютъ оскорбленій: такъ легко можетъ, подъ вліяніемъ зависти, сдѣлать ему все худое тотъ, кто вмѣсто его вступитъ на престолъ. За чѣмъ было и возводить человѣка на такую высоту, когда чрезъ нѣсколько времени надобно низложить его? Или опять, — за чѣмъ лишать власти того, кто едва только вкусилъ ее? Мы вѣруемъ, что и Богъ, если чѣмъ другимъ великимъ, то всего болѣе управляетъ судьбами царствъ. Сколь же безрасуденъ и какую бѣду дерзаетъ призывать на себя тотъ, кто разрушаетъ совѣты Божіи! И такъ, вамъ должно войти въ это и содѣйствовать праву царствованія, чтобы не презирали насъ, и столь долго не стѣсняли нашихъ помысловъ. Что? развѣ не Церковію опредѣлено покаяніе? Развѣ не на божественныхъ законахъ основано оно? Развѣ не вы врачуете имъ многихъ? Развѣ для царей въ Церкви существуютъ не тѣже законы, какіе для всѣхъ другихъ? А если у васъ не стало постановленій о покаяніи, то есть другія церкви:—я пойду къ нимъ и отъ нихъ приму врачеваніе. Я сказалъ, что было на умѣ: теперь остается посовѣтоваться вамъ вмѣстѣ съ нимъ, что нужно дѣлать. Я не могу долѣе переносить своихъ страданій; мнѣ необходимо или отъ васъ получить исцѣленіе, или искать способа врачеванія въ другомъ мѣстѣ». Когда царь

высказалъ это архіереямъ, и какъ бы положилъ начало для борьбы,—они, выслушавъ каждое слово его, съ огорченіемъ объявили, что вообще не одобряютъ дѣйствій патріарха въ отношеніи къ царю, и потому, присоединивъ много своихъ основаній, единодушно соглашались уврачевать державнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщались они, если только царь пошлетъ къ патріарху, сильно содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ его посольству. (2). Царь дѣйствительно отправлялъ многихъ по одиначкѣ, и просилъ іерарха разрѣшить его отъ скорби, изъявляя полную готовность, какъ и прежде обѣщался, исполнить, что будетъ приказано. Наконецъ, онъ послалъ и Іосифа, настоятеля Галезійской обители, именемъ которой больше и называли его. Это былъ духовникъ, бывшій царю вмѣсто отца. Посылая Іосифа, царь умолялъ патріарха принять отправляемое имъ посольство и снизойти къ его просьбѣ. Но не посмотрѣлъ патріархъ ни на архіереевъ, которые долго упрашивали его за царя, говоря, что не справедливо держать его столько времени подъ запрещеніемъ, ни на того духовника и святаго мужа, который умолялъ его съ своей стороны—распорядиться вразумленіемъ царя иначе и, разрѣшивъ его отъ клятвы, предписать ему приличное его сану наказаніе;—не посмотрѣлъ онъ ни на кого, но еще болѣе ожесточился и казался рѣшительно непреклоннымъ; такъ что сильно бранилъ посланниковъ и самаго Іосифа, будто онъ отважился доровать прощеніе царю помимо воли патріар-

ха. Многіе говорили тогда, что патріархъ даже подвергъ его эпитиміи; но духовникъ не принялъ ея. Впрочемъ, выполнилъ ли онъ дѣйствительно наказаніе, или отвергъ, былъ ли послѣ разрѣшенъ, или остался не разрѣшеннымъ,—объ этомъ говорили, какъ о небываломъ; да и самъ Іосифъ, бывшій впослѣдствіи патріархомъ, рѣшительно утверждалъ, что не имѣлъ на себѣ эпитиміи. Тѣмъ не менѣе отсюда произошло сильное волненіе въ Церкви; потому что приверженцы Арсенія, прямо обвинявшіе Іосифа, въ его патріаршество были отлучены отъ Церкви.

3. Между тѣмъ, предъ наступленіемъ Вондроміона, (1) во время великаго поста, въ праздникъ, который обыкновенно называли Стояніемъ, одинъ изъ клириковъ, по прозванію Эпситопулъ, служившій при патріархѣ Нотаріемъ и, относительно къ своимъ товарищамъ, бывшій Примикиріемъ, чаще впрочемъ называемый докладчикомъ, ночью, по окончаніи утренняго Богослуженія, поднесъ царю пріятную для него записку, наполненную обвиненіями на патріарха. Принявъ эту записку, царь созвалъ случившихся на тотъ разъ клириковъ и спрашивалъ ихъ, сочувствуютъ ли они Эпситопулу въ томъ, что онъ сдѣ-

---

(1) *Вондроміонъ* у Пахимера соотвѣтствуетъ мѣсяцу Апрѣлю. Петавій da doctr. tempor. (L. 1. c. II.) доказываетъ, что Вондроміонъ въ аттическомъ году занималъ третіе мѣсто. Но такъ какъ на третьемъ мѣстѣ Пахимеръ поставилъ уже Кроній, то мѣсяцу Вондроміону далъ онъ четвертое мѣсто. Другой причины, кромѣ этой, мы представить не можемъ. Въ Аѳинскомъ же календарѣ Апрѣль называется Ἀνθεστηριών.

лалъ. Когда же они отвѣтили ему отрицательно, кромѣ одного или двухъ,—онъ началъ испытывать ихъ по статьямъ, и между прочимъ спросилъ, какого образа мыслей человѣкъ, вручившій ему записку. Они сдѣлали о немъ отзывъ посредственный, но отказывались отъ статей. Тогда царь тотчасъ понялъ, что вступающій въ такую борьбу съ патріархомъ непремѣнно долженъ имѣть сообщниковъ и, надѣясь этимъ путемъ поймать льва въ свои руки, крѣпко ухватился за ту бумагу и искалъ удобнаго времени разобрать изложенныя въ ней обвиненія. Записка изложена была по статьямъ, именно—въ слѣдующемъ порядкѣ: во-первыхъ, въ началѣ утренняго Богослуженія псаломъ, положенный за царя, патріархъ велѣлъ исключить и начинать однимъ трисвятымъ и слѣдующимъ за нимъ поминовеніемъ; во-вторыхъ, онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ султану, такъ что нерѣдко позволялъ ему съ свитою—съ невѣрующими агарянами, мыться въ церковной банѣ, гдѣ есть мраморныя изображенія честнаго креста; въ-третьихъ, онъ приказывалъ своему монаху преподавать сыновьямъ султана части св. Евхаристіи, тогда какъ неизвѣстно, запечатлѣны ли они божественнымъ таинствомъ крещенія, и кромѣ того, во время утрени, въ свѣтлый и великій праздникъ, самъ султанъ приходилъ къ нему съ своими сатрапами и присутствовалъ при его литаніи. Такія-то и тому подобныя вещи заключались въ той запискѣ. Обо всемъ этомъ, конечно, не могъ не узнать и

патріархъ, но, предавъ дѣло въ волю Божію, хранилъ молчаніе. Между тѣмъ царь, принявъ ту бумагу, собралъ къ себѣ проживавшихъ въ то время въ Константинополѣ архіереевъ и, предложивъ имъ прочесть ее, требовалъ отъ нихъ мнѣнія, что ему дѣлать. Казалось, не было основанія пренебрегать вещію, столько благопріятствовавшею цѣли, хотя, съ другой стороны, нельзя было считать ее и достаточною, чтобъ устрашить патріарха. Дѣйствительно, не будучи еще призываемъ къ оправданію, патріархъ уже оправдывался — вопервыхъ, относительно псалма, тѣмъ, что онъ самъ первый ввелъ его въ церковное употребленіе, по обычаю монастырскому, и самъ же опять отмѣнилъ, считая достаточнымъ для полноты молитвы трисвятое съ поминовеніемъ. Притомъ, онъ вполнѣ могъ бы оправдаться въ этомъ случаѣ, сославшись и на настоящее положеніе царя: какъ ему жаловаться, когда онъ отлученъ отъ всего? А что султанъ съ своей свитой мылся въ церковной банѣ,—этого онъ никогда не зналъ и не позволялъ. «Да ихъ, говорилъ патріархъ, слѣдовало бы выгонять и изъ всѣхъ бань, а не изъ одной, принадлежащей церкви; потому что всѣ онѣ украшаются изображеніями креста и иконами святыхъ. Если же другія бани открыты для нихъ, хотя и невѣрующихъ; то почему нужно удалять ихъ изъ церковной? Но что я поступалъ съ султаномъ и сыновьями его, какъ съ Христіанами, говорилъ патріархъ; то не считаю этого виною потому, что объ ихъ вѣрѣ свидѣтельствовалъ мнѣ

епископъ Писидійскій: если же кто докажетъ, что они не Христіане, то грѣхъ падетъ уже не на меня, а на него одного». Однако царю и его сторонѣ такія объясненія казались недостаточными къ оправданію патріарха,—и онъ рѣшился созвать Соборъ изъ всѣхъ наличныхъ архіереевъ и двухъ патріарховъ, александрійскаго Николая и антіохійскаго Евѳимія. По этому, ко всѣмъ епископамъ разосланы были царскія граматы, чтобы послѣ праздника, немедленно прибыли они въ Константинополь и въ общемъ собраніи начали изслѣдовать дѣло о патріархѣ. (4). Мѣстомъ ихъ собранія избранъ былъ царскій алексѣевскій триклиній [1], чтобы можно было предсѣдательствовать и самому державному. Здѣсь присутствовали во множествѣ вельможи и сановники, архіереи и весь синклитъ, также лучшіе монахи изъ всѣхъ обителей, вмѣстѣ съ своими настоятелями; были даже многіе изъ болѣе извѣстныхъ и знаменитыхъ гражданъ. Тогда вышелъ на средину обвинитель, держа при себѣ бумагу, и прочиталъ ее предъ всѣми. Потомъ, нашедши нужнымъ позвать и патріарха, Соборъ послалъ къ нему трехъ архіереевъ и трехъ клириковъ—пригласить его къ суду. Но патріархъ рѣшительно отказался и говорилъ, что избѣгаетъ не суда собственно, а образа и мѣста его, равно какъ и самыхъ лицъ,—да и справе-

---

(1) Триклиніемъ называлась большая парадная столовая, а иногда библіотека. О значеніи и формѣ триклинія подробно говоритъ Hofman. Lex.

дливо, кажется; ибо судить патріарха въ присутствіи царя, вельможъ и мірянъ, въ царскихъ чертогахъ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ царя, вооруженнаго мщеніемъ, вовсе не слѣдуетъ и незаконно. Посланные, выслушавъ патріарха, изложили его слова на бумагѣ, чтобы не показались они ябедою; потомъ, возвратившись, объявили все съ точностію пославшимъ ихъ,—и собраніе разошлось. Подобныя посольства были повторены въ другой и въ третій разъ въ разные промежутки времени (ибо они хотѣли дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ согласно съ канонами); но ничего не дознали, кромѣ того, что патріархъ отвергаетъ такой образъ суда. На это представляемо было ему возраженіе, что и въ древности считалось законнымъ участіе (1) царя въ дѣлахъ церковныхъ; да и несправедливо и неблагоразумно такіе важные вопросы рѣшать безъ церковнаго предсѣдательства.

5. Пока это происходило, патріархъ, понимая, какъ и справедливо, что причина волненій

---

(1) *Участіе царя въ дѣлахъ церковныхъ.*—Въ подлинникѣ—Ἐπιστημονάρχου τοῦ βασιλέως. Это выраженіе очень хорошо опредѣляетъ образъ и цѣль участія царя въ церковныхъ собраніяхъ. Имъ означается, что царь какъ лице, облеченное высшею, хотя только внѣшнею государственною властію, имѣлъ право предсѣдательствовать на Соборахъ: а такъ какъ эти собранія предметомъ своихъ разсужденій обыкновенно поставляли утвержденіе правилъ религіозной и внутренней жизни, на которую внѣшняя власть государя простираться не могла; то въ этомъ отношеніи онъ могъ присутствовать на Соборѣ только въ качествѣ свидѣтеля, чтобы принять къ свѣденію постановленія Церкви, и ея обнаруженія проводить въ гармонію съ ходомъ дѣлъ государственныхъ. Съ такою цѣлію присутствовали Константинъ В. на Соборѣ Никейскомъ, Маркіанъ на Халкидонскомъ, другіе на другихъ.

заключается не и въ иномъ чемъ, а только въ ненависти къ нему державшаго, и что опасно зло врачевать зломъ, какъ бы, то-есть, осудивъ патріарха, не возбудилъ онъ негодованія и волненій противъ самого себя, рѣшился непременно предотвратить эту опасность. Посему, отложивъ всякое малодушіе и сѣвъ на коня,—чего не дѣлалъ съ самаго времени переселенія своего въ Константинополь,—онъ поѣхалъ къ царю. День, въ который это происходило, былъ воскресный. Царь, думая, что настало наконецъ время, котораго онъ давно уже домогался, то-есть, время разрѣшенія его (ибо къ этой мысли приводилъ его какъ необычайный пріѣздъ патріарха на конѣ, такъ и предположеніе, что онъ былъ подвигнутъ къ тому грозившимъ ему осужденіемъ) былъ тронутъ этимъ, принялъ его ласково и велъ съ нимъ пріятную и продолжительную бесѣду. Когда настало время священной литургіи и державному надлежало идти въ храмъ, онъ послалъ одного изъ прислужниковъ предувѣдомить священнослужителей и сказать имъ, чтобы они, увидѣвъ входящаго въ храмъ царя, не дожидались, пока онъ пойдетъ поклониться святымъ иконамъ, и не совершали ничего другаго между дѣломъ, но тотчасъ же, начинали литургію обыкновеннымъ возгласомъ діакона — «благослови» и громогласнымъ благословеніемъ Бога отъ священника. Все это направлялъ онъ къ тому, чтобы іерархъ, вошедши въ церковь вмѣстѣ съ нимъ, безмольно разрѣшилъ его тамъ отъ узъ. Къ божественной

литургіи все было приготовлено, и клиръ въ полномъ облаченіи дожидался только прихода царя. Онъ же, между тѣмъ, поддерживая священную мантію патріарха, шелъ въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, и — то останавливался и бесѣдовалъ съ нимъ, то какъ бы направлялся къ храму. Но едва лишъ вступилъ онъ на порогъ, и діаконъ возгласилъ «благослови», за которымъ тотчасъ послѣдовало благословеніе отъ священника, патріархъ, изумленный нечаянностію, понялъ хитрость,—и вдругъ, вырвавъ мантію изъ рукъ державшаго и уходя, сказалъ: «за чѣмъ ты такъ лукаво крадешь благословеніе и, будучи человѣкомъ, обманываешь Бога? Это и беззаконно и безполезно», а потомъ еще съ большимъ упрекомъ прибавилъ: «хорошо ли такъ поступать царю, желающему царствовать по законамъ? Это невыносимо слышать и о другихъ, а одобрять подобное дѣло вовсе нельзя». Такимъ образомъ, оставивъ царя пристыженнымъ, патріархъ полетѣлъ орломъ и, быстро прошедши чрезъ желѣзную дверь триклинія, со всѣхъ ногъ, пѣшкомъ побѣжалъ къ морю и на кораблѣ возвратился домой. Какъ ни раздраженъ былъ царь такимъ оскорбленіемъ, однакожъ притворился великодушнымъ. Когда окончилась священная литургія, онъ, по выходѣ изъ церкви, остановился въ алексѣевскомъ триплиніѣ и, обращаясь къ случившимся тутъ іерархамъ и клирикамъ, сталъ обвинять патріарха въ жестокости. Видите, говорилъ онъ, какъ грубо ушелъ онъ изъ нашихъ рукъ. Если хотѣлось ему оскор-

бить меня, то зачѣмъ было ѣхать къ намъ? Но видно, стараясь избѣжать обличеній, онъ и самъ не замѣчаетъ, что этимъ еще болѣе подвергается суду. Пусть же онъ теперь не пользуется отрицаніемъ суда. Но такъ какъ остается сдѣлать ему третье объявленіе; то вы, собравшись опять, исполните это, и когда онъ придетъ,—пусть будетъ осужденъ; а не то, — вамъ же предстоитъ рѣшить, какъ нужно поступить по суду съ уклоняющимся отъ суда. А я поручаю свою судьбу Богу: пусть онъ устроитъ все такъ, какъ Ему угодно». Сказавъ это, царь съ какимъ-то предположеніемъ прибавилъ еще, что если часто не принималъ онъ относящихся къ нему по дѣламъ своихъ церквей, то не принималъ, имѣя въ виду единственно ненависть, какую питаетъ къ нему патріархъ: а когда этотъ соблазнъ будетъ устраненъ,—они могутъ много расчитывать на него. И этимъ окончилъ онъ свою рѣчь.

На слѣдующій день снова всѣ собрались и долго разсуждали, а царь какъ будто бы отказывался отъ участія въ разсужденіяхъ, говоря, что онъ не хочетъ присутствовать на Соборѣ, что ему не позволяютъ этого наложенныя церковію узы; поэтому надлежало его уговаривать. (6). Наконецъ отправлено было къ патріарху и послѣднее посольство, составленное изъ архіереевъ и клириковъ. Но патріархъ опять отказался идти и сказалъ: «дѣлайте, что хотите; а я не пойду, чтобы тамъ ни случилось». Тогда, послѣ многихъ совѣщаній, іерархи, желая

во всемъ основываться на церковныхъ канонахъ, старались найти между апостольскими правилами и такое, которое относилось бы къ уклоненію отъ суда. Но хотя оно казалось имъ и вполнѣ достаточнымъ для цѣли; однакожъ, чтобы дѣйствовать съ большею осмотрительностію (ибо они дѣйствовали какъ бы въ виду цѣлаго народа, и подъ предсѣдательствомъ царя), отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ ненависти къ патріарху, и не быть потомъ отлученными, такъ какъ дѣло было извѣстно,— они снова выводятъ на средину Эпситопула. Записка его была прочитана имъ почленно, и при каждомъ членѣ присутствующіе спрашивали: есть ли у него на то свидѣтели? Онъ отвѣчалъ: «въ дѣлахъ открытыхъ ненуженъ тотъ или другой свидѣтель; тутъ свидѣтельствуютъ всѣ, такъ какъ объ этихъ дѣлахъ всѣ знаютъ». Нѣкоторые же, избранные изъ клириковъ, на вопросъ особенно о султанѣ, учавствовалъ ли онъ въ молитвѣ и сидѣлъ ли вмѣстѣ съ патріархомъ во время обычнаго чтенія Слова Божія, отвѣчали прямо, что это было такъ; но христіанинъ ли онъ, или нѣтъ, мы незнаемъ, говорили они, а думаемъ, что тогда онъ былъ уже христіаниномъ. Судьи на это говорили имъ, что они хотятъ знать только то, молился ли и сидѣлъ ли онъ съ патріархомъ, а христіанинъ ли онъ или нѣтъ, объ этомъ сами разсудятъ. Потомъ многіе послѣ нихъ вышли свидѣтельствовать, что онъ не исповѣдуетъ христіанской вѣры; но не знаю, правду ли они говорили, или

старались только угодить державному. Впрочемъ мы узнали, что послѣ, когда дѣло было уже кончено, султанъ, извѣстившись, что изъ-за него низверженъ патріархъ, присылалъ къ державному и между прочимъ извѣщалъ его о своей вѣрѣ (шутка ли была это, или нешуточная рѣчь, неизвѣстно), прося его прислать къ нему особенно священные его амулеты [1], на простомъ языкѣ называемыя ладонками, и увѣряя, что онъ, если угодно, будетъ съ жадностію ѣсть соленый свиной окорокъ. Это обстоятельство было тогда царю прямою уликою въ несправедливости его къ патріарху; ибо оно доказывало, что съ одной стороны, покланяясь божественнымъ изображеніямъ, султанъ былъ христіанинъ, а съ другой, употребляя свиное мясо, держался и обычаевъ христіанскихъ. Но обвинители ставили въ вину патріарху то, что султанъ покрайней мѣрѣ тогда не былъ еще принятъ въ общество христіанъ. Другіе этотъ обвинельный пунктъ противъ патріарха выставляли нѣсколько хитрѣе: если султанъ, говорили они, и въ самомъ дѣлѣ былъ христіанинъ, то патріарху по крайней мѣрѣ хорошо было бы остерегаться окружавшихъ его Персовъ; вѣдь не могли же всѣ они быть и считаться христіанами. Такимъ образомъ когда приступили къ отобранію мнѣній, большая часть присутствовавшихъ, чуть не

---

[1] Азатинъ по своему называетъ амулетами, конечно, носимыя на шеѣ изображенія св. креста и христіанскихъ святыхъ, которые должны были оставаться между его имуществомъ въ Константинополѣ. Cantac. L. 3. C. 17 p. 403. ed. Reg.

всѣ, исключая нѣкоторыхъ (это были Ѳеодоръ Понтійско-Ираклейскій, Алексѣй Евхаитскій, Іоаннъ Бризійскій и другіе съ ними; а Григорій Митиленскій, весьма преданный патріарху, видя, что ему угрожаетъ непремѣнно осужденіе, подъ предлогомъ болѣзни, удалился съ Собора. Когда же державный, досадуя на это, посылалъ меня къ нему, какъ нотарія, требуя, чтобы онъ или самъ явился, или далъ свое мнѣніе,—онъ едва согласился на послѣднее и присталъ къ Ѳомѣ Ларисскому, Іоанну Навпактскому и Герману Адріанопольскому),—единогласно осудили патріарха на низложеніе, и осудили всего болѣе за уклоненіе отъ суда; потому что вопросъ о султанѣ, былъ ли онъ христіанинъ, или нѣтъ, оставался нерѣшеннымъ. Посему, довольствуясь, при обвиненіи подсудимаго, свидѣтельствомъ объ уклоненіи его отъ суда, они и поставили ему въ вину это одно обстоятельство и въ этомъ всѣ согласились. Между тѣмъ, нѣкоторые не безъ основанія противились имъ, говоря, что, если патріархъ, чрезъ такое допущеніе къ святынѣ, исправилъ иноверцевъ въ первый разъ (ибо не извѣстно еще, были ли эти люди невѣрными); то вина его сама собою падаетъ. А когда султанъ дѣйствительно не былъ отъ двора Христова, то и въ такомъ случаѣ патріархъ невиненъ, но вся вина падаетъ на свидѣтельствовавшаго, то-есть, на Макарія Писидійскаго. Пусть наконецъ это и не такъ, все здѣсь оказываются виновными и другіе христіане, бывшіе тогда вмѣстѣ съ патріархомъ и особенно при-

ВМИЯ ВМИЯ

численные къ священному клиру, которые на какой бы степени ни стояли, необходимо должны были напомнить патріарху объ этомъ и удалить невѣрующихъ изъ церкви. А помимо ихъ, сложить всю вину на одного патріарха—было бы и несправедливо, и неблагоразумно. Между тѣмъ, епископъ Писидійскій, предвидя, что и ему угрожаетъ опасность (ибо обвиненіе въ свидѣтельствѣ о султанѣ и его подвергало также осужденію; да и нельзя было справедливо осудить патріарха, не осудивъ и его) хранилъ молчаніе. Судьи конечно всячески старались не вызывать его, прежде чѣмъ будетъ осужденъ патріархъ, и не спрашивать о султанѣ; однакожъ, не могли не ухватиться и за него, когда онъ подалъ имъ поводъ произнести осужденіе патріарху. Такъ и случилось: онъ былъ низложенъ и удаленъ, или лучше сосланъ. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, и тѣ немногіе, которые прежде защищали патріарха, волею—не волею согласились съ прочими; опредѣленіе сдѣлано, и патріархъ присужденъ былъ къ низверженію. Теперь кончилось это, говоря поэтически, быстролетное собраніе [1], и заключено, по обыкновенію, привѣтственными возгласами царствующему дому. Послѣ того выбраны іерархами два іерарха и отправлены къ обвиненному съ объявленіемъ ему соборнаго рѣшенія.

---

[1] *Быстролетное собраніе* αἰψηρὰ ἀγορή. Эго выраженіе взято изъ Гомера. F. v. 276: ὢς ἄρ᾽ ἐφώνησεν, λῦσεν δ᾽ ἀγορὴν αἰψηρήν. Имъ означается собраніе, созванное на скоро. Такъ объясняетъ схоліастъ. Но Пахимеръ приведенные слова разумѣетъ, повидимому, въ значеніи собранія опрометчиваго.

7. Послы пришли къ нему поздно вечеромъ и, въ присутствіи всего клира, объявили ему приговоръ Собора, приказывая вмѣстѣ съ тѣмъ готовиться къ удаленію. Онъ же, возблагодаривъ сначала Бога, выразилъ полную готовность идти, куда имъ угодно. Потомъ, обратившись къ клиру, сказалъ: «знайте дѣти, что все это случилось со мною, по устроенію Божію; а волѣ Божіей должно повиноваться, что ни опредѣлила бы она касательно насъ. Мы поставлены пастырями по суду св. Духа, призвавшаго недостойнымъ насъ къ тому, чтобы по возможности пасти стадо Христово; и вамъ извѣстно, что мы вели его за собою—если и нехорошо, то во всякомъ случаѣ, какъ могли. Такъ нужно ли говорить мнѣ о вещахъ, извѣстныхъ вамъ? Между тѣмъ, многихъ изъ васъ, можетъ быть, мы и оскорбили, а отъ многихъ и сами потерпѣли оскорбленія: примиримся же и простимъ другъ другу обиды. Любовь Церкви такова, что и мы какъ отцы, перенося обиды отъ васъ, должны принимать васъ, какъ дѣтей: равно и вы, оскорбляемые въ чемъ либо нами, должны изгнать вражду противъ насъ, какъ истинные члены, и слѣдовать за оскорбляющими. Нынѣ время оставить другъ другу долги наши. Я съ своей стороны исполняю это,—примиряюсь со всѣми и охотно отхожу, куда Господу угодно: а вы идите, пересмотрите по одиночкѣ, повѣрьте и примите отъ насъ церковные сосуды, драгоцѣнныя одежды, останки святыхъ и книги, чтобы кто нибудь не счелъ насъ святотатцами. Въ заключе-

нiи же всего, дѣти, радуйтесь о Господѣ и спасайтесь. Эту одежду, книжку и три монеты, которыя принадлежали намъ еще при вступленiи нашемъ на патрiаршество, по правиламъ монаховъ, и которыя при томъ прiобрѣли собственными трудами—отъ списыванiя Псалтири, мы беремъ опять и удаляемся. Сказавъ это и подобное этому въ назиданiе клиру, и почти на пути уже приказавъ нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ, въ числѣ коихъ былъ и я, идти для принятiя священныхъ вещей, онъ обратился къ посланнымъ и сказалъ: «вотъ, братiя, я готовъ, и не испугаюсь, что ни задумали бы вы въ отношенiи ко мнѣ. Вы, какъ говорите, сдѣлали свое дѣло: прочее пусть дѣлаетъ царь; пусть скажетъ намъ, куда идти, или лучше—пришлетъ людей отвести насъ. Мы не будемъ противиться, мечь ли приготовитъ онъ намъ, или смерть». Послѣ этихъ словъ, онъ отпустилъ всѣхъ съ миромъ, а самъ, ни о чемъ больше не заботясь, сѣлъ и ждалъ царскаго приказа.

8. Ночью, въ концѣ Пiантiона, когда, послѣ зимняго холода, наставало уже время ведренное и сухое,—именно въ первую стражу той ночи посланы были царемъ люди, долженствовавшiе взять осужденнаго и отвесть, куда имъ было приказано. Немедленно сведенный ими со ступеней великаго храма, онъ сталъ предъ великими вратами и возблагодарилъ Христа Господа, молясь Ему и какъ бы прощаясь. Когда онъ готовъ былъ уже выйти изъ восточныхъ дверей, чтобы отправиться въ пустынный монас-

тырь Чудотворца Николая въ Барбарѣ, [1] который стоялъ тогда при морѣ и, какъ смежный, приписанъ былъ къ Оксійскому (сюда то осужденъ былъ Арсеній на изгнаніе, что случилось, думаю, не безъ устроенія Божія, такъ какъ въ Оксіи же принялъ онъ нѣкогда и монашескую одежду)—при самомъ выходѣ изъ церкви, небо, дотолѣ совершенно чистое, вдругъ все покрылось густыми облаками, полился сильный дождь съ градомъ, страшная молнія бороздила и раскаляла воздухъ, и громовые удары непрестанно поражали слухъ. И среди такой-то грозы влекомъ былъ онъ своими проводниками, пока недостигъ самаго монастыря. Пробывъ тамъ день, въ слѣдующую ночь проводники посадили его на рыбачью лодку и поплыли по направленію къ Приконнису, до пустыни, лежащей выше такъ называемой туземцами Суды гдѣ заключили его подъ надзоромъ царской стражи и никому не позволяли его видѣть.

9. Такъ распрощались они съ этимъ человѣкомъ. Думаютъ, что и сами патріархи считали необходимымъ подать о немъ такое мнѣніе. Когда просили ихъ объ этомъ,—первый согласился патріархъ Антіохійскій Евѳимій, давно питавшій ненависть къ Арсенію за то, что онъ не прини-

---

[1] Изъ контекста можно заключить, что Барбарою называлась часть или предмѣстіе Константинополя, получившее это имя, можетъ быть, отъ храма, посвященнаго Св. Варварѣ; ибо извѣстно, что въ Константинополѣ дѣйствительно былъ храмъ Св. Варвары. Duillius h. 2. c. 2. Topograph. Constantinop. Пустынный же монастырь Св. Николая, по видимому, былъ тотъ самый, который построенъ Юстиніаномъ, какъ говоритъ Прокопій de Aedificiis l. c.

малъ его въ общеніе по причинѣ, основанной на слухахъ (а неизвѣстно, справедливы ли были эти слухи), будто бы Евѳимій въ нѣкоторыхъ вещахъ соглашался съ Армянами. Поэтому, какъ скоро стали разсуждать объ Арсеніѣ, онъ, тотчасъ ухватился за представившійся случай и подалъ свой голосъ о низверженіи патріарха. Напротивъ патріархъ Александрійскій Николай былъ далеко не того мнѣнія, чтобы одобрять это дѣло: онъ, отсѣченный тѣми, которые низложили Арсенія, тѣмъ не менѣе остался твердъ въ своемъ убѣжденіи, и ничего не измѣнилъ въ своемъ образѣ мыслей. (10) Изъ архіереевъ же, кромѣ тѣхъ первыхъ—Мануила Ѳессалоникскаго и Андроника Сардскаго, никто не былъ отсѣкаемъ. Объ Андроникѣ, какъ постригся онъ въ монахи, мы уже сказали. Арсеній, по возвращеніи на патріаршій престолъ, зная, что Андроникъ ради его только лишенъ былъ епископіи и въ слѣдствіе того принялъ монашество, хотѣлъ было возвратить ему прежнее состояніе и снять съ него монашескую одежду: но ему не удалось получить на это согласіе іерарховъ. Дѣло было такъ. Когда тотъ, бесѣдуя съ патріархомъ наединѣ, узналъ, что онъ позволилъ бы это, если бы только захотѣлъ Соборъ; тогда, вышедши отъ патріарха, онъ рѣшился сдѣлать пробу для достиженія желаемой цѣли. Въ одинъ изъ соборныхъ дней, онъ, съ вѣдома патріарха, надѣваетъ на себя архіерейскую мантію, а на голову возлагаетъ священный кидарь и, сѣвъ въ притворѣ, требуетъ позволенія войти въ Со-

боръ, къ предсѣдательствующему патріарху. Собору было доложено, и узнали, что ждетъ кто-то, облаченный въ архіерейскія одежды. Епископы разгнѣвались и не хотѣли принять пришедшаго. А тутъ одинъ изъ нихъ показалъ и письмо Андроника, въ которомъ онъ собственноручно подписался Аѳанасіемъ. Тогда всѣ стали уговаривать патріарха, чтобы онъ не помогалъ этому человѣку, и охлаждали въ немъ пламенное къ нему расположеніе; а тотъ, пристыженный безуспѣшностію своей попытки, началъ вести жизнь болѣе внутреннюю. Но это было прежде; а теперь многіе изъ монаховъ и мірянъ, отдѣлившись отъ Церкви, собирались сами по себѣ и говорили: « не *прикасайся, вовсе не дотрогивайся до* того, кто одобряетъ низложеніе патріарха, или хотя имѣетъ общеніе съ одобряющими ». Между тѣмъ царь, такъ какъ нельзя было оставить Церковь безъ пастыря, поручаетъ архіереямъ избрать того, кто имъ покажется; а самъ, глубоко всматриваясь въ состояніе дѣлъ и думая, какъ бы уничтожить расколы, назначаетъ общее собраніе и, когда всѣ собрались въ одно мѣсто, съ балкона своей кельи, огражденнаго желѣзными—то прямыми, то выгнутыми полосами, говорилъ имъ слѣдующую рѣчь:

11. Я думаю, подданные моего царства, что никто изъ всѣхъ васъ не дошелъ до такого безумія, чтобы сталъ водиться не столько своимъ умомъ, сколько мыслями другаго. Вѣдь если совѣтъ состоитъ обыкновенно и въ сношеніи мнѣній, объявляемыхъ лицами совѣтующимися, такъ

какъ самое имя совѣта—συμβουλὴ значитъ сводить въ одно мнѣнія двухъ; то это бываетъ по необходимости въ дѣлахъ сомнительныхъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда мысли обѣихъ сторонъ равносильны, и не знаешь, которыхъ держаться. А какъ скоро мнѣнія тяготѣютъ на одну чашу вѣсовъ, такъ что этимъ обозначается дѣло нетолько хорошее, но и твердое, и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается вредное; то напрасно по истинѣ и безполезно, презирая собственные свои помыслы, обращаться къ чужимъ, которые бываютъ иногда неблагоразумны, а иногда своекорыстны: при томъ чужая боль обыкновенно не чувствуется; всякаго давитъ свое горе. Такъ вотъ и вы должны пользоваться преимущественно собственными помыслами и ими испытывать мысли внѣшнихъ. А кто, презирая свое размышленіе, будетъ прислушиваться къ мнѣніямъ внѣшнимъ,—не замѣтитъ ли въ нихъ чего нибудь; тотъ долженъ согласиться, что своего ума у него недостаетъ. Человѣкъ же безъ ума, самъ по себѣ, вовсе ничего не понимаетъ; да если бы кто и со стороны говорилъ ему,—не можетъ отличить хорошаго отъ худаго. Слѣдовательно для него и чужой совѣтъ безполезенъ. Вы совершенно знаете, что случилось; ни одного изъ событій мы не скрыли: ибо это-то, по повелѣнію державной нашей воли, и привело каждаго изъ васъ въ настоящее собраніе, подобное тѣмъ, какія бывали и прежде. Но причины этихъ собраній, какъ различныя, могутъ иныхъ привесть въ недоумѣніе. Нѣкогда лице на патріар-

шемъ престолѣ по собственной охотѣ отказывалось отъ своего служенія, — и тогда надлежало на его мѣсто поставить другое: а теперь то самое лице низложено за вины, какъ вамъ извѣстно, и по этому случаю, надобно замѣстить его кѣмъ нибудь другимъ. Такъ смотря на ошибку въ прошедшемъ, надобно какъ можно лучше устроить будущее. Въ то время нѣкоторые изъ чернаго и необразованнаго народа, находящіе для себя удовольствіе въ волненіи Церкви, заперлись въ человѣческихъ своихъ домахъ и произвели расколъ. Мы описали бы ихъ, если бы, при всемъ нашемъ желаніи, не препятствовала намъ краткость времени, не позволяющая припомнить произведенныя ими безпорядки и принятыя нами мѣры. Такоеже нѣчто подозрѣвается и нынѣ; потому что безпорядокъ не изчезъ: есть люди, ищущіе случаевъ снова возбудить его и раздѣлить Церковь Божію. Чего они домогаются, имѣя пріобрѣтенное привычкою расположеніе прятаться въ своихъ углахъ и скрытно совершать свои дѣла, — говорить не нужно: но присоединяющимся столь неблагоразумно къ любимой ихъ бесѣдѣ мы не замедлимъ назначить строжайшее наказаніе. Кому и чѣмъ тутъ соблазняться? Развѣ измѣнены его догматы? Но въ нашемъ ученіи ничто не нарушено и вообще ничто не будетъ нарушено. Или извращено нѣчто обрядовое? Но ничего не укажутъ, сколько бы кто ни трудился. Или наконецъ, совершая служеніе подъ однимъ пастыремъ, который по достаточнымъ причинамъ низложенъ,

вы отчаялись въ избраніи другаго? Но безъ сомнѣнія изберете и, пасомые имъ, будете жить наилучшимъ образомъ. Вѣдь чрезъ того-то пришлось ли кому изъ всѣхъ васъ быть облагодѣтельствованнымъ и пользоваться нашимъ благоволеніемъ, если исключить случаи неожиданные? Что же? Собравши васъ нынѣ въ одно мѣсто, мы не намѣрены однакожъ обвинять свое величество: напротивъ, я не скрою, скажу вамъ причину, почему имѣющій нужду въ милости не получалъ отъ царской воли того, что слѣдовало. Такъ какъ и патріарху, подъ вліяніемъ ненависти, непріятно было приходить къ намъ, и мы, не видя его расположенія, не могли приходить къ нему, да не были бы и приняты, хотя бы пришли; то нуждающихся и не представлялось. Впрочемъ, что скрывать? Не у насъ не доставало природной готовности благодѣтельствовать, а у него не имѣлось доброй воли распоряжаться относительно испрашиванія благодѣяній. Мы знаемъ, что благость раждается отъ благости, и что родившейся любви не возрасти, если не родится любовь взаимная. Не думайте, что я баснословлю. Впрочемъ и басня —дѣло похвальное, если она мѣтитъ на истину. Вѣдь и изъ внѣшнихъ кто-то сказалъ, что гордость въ сосѣдствѣ съ пустынничествомъ. Съ гордымъ никто не сближается: отъ этого ему и приходится проводить жизнь самому съ собой,—вдали отъ другихъ. Что же будетъ послѣ? Когда пастырь подвигнетъ нашу душу высшими способами посредства,—вы непремѣнно ис-

пытаете дѣйствіе лучей сроднаго намъ благоволенія; лишь бы кто не обращалъ этого во зло, не имѣлъ въ виду одного себя, не шутилъ надъ тѣмъ, что нешуточно, и не домогался того, что для него невыполнимо. Вѣдь паденія всякій разъ соединены бываютъ съ тревогами городовъ; чрезъ погрѣшности одного человѣка получаютъ зло многіе. Итакъ оставьте незаконныя собранія и возненавидьте расколы. Много людей съ сумками ходитъ въ ваши жилища, думая не о томъ, чтобъ хорошо было вамъ, а о томъ, какъ бы выманить у васъ что нибудь нужное себѣ. Вотъ они станутъ обвинять царей, смѣшивая новое съ старымъ, начнутъ говорить, что обстоятельства Церкви не хороши, и можетъ быть, къ такому же говору расположатъ другихъ; а чрезъ это, ожидая улучшенія, будутъ и ихъ сбивать съ толку. Чтоже теперь дѣлать вамъ? Когда будете отдавать другимъ изъ того, что у васъ есть, никто не позавидуетъ: пусть дѣлаетъ всякій, что кому угодно. Но увлекаться ихъ словами и вмѣстѣ съ ними впадать въ заблужденіе, — это было бы, думаю, и для меня нестерпимо, и для васъ не безопасно. Наказанію предшествуетъ теперь угроза, чтобы знали, чему подвергнется тотъ, кто рѣшается на такое дѣло. Вѣдь немногіе по необходимости портятъ многихъ: ктоже, стало-быть, будетъ столь сонливъ, что не постарается остановить это стремленіе? Итакъ я приказываю и мужчинѣ и женщинѣ, и старому и молодому, и горожанину и селянину, сперва испытывать людей къ нимъ

приходящихъ, и потомъ уже входить съ ними въ сношеніе. Вѣдь больной получаетъ помощь отъ здоровыхъ: такъ если сами вы окажетесь больными въ своихъ помыслахъ, то что добраго сообщите другимъ? Ихъ дѣло, можетъ быть, откроется со временемъ: но вамъ заражаться ихъ зломъ и уклоняться отъ прямаго пути, — это будетъ худо. Тѣ разбѣгутся, а вамъ отъ обвиненія не уйти. Знаю, что говорю много; однакожъ и вамъ безъ сомнѣнія кажется, что обвиненіе въ расколѣ равносильно обвиненію въ отступничествѣ, а обвиненный въ отступничествѣ наказывается, какъ святотатецъ. Итакъ, подумайте, какъ слѣдуетъ поставить себя относительно къ настоящимъ обстоятельствамъ: лучше ли молча пользоваться добромъ, или, вдаваясь своими разсужденіями въ то, что васъ не касается, подпасть подъ наказаніе».

Этими и другими подобными словами объявивъ свою волю народу, царь распустилъ собраніе и позволилъ каждому идти домой. (12) Архіереи же, получивъ полномочіе избрать того, кто кажется имъ способнымъ для величайшаго предстоятельства въ Церкви, сошлись въ священный и великій храмъ Влахернскій и, представляя тотъ того, тотъ другаго, наконецъ всѣ единодушно остановились на одномъ—Адріанопольскомъ епископѣ Германѣ, мужѣ нрава свободнаго, который отличался прекраснымъ совершеніемъ священнаго служенія и, кромѣ того, издавна пользовался расположеніемъ царя. Это былъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ отличный и

ученый въ высшей степени. Ему извѣстно было все прекрасное, что могло быть полезно не только для добродѣтели, но и для управленія дѣлами. Нерѣдко по преимуществу хвалилъ онъ того, кто расторопно и съ храненіемъ души совершалъ чистую добродѣтель, проводя жизнь болѣе среди людей, чѣмъ въ пустынѣ. Самъ онъ не былъ краснорѣчивъ, за то уважительно и съ должнымъ вниманіемъ относился къ краснорѣчивымъ, любилъ слушать ихъ и былъ особенно другомъ подобныхъ людей, такъ какъ отлично цѣнилъ прекрасное. Добродѣтелію украшался онъ не тою, какою хвалятся нынѣшніе, что въ сознаніи представляютъ себя лучше другихъ, такъ какъ любятъ различать пищу и питье, для каждой изъ нихъ, кромѣ положенныхъ временъ, назначаютъ извѣстные дни, предпринимаютъ путешествія пѣшкомъ и медленно, остаются съ немытыми ногами, ложатся на землѣ, имѣютъ на плечахъ единственную одежду, милосердіе же и любовь, равно какъ человѣколюбіе и сочувствіе, и вообще вниманіе къ другимъ поставляютъ на второмъ планѣ,—люди жестокіе, поносители и презрители ближнихъ, полагающіе, что только они одни совершаютъ добродѣтель, что ни дѣлали бы;—нѣтъ, его добродѣтель была именно человѣческая, какою характеризовался онъ, какъ истинный человѣкъ, и особенно какъ человѣкъ облеченный властію, которому нужна больше умѣренность, чѣмъ безстрастіе. Если бы отъ подобной жизни отнялъ ты разборчивость, то чрезъ

отнятіе этого одного, погубилъ бы въ ней все. Такою-то добродѣтелію украшался онъ: нѣкоторые называютъ ее политическою, а согласную съ ней жизнь—жизнію политика, которая занимаетъ средину между созерцательною и свѣтскою. Итакъ описанный архіерей Орестіады предпочтенъ былъ другимъ (говорили, что нѣкогда жилъ онъ на востокѣ, на Черной горѣ, и въ тамошней обители долго совершалъ великіе подвиги) и признанъ достойнымъ принять предстоятельство Константинопольской церкви. Съ мнѣніемъ архіереевъ соглашался и царь и побуждалъ ихъ утвердить этого мужа, даже по временамъ, видаясь съ ними, настойчиво уговаривалъ и просилъ ихъ не откладывать призванія. (13) Призваніе дѣйствительно послѣдовало. Германъ въ мѣсяцѣ Мемактиріонѣ, въ праздникъ Святаго Духа, чрезъ особое опредѣленіе объявленъ былъ собранію патріархомъ, литургисовалъ вмѣстѣ съ епископами, возсѣдалъ на священномъ престолѣ и предстоятельствовалъ въ сонмѣ прочихъ.

Какъ скоро вступилъ онъ на престолъ, важнѣе всего показалось ему почтить людей, отличавшихся либо добродѣтелію, либо образованіемъ,—почтить однихъ надлежащими достоинствами, другихъ—наградами и разными подарками. Золото презиралъ онъ болѣе всего, такъ что не имѣлъ и кошелька: если же оно откуда нибудь приходило,—приказывалъ класть его на своей постелѣ, чтобы имѣть подъ руками, по случаю предписываемаго имъ какого нибудь

добраго дѣла. Но избытокъ такой простоты вмѣняли въ вину этому человѣку, какъ нерадѣніе; а уваженіе къ царю и его правленію многіе порицали, какъ ласкательство и ложь. Простота его нрава, свободное и открытое его обращеніе съ встрѣчающимися и прямодушная его бесѣда съ приближенными подали поводъ къ обвиненію его въ злоупотребленіи высокимъ саномъ. Отношенія его къ державному, особенно въ случаяхъ просьбъ, когда первый дѣлалъ доклады послѣднему и просилъ, а послѣдній не охотно соглашался и, по видимому, только щадилъ надежды просителя, чтобы не оскорбить его отказомъ, только думалъ, можетъ быть, что исполнитъ когда нибудь, а говорилъ, что все еще не успѣлъ,—навлекли на него подозрѣніе въ лживости. Всѣ эти обвиненія, взятыя вмѣстѣ и запавшія въ души многихъ, возбудили къ Герману ненависть и противупоставили ему ревность о бывшемъ патріархѣ, у котораго онъ отнялъ церковь и, сошедши съ престола дочери (такъ называли тогда церкви), дерзко и сомовластно взошелъ на престолъ матери. Подъ вліяніемъ такихъ двухъ (1) обвиненій, не было никого, кто

(1) Къ этимъ двумъ основаніямъ, на которыхъ многіе, принадлежавшіе къ восточной церкви, обвиняли Германа, западные критики присоединяютъ еще третіе, состоявшее въ томъ, что Германъ старался о соединеніи раздѣлившихся церквей--восточной и западной. Къ соединенію ихъ больше стремился, хотя можетъ быть по личнымъ своимъ расчетамъ, Михаилъ Палеологъ, какъ упоминается о томъ въ актахъ западнаго Собора въ Лейденѣ (Sess. 4). За это стремленіе православные очень не любили и царя, такъ не удивительно, что обнаруживали холодность и къ патріарху. Одинъ безъименный писатель въ книгѣ Алляція

говорилъ бы о немъ хорошо; потому что одни принадлежали къ сторонѣ Арсенія, а другіе, можетъ быть, слѣдовали образу ихъ мыслей. Были и такіе, которые, простирая свои порицанія до крайности, въ досадѣ называли его Мармутцою (1) и прилагали къ нему это Персидское имя потому, что родъ его происходилъ отъ Лазовъ (2), равно какъ и родъ Гавры (3). Подобнымъ образомъ порицали они и нравъ патріарха, называя Германа неосмотрительнымъ и дерзкимъ, не понимающимъ, что онъ удостоенъ чести незаслуженной, и поносили его такъ, имѣя въ виду ласкательство его предъ царемъ; при этомъ смѣялись они и надъ его родомъ, говоря, что его родъ имѣетъ одинакое происхожденіе съ Персидскимъ. Не смотря на то, какъ старецъ, получившій воспитаніе старинное — церковное, блаженной памяти Германъ въ церковномъ чиноположеніи возстановилъ въ прежній видъ мно-

---

De translationibus episcoporum, говоритъ. *ὁ Ἀδριανοπόλεως Γερμανὸς, ὁ ἐπικληθεῖς Μαλχυτζᾶς, ὃς καὶ λατινόφρων γέγονε, καὶ κατὰ τῶν εὐσεβῶν διωγμὸν ἐκίνησε μέγαν*. Можно догадываться, что это написано кѣмъ нибудь изъ современныхъ Герману раскольниковъ, слѣпыхъ приверженцовъ Арсенія.

(1) Надобно полагать, что Мармутца было Персидское его имя или прозвище, прежде чѣмъ вступилъ онъ въ клиръ. Впрочемъ манускриптъ безъимяннаго писятеля у Алляціи называетъ его *Μαλχουτζᾶν*.

(2) Лазы—народъ Скиѳіи. Plin. l. 6. c. 4. Steph. страну ихъ полагаетъ при Понтѣ Евксинскомъ; а Agathius пишетъ, что прежде назывались они Колхами, слѣдовательно населяли древнюю Колхиду и обитали на восточномъ берегу Чернаго моря. Hofman. Lex.

(3) Слово *Γαβρᾶς*—не географическое, какъ полагаетъ Поссинъ, производя его отъ Персидскаго города Гавры, упоминаемаго Птоломеемъ, а фамильное. Фамилія Гавровъ въ Византіи извѣстна была еще въ началѣ 12 вѣка. См. Киннама стр. 250—332.

гое, что отъ времени и по нерадѣнію было упущено. (14) Важнѣйшее же дѣло его, какъ человѣка ученаго, состояло особенно въ томъ, что онъ воспользовался дарованіями и многознаніемъ Оловола. Находя этого человѣка для удовлетворенія тогдашнихъ нуждъ достаточнымъ, и желая утѣшить его въ тѣхъ страданіяхъ, которыя онъ переносилъ, патріархъ назначилъ его руководителемъ дѣтей духовнаго званія для образованія ихъ науками. Съ этою цѣлію взялъ онъ Оловола изъ монастыря Предтечи и, пристроивъ его къ церкви, возложилъ на него дѣло величайшей важности, а самъ ходатайствовалъ за него предъ царемъ и ходатайство свое предложилъ въ слѣдующихъ словахъ: «Георгій Акрополитъ великій Логоѳетъ, по твоему повелѣнію, царь, довольно уже потрудившись, наконецъ утомился и сдалъ науки. Теперь въ эту должность надобно ввести другихъ и, между прочими, наставниковъ церковныхъ—такихъ, которые, по своей учености, стояли бы высоко и особенно могли бы быть полезны въ нуждахъ церкви. Итакъ, ходатайствуя предъ тобою за церковь, мы просимъ тебя: соизволь на наше прошеніе и обрати благоволеніе твое на Оловола. Я принимаю его и хочу почтить формально,—поставить учителемъ дѣтей, учащихся словеснымъ наукамъ».—Когда патріархъ сказалъ это,—царь тотчасъ согласился и склонился на его просьбу; потому что и самъ дѣйствительно заботился о возстановленіи древней славы Константинополя, такъ что поставилъ два клира—

одинъ при знаменитомъ храмѣ Апостоловъ, другой—при храмѣ Влахернскомъ; сверхъ того въ священныхъ клирахъ города учредилъ пѣвцовъ и назначилъ имъ жалованье, а при храмѣ великаго Павла, въ древнемъ сиротскомъ домѣ (Ὀρφανοτροφείως) основалъ грамматическую школу и назначилъ годовое содержаніе какъ учителямъ, такъ и дѣтямъ, и эту школу иногда посѣщалъ самъ и разузнавалъ, каковъ каждый наставникъ, какъ велики его успѣхи, и когда надлежало, поощрялъ ихъ, а ученикамъ, по отеческому обычаю, назначалъ времена отдыха. Итакъ, внявъ прозьбѣ іерарха, царь сжалился надъ заключеннымъ и тотчасъ приказалъ выйти виновному. Тогда, принятый патріархомъ, этотъ несчастный былъ обрадованъ многими дарами, получилъ отъ патріарха димпломъ ритора и, сдѣлавшись учителемъ школы, открылъ ее для всѣхъ.

15. Въ томъ же году подпалъ подъ вину противъ величества Франгопулъ, домашній Михаила, а къ этому преступнику причислялись еще двѣнадцать человѣкъ. Они задумали умертвить царя, какъ скоро найдутъ это возможнымъ. Одинъ изъ принявшихъ участіе въ такомъ заговорѣ и злодѣйствѣ былъ нѣкто Карлъ, который, по разсказамъ, убилъ нѣкогда и Протовестіарія Музалона. Но приглашенный заговорщиками къ убійству, онъ никакъ не могъ рѣшиться совершить зло державному на самомъ дѣлѣ, а донесъ объ этомъ и подвергъ злу тѣхъ, которые пригласили его. Когда доносъ былъ сдѣланъ,—заговорщиковъ схватили и стали му-

чить пытками, чтобы они открыли соумышленниковъ, особенно допытываясь, не злоумышлялъ ли съ ними и бывшій патріархъ. Мучимые на другихъ не показывали; что же касается до патріарха, то побуждаемые ли истиною, или силою мукъ, объявляли, что онъ дѣйствительно связанъ съ ними соумышленіемъ. Надъ преступниками произнесены страшные приговоры: всѣ они подвергнуты казнямъ, согласно съ степенью преступленія. Не оставлено также безъ вниманія и обвиненіе патріарха: царь ухватился за него съ жаромъ и, внесши его въ Соборъ, грозилъ ужасами. Не потерплю, говорилъ онъ, если не буду отмщенъ: архіереи должны подпасть подъ судъ церковныхъ правилъ, если не осудятъ патріарха; а патріархъ явно осуждается и никакъ не можетъ быть терпимъ, что ни терпѣлъ бы прежде, если обвиняемый царемъ, не подвергнется другому надлежащему суду; потому что не хорошо и не справедливо, что тотъ, кто обязанъ былъ заботиться о царѣ, предаетъ его врагамъ. По разсмотрѣніи этого дѣла, Соборъ нашелъ законнымъ послать къ патріарху и спросить; потомъ, если признается, произнести ему приговоръ, а не то,— все таки взять его и безъ признанія, и снова разсмотрѣть его вину. Это опредѣленіе Собора проэктировано было самимъ царемъ. Итакъ избранные спросить патріарха должны были отправиться—съ тѣмъ, что если признается онъ, будетъ опредѣлено ему законное возмездіе, какое слѣдуетъ принимавшему участіе въ злоумыш-

леніи людей, понесшихъ наказаніе за царя: въ противномъ же случаѣ, хотя бы то-есть и не признался, возложить на него оковы и снова производить слѣдствіе, зналъ ли онъ о заговорѣ, и потомъ уже, если будетъ обличенъ въ злодѣйствѣ, заключить его, а не то — освободить отъ осужденія, какъ человѣка, обнесеннаго несправедливо. Этого требовалъ царь,—и весь сонмъ архіереевъ согласился на его требованіе. (16) Тутъ же написана была формула опредѣленія, и немедленно изъ среды епископовъ избраны двое — Неокесарійскій Моноконстантинъ, особенно дружный съ патріархомъ, и тогдашній предстоятель Приконнійской церкви, временно управлявшій [1] ею, Мокиссъ; а изъ клириковъ назначены были — тогдашній секретарь Галинъ и съ ними четвертый я, вовлеченный въ это силою и волею царя, какъ потому, что бывалъ у патріарха, такъ и по сочувствію къ нему. Въ двадцать пятый день Анѳестиріона, взошедши на корабль, чрезъ двое сутокъ пристали мы къ острову и, явившись предъ патріархомъ, высказали ему все, что относилось къ нашему дѣлу. Патріархъ вдругъ такъ огорчился, что не вынесъ и начала нашей рѣчи, но съ глубокимъ сокрушеніемъ и скорбію сказалъ: «что худаго сдѣлалъ я царю? Его изъ среды людей частныхъ возвелъ я на царство; а меня,

---

(1) Κατὰ λόγον ἐπιδόσεως. Въ такомъ именно значеніи употреблялось слово ἐπίδοσις, какъ это видно и изъ другаго мѣста Пахимера, гдѣ онъ говоритъ объ одномъ латинскомъ епископѣ, что царь хотѣлъ καὶ ἐκκλησίαν διδόναι οἷ τῷ λόγῳ τῆς ἐπιδόσεως ὡς σχολάζοντι τῆς λαχούσης.

нашедши патріархомъ, по худымъ причинамъ поразилъ онъ безчестіемъ. И вотъ я сижу на этихъ высотахъ, какъ безчестный ссылочникъ, и каждый день принимаю милостыню отъ христіанъ. Впрочемъ, все случившееся — хорошо; да, хорошо, что это случилось: пусть помолится о немъ фатріархъ ([1]) его съ благословеніемъ, (εὐλογία) всего, что имъ сдѣлано». Этимъ словомъ указывалъ онъ на родную сестру царя, которую нелюбилъ за совѣтъ ея царю противъ отрока Іоанна. Когда же потомъ раскрыта была бумага и надлежало прочитать ее,—Арсеній, какъ бы зная откуда-то напередъ, что было въ ней написано, сильно противился этому, никакъ не хотѣлъ слушать и, чтобы не слышать, что читали, сталъ уходить съ такою быстротою, какой нельзя было и предполагать въ ногахъ старца. Однакожъ тѣ догнали его и, удержавъ, продолжали чтеніе. Тогда ушами бывшей на немъ шапки онъ заткнулъ свои уши такъ, что вовсе не слышалъ, что читалось; а потомъ, упавъ духомъ, сталъ громогласно призывать небо и землю въ свидѣтели своихъ страданій и, не только не хотѣлъ внимать тому, что ему говорили, но и слушавшіе его рѣчи не находили въ нихъ ничего относящагося къ дѣлу, о чемъ

([1]) Арсеній называетъ Германа не патріархомъ, а фатріархомъ—вѣроятно выражая этимъ насмѣшку надъ нимъ, какъ бы хотѣлъ сказать, что Германъ только фратріархъ, то-есть предстоятель не церкви, а церковнаго братства, или партіи. Такая же насмѣшка видна и въ употребленномъ имъ словѣ εὐλογία, которое онъ принимаетъ здѣсь въ двухъ значеніяхъ: во первыхъ, въ значеніи патріаршаго благословенія, во вторыхъ, въ значеніи собственнаго имени Евлогіи, сестры царя, которая особенно враждовала противъ Арсенія и благопріятствовала Герману.

можно было бы донести Собору, а только сильно держали его и грозили ему ужаснымъ отъ Бога наказаніемъ, если будетъ упорствовать. Наконецъ онъ сказалъ: «прекрасно архіерействовали мы, замышляя убить царя! Мы,—и заброшенные сюда, на послѣднюю черту земли, молимъ Бога, чтобы Онъ направилъ душу державнаго ко всему хорошему, хотя бы насъ, какъ осужденныхъ, угодно было ему въ этой пустынѣ погубить голодомъ и жаждою». Съ душевнымъ прискорбіемъ и горечію высказавъ это и иное подобное—одно съ досадою, или, лучше, съ сожалѣніемъ относительно царя, а другое съ тѣмъ-же чувствомъ относительно лица, занявшаго патріаршій престолъ, Арсеній отпустилъ насъ. Когда потомъ насталъ день нашего отбытія, мы снова пришли къ нему и, какъ можно было, покончивъ свое дѣло, тотчасъ отправились изъ пристани. При довольно сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ и подъ прикрытіемъ горъ, намъ казалось лучше плыть къ западной сторонѣ острова. Но тутъ поднялось большое волненіе и море надулось до чрезвычайности. Поэтому мы, хотя и съ трудомъ, причалили къ Галинолимену, который у тамошнихъ жителей въ просторѣчіи называется испорченнымъ именемъ Галилолимена. Здѣсь подверглись мы величайшимъ ужасамъ, — думаю потому, что отправились въ обратный путь, не испросивъ благословенія у патріарха; хотя каждый изъ насъ, какъ объяснились мы другъ съ другомъ послѣ, въ минуты раскаянія, желалъ сдѣлать это частно, только

боялся такимъ поступкомъ навлечь на себя обвиненіе. Въ полночь произошло сильное землетрясеніе, и оторвавшаяся гора, упавъ въ море, произвела въ томъ мѣстѣ наводненіе: стоя въ это время на морскомъ берегу, мы думали, что непремѣнно потонемъ. Наконецъ, послѣ многихъ безпокойствъ на морѣ, мы въ шестнадцатый день мѣсяца Посидіона (1) возвратились въ Константинополь и, пришедши сперва къ патріарху, разсказали ему о всемъ, съ присоединеніемъ усерднѣйшей нашей прозьбы, что бы онъ, говоря царю, что будетъ говорить, изгладилъ все оскорбительное въ ихъ отчетѣ. Такъ и устроилъ онъ это предъ царемъ: слушая патріарха, царь замѣтилъ въ его словахъ защиту,—особенно когда узналъ о причинахъ, насъ задержавшихъ. Не хотѣлъ онъ молчать, когда явились къ нему и мы, и вполнѣ понявъ изъ нашихъ словъ, какъ ужасны страданія Арсенія, тотчасъ повелѣлъ ежегодно высылать ему и окружающимъ его триста монетъ, говоря въ свое оправданіе съ клятвою, что онъ и прежде назначалъ высылку этой суммы, но она не была выдаваема Арсенію потому, что онъ не хотѣлъ принимать ее: да боюсь, прибавилъ царь, что и теперь не приметъ; а потому это жалованье пойдетъ къ нему отъ лица Деспины. Притомъ, я пошлю къ нему извѣстныхъ ему друзей, которые бы утѣшали его и разсѣявали, и которымъ Деспина ввѣритъ назначенныя деньги для пере-

---

(1) Посидіонъ—тоже что Линеопъ. См. кн. IV гл. 25.

дачи ему отъ ея имени. Все это вскорѣ и сдѣлано: къ Арсенію отправлены были—хронографъ церкви Гемистъ, лампадчикъ царского клира Инэотъ, и третій—Іерскій іеромонахъ Маркъ; всѣ эти лица издавна были лучшими друзьями Арсенія. Съ ними Деспина отправила и то, что было назначено на его нужды.

Но у царя не о томъ была забота; по крайней мѣрѣ не для того дѣлалъ онъ это, но домогался чего-то большаго. Сколько озабочивала его мысль о разрѣшеніи, столько же недоумѣвалъ онъ, какъ и отъ кого получить разрѣшеніе. (17) Хотѣлось бы царю, что бы разрѣшили его отъ узъ патріархъ и весь Соборъ: но онъ подозрѣвалъ, что этотъ разрѣшитель покажется разрѣшителемъ не разрѣшимаго — частію потому, что не пользовался уваженіемъ у народа, частію потому, что не этимъ патріархомъ связанъ державный, а частію наконецъ и по самымъ обстоятельствамъ передачи патріаршаго престола. Такія мысли внушилъ царю вышеупомянутый Іосифъ Галисійскій, — не столько по сочувствію къ Арсенію, сколько по ненависти къ Герману, что онъ съ престола низкаго перескочилъ на высокій. Отдѣлившись отъ него самъ, не добрыя мысли о немъ внушалъ онъ и царю, и говорилъ, что Германъ не разрѣшитъ, хотя бы и разрѣшалъ; потому что предъ Богомъ разрѣшеніе его будетъ недостаточно и неудовлетворительно, и царь прощенія не получитъ. Такъ говорилъ царю тотъ, на кого между людьми смотрѣлъ онъ какъ на отца, кому

вѣрилъ, не задумываясь—во всемъ, что считалось нужнымъ ему представить, особенно когда этотъ, называемый отцомъ, ручался за справедливость сообщаемыхъ имъ мыслей. Представленія Іосифа царь почиталъ тѣмъ болѣе достойными вѣры, что видѣлъ, какъ чрезъ передачу патріаршаго престола распространился расколъ, хотя новый патріархъ и не обращалъ вниманія на дѣлаемыя ему оскорбленія, и ни на кого ни за что не досадовалъ, сколько бы ему о томъ ни доносили. Итакъ царь перемѣнилъ свои мысли и часто задумывался о томъ, какъ бы Германа свести съ престола: а зналъ онъ, что патріархъ самъ собою не сойдетъ, если не осмѣлится кто нибудь посовѣтовать ему это. Такой совѣтъ готовъ былъ тогда предложить Іосифъ,—только не открыто, чтобы не подумали, будто онъ предлагается съвѣдома царя; ибо царь сталъ наконецъ опасаться подобнаго подозрѣнія. (18) Уполномоченный державнымъ, Іосифъ приходитъ тайно къ Герману, въ видѣ добраго совѣтника, и совѣтуетъ ему сложить съ себя патріаршество; потому что безпокойство въ народѣ слишкомъ велико и долго удерживаемо быть не можетъ, сколько бы царь ни удерживалъ его: узнавши о расколѣ, откажется отъ него наконецъ и самъ державный. Не видишь ли, сколько единомышленниковъ около Іакинѳа, сколько опять ихъ около Ѳеодосіи и роднаго брата ея Іоанна, также — около Марѳы и инобрачной ([1]) ихъ се-

([1]) Ностонгонисса называется инобрачною (ἑτεροθαλής) сестрою Ѳеодосіи и роднаго брата ея Іоанна—потому, что родилась отъ одного

стры Ностонгониссы? Не извѣстно ли тебѣ, что монахи ходятъ въ тѣ обители, въ которыхъ есть старцы, обливаемые потомъ тяжелаго подвижничества? Если ты опираешься на Евлогію, то посмотри на сестру ея Марѳу, посмотри на ея дочерей, какъ онѣ преданы Арсенію, а тебя уничижаютъ болѣе всѣхъ. Что же касается до міряяъ, то я и сказать не могу, до какой степени привержены они къ Іакинѳу и монахинѣ Ностонгониссѣ, сестрѣ, какъ ты знаешь, вышеупомянутыхъ Ѳеодосіи и Іоанна. Итакъ, что наконецъ останется тебѣ, если откажется и оставитъ тебя царь? Поспѣши же сойти съ честію, пока есть у тебя время дѣйствовать по своей волѣ; а иначе какъ бы не наступила такая пора, когда ты будешь вынужденъ совершить это дѣло не по собственному избранію, и надѣлаешь смѣху, вышедши изъ церкви поневолѣ. Такъ говорилъ патріарху притворно совѣтовавшій Іосифъ. Но его рѣчь не проникла въ душу слушателя; говорящій не убѣдилъ его. Могъ ли патріархъ вообразить, что таково желаніе царя, и что совѣтъ Іосифа есть отраженіе царскихъ мыслей? Онъ нетолько оставался на своемъ мѣстѣ, но еще, полагаясь на благорасположеніе къ себѣ державнаго, увеличивалъ число клириковъ и хиротонисалъ іерарховъ. Это было за-

---

съ ними отца, но отъ другой матери. Всѣ эти раскольники принадлежали къ царствующему дому. Сестра царя Марѳа была второю женою Тарханіота и родила отъ него Ѳеодосію и Іоанна, но у этого Тарханіота въ тоже время была дочь отъ первой, умершей его жены, и называлась Ностонгониссою.

бавно и смѣшно: его надежды походили на то, какъ если бы кто, упавши съ коробля и думая спастись, хватался за морскую траву. Впрочемъ державный, желая избѣжать подозрѣнія и сдержать себя, показывалъ видъ, что онъ благосклоненъ къ патріарху, и въ отношеніи къ нему обнаруживалъ много такого, чрезъ что давалъ ему возможность располагать къ себѣ сердца народа. Такъ напримѣръ, при наступленіи праздника Вайй, когда по обычаю совершается утреннее служеніе, патріархъ посылалъ и получалъ отъ державнаго большое количество серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, которыя завязавши въ обрывки платка, приготовилъ такъ называемыя эпикомпіи ([1]) и приказалъ разбрасывать ихъ народу на всемъ пути церковнаго хода, до самаго храма сорока мучениковъ. Такова была скрытность царя предъ патріархомъ, чтобы послѣдній никакъ не узналъ о его намѣреніи передать патріаршій престолъ другому.

19. Нехудо сказать теперь и объ Іакинѳѣ, также о Ѳеодосіи и Іоаннѣ и объ инобрачной

([1]) Επικόμπια, у другихъ писателей επικόμβια, по Меурсію, обрывки платка, въ которыя были завязываемы разнаго достоинства монеты и въ большіе праздники разбрасывались черни. Io. Cantacus. l. 1. c. 41 p. 125 ed. reg. τῇ ἡμέρα καθ' ἣν ὁ βασιλεὺς χρισθεὶς ἔξεισι τοῦ ναοῦ, παρά τινος τῶν συγκλητικῶν ὃν ἂν βασιλεὺς ἐθέλοι, εἰς τὸν δῆμον ρίπτονται ἃ λέγουσιν ἐπικόμβια. Δύναται δὲ τοῦτο ἀποδέσμους τινας ἐν ὀθονίων τμίμασι δεδεμένους, ἔνδον ἔχοντας νομίσματα χρυσᾶ τῶν βασιλικῶν τρία καὶ ἐξ ἀργύρου τοσαῦτα ἢ καὶ πλέιω, καὶ ὀβολοὺς ἀπὸ χαλκοῦ τοσούτους. У Пахимера въ этомъ мѣстѣ упоминается только о серебряныхъ и мѣдныхъ монетахъ,—вѣроятно, потому, что онъ говоритъ объ эппкомпіи патріаршей; золотыя же монеты, вмѣстѣ съ прочими, разбрасываемы были одними царями.

сестрѣ ихъ Ностонгониссѣ. Іакинѳъ былъ западный монахъ. Прибывъ въ Никею и живя при храмѣ Архистратига, близъ патріархіи, какъ иностранецъ, никому незнакомый, онъ сталъ собирать къ себѣ дѣтей и, окруживъ себя ими, нетолько училъ ихъ, но и кормилъ. Арсенію было донесено, что монахъ учитъ дѣтей, не бывъ къ тому приставленъ. Патріархъ призвалъ его и распрашивалъ, и видя, что онъ человѣкъ вообще оборотливый, смѣлый и свободный въ словѣ, при томъ, по его словамъ, принадлежалъ къ числу посвященныхъ,—принялъ его и смотрѣлъ на него, какъ на своего. Потомъ, когда Арсеній находился въ тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ было говорено, Іакинѳъ, оказавшійся усерднымъ ревнителемъ о его пользахъ, еще больше вкрался въ его дружбу. Затѣмъ, по возведеніи Арсенія на патріаршество константинопольское, Іакинѳъ былъ самымъ вѣрнымъ изъ домашнихъ его лицъ, вмѣстѣ съ Игнатіемъ Родосскимъ, человѣкомъ тоже благочестивымъ, отличавшимся монашескою мѣрностію. Оба они были всегдашними общниками патріарха въ скорбяхъ его и совѣтахъ; и показывали великую ревность о томъ самомъ, о чемъ ревновалъ и патріархъ. Когда же этотъ низведенъ былъ съ престола,—скрылись и они по угламъ, потому что не имѣли позволенія слѣдовать за патріархомъ, и подчинились необходимости хотя съ скорбію, однакожъ невольно. Игнатій вскорѣ умеръ, а Іакинѳъ съ своими учениками, боясь царя и въ тоже время видя, что сестра

его Мареа особенно привержена къ патріарху, сталъ посѣщать ее и, тогда какъ царь ничего не зналъ, въ темномъ своемъ углу получалъ отъ ней пищу. У монахини Мареы былъ сынъ Іоаннъ. Она имѣла трехъ сыновей: Михаилъ и Андроникъ жили у царя, и вскорѣ первый изъ нихъ—Михаилъ, который былъ моложе Андроника, получилъ отъ державнаго достоинство Примикирія; а другой—Андроникъ возведенъ въ званіе великаго Коноставла. По этой причинѣ, одинъ завидовалъ въ почестяхъ другому, и отсюда произошло весьма многое, о чемъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Эти двое, живя у царя, ни во что не мѣшались; но Іоаннъ—младшій получилъ первое воспитаніе подъ руководствомъ покойнаго Деспота Іоанна и, видя приверженность своей матери къ патріарху, самъ тоже чрезвычайно ревновалъ за него: правило—*не коснися, ниже осяжи* ([1]) соблюдалъ до самыхъ мелочей. Этого же правила вмѣстѣ съ нимъ держалась и сестра его Θеодосія, со смертію мужа Валанидіота, овдовѣвшая и получившая наклонность къ жизни монашеской. Къ обществу ихъ принадлежала и единомысленная съ ними монахиня Ностонгонисса, которую называли инобрачною, потому что она была дочь Тарханіота отъ первой его супруги. Всѣ эти лица составляли кружокъ Іакинеа и чрезвычайно ревновали за патріарха, изгнаннаго — вопреки божественнымъ законамъ и справедливости—злодѣйски. Доселѣ было такъ.

([1]) Извѣстныя слова апостола Павла Колосс. 2, 21.

20. Между тѣмъ царь приготовилъ патріарху и другое искушеніе. Когда епископъ Сардскій Халаза, проживъ довольно времени въ Константинополѣ, собрался отправиться въ свою епископію, онъ тайно далъ ему порученіе—или лично увидѣться съ патріархомъ и сказать то самое, что говорилъ Іосифъ, или лучше прислать ему письмо изъ Халкидона, возвращаясь на востокъ:—выдумка глубоко обдуманная и мѣткая. Важно и то, что слова Іосифа повторитъ ему лице, по высотѣ своего престола, имѣющее преимущество предъ другими; да важно опять и то, что хиротоніи Сардскаго епископа Арсеній не принялъ бы, слѣдовательно представленія его должны показаться убѣдительными для патріарха, которому онъ преданъ, какъ принявшему себя, и будутъ доказывать, что видно епископъ знаетъ какой нибудь болѣе глубокой подкопъ, когда говоритъ и совѣтуетъ оставить престолъ. Вѣдь другіе въ большую вину Герману вмѣняютъ повидимому только то, что онъ взошелъ на престолъ Арсенія, и потому сочли необходимымъ отдѣлиться отъ церкви. Но если бы епископъ Сардскій великою виною Германа почиталъ еще то, что санъ архіерейства получилъ онъ отъ такого патріарха, какимъ былъ Никифоръ, поставленный изъ Ефесскихъ епископовъ; то говоря это, онъ не больше обвинялъ бы его, какъ и себя. Такъ вотъ тогдашній патріархъ дѣйствительно получилъ письмо отъ Сардскаго епископа, который писалъ его по переправѣ чрезъ Босфоръ Ѳракійскій, взошедши на корабль,

и разными причинами убѣждалъ Германа отказаться отъ патріаршества. Прочитавъ это письмо, патріархъ пришелъ къ недобрымъ мыслямъ: какъ осмѣлился бы епископъ писать это и оскорбить предстоятеля, думалъ онъ, если бы не имѣлъ внушеній посторонних? Желая прояснить себѣ, что значитъ такое предложеніе, онъ счелъ нужнымъ полученное письмо тотчасъ отослать къ царю, и полагалъ избираемымъ путемъ найти неложную оцѣнку настоящаго явленія. Если царь будетъ огорченъ этимъ письмомъ, говорилъ онъ, и такой поступокъ признаетъ столь важнымъ, что пошлетъ за писавшимъ и заставитъ его возвратиться, чтобы за такое предложеніе предстоятелю, подвергнуть его суду; то откроется, что это сдѣлано безъ вѣдома царя, и положеніе вещей можно будетъ считать безопаснымъ. А когда напротивъ, узнавъ о письмѣ, онъ не обратитъ на него вниманія, даже подъ разными предлогами постарается извинить этотъ поступокъ и отложитъ разсмотрѣніе его, что-де современемъ можетъ быть изслѣдуетъ, или станетъ хитрить какъ нибудь иначе, чтобы успокоить и умиротворить меня; тогда не останется болѣе никакого сомнѣнія, что царь пресытился мною, и что это написано по его внушенію. Предположивъ это въ умѣ, патріархъ отдаетъ письмо письмоносцу, и тутъ же для памяти прилагаѐтъ свое, въ которомъ говоритъ, что онъ очень оскорбленъ этимъ посланіемъ. Получивъ и прочитавъ присланное письмо, царь нетолько не былъ имъ огорченъ,

но еще огорчился самъ за себя, что онъ, подавляемый такимъ множествомъ государственныхъ дѣлъ, принужденъ въ тоже время заботиться и о патріархѣ, и тотчасъ, нисколько не медля, отвѣчалъ такъ: «этотъ человѣкъ, согласно съ канонами церкви, въ твоихъ рукахъ; много вокругъ тебя и судей, которые знаютъ каноны. Вели имъ на такомъ основаніи изслѣдовать дѣло, какъ хочешь. Царя это не касается; его занимаютъ другія дѣла и безпокойства,— ихъ множество и они необходимы». Получивъ такой отвѣтъ, патріархъ понялъ, въ чемъ дѣло, и не хотѣлъ противорѣчить (да и какъ можно было ему спорить съ царемъ!), но сталъ приготовляться къ сдачѣ патріархіи.

21. Вотъ наступилъ мѣсяцъ Гамиліонъ [1] и празднуемъ былъ праздникъ святаго креста, который мы называемъ Воздвиженіемъ. Въ день этого праздника, въ послѣдній разъ облачившись въ святительскія одежды, патріахъ совершилъ воздвиженіе креста и вмѣстѣ отслужилъ литургію, а потомъ въ тотъ же день, поздо вечеромъ, удалился и, прибывъ въ свою келью, построенную на морскомъ берегу въ Манганахъ, сталъ тамъ проводить жизнь уединенно. На другой день, только что наступило утро, царь, услы-

---

[1] *Гамиліонъ* у Пахимера соотвѣтствуетъ мѣсяцу Сентябрю; это видно уже изъ того, что къ Гамиліону относитъ онъ праздникъ Воздвиженія честнаго креста, который въ восточной церкви совершается обыкновенно 14 Сентября. Объ этомъ мѣсяцѣ Пахимеръ упоминаетъ также въ кн. V. гл. 20. Въ Аѳинскомъ календарѣ Сентябрь, какъ замѣчено было прежде, называется ἑκατόμβαιων, Гамиліономъ же—Мартъ.

шавъ объ удаленіи патріарха, тотчасъ собралъ Сенатъ, архіереевъ, весь церковный Соборъ и, притворившись печальнымъ, началъ просить и даже грозился употребить силу, если патріархъ не послушаетъ, всячески выражалъ усердіе и желаніе возвратить его на престолъ. Но Германъ съ Критяниномъ говорилъ совершенно по критски: притворившись также, будто не знаетъ тайныхъ чувствованій царя, онъ высказывалъ ему благодарность за его благорасположеніе, увѣрялъ, что и навсегда останется благодарнымъ; однакожъ, ссылаясь на свою старость и слабость здоровья, тѣмъ не менѣе отказывался отъ Константинопольскаго престола, хотя занималъ его съ удовольствіемъ, и просилъ, какъ царя, такъ и присутствующихъ архіереевъ, взять его въ свое распоряженіе, каковую свою волю засвидѣтельствовалъ и граматою отреченія. Въ этой граматѣ говорилось, что онъ никогда уже и ни въ какомъ случаѣ не приметъ предстоятельства, хотя бы принуждалъ его самъ царь. Тогда державный, открыто имѣя въ рукахъ то, чего домогался тайно, снова приступилъ къ патріарху съ убѣжденіями и показывалъ видъ, что не соглашаетея на его отказъ, а между тѣмъ радовался и собирался почтить его. Прежде всего, смягчая въ Германѣ чувство, возбужденное отреченіемъ, царь просилъ его мнѣнія относительно новаго патріарха и требовалъ его совѣта по этому дѣлу; потомъ далъ ему право называться и писаться отцемъ; а этотъ, на оборотъ, первый изъ прочихъ, нарекъ царя, гово-

рятъ, новымъ Константиномъ. Что же могло быть важнѣе—получить имя отца отъ царя—новаго Константина? Если разсмотрѣть это дѣло ширѣ, то такое названіе, въ угодность царю, выдумалъ первый Германъ, такъ какъ онъ всегда готовъ былъ служить правителямъ; а царь принялъ его не просто, какъ имя случайное, а какъ предсказанное ему въ его дѣтствѣ, когда у своихъ родителей, по его разсказу, слылъ онъ Константиномъ. Другіе впрочемъ называли его Мануиломъ, и это кажется справедливѣе, потому что такимъ предсказаніемъ, то есть, именемъ и прозваніемъ опредѣляется время его жизни. Нѣкоторые ошибались, уравнивая его времена семнадцати годамъ; такъ какъ Михаилъ Палеологъ заключаетъ въ себѣ семнадцать буквъ. Съ присоединеніемъ имени Мануилъ, его названіе будетъ выражать двадцать четыре года его царствованія. Тогда какъ царь заботился о назначеніи Герману достаточныхъ средствъ содержанія и обѣщалъ многое,—Германъ писалъ ему слѣдующее: «Богъ усмотритъ мужа, достойнаго пасти его церковь и поможетъ ему въ священномъ его попеченіи. А быть поставленнымъ въ отца царю есть дѣло конечно великое и во всякомъ случаѣ почтенное, лишь бы кому Богъ даровалъ почесть усыновленія. Кто достоинъ называться отцемъ царя, если Отецъ Небесный одинъ не признаетъ его достойнымъ попеченія о царѣ? Что же касается до твоей заботливости о необходимыхъ моихъ потребностяхъ, то эта заботливость излишня и не необходима для

тѣхъ, которыхъ Богъ питаетъ, какъ и птенцовъ врановыхъ. Притомъ и моя церковь (разумѣетъ Адріанопольскую), обогащающая моего архіерея, при помощи Божіей, можетъ пропитать обоихъ насъ». Такъ-то Германъ отказывался тогда отъ всѣхъ сдѣланныхъ ему предложеній. Тотъ, кого нарекъ онъ Адріанопольскимъ послѣ себя епископомъ, былъ его племянникъ Варлаамъ или Василій: онъ нисколько не думалъ о жизни духовной, (22) но занимался нарядами, любилъ лошадей, носилъ оружіе и вмѣнялъ себѣ въ честь ходить съ войсками въ походъ. Пока живъ былъ его дядя, доходившіе до свѣдѣнія царя поступки племянника были прощаемы: но послѣ, когда безпорядковъ его собралось множество, а старецъ уже умеръ, онъ былъ позванъ предъ судъ и въ продолженіе многихъ дней отвѣчалъ какъ помѣшанный, притворяясь, будто за собою ничего незнаетъ, а потому выслушалъ приговоръ Собора о низложеніи. Но бывъ низложенъ и ничего незная, что дѣлалъ и терпѣлъ, и о чемъ его спрашивали, онъ чрезъ нѣсколько дней, вдругъ сталъ уменъ и вздумалъ настойчиво просить царя, что бы онъ позволилъ ему, слѣдуя наклонности, въ качествѣ военачальника идти сразиться съ врагами и овладѣть всѣми ихъ трофеями. Выслушавъ эти слова его, царь возъимѣлъ къ нему сильное подозрѣніе и даже нашелъ его человѣкомъ опаснымъ. Державный соображалъ, что если могъ онъ сказать это, то въ состояніи будетъ и сдѣлать (основаніе, сообщавшее такому подозрѣнію

вѣроятіе, подтверждалось во первыхъ возрастомъ Варлаама, во вторыхъ тѣлесною его силою, въ третьихъ опытностію въ подобныхъ дѣлахъ), и получивъ дозволеніе, можетъ быть, будетъ замышлять и дѣйствовать не за насъ противъ враговъ, а противъ насъ съ врагами, какъ перебѣжчикъ, и потому, скованнымъ заключилъ его въ темницу, чтобы тѣхъ намѣреній, говорилъ царь, не выполнилъ онъ на насъ, какія вызывался выполнить на врагахъ. Потомъ, желая относительно его совершенно успокоиться, царь приказалъ Чикандилѣ, человѣку на это проворному, отвесть его въ Никею вмѣстѣ съ однимъ Болгаромъ, Чувилою, который подозрѣваемъ былъ также въ намѣреніи бѣжать, и тамъ, заключивъ ихъ въ крѣпости, обоихъ лишить зрѣнія, что и было исполнено.

23. Отдѣлавшись отъ Германа, царь вмѣстѣ съ іереями сталъ разсуждать объ избраніи новаго патріарха, какъ будто бы ничего не зналъ, и не предполагалъ въ своихъ мысляхъ никого готоваго. Епископы, не подозрѣвавшіе тайныхъ пружинъ, и мыслившіе о дѣлѣ поверхностно, износили изъ сердца мнѣніе въ пользу то того, то другаго. Но тѣмъ, которые глубже проникали въ умъ державнаго и угадывали его мысли, казался одинъ только способнымъ предстоятельствовать и пріятнымъ царю. Разсматривая предметъ съобща, архіереи подавали мнѣнія въ пользу Іосифа Галисійскаго, мужа духовнаго и добраго, простосердечнаго и благонравнаго, заимствовавшаго нѣкоторые пріемы изъ жизни

придворной; потому что, при жизни своей жены, онъ принадлежалъ къ клиру блаженной памяти Деспины Ирины и служилъ чтецомъ, чрезъ что привыкъ къ рѣчи довольно свободной. При томъ любилъ онъ, что попадетъ ему въ руки и что можно было открыть безопасно, сообщать другимъ, тогда какъ прочіе все берегутъ про себя. Но всего удивительнѣе то, что онъ душевно расположенъ былъ къ монашеской жизни, проводимой въ псалмопѣніяхъ, въ бордствованіи, въ постахъ, въ питьѣ воды, когда нужно, въ кротости, справедливости, добронравіи, простотѣ и вообще во всемъ, что неукоризненно,— не нерадѣлъ ни о какой человѣческой добродѣтели. Встрѣчается ли онъ съ кѣмъ,— тотчасъ обнимается, дружески разговариваетъ, шутитъ и хохочетъ, когда кто сказалъ что нибудь остроумно или поступилъ забавно. Умѣлъ онъ также подойти къ сильнымъ правителямъ и ходатайствовать о другихъ, но не бѣжалъ къ роскошнымъ столамъ, уставленнымъ различными винами и лакомствами, а кушалъ съ простонародьемъ, и особенно съ тѣми, которые жизнь свою проводили въ бѣдности, въ отчужденіи, и ни у кого не бывали въ гостяхъ. Принявъ такое мнѣніе объ Іосифѣ, царь въ двадцать восьмой день мѣсяца Скирофоріона (1), въ десятый индиктъ, 6775 года возвелъ его на патріарше-

(1) *Скирофоріонъ*, по Пахимеру, соотвѣтствуетъ Декабрю. Это видно изъ его словъ и въ концѣ VI книги, гдѣ говорится о времени смерти Михаила Палеолога.

ство, а въ новомѣсячіе Экатомвеона рукоположенъ онъ въ епископа. Во время его хиротоніи произошло слѣдующее. (24) Монахъ Пинака, принявшій хиротонію отъ Германа, былъ архіепископомъ Ираклеи Ѳракійской; а Ираклейскому архіепископу издревлѣ принадлежало право рукополагать патріарха, такъ какъ Византійская церковь нѣкогда зависѣла отъ Ираклейской—и отъ ней получала епископовъ. Но Іосифъ отказался принять хиротонію отъ Пинаки. Поэтому державный сдѣлалъ тогда искусный оборотъ: Пинаку пригласилъ онъ служить литургію въ дворцовомъ храмѣ, и тотъ служилъ ее за большую награду. А между тѣмъ Митиленскій епископъ Григорій, рукоположенный уже давно, избранъ былъ хиротонисать патріарха.

Царь, котораго теперь особенно занимала мысль о полученіи разрѣшенія, все время того мѣсяца предоставилъ патріарху вмѣстѣ съ архіереями для приведенія въ порядокъ дѣлъ церкви, и каждый день наблюдалъ, что бы то, о чемъ просилъ его патріархъ, было тотчасъ исполняемо, и такимъ образомъ предрасполагало предстоятеля къ разрѣшенію связаннаго. Онъ съ такимъ удовольствіемъ слушалъ патріарха, что разсылаемыя по всѣмъ провинціямъ Римской имперіи соборныя опредѣленія и самыя патріаршія граматы приказалъ начальствамъ принимать въ значеніи собственныхъ своихъ указовъ, угрожая наказаніемъ за неисполненіе того, что въ нихъ будетъ предписано къ исполненію; при томъ, по ходатайству патріарха, онъ

отворялъ темницы, освободилъ отъ оковъ многихъ заключенныхъ, удостоилъ сочувствія осужденныхъ, возвратилъ въ отечество сосланныхъ и помиловалъ тѣхъ, на кого гнѣвался. (25) Между тѣмъ вотъ наступилъ второй день мѣсяца Линеона ([1]), въ который церковь совершаетъ праздникъ Срѣтенія. Патріархъ вмѣстѣ съ архіереями, при свѣтѣ многихъ свѣтильниковъ, при праздничномъ псалмопѣніи и сверхъ того при возношеніи молитвъ къ Богу за царя, торжественно, по чину, совершивъ всенощное, началъ совершеніе священной литургіи. Наконецъ все кончено. Тогда царь, окруженный своими оруженосцами, всѣмъ Сенатомъ и правительствомъ, приближается къ святымъ вратамъ (между тѣмъ какъ архіереи стояли въ олтарѣ у престола) и, снявъ съ своей головы калиптру, падаетъ предъ Богомъ съ открытою головою, повергается къ ногамъ патріарха и, громогласно исповѣдавъ свое преступленіе, пламенно проситъ прощенія. Патріархъ, держа въ рукѣ бумагу, съ формулою прощенія, подробно и раздѣльно излагаетъ вину Палеолога относительно къ сыну царя Іоанну, и потомъ внятно произноситъ ему прощеніе. За нимъ тоже дѣлаетъ другой, за другимъ— третій, и такъ всѣ; и каждому архіерею царь

([1]) *Линеонъ*. Этимъ словомъ очевидно указывается на мѣсяцъ Февраль; потому что въ этомъ именно мѣсяцѣ втораго числа восточная церковь празднуетъ день Срѣтенія. Линеономъ или иначе—Посидеономъ называется Февраль и въ Аѳинскомъ календарѣ, изъ котораго Пахимеръ, по видимому, и взялъ это названіе. У Бэотянъ Линеонъ назывался βουκάτιον, потому что былъ холоденъ (?), а у другихъ — Ἑρμαῖον. Это слова Гезихія.

кланялся въ ноги, у каждаго просилъ прощенія; а они—одинъ за другимъ, держа въ рукахъ бумагу, читали ее и прощали, подобно патріарху. При этомъ многіе проливали слезы, а особенно подвиглись къ жалости члены Сената. Наконецъ царь поднялся, обновился священнымъ веселіемъ духа, какъ слѣдуетъ, помолился и, простившись, пошелъ во дворецъ. Тутъ же повелѣлъ онъ заключенному въ Никитской крѣпости Дакивизѣ Іоанну доставлять въ достаточномъ количествѣ все потребное для пищи и одежды, и безпрестанно заботился о немъ, обращая вниманіе на его нужды почти каждый день.

Послѣ сего царь тѣмъ съ большею энергіею обратился къ дѣламъ общественнымъ. (26) Западъ, по смерти Деспота Михаила, принялъ снова угрожающій видъ. Деспотъ Михаилъ оставилъ свою область сыну Никифору, присоединивъ къ ней не малую часть владѣній, взятыхъ отъ удѣла побочнаго сына его Іоанна. Никифоръ былъ доволенъ своею областью: но Іоаннъ выскакивалъ за предѣлы собственной и, не трогая земель брата, нападалъ на наши, грабилъ, что встрѣчалось. Царю не хотѣлось идти на него войною, такъ какъ онъ былъ горячь и недавно еше принялъ власть: чѣмъ воевать, державному казалось лучше подойти къ нему съ миромъ и заключить брачныя условія. И такъ этого дикаго и неустрашимаго человѣка смягчаетъ онъ посольствомъ и, какъ у него была дочь невѣста, намѣревается утвердить миръ бракомъ. Іоаннъ дѣйствительно былъ человѣкъ дѣ-

ятельный—до того, что, отличаясь быстротою своихъ движеній, соединенною съ знаніемъ военнаго дѣла, часто приводилъ въ страхъ и Деспота, боявшагося, какъ бы онъ не одолѣлъ его своею ловкостію и не нанесъ ему безславія побѣдою. Поэтому царь поступилъ очень мудро и осторожно, поспѣшивъ снискать его расположеніе: онъ послалъ и, съ немалою честію привезши его дочь, выдалъ ее за своего племянника, сына Марѳы, Андроника, и зятя наименовалъ великимъ Коноставломъ, а тестя его Іоанна—Севастократомъ. Чрезъ это съ Іоанномъ возстановленъ былъ миръ, и Римскія войска довольно надолго получили отдыхъ. Царь не оставлялъ безъ вниманія и другихъ дѣлъ, но много заботился какъ объ успѣхахъ своего флота на морѣ, такъ и объ усмиреніи Трибалловъ и Иллирійцевъ на сушѣ. Флотомъ его управлялъ мужественный Филантропинъ, достоинствомъ Протостраторъ, подъ главнымъ начальствомъ великаго Дукса Ласкариса, который однакожъ по старости не могъ исполнять свою должность и, выживши изъ лѣтъ, принимать участіе въ воинскихъ дѣлахъ и сраженіяхъ. Поэтому первое мѣсто по флоту во всѣхъ отношеніяхъ занималъ Филантропинъ; а подъ нимъ уже многіе люди важные были отрядными и полковыми начальниками, комитами и капитанами кораблей. Флотъ же былъ великъ и состоялъ изъ множества судовъ, на которыхъ служили люди все мужественные, полные ревнія и усердія: одни изъ нихъ назывались, по городу, Гасмулійцами (Рим-

лянинъ назвалъ бы ихъ двуродными), такъ какъ родились отъ Римскихъ матерей и Италіанскихъ отцовъ; а другіе были изъ Лаконянъ (ихъ на испорченномъ языкѣ именовали Чаконами), которыхъ, какъ людей воинственныхъ, державный во множествѣ перевезъ съ запада изъ Мореи и поселилъ въ Константинополѣ вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми. Кромѣ того, на корабли собрана была отвсюду прислуга — Просэлопы, какъ бы то-есть νηῶν εἰς τὸ πρόσθεν ἐλάται—гонители кораблей впередъ; и этихъ Просэлоновъ царь по всѣмъ приморскимъ мѣстамъ установилъ множество, какъ людей въ своемъ дѣлѣ отличныхъ; ибо Римлянамъ не легло удержать свой городъ, говорилъ онъ, если они не будутъ владѣть всѣмъ моремъ. (27) Сухопутнымъ же войскомъ управлялъ Деспотъ Іоаннъ и имѣлъ подъ собою многихъ и отличныхъ военачальниковъ. Войско, какъ называли это люди, занимавшіеся счисленіемъ его, состояло изъ многихъ аллагій (1). Была многолюдная и сильная аллагія Пафлагон-

---

(1) Аллагія—слово очевидно не греческое, но заимствовано было изъ языка иностраннаго. По видимому, оно взято изъ французскаго или гальскаго. Галлы, во время крестовыхъ походовъ, занявъ извѣстную область, располагались въ ней квартирами, и называли ихъ allogiamenta или allogia (нынѣ les logemens de gens de guerre). Отсюда-то вѣроятно произошла Пахимерова ἀλλάγια. Изъ этого видно, что Римскія войска назывались по областямъ, въ которыхъ квартировали. Впрочемъ слово аллагія впослѣдствіи употреблялось и независимо отъ мѣста расположенія войскъ и получало значеніе корпуса. Такъ напримѣръ Георгій Акрополитъ c. 59 Hist. p. 66 ed. Reg., упоминая о Константинѣ Маргаритѣ, говоритъ, что онъ былъ ἄρχων ἀλλογίου αὐτοῦ, а потомъ на слѣдующей страницѣ прибавляетъ: ὁ δὲ βασιλεὺς Θεόδωρος ἄρχοντα τῆς αὐτοῦ κατωνόμασε τάξεως.

ская, многолюдною также и отличною въ бояхъ считалась аллагія Ализоновъ, въ простонародьи называвшаяся Месаѳинитскою. Кромѣ того здѣсь расположены были Ѳракійцы, тамъ Фригійцы, здѣсь Македоняне, тамъ Мизы, а индѣ значительныя массы Карійцевъ. Одни пришли изъ Магедона, другіе изъ Скиѳіи. Многолюдна была также аллагія иностранная — Италіанская. Всѣ эти войска, взятыя вмѣстѣ, составляли, можно сказать, силу необоримую; и приводя ихъ въ движеніе, Деспотъ былъ страшенъ вездѣ, особенно на западѣ. Но по этой именно причинѣ востокъ ослабѣвалъ, Персы же становились дерзкими и, не видя нигдѣ препятствія, вторгались въ Римскія области. А чрезъ то сталъ пустѣть и Меандръ, и во многихъ обширнѣйшихъ тамошнихъ мѣстностяхъ рѣдѣли нетолько туземные жители, но и монахи; между тѣмъ какъ страна по Меандру была другою Палестиною и изобиловала не только стадами и табунами домашнихъ животныхъ всякаго рода, но и многочисленнымъ населеніемъ, равно какъ множествомъ земныхъ странниковъ и небесныхъ жителей,—монаховъ. Эта страна по всему другому на столько первенствовала предъ Палестиною, на сколько Палестина стояла выше ея однимъ тѣмъ величайшимъ преимуществомъ, что въ ней жилъ и училъ мой Христосъ и Богъ. Такимъ образомъ Меандръ по немногу пустѣлъ; тамошніе жители, подвергаясь нападенію народовъ, уходили оттуда внутрь имперіи; весь тотъ рядъ крѣпостей, Авала, окружности Каистра, Маге-

донъ и вся знаменитая Карія наводняемы были врагами. Не говорю уже о Трахіи, Стадіѣ, Стровилѣ и о странѣ противъ Родоса:—всѣ эти мѣста, недавно еще находившіяся подъ Римскимъ владычествомъ, въ короткое время сдѣлались убѣжищами непріятелей. Тоже округи и съ другой стороны моря, — о среднихъ уже не говорю, — округи Маріандиновъ, Мосиновъ, великодушныхъ Энетовъ, бывшіе подданными Римлянъ, а вмѣстѣ съ ними и внутренніе до самой Сангары, до того опустошены, что стоило бы оплакать ихъ Маріандинскимъ плачемъ (1). Много было войскъ превосходныхъ, но они растрачивались на западѣ и становились малочисленны; тогда какъ на востокѣ настояла такая опасность, что вышедши изъ города нельзя было сухимъ путемъ пройти даже въ Ираклею Понтійскую; потому что тамошніе границы, орошаемые Сангарою, и замыкавшіе имперію, сдѣлались добычею не Мизійцевъ, а Персовъ. Во власти Римлянъ оставались только еще крѣпости приморскія: Кромна, Амастрисъ, Тіонъ и Ираклея и сохраняли одни имена тѣхъ мѣстъ. Да и эти крѣпости, если бы не опирались на море, были бы заняты Персами, такъ какъ принадлежащія имъ окружныя земли давно уже находились подъ

---

(1) Здѣсь дѣлается аллюзія на старинную пословицу, которая находится въ строматахъ древнихъ пословицъ, собранныхъ Андреемъ Шоттомъ. Стихъ 686 у него читается такъ: Μαριανδηνῶν μέμνησο θρηνητηρίων. Эта пословица произошла, можетъ быть, отъ того, что Маріандинцы съ особенною торжественностію отправляли похороны своихъ умершихъ.

властію Персовъ. Важнѣйшею причиною погибели этихъ и другихъ мѣстъ, какъ говорилъ впослѣдствіи и самъ царь, когда, не за долго до смерти, съ немалымъ войскомъ обходя тѣ области, выражалъ свое сожалѣніе, были скряжничество, скупость и незнавшее никакой мѣры, ненасытное грабительство посылаемыхъ туда правителей. Они, ложно обо всемъ донося державному, удерживали его отъ военныхъ дѣйствій и, непрестанно присылая свѣдѣнія, пріятныя на видъ, но горькія въ сущности, что ничто не погибло, что вредъ маловаженъ, что цѣлое въ главныхъ частяхъ стоитъ, что отнятое легко возвратить, затыкали ими уши царя. Причиною поздняго его похода, какъ признавался самъ царь, служили также сильно распространившіеся въ церкви раскольники, многочисленныя толпы лохмотниковъ и сумоносцевъ, безчисленныя, ходившія въ народѣ, на счетъ его обвиненія, и сверхъ того боязнь царя, подозрѣвавшаго возможность отложенія; ибо враждебные ему люди не молчали, но ходили по домамъ другихъ и, не задумываясь, сплетали на царя многое, какъ онъ обидѣлъ законнаго наслѣдника и согналъ съ престола патріарха, какія давалъ клятвы, въ какія входилъ условія, какъ было то и то, — обо всемъ этомъ они подробно разсказывали и привлекали къ себѣ слушателей во множествѣ. А на меня все это, говорилъ царь, наводило страхъ и опасеніе, какъ бы противъ собственной ихъ воли не произошло какого возмущенія. Отсюда родились подозрѣнія, вы-

нуждавшія его изъ осторожности запереться и оставаться въ покоѣ, беречь себя и ввѣрять дѣла людямъ, какіе случались. Такъ впослѣдствіи говорилъ державный Аѳанасію (¹) Александрійскому, когда послѣдній, какъ самъ онъ пересказывалъ намъ, для утѣшенія царя, участвуя въ его походѣ, видѣлъ опустошеніе земель, орошаемыхъ Сангарою, и слышалъ, какъ державный скорбѣлъ, смотря на такое опустошеніе. Подробнѣе скажемъ мы объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

28. Тогда расколъ церкви въ самомъ дѣлѣ усилился; такъ что даже раздѣлялъ домы: иначе жилъ отецъ и иначе сынъ, иначе мать и иначе дочь, иначе сноха и иначе свекровь. Было множество монаховъ, приверженныхъ къ Іакинѳу, которые не жили постоянно въ монастыряхъ, но бродили изъ мѣста въ мѣсто и обнаруживали ревность объ изгнанномъ патріархѣ. Были и другіе изъ Галасійской и иныхъ обителей, какъ, напримѣръ, изъ обитателей Пантепоптскаго монастыря, которые, утвердившись въ добродѣтели, отдѣлялись отъ своей паствы и, каждый живя по своему, никакъ не принималъ въ общеніе Іосифа, такъ какъ этотъ возшелъ на престолъ, согнавъ Германа, хотя прежде самъ ревновалъ объ Арсеніѣ, избѣгалъ общенія съ Германомъ и другихъ располагалъ къ

(¹) Аѳанасій Александрійскій, о которомъ здѣсь говорится, былъ Александрійскимъ патріархомъ послѣ Николая, упоминаемаго въ 9 гл. этой книги.

томуже. Говорили, что этотъ больше виноватъ, чѣмъ предшественникъ его; ибо Германъ оскорбилъ Арсенія только тѣмъ, что принялъ его престолъ, а Іосифъ—тѣмъ, что не уважилъ отлученія, наложеннаго на царя патріархомъ, которое уваживъ, онъ не принялъ бы отлученнаго въ духовное сыновство. Монахи Пантепоптскаго монастыря поэтому смѣло и дерзко отвергали Іосифа, и противились ему, какъ человѣку, взявшему престолъ насильственно, и какъ патріарху отлученному. А отсюда дѣлали они еще дальнѣйшія заключенія: Іосифъ взялся, говорили, разрѣшить неразрѣшимое, и чрезъ то подвергся винѣ сугубой; такъ что разрѣшитель нетолько не разрѣшилъ отлученнаго, но тѣми же узами связалъ и самаго себя. Такимъ словамъ придавали они убѣдительность какъ важностію своихъ лицъ, такъ и сочувствіемъ Іосифу въ томъ отношеніи, что и онъ также ревновалъ о патріархѣ, и радовались, когда, при перемѣнѣ обстоятельствъ, услышали, что онъ сидитъ на патріаршемъ престолѣ. Считая дѣломъ важнымъ— или убѣдить ихъ или уничтожить (ибо эти обличенія вонзались въ его душу, будто острыя иглы), патріархъ лично бесѣдовалъ съ царемъ, и они, не могши убѣдить (да и какъ было?) этихъ непреклонныхъ людей, рѣшились наказать ихъ. Дѣло наказанія возложено на Акрополита Георгія (1), между Логоѳетами бо́льшаго и самаго

---

(1) Георгій Акрополитъ, которому поручено наказать Пантепоптскихъ монаховъ, былъ извѣстный греческій историкъ и хронографъ.

умнаго, только не слишкомъ совѣстливаго. Этотъ, приведши ихъ въ свой домъ, подвергалъ жестокимъ истязаніямъ—сѣкъ, держалъ на вѣсу, билъ, почетнѣйшихъ между ними безчестилъ и, какъ людей безчестныхъ, торжественно водилъ по площади, причины же ихъ наказанія выставлялъ самыя постыдныя и вымышленныя. Послѣ того эти лица, по своей жизни и званію пользовавшіяся уваженіемъ, испытавъ горькое безчестіе, сосланы были въ ссылку, и такимъ образомъ лишены и земли, и всего земнаго. Такимъ поступкомъ Іосифъ въ первый разъ тогда взволновалъ совѣсть многихъ и показалъ, что его предшественникъ, не воставая ни накого и никакъ, дѣйствовалъ лучше, что бы тамъ ни говорили. Потому-то такъ обходился съ нимъ и державный,—наименовалъ его отцемъ, просилъ его совѣта, во многомъ искалъ его помощи и съ удовольствіемъ выслушивалъ его представительства. Онъ былъ человѣкъ знакомый съ міромъ, умѣлъ подойти къ правителямъ, зналъ, какъ при случаѣ убѣдить ихъ, какъ смягчить

Западные критики очень досадуютъ на Пахимера, что Акрополита называетъ онъ несовѣстливымъ. Причина понятна: Георгій Акрополитъ происходилъ отъ православныхъ родителей; но получивъ воспитаніе подъ вліяніемъ западныхъ учителей, впослѣдствіи уклонился отъ православія и перешелъ въ нѣдро западной церкви. При Михаилѣ Палеологѣ, который, кажется, тоже не видѣлъ различія между вѣроисповѣданіями, Георгій сильно дѣйствовалъ въ пользу соединенія церквей и, въ качествѣ Логоѳета, присутствовалъ на Лейденскомъ Соборѣ; но при Андроникѣ Палеологѣ, за свое отступничество и нанесенныя монахамъ оскорбленія, посаженъ былъ въ темницу и долго содержался въ ней. Нравственная его жизнь, по сознанію самихъ западныхъ писателей, была очень зазорна.

и возбудить ихъ гнѣвъ. При здравомъ умѣ, имѣлъ онъ и крѣпкое тѣло, такъ что могъ по нѣскольку разъ не только въ мѣсяцъ, но и въ недѣлю, бывать у царя — иногда по собственному желанію, а иногда по приглашенію.

29. Но вотъ у царя возмужалъ уже и сынъ его Андроникъ, котораго прежде прочихъ приготовлялъ онъ въ преемники себѣ на царскомъ престолѣ. Теперь надлежало найти для него приличную его значенію супругу: но посольство для этой цѣли въ Италію не обѣщало успѣховъ; потому что въ Апуліи царствовалъ тогда Карлъ, котораго надобно было почитать врагомъ Палеолога и Римлянъ, послѣ того какъ у Балдуина, вступившаго съ нимъ въ родство чрезъ брачный союзъ ихъ дѣтей, отнятъ былъ Константинополь. Притомъ, по разбитіи Манфреда, Карлъ, бывшій прежде графомъ, какъ родной братъ короля Франковъ, величался уже королемъ. Это было приличною ему наградою отъ церкви за побѣду надъ Манфредомъ, посягавшимъ отложиться отъ папы. Размышляя объ этомъ, царь призналъ полезнымъ отправить посольство къ Паннонцамъ, которыхъ король, по матери, былъ природный Римлянинъ, родившійся у короля отъ его жены, дочери старшаго Ласкариса. У того царя было тогда три дочери: одна—эта, другая—дивная Ирина, на которой женившись, Іоаннъ принялъ царство своего тестя, третья Евдокія, выданная замужъ за великаго Господина (¹) въ самомъ городѣ. Отъ

(¹) Кто былъ этотъ великій Господинъ? Ниже (гл. 31) говорится объ

той первой у Паннонскаго короля родившійся королевичъ имѣлъ своею женою весьма красивую плѣнницу изъ Комановъ, которая родила ему, говорятъ, такую же красавицу дочь. Эту-то благородную дѣвицу, происходящую изъ дома Ласкарисовъ, царь совѣтовалъ сыну взять себѣ въ жену. Посольство для предполагаемой цѣли составлено изъ бывшаго патріарха Германа и великаго Дукса Ласкариса, достигшаго уже глубокой старости и бывшаго въ родствѣ съ королемъ Панноніи; потому что, бывъ братомъ царя Ласкариса, онъ королю доводился дѣдъ. Послы отправились сухимъ путемъ, и сыну царя привезли королевскую дочь, а царю — невѣстку. Державный нарекъ ее Анною и великолѣпно совершилъ ея бракъ съ сыномъ въ святомъ и великомъ храмѣ Премудрости Слова Божія, гдѣ новобрачущихся благословилъ Іосифъ. Потомъ, въ наступившемъ году, въ восьмой день мѣсяца Мунихіона ([1]) царь и отецъ, вмѣстѣ съ патріархомъ, короновалъ ихъ, и Андронику, какъ царю, для великолѣпія, назначилъ особую свиту. При

Іоаннѣ Духсѣ, что онъ, осажденный въ Патрахъ, ночью ушелъ въ Ѳивы и тамъ нашелъ великаго Господина, т. е. правителя Ѳивъ изъ Латинянъ. Стало быть, можно заключить, что Евдокія, третья дочь царя Ласкариса, выдана была замужъ за великаго Господина, правителя Ѳивъ, въ самомъ Константинополѣ; и этотъ правитель Ѳивъ, вѣроятно, былъ отецъ или дядя того, къ которому прибѣжалъ Іоаннъ Дуксъ. Очень правдоподобно замѣчаніе Григоры, что *τὸν γάρτοι τῆς Βοιωτίας καὶ τῶν Θήβων ἀρχηγόν, ἀντὶ μεγάλου πριμικηρίου, μέγαν κύριον ὀνομάζουσι νῦν, εἰς τοῦτο παρενεχθέντες ἐκ τοῦ παρενεχθῆναι τὴν πρώτην συλλαβήν*

([1]) *Мунихіонъ*, по Пахимеру,—Ноябрь. А Что здѣсь говорится какъ будто о наступленіи года—*'επιόντος ἔτους*, то это надобно разумѣть объ индиктіонѣ, который начинается Сентябремъ.

этомъ поставлены особо при немъ три должностныхъ лица, признанныхъ необходимыми: Ливадарій получилъ должность Виночерпія, Вріенній—должность Кравчаго, а третій Чамплаконъ изъ Христова града—должность дядьки его двора. Устроилъ онъ также сыну и царскій жезлъ, внутри деревянный, а сверху обдѣланный золотомъ, чтобы держать его, когда тотъ, по обычаю, будетъ стоять съ отцемъ при божественномъ псалмопѣніи. Такъ это и бывало, и мы не одинъ, не два, а нѣсколько разъ видѣли, что онъ держалъ свой жезлъ. Но потомъ царю показалось иначе: такъ какъ власть одна, а жезлъ есть символъ власти; то надобно, чтобы и жезлъ былъ одинъ,—и жезлъ сына отмѣненъ. Сынъ равнымъ образомъ получилъ право давать указы и подписывать ихъ по-царски—только не выставлять мѣсяца [1], какъ было въ обычаѣ у царей, а писать красными чернилами, собственноручно: «Андроникъ, Божіею милостію царь Римскій». Но это не освобождало его отъ клятвы отцу и царю: онъ, послѣ Бога и церкви, твердо и письменно клялся ему въ томъ, что не позволитъ себѣ противъ него замысловъ, но будетъ подчиненъ. Затѣмъ слѣдовала уже клятва, какую давали ему народъ и церковь. Архіереи же съ

---

(1) οὐ μηνολογεῖν. Право выставлять на указахъ мѣсяцъ царь Михаилъ предоставилъ самому себѣ,—можетъ быть, для того, чтобы ни одна бумага Андроника не прошла мимо рукъ его отца. По этому Пахимеръ въ исторіи Андроника говоритъ, что означать мѣсяцъ на указахъ онъ сталъ только послѣ смерти Михаила. ἄρτι πρώτως μηνολογησάμενος πρόσταγμα.

своей стороны сдѣлали опредѣленіе, что тотъ будетъ отлученъ, кто восталъ бы на царя; ибо Михаилъ могъ подозрѣвать въ этомъ братьевъ Андроника, а особенно Деспота Іоанна, въ которомъ видѣлъ необыкновенную горячность къ битвамъ, и къ которому всѣ питали благорасположеніе за его благодѣянія и за готовность его давать каждому, чего кто просилъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не подчиняетъ людямъ душъ, какъ благодѣяніе съ любовію. Если у правителей отнимешь благотворительность, то найдешь ихъ звѣнящими тимпанами, которые чѣмъ пустѣе, тѣмъ бываютъ громче. Такимъ тимпанамъ подобны слова правителей, не оправдываемыя дѣломъ. Имѣющій возможность благодѣтельствовать — поступитъ лучше, благодѣтельствуя самымъ дѣломъ, чѣмъ говоря, что сдѣлаетъ; потому что правитель говорящій, а не дѣлающій, лжетъ. Нелживое свидѣтельство—полезныя, помогающія людямъ въ жизни растенія: онѣ приносятъ пользу молча. А кто такъ малодушенъ, что его печалитъ отсутствіе денегъ, тотъ пусть скажетъ, какое удовольствіе доставляютъ они ему своимъ присутствіемъ. Если можно искать удовольствія, то гораздо лучше пользоваться настоящимъ и надѣяться на будущее; а оно происходитъ отъ того, что благодѣтеля и люди благословляютъ, и Богъ даетъ ему свои обѣтованія. Припомнимъ, что Птоломей, Александръ и тотъ (какъ его имя?), измѣрявшій царствованіе благодѣяніями (кажется, Титъ), всѣ свои деньги, которыми они пріобрѣли себѣ безсмертную сла-

ву, передали опять намъ, не издержавъ ихъ. Благотворительность дѣйствительно — такое богатство, которое никогда не проживается. За эту-то благотворительность ко всѣмъ, Іоанна Деспота прославляли больше, чѣмъ царей. Такъ вотъ, питая къ нему подозрѣніе, царь отмѣнилъ многое изъ принадлежавшихъ ему преимуществъ. Сначала онъ получилъ право окружать себя Вардаріотами (1), Кортинаріями (2), постельничими, докладчиками, которыхъ мы называемъ Этеріархами, и даже большею свитою, чѣмъ у царя: но потомъ, чѣмъ долѣе служилъ онъ, тѣмъ слабѣе становилось его значеніе,—и свита у него волею-неволею уменьшалась, да и изъ доходовъ его многое было отнято. Сперва доставляли ему достаточное содержаніе острова Родосъ и Митилена, также многія и важнѣйшія мѣста на сушѣ: а теперь, по случаю представленія новому царю, онъ получилъ отъ стараго, въ знакъ почета, не болѣе, какъ военный плащь, и бывъ высокъ ростомъ, долженъ былъ надѣть на себя короткое платье, которое едва доходило до колѣнъ. Такимъ образомъ этотъ герой принуж-

---

(1) Кодинъ с. 5., описавъ нарядъ и службу Вардаріотовъ, прибавляетъ: τούτας πάλαι Πέρσας κατὰ γένος ὁ βασιλεὺς μετοικίσας ἐκεῖθεν εἰς τὸν Βαρδάριον ἐκάθισε ποταμὸν ἀφ᾽ οὗ καὶ Βαρδαριῶται καλοῦνται. О рѣкѣ Вардарiѣ упоминаетъ Анна Комнина, которая полагаетъ ее въ Ѳессаліи. А Никита въ началѣ 3 кн. по видимому, называетъ ее Аксіемъ.

(2) Кортинаріи стояли на одной изъ степеней придворной службы; а такихъ степеней было четыре: Вардаріоты, находившіеся при дверяхъ, потомъ Кортинаріи, за ними постельничіе и наконецъ докладчики. Кортинаріи завѣдывали, кажется, тѣмъ, что относилось къ убранству царскихъ комнатъ—ad cortinam.

денъ былъ хвалиться во дворцѣ удобствомъ скорѣе дѣтскихъ одеждъ, чѣмъ собственныхъ, бывшихъ ему впору; онъ долженъ былъ внѣшнимъ своимъ видомъ показывать такое расположеніе на дѣлѣ, какого требовали отъ него внутренно, въ самыхъ его мысляхъ. Поэтому не сталъ уже онъ надѣвать и украшенной жемчугомъ калиптры, и алмазныхъ ожерельевъ, чтобы, при томъ поворотѣ обстоятельствъ, о которомъ вскорѣ будетъ сказано, проявлять въ себѣ больше смиренія и чрезъ то стать выше опасности и всякого подозрѣнія.

30. Но прежде чѣмъ скажемъ объ этомъ, надобно сказать о великомъ Коноставлѣ, Андроникѣ Тарханіотѣ, племянникѣ державнаго. Выше было уже говорено, что этотъ Андроникъ сдѣлался зятемъ Дукса Іоанна, получившаго достоинство Севастократора. Ему ввѣрена была область Орестіадская и внутреннія земли Гемуса; а резиденціею его вмѣстѣ съ женою назначенъ Адріанополь. Съ той поры прошло уже много времени, какъ вдругъ, не знаю, по какому побужденію,—многіе говорятъ, потому, что младшій его братъ Михаилъ возведенъ былъ въ достоинство великаго Доместика,—онъ сильно разсердился какъ на брата, такъ и на царя, который почтилъ его, и сталъ питать въ себѣ крайне постыдное, недостойное его рода намѣреніе—перебѣжать къ тестю. Но такъ какъ Андроникъ полагалъ, что, при тогдашнемъ состояніи политическихъ дѣлъ, бѣгство его было бы невозможно; то рѣшился подражать прилипающей къ

камню каракатицѣ. Не говорю о сказаніи физиковъ, будто черная краска, получаемая отъ этого животнаго, есть его изверженіе, истекающее вдругъ отъ страха, при почувствованной силѣ ловца, и обыкновенно служащее ему средствомъ для избѣжанія опасности; а скажу, что это животное, желая уйти отъ преслѣдователей, произвольно извергаетъ черную краску и, окрашивая ею море, тѣмъ легче спасается бѣгствомъ. Такъ поступилъ и Андроникъ: желая привести общественныя дѣла въ замѣшательство, чтобы чрезъ то приготовить себѣ возможность бѣжать, онъ расположилъ Тохарцевъ сдѣлать набѣгъ на границы имперіи,—и Тохарцы, призываемые къ добычѣ, понеслись по всей землѣ Римской. Чего тогда надѣлали они людямъ, разсказать о томъ можно было бы только въ особой книгѣ, и написать ее не буквами, а слезами. Не ошибаясь можно положить, что убійствъ въ то время было не меньше, чѣмъ сколько совершили эти же самые враги прежде, подъ предводительствомъ Константина Болгара. Пользуясь такими замѣшательствами, Андроникъ вмѣстѣ съ женою убѣжалъ къ тестю. Какой былъ ему тамъ пріемъ, о томъ говорить, можетъ быть, и не нужно; однакожъ это подало поводъ къ войнѣ. Дуксъ, довольный своимъ удѣломъ, былъ спокоенъ и выжидалъ, хотя, слѣдуя горячему своему нраву, иногда и нападалъ на царскія укрѣпленія, даже нѣкоторыми около Іоаннины и овладѣлъ: но этому человѣку, жаждавшему битвъ и сраженій, соблюдать постоянное спо-

койствіе было трудно, какъ скоро надѣялся онъ отъ войны получить пользу. Человѣкъ дѣятельный и на досугѣ дѣлаетъ гораздо больше, чѣмъ лѣнивый въ хлопотахъ; ибо какъ лѣнивая и разслабленная душа теряетъ время попусту, такъ пламенная и ревностная проводитъ его въ дѣлахъ. Такую пламенную и ревностную душу имѣлъ и Іоаннъ: прежнія свои движенія предпринималъ онъ, какъ опытъ, пока не представится случай къ войнѣ: войны съ непріятелями у него, по видимому, не было; однакожъ своею дѣятельностію онъ приготовлялъ къ ней и безпечныхъ.

31. Узнавъ о такихъ событіяхъ и сильно скорбя, царь собралъ большое войско,—вмѣстѣ съ морскими отрядами, говорятъ, до сорока тысячъ, и ввѣривъ его Деспоту, немедленно послалъ его противъ Іоанна. Съ Деспотомъ посланы были и многіе другіе изъ вождей и вельможъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ достоинство Доместика стола. Это былъ Алексѣй Каваларій (1), человѣкъ благородный и мужественный, удостоившійся чести въ одномъ сраженіи этой войны быть пронзеннымъ стрѣлою, пущенною какимъ то неизвѣстнымъ человѣкомъ, который о себѣ заставилъ говорить, а ему доставилъ славу такой смерти, какая для молодыхъ людей всего

(1) Каваларіями называли отличныхъ всадниковъ, а не рядовыхъ конныхъ воиновъ. Каваларіи были люди благородные (кавалеры), имѣвшіе у себя подъ командою большій или меньшій отрядъ коннаго войска. Въ такомъ смылѣ и донынѣ принимается это слово на языкѣ италіанскомъ.

лучше. Принявъ войско, Деспотъ повелъ его на западъ и надѣялся, что отъ движенія такой огромной силы земля задрожитъ. Въ тоже время царь вооружалъ моряковъ и, собравъ значительный флотъ изъ кораблей, стоявшихъ какъ у города, такъ и въ другихъ мѣстахъ и гаваняхъ, простиравшійся до семидесяти трехъ судовъ, изъ которыхъ одни были длинныя, а другія легкія, ввѣрилъ его Протостратору Филантропину и послалъ его въ море, съ повелѣніемъ пристать, гдѣ придется, къ Латинскимъ землямъ. Онъ думалъ, что война на сушѣ пойдетъ успѣшнѣе, если Латиняне, боясь за самихъ себя, откажутся помагать Іоанну. Въ самомъ дѣлѣ, Деспотъ, быстро пришедши къ мѣсту новыхъ Патровъ, распространилъ вездѣ ужасъ и смятеніе; такъ что тѣ земли тотчасъ къ нему присоединились, да колебались въ своихъ мысляхъ и крѣпости, потому что, не имѣя силъ выдержать нападеніе, встрѣчали мало препятствія къ отложенію отъ Іоанна. Впрочемъ, какъ было имъ и надѣяться на какой нибудь другой способъ спасенія? Самъ Іоаннъ въ то время оставался почти одинъ съ своими домашними; а войско большею частію бросило его и заставило помышлять о собственномъ спасеніи. Поэтому, переходя то туда. то сюда, онъ, какъ могъ, обезопашивалъ свое достояніе, а вступить въ сраженіе, по видимому, не имѣлъ силы. Притомъ, военачальники Деспота непрестанно нападали на его слѣды и напередъ занимали тѣ мѣста, гдѣ онъ думалъ спастись. Показывая такую робость, онъ внушалъ не-

пріятелямъ тѣмъ больше смѣлости нападать и все далѣе и далѣе углубляться въ его область. Надѣясь на свою многочисленность, непріятели его шли отважно и преслѣдовали безпечно. Когдаже наконецъ наскучило ему бѣгство и зародилось въ немъ подозрѣніе, что внѣшніе помощники оставили его, онъ рѣшился запереться въ крѣпости и для того вступилъ въ Патры—городъ съ возобновленными укрѣпленіями, надѣясь въ немъ сохраниться. Итакъ Іоаннъ нашелъ себѣ надежное убѣжище въ Патрахъ; а Деспотъ, узнавъ о томъ, окружилъ этотъ городъ войскомъ. Послѣ сего осажденные многократно извѣщаемы были Деспотомъ, что они могутъ спастись и получить все наилучшее, если выдадутъ Іоанна, что Деспотъ безъ того не отступитъ отъ города и не пойдетъ ни въ какое другое мѣсто, что ему нельзя не выжечь окрестностей, не истоптать полей, не вырубить садовъ и наконецъ не истреблять ихъ самихъ, какъ непріятелей, если они протянутъ время. Когда Деспотъ извѣстилъ объ этомъ осажденныхъ,—они, сами ли по себѣ, или слѣдуя наставленію своего правителя, стали смиренно извиняться и просить, что бы Римляне не нападали на нихъ и обѣщались скоро выдать Іоанна. Между тѣмъ время шло, а осажденные выдачу все откладывали. Но тогда какъ Римляне надѣялись скоро достигнуть цѣли, Іоаннъ отважился на одинъ чрезвычайный поступокъ;—и какъ ловко совершилъ его! Въ одну ночь вздумалъ онъ спуститься со стѣны по веревкѣ; а, что бы не узнали его, когда онъ будетъ про-

ходить лагеремъ, тотчасъ перерядился въ слугу и накинулъ на себя черный плащь; потомъ схватилъ руками поводья коня и выѣхалъ изъ среды спавшаго въ полночь лагеря, нѣсколько разъ крикнувъ, что бы не безпокоились о пропавшемъ конѣ. Одни на этотъ голосъ не обратили вниманія, другіе изъ внутри своихъ палатокъ отвѣчали, что ничего не видятъ; а онъ за эту находку обѣщалъ щедрую награду. Такимъ образомъ, никѣмъ незамѣченный, скрытно выѣхалъ онъ изъ Римскаго лагеря и, на зарѣ уклонившись на окольный путь, чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ Ѳивы, гдѣ его никакъ не ожидали. Да и въ Патрахъ, кромѣ домашнихъ и довѣренныхъ лицъ, никто не зналъ о его побѣгѣ; знавшіе же должны были скрывать эту комедію отъ городскихъ жителей и въ слѣдующіе дни. Въ Ѳивахъ бѣглецъ нашелъ соименнаго себѣ великаго Господина (на тамошнемъ нарѣчіи назывался онъ Сиріоанномъ (1)) и настоятельно просилъ его помощи, а для скрѣпленія взаимнаго ихъ союза, предлагалъ союзъ родственный, вызываясь принять его въ зятья себѣ по собственной дочери. Но великій Господинъ лично самъ отказывался отъ предлагаемаго брака; потому что, сильно страдая подагрою, не могъ жениться: а есть у него, гово-

---

(1) Такъ какъ этотъ великій Господинъ былъ по происхожденію Франкъ, то явно, что управляемые имъ единоплеменники могли называть его Syre Ἰωάννης; а Греки два эти слова соединили въ одно. Отсюда же, то-есть отъ слова Syre, могъ произойти обычай величать его великимъ Господиномъ.

рилъ, младшій братъ Вильгельмъ, котораго и предлагалъ ему въ зятья, увѣряя, что отъ этого произойдетъ обоюдная ихъ польза. Впрочемъ бракъ ихъ, говорилъ, на такихъ условіяхъ мы отпразднуемъ послѣ, что дѣйствительно и состоялось; а тогда далъ ему триста кавалларіевъ, или по разсказамъ, и болѣе,—людей все храбрыхъ, которые, по своей силѣ, имѣли преимущество предъ многими. Взявъ ихъ и съ возможною скоростію, скрытно, присоединивъ къ своему войску, онъ въ удобное время напалъ на Римлянъ, тогда какъ они вовсе не предполагали и не ожидали этого, а проводили время беззаботно, въ той мысли, что Іоаннъ находится въ Патрахъ. Римское войско, ничего не знавшее о такой драмѣ, при первомъ ударѣ непріятелей, пришло было въ пезпорядокъ. Но тогда вступили въ битву предводимые Римпсою Персы и многочисленная Римская когорта, управляемая отличнѣйшими сподвижинками Деспота: съ другой же стороны ринулись Іоанновы Италіанцы, которые были тоже и многочисленны и воинственны. Въ схваткахъ и немногіе изъ нихъ одолѣвали многихъ; потому что они были сильны стройностію своихъ движеній и, готовые нанести ударъ, нападали въ порядкѣ. Напротивъ Римляне, пораженные самою уже неожиданностію, представляли толпу смѣшанную; а потому нѣкоторые изъ нихъ по необходимости робѣли и сражались безпорядочно, нисколько на себя не надѣясь. Наконецъ, когда первая Римская фаланга была разбита, заднія до крайности оро-

бѣли, отъ страха пришли въ сильное смятеніе и сперва начали отступать, а потомъ и вовсе побѣжали. Тутъ одинъ топталъ другаго, съ тѣмъ сталкивался этотъ, и такимъ образомъ, всѣ, смѣшавшись между собою, стали бросать оружіе, оставляли коней и искали спасенія только въ крѣпости собственныхъ ногъ. Сколько ни призывалъ ихъ Деспотъ то убѣжденіями, то угрозами, то укоризнами, — ничто не дѣйствовало. Уклонилась битва, сказалъ бы поэтъ; словъ Деспота не слушали; каждый трепеталъ за самого себя. Думали, что кавалларіевъ было не триста, а вдвое, или и того болѣе; такъ что число всѣхъ ихъ равнялось числу противниковъ: иначе они не рѣшились бы напасть, если бы не считали себя сильнѣе тѣхъ, на кого нападали. Тогда и Деспотъ, въ отчаяніи, поворотилъ коня и, опустивъ поводья, помчался со всею силою. И вотъ открылись плачевныя слѣдствія битвы: одни пали, другіе бѣжали, иные прятались въ кустарникѣ и готовы были умолять о спасеніи, нѣкоторые притаились въ разсѣлинахъ камней, а многіе забираемы были въ рабство, когда кровожадная рука врага, расположенная къ убійству, при измѣнившемся состояніи битвы, смягчалась и, сверхъ чаянія, щадила ихъ. Жребій гибели падалъ на все—и на тѣла, и на деньги, и на оружіе, и на коней, и на самыя одежды, которыя, указывая единоплеменника, иногда удерживали руку только отъ убійства, а обнажать тѣла единоплеменниковъ для ней было все равно. Наконецъ побѣдители бросились на по-

ходные домы вельможъ и самаго Деспота, и выносили изъ нихъ большое богатство: забрано было все,—и тѣ кубки, и рухлядь, и оружіе, и кони, и прочія принадлежности разливавшейся тамъ роскоши,—до самыхъ ножныхъ шпоръ. Тогда эти ограбленные явно оправдали истину, высказанную Антисѳеномъ, который желалъ, говорятъ, врагамъ всѣхъ благъ, кромѣ ума; потому что съ умомъ у нихъ будетъ все прочее: тогда открылось, что умъ одного человѣка былъ полезнѣе, чѣмъ всѣ усилія противниковъ. Этихъ было столько тысячъ, что выходило нѣсколько миріадъ: но вотъ всѣмъ имъ противусталъ одинъ умъ,—и вчерашніе, утопавшіе въ роскоши богачи, теперь, по винѣ своего неразумія, унижены и нищенствуютъ. Правитель долженъ стараться все направлять къ тому, что бы или побѣдить, или пасть со славою. Кчему и правительствовать, если не предусматриваешь всего, надъ чѣмъ поставленъ правительствовать? Конечно, виноватъ соглядатай, что не предвозвѣстилъ, не предостерегъ: но правитель, развѣ правъ, что не предотвратилъ бѣды отъ того, надъ чѣмъ поставленъ соглядатай?—Совсѣмъ неправъ, далеко до этого.

Когда страшное событіе совершилось, и брошенныя войска расползались,—проворная, какъ говорится, молва, распустивъ крылья, стала распространять вѣсть о такомъ бѣдственномъ и неожиданномъ происшествіи;—и одни, слыша это, скорбѣли, другіе были сильно поражены, нѣкоторые смѣялись, а явились и такіе, которые послѣ

сего перешли къ презрѣнію прежняго могущества Римской имперіи и нападали на остальное. Такъ, флотъ Латинянъ при Еврипѣ, состоявшій едва изъ тридцати кораблей, услышавъ о пораженіи Римлянъ на сушѣ, отважился напасть на Римскій флотъ, вдвое или втрое сильнѣйшій. Выступивъ изъ своей пристани, Латиняне, понеслись на царскій флотъ, стоявшій гдѣ-то близъ Димитріады, и думали тотчасъ взять его. Исполненные отваги, они крѣпко надѣялись, что одною быстротою удара поразятъ избѣгающихъ столкновенія Римлянъ. Такимъ образомъ Римлянамъ изблизи уже грозила немалая опасность. Извѣщенный объ этомъ Деспотъ, который жилъ тогда въ Аримiанѣ, или лучше—не жилъ, а мучился стыдомъ, потерпѣвъ такое пораженіе, — вскипѣлъ чувствованіями сердца и сильно боялся за флотъ, какъ бы то-есть судьба, недовольствуясь нанесеннымъ Римлянамъ бѣдствіемъ, не довела этого бѣдствія до крайности; а потому, собравъ остатки сухопутнаго войска и взявъ его съ собою, соединилъ двое сутокъ въ одинъ день съ ночью и, въ намѣреніи избавить флотъ отъ опасности, явился въ Димитріадѣ. Въ то самое время показались на горизонтѣ и непріятельскіе корабли, которые, плывя туда же, становились линіями и готовились къ бою. А Римскія суда стояли въ линіяхъ декадами, и корабли первой декады первые вступили въ сраженіе; первый же корабль первой декады шелъ впереди, и на немъ находился Протостраторъ Филантропинъ, держа, по обыкновенію, царскій ски-

петръ, что бы возбуждать къ мужественнѣйшей битвѣ и прочіе корабли. Но одному этому кораблю нельзя было выдержать нападеніе многихъ. Посему наступавшіе на него Латиняне одолѣвали Римлянъ, убивали противоборствовавшихъ и низвергали въ море противустоявшихъ. Тогда многіе сдѣлались добычею кинжала, многіе также поглощены водою, а нѣкоторые, хотя были и ранены, однакожъ боролись до конца. Самъ Протостраторъ осыпаемъ былъ стрѣлами; но такъ какъ они не могли проникнуть сквозь его броню, то враги пронизывали ее кинжалами. Эта опасность навела смертельный страхъ и на прочіе корабли. Но Деспотъ, стоя на берегу, простиралъ руки, просилъ и умолялъ и, громкимъ крикомъ извѣщая о своемъ имени, говорилъ, что онъ поможетъ имъ, что теперь время вступить имъ въ бой, если только они послушаются его. Вмѣстѣ съ тѣмъ махалъ онъ руками находившимся на карабляхъ и подавалъ знаки своего рвенія и готовности отправить съ берега помощь. Тогда Римляне въ самомъ дѣлѣ воодушевились и начали драться, какъ дикіе кабаны. А Деспотъ между тѣмъ на рыбачьихъ судахъ послалъ отборныхъ людей, самъ же кричалъ и, какъ голосомъ, такъ и знаками возбуждалъ ихъ къ отмщенію, чтобы не даромъ сражались. Но такъ какъ съ этими людьми онъ уже потерпѣлъ неудачу на сушѣ, то считалъ нужнымъ пламенно убѣждать и просить ихъ, принявъ не себя видъ уничиженія. Между тѣмъ съ той и другой стороны падали многіе, и море текло кровію. (32) Пе-

редовой нашъ корабль былъ уже взятъ и уведенъ врагами. На немъ находился и правитель, на немъ остались и царскія знамена, и отличнѣйшіе изъ людей боевыхъ. Тогда Деспотъ, съ намѣреніемъ возбудить въ войскахъ больше рвенія, снялъ съ себя калиптру, посыпалъ голову пепломъ и сталъ съ горькими слезами умолять ихъ, что бы они не попустили врагамъ увезть царскіе символы. Долго молился онъ такимъ образомъ, выражая свои мольбы и словами, и видомъ, и смиреніемъ, и подвигъ многихъ увеличить собою число остававшихся, а тѣхъ, которые уже сражались, возбудилъ и воодушевилъ. Чрезъ это упавшіе духомъ нечувствительно и противъ чаянія явились воинами стойкими; такъ что наконецъ, хотя съ великимъ трудомъ и усиліемъ, одолѣли враговъ. Кромѣ двухъ или трехъ ушедшихъ непріятельскихъ кораблей, прочіе взяты силою; Латиняне убитые брошены въ море, что бы доставить больше удовольствія безсловеснымъ рыбамъ, чѣмъ ихъ дѣтямъ; прочіе же, запертые, каждый — въ килѣ его корабля, и находившіеся въ страхѣ, приведены въ городъ, и послужили небольшимъ утѣшеніемъ въ бѣдственныхъ потеряхъ того дня. Между тѣмъ Деспотъ и его воины, совершенно нагіе, пришедши въ Ахридскую Керамею въ видѣ самомъ жалкомъ и достойномъ слезъ, были тамъ, какъ слѣдуетъ, одѣты имъ и снабжены по надлежащему. А самъ онъ, страдая и сѣтуя о своемъ бѣдствіи, убѣгалъ приличнаго Деспоту блеска, потому что едва не подвергся опасности—

вмѣсто Деспотскихъ символовъ, принять оковы рабства, да уже и принялъ ихъ по крайней мѣрѣ въ лицѣ нѣкоторой части воиновъ, принадлежавшихъ къ его арміи. Итакъ Деспотъ отложилъ всѣ знаки своего достоинства, то-есть, и калиптру, и сапоги, и чапракъ, и конныя поводья, и пурпуровую подпись, и нашелъ приличнымъ въ такомъ видѣ явиться къ царю—потому ли, что понуждаемъ былъ къ этому собственною скорбію, или потому, что думалъ этимъ смягчить царскій гнѣвъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ пришелъ предъ лице царя надѣвъ платье частнаго человѣка и шерстяную калиптру, и, представъ предъ него съ такимъ отреченіемъ отъ знаковъ своего достоинства, много ослабилъ его гнѣвъ; ибо съ перваго уже взгляда, вмѣсто прежней величавости, обнаруживалъ состояніе человѣка жалкаго.

КНИГА ПЯТАЯ.

1. Таковы были событія на западѣ. Неудачу на сушѣ уравновѣшивая успѣхомъ на морѣ, царь колебался между печалію и радостію. Обсуживая произшествія своимъ умомъ, онъ несчастіе производилъ отъ лукавства враговъ, а счастіе—отъ открытаго мужества; и первое презиралъ, какъ дѣло отступника, хватающагося за то, что

выше его силъ, а последнее почиталъ достойною трофеевъ воинскою доблестію. Поэтому онъ чувствовалъ больше удовольствіе, представляя себѣ отнятые у непріятелей корабли и въ нихъ множество моряковъ, изъ которыхъ первые стояли на рейдѣ, а послѣдніе въ оковахъ наполняли темницы и показываемы были, какъ трофей, для посмотрѣнія. Но это удовольствіе царя ослабляемо было скорбію о военачальникѣ, который, получивъ въ битвѣ тяжелые раны, казалось, близокъ былъ къ смерти; потому что изъ числа ранъ одна, самая опасная, была въ почкахъ. Не смотря на то, врачи такъ заботились о немъ, что его здоровье стало поправляться, и опасеніе многихъ окружавшихъ его лицъ исчезало. Потомъ и царь счелъ долгомъ обрадовать Филантропина и, въ воздаяніе за твердость въ страшной битвѣ, почтилъ его достоинствомъ великаго Дукса. Когда же у царскаго брата Іоанна спросили, что заставило его отложить знаки Деспотства,—онъ далъ пріятный царю отвѣтъ, что такъ какъ сыновья державнаго достигли совершеннолѣтія, то человѣку стороннему не слѣдуетъ уже носить имя Деспота. Этотъ отвѣтъ былъ принятъ, и онъ съ того времени, вмѣсто шитой золотомъ, носилъ общеупотребительную калиптру, и черные сапоги; да и коня имѣлъ безъ знаковъ Деспотскаго достоинства, а только пользовался титуломъ Деспота.

2. Между тѣмъ дѣла церковныя пришли въ явное разстройство, и расколъ сильно разъиграл-

ся: число Арсеніанъ возрасло до того, что не только знавшіе лично бывшаго патріарха становились на его сторону, но, увлекаясь другими, отдѣлялись отъ церкви и тѣ, которые не знали его. Особенно же смутила сердца многихъ разнесшася молва объ избраніи Іосифа, не смотря на то, что, получая отъ царя множество денегъ, онъ щедро раздавалъ подарки своимъ приверженцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего ни просилъ онъ, тотъчасъ же получалъ,—и при этомъ царь часто говаривалъ, придерживаясь за святительскую его мантію, что онъ не только отверзъ врата эдема самъ для себя, но безъ всякаго препятстія введетъ въ него вмѣстѣ съ собою и царя, чего послѣдній надѣется. Къ сожалѣнію, Іосифъ ни сколько не заботился о своемъ вліяніи на тѣхъ, которые, живя въ городѣ, усильно возмущали и отклоняли отъ него народъ: чтобы тамъ ни говорили, — все это не только не трогало его, но еще было предметомъ презрѣнія. Онъ имѣлъ въ виду однихъ лицъ духовныхъ, подвизавшихся на востокѣ и жившихъ для одного Бога; и если слышалъ, что тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ соблазняются и они, то старался предзанять ихъ мысли и говорилъ съ ними глазъ на глазъ. Посовѣтовавшись съ царемъ, патріархъ, послѣ большихъ дорожныхъ приготовленій, отправился на востокъ и, тамъ увидѣвшись съ духовными лицами, между которыми особенно славился добродѣтелію и ученостію Блеммидъ, сталъ усердно склонять ихъ на свою сторону. Къ этимъ убѣжденіямъ присоединялъ онъ,

что и самъ ревнуетъ объ Арсеніѣ, что желалъ бы видѣть его патріархомъ и нисколько не думаетъ о какихъ либо противъ него козняхъ: одна только нужда церкви — имѣть надъ собою пастыря, поставила его въ необходимость занять мѣсто прежняго патріарха, котораго не было. Впрочемъ меня, говорилъ Іосифъ, иные почитаютъ человѣкомъ, для жизни полезнымъ; потому что видятъ полное ко мнѣ расположеніе царя: такъ что всякій, преданный мнѣ, не только не испытаетъ ничего худаго и несноснаго, но еще, благодаря такому царскому благоволенію, будетъ наслаждаться многими благами. Это высказывалъ онъ какъ другимъ духовнымъ лицамъ, тамъ и самому Блеммиду, и искусно овладѣвалъ ихъ мыслями. Впрочемъ Блеммидъ могъ принять его убѣжденіе и потому, что имѣлъ въ виду другую цѣль. Ведя жизнь философскую, онъ нисколько не занимался земными выгодами, ко всему былъ равнодушенъ, ни къ кому не имѣлъ ни симпатіи, ни антипатіи, какъ будто бы его умъ вовсе не былъ ограничиваемъ тѣломъ. Арсеній и Іосифъ для него были—одно: не отрѣшенно смотрѣлъ онъ на ихъ природу, чтобы судить, кто изъ нихъ обиженъ и кто насилуетъ. Не имѣя помысловъ о настоящемъ, которые пресмыкаются по землѣ и ничего въ себѣ не заключаютъ, онъ велъ жизнь больше созерцательную. Зная, что божественное постоянно и неизмѣнно, а человѣческое ничто, ни на чемъ и ни на одну минуту не останавливается (какъ прекрасно сказалъ и Ге-

раклитъ, что въ одну и туже воду нельзя погрузиться дважды, а по Кратилу еще лучше,— даже ни разу; потому что вещи текутъ подобно вѣчно льющемуся потоку), онъ заключалъ, что нѣтъ ничего страннаго и новаго, если обиженъ былъ Арсеній. Для него единственною необходимостію было только благочестіе, сохраняя которое, онъ отвергалъ всѣ прочія заботы и предоставлялъ ихъ людямъ, живущимъ по образу вѣка. Потому-то, принимая Іосифа, онъ не только не вышелъ къ нему на встрѣчу изъ своей кельи, но и не всталъ предъ нимъ, когда тотъ подошелъ; вообще не сдѣлалъ ничего, чѣмъ могъ бы понравиться:—и ему не угождалъ, и себя не унижалъ. Предавшись любомудрію и отвергая свойственную вещамъ наружность, онъ былъ нечувствителенъ къ матеріальному: держась того, что вожделенно для ума, онъ презиралъ все, навязывавшееся чувствамъ. Поэтому отношенія его были не къ людямъ, а къ дѣламъ: дѣла только удивляли его, поражали и возбуждали въ немъ уваженіе, а не почести людямъ, выражаемыя пріемами, встрѣчами, рабскимъ предстояніемъ, и всѣмъ другимъ, чѣмъ мы — люди плѣняемся. Внутреннія достоинства чтилъ онъ и уважалъ, видя въ нихъ дары Божіи: но обладающій ими не всегда хранитъ ихъ въ такомъ состояніи, въ какомъ получилъ; такъ какъ не всякій, ставшій чѣмъ нибудь, сталъ этимъ достойно—по Богу, но иногда лишь по человѣку, если попускаетъ Богъ. Итакъ, постоянно избѣгая этого предразсудка, Блеммидъ показалъ тогда своимъ обхож-

деніемъ не то, будто бы намѣревался унизить Іосифа, а то, что судитъ о немъ, какъ и о всѣхъ прочихъ людяхъ. Бывъ философомъ, онъ имѣлъ и взглядъ философскій: для сужденія бралъ въ основаніе не лица, а судилъ по своему. Впрочемъ, съ другой стороны, какъ человѣкъ обязанный служить обществу, онъ, сколько зависѣло отъ его воли, высказалъ тогда свое желаніе на бумагѣ: именно, чтобы ему всегда оставаться въ этой самой обители, чтобы его обители никакъ не подчиняли какой нибудь другой, чтобы полученной отъ царскихъ щедротъ суммы, состоявшей изъ ста литръ золота, отнюдъ не отнимали у этой обители Сущаго [1] Бога (обитель собственно такъ и называлась), но чтобы та сумма хранилась въ ней для пополненія недостающихъ вещей.—Бумагу, наполненную такими условіями, просилъ онъ патріарха подписать; а когда патріархъ возвратится въ городъ, то что бы утвердилъ ее и царь. Такъ это и сдѣлано: но по смерти Блеммида, марка перевернулась; утвердительный актъ былъ взятъ назадъ, условія нарушены, деньги присвоены великой царкви, а самая та обитель приписана къ Галасійской и подчинена ей. Наконецъ іерархъ Іосифъ, пробывъ довольно времени на востокѣ, возвратился въ Византію.

3. Вскорѣ послѣ того у Болгарскаго царя

---

[1] Это названіе обители взято конечно изъ словъ (Исх. 3, 14) самого Бога къ Моисею: *Азъ есмь Сый*. Слѣдовательно обитель, въ которой подвизался Блеммидъ, посвящена была Вседержителю подъ этимъ богооткровеннымъ Его именемъ.

Константина умерла супруга Ирина,—и державный пожелалъ вступить съ нимъ въ союзъ, чтобы чрезъ то обезопасить Гемусъ, Македонію и Ѳракію, гдѣ отъ непрестанныхъ войнъ оставалось очень немного войска. Съ этою цѣлію отправилъ онъ къ Константину посольство съ обѣщаніемъ выдать за него свою племянницу, вторую изъ дочерей Евдокіи, Марію, съ которою прежде былъ въ супружествѣ великій Доместикъ, Алексѣй Филесъ. Когда условія союза скрѣплены были клятвою въ томъ, что чрезъ бракъ свой Константинъ получитъ право на владѣніе Месемвріею и Анхіаломъ (ибо хотя эти города находились теперь въ рукахъ царя, но прежде принадлежали они царю Болгарскому; такъ и прилично было возвратить ихъ прежнему владѣтелю въ видѣ приданаго), царь снарядилъ невѣсту великолѣпно,—истинно по царски. Какъ самъ онъ, такъ и партіархъ, прибывъ въ Силиврію, возложили на нее тамъ украшенія Деспины и, окруживъ ее большою свитою, отправили для вступленія въ бракъ къ Константину, а сами воротились. Но все, что относилось къ браку, царь выполнилъ, а возвращеніе городовъ откладывалъ, справедливо усматривая, что чрезъ отдачу ихъ Римская имперія много потеряетъ. Онъ выставлялъ Константину разные благовидные предлоги, почему не можетъ теперь же отдать ему упомянутыхъ городовъ, и между прочимъ говорилъ, что жители ихъ не соглашаются на это: они—Римляне, и тѣ города составляютъ часть Романіи; такъ

нейдетъ Римлянамъ служить Болгарянину. Не отказываясь рѣшительно отъ своего слова, царь прибавлялъ однакожъ, что онъ откладываетъ исполненіе его до того времени, когда Константинъ получитъ потомство, и такимъ образомъ будетъ благовидно—Римскія области передать наслѣднику Римскаго же племени.—Эта смѣшная и хитрая ложь до времени была прикрываема; Константинъ нехотя ждалъ,—и союзъ его, послучаю брака, служилъ въ пользу не столько ему, сколько Римской имперіи. Но когда Марія родила сына Михаила, тогда стала сильно убѣждать своего мужа нарушить мирныя условія, объявить войну царю и требовать городовъ. Отсюда возникли не малыя затрудненія, которыя сдѣлались бы еще большими, еслибы царь не поспѣшилъ вступить въ родственную связь съ Ногаемъ, выдавъ за него незаконнорожденную дочь свою Евфросинію, и этою сдѣлкою не остановилъ стремленій Константина, противъ котораго Ногай тотчасъ привелъ съ собою Тохарцевъ и присоединился съ ними къ царскому войску.

4. Ногай изъ Тохарцевъ былъ человѣкъ могущественнѣйшій, опытный въ управленіи и искусный въ дѣлахъ воинскихъ. Посланный отъ береговъ Каспійскаго моря начальниками своего народа, носившими названіе хановъ, съ многочисленными войсками изъ туземныхъ Тохарцевъ, которые назывались Монголами (Μȣγούλιοι), онъ напалъ на племена, обитавшія къ сѣверу отъ Евксинскаго Понта, издавна подчиненныя Римлянамъ, но по взятіи города Латинянами и по причинѣ край-

няго разстройства Римскихъ дѣлъ, отложившіяся отъ своихъ владыкъ и управлявшіяся самостоятельно. При первомъ своемъ появленіи, Ногай взялъ тѣ племена и поработилъ. Видя же, что завоеванныя земли хороши, а жители легко могутъ быть управляемы, онъ отложился отъ пославшихъ его хановъ и покоренные народы подчинилъ собственному своему владычеству. Съ теченіемъ времени сосѣднія, обитавшія въ тѣхъ странахъ племена, каковы Аланы, Зикхи, Готѳы, Руссы и многіе другіе, изучивъ ихъ языкъ и вмѣстѣ съ языкомъ, по обычаю, принявъ ихъ нравы и одежду, сдѣлались союзниками ихъ на войнѣ. Отъ этого Тохарское племя, скоро до чрезвычайности распространившись, сдѣлалось могущественнымъ и, по своей силѣ, неодолимымъ; такъ что, когда напали на него, какъ на племя возмутившееся, верховные его повелители, оно нетолько не поддалось имъ, но еще множество ихъ положило на мѣстѣ. Вообще народъ Тохарскій отличается простотою и общительностію, быстръ и твердъ на войнѣ, самодоволенъ въ жизни, невзыскателенъ и безпеченъ относительно средствъ содержанія. Законодателемъ его былъ конечно не Солонъ, не Ликуръ, не Драконъ (ибо это были законодатели Аѳинянъ, Лакедемонянъ и другихъ подобныхъ народовъ,—мужи мудрые изъ мудрыхъ и умныхъ, по наукамъ же ученѣйшіе), а человѣкъ неизвѣстный и дикій, занимавшійся сперва кузнечествомъ, потомъ возведенный въ достоинство хана (такъ называютъ ихъ правите-

ля); тѣмъ не менѣе однакожъ онъ возбудилъ смѣлость въ своемъ племени—выйти изъ Каспійскихъ воротъ и обѣщалъ ему побѣды, если оно будетъ послушно его законамъ. А законы эти были такого рода: — Не поддаваться нѣгѣ, довольствоваться тѣмъ, что случится, помогать другъ другу, избѣгать самозаконія, любить общину, не думать о средствахъ жизни, употреблять всякую пищу, никакой не считая худою, имѣть много женъ и предоставлять имъ заботу о пріобрѣтеніи необходимаго. Отсюда быстрое размноженіе этого племени и изобиліе во всемъ нужномъ. У нихъ положено было также — изъ вещей пріобрѣтенныхъ ничего не усвоять на всегда и не жить въ домахъ, какъ въ своемъ имѣніи, но передвигаться и переходить въ нуждѣ съ одного мѣста на другое. Если бы недоставало пищи, ходить съ оружіемъ въ рукахъ на охоту, или проколовъ коня, пить его кровь; а когда понадобилась бы болѣе твердая пища — внутренности овцы, говорили, налей кровью и положи ихъ подъ сѣдло,—запекшаяся немного отъ лошадиной теплоты, она будетъ твоимъ обѣдомъ. Кто случайно найдетъ кусокъ ветхой одежды, тотъ сейчасъ пришей его къ своему платью, нужна ли будетъ такая пришивка или ненужна,—все равно (цѣль та, чтобы дѣлая это безъ нужды, Тохарцы не стыдились къ ветхимъ одеждамъ пришивать старыя заплаты, когда бы настала необходимость). Этими-то наставленіями законодатель пріучалъ своихъ подданныхъ жить въ полной безпечности. Получая отъ женщины

и копье, и сѣдло, и одежду, и самую жизнь, Тохарецъ, безъ всякихъ хлопотъ, тотчасъ готовъ былъ къ битвѣ съ врагами. Охраняемые такими постановленіями своего Чингисъ-хана (я припомнилъ теперь, какъ его завутъ:—Чингисъ его имя, а ханъ—это царь), они вѣрны въ словѣ и правдивы въ дѣлахъ; а будучи свободными въ душѣ и отличаясь прямотою сердца, они туже необманчивость рѣчи, когда кого слушаютъ, туже неподдѣльность поступковъ желаютъ находить и въ другихъ.

Итакъ, вступивъ въ родственный союзъ съ вождемъ ихъ, Ногаемъ, царь отправилъ къ нему множество матеріаловъ для одежды, и для разнообразныхъ кушаньевъ, и сверхъ того,—цѣлыя бочки пахучихъ винъ. Отвѣдавъ кушанья и винъ, Ногай съ удовольствіемъ принялъ это, вмѣстѣ съ золотыми и серебряными кубками. Но что касается разныхъ калиптръ и одеждъ (ибо и такія вещи присланы были ему отъ царя въ подарокъ), то отодвигая ихъ руками, онъ спрашивалъ принесшаго: полезна ли эта калиптра для головы, чтобы она не болѣла, или эти разсѣянные по ней жемчужины и другіе камни имѣютъ ли силу защищать голову отъ молніи и ударовъ грома, такъ чтобы человѣкъ подъ такою калиптрою былъ непоразимъ? а эти драгоцѣнныя платья избавятъ ли члены моего тѣла отъ утомленія? Если его не останавливали, то онъ рвалъ присланныя одежды; а когда иную и примѣрялъ,—то только по дружбѣ къ царю, да и то на минуту, а потомъ тотчасъ снова являлся въ

своей собачьей или овечьей, и гордился ею больше, чѣмъ тѣми многоцѣнными. Точно такъ же обращался онъ и съ калиптрами, выбирая изъ нихъ нужные, предпочтительно предъ драгоцѣнными. Находя же что нибудь полезнымъ, онъ говорилъ принесшему: это—сокровище для того и для того, и тотчасъ надѣвалъ на себя, обращая вниманіе не на камни и жемчугъ, а на пригодность вещи.

И такъ, царь пріобрѣлъ себѣ этого союзника въ то время, какъ Константинъ напалъ на его землю и опустошалъ ее. Овладѣвъ царскими землями, онъ крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ не только Месемврію и Анхіалъ, но и Сизополь, и Агаѳіополь, и Костричинъ, и другія крѣпости, завоеванныя нѣкогда Римскими полководцами,—и держалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы не возвращать и тѣни крѣпости,—тѣмъ болѣе, что Месемвріею владѣлъ еще по прежнему праву, взявъ ее отъ Мицы (¹) (5). Этотъ Мица (для большей ясности разсказа возвращусь нѣсколь-

(¹) Для болѣе яснаго представленія отношеній между лицами, о которыхъ здѣсь говорится, надобно припомнить, что царь Іоаннъ, котораго Пахимеръ называетъ Дукою, а Кантакузинъ—Ватацею, женился на дочери Ѳеодора Ласкариса Иринѣ, и въ приданое получилъ Римскій престолъ. У этого Іоанна былъ сынъ и наслѣдникъ Ѳеодоръ второй, по матери, Ласкарисъ, слѣдовательно внукъ Ѳеодора перваго. Онъ, по свидѣтельству Григоры (l. 2. p. 13), женатъ былъ на Еленѣ, дочери Болгарскаго царя Асана; а сестра Елены была въ супружествѣ за Мицою: стало быть Ѳеодоръ Ласкарисъ и Мица были свояками. Родившуюся отъ Ѳеодора втораго дочь, Ирину, отецъ его Іоаннъ выдалъ замужъ за Болгарскаго царя Константина. Посему Пахимеръ и говоритъ, что эта Ирина ведетъ свой родъ отъ Сербовъ, какъ потомка или внука Асана.

ко назадъ) былъ зять Асана по его дочери, и своякъ Өеодора Ласкариса. Асанъ, по свидѣтельству исторіи, отличаясь прекрасными свойствами, былъ въ союзѣ съ царемъ Іоанномъ Дукою и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ войною на западъ. По смерти его, Мица, какъ Болгаринъ, получивъ власть надъ Болгарами, часто вооруженною силою нападалъ на Римскія области и чрезъ то въ царѣ возбудилъ противъ себя неудовольствіе, да не менѣе раздражилъ и многихъ Болгарскихъ вельможъ — до того, что они, питая къ нему чувство ненависти, произвели сильное волненіе и подчинились Константину, по одной линіи происходившему отъ Сербовъ. Но такъ какъ Константинъ не имѣлъ въ своемъ родѣ никого, достойнаго раздѣлять съ нимъ власть; а съ Асаномъ въ родствѣ онъ не состоялъ: то Іоаннъ послалъ къ нему въ супруги свою внуку, которая на Асаново царство имѣла такое же право, какъ и Мица. Столицею Константина былъ Терновъ, гдѣ онъ сталъ управлять Болгарами съ царскимъ великолѣпіемъ; а Мица имѣлъ въ своей власти окружныя земли, и иногда довольствовался ими и молчалъ, а иногда дѣйствовалъ враждебно противъ Константина, и своими преслѣдованіями запиралъ его въ нашемъ Стенимахѣ. И если бы не пользовался онъ помощію Римскаго войска, то, можетъ быть, попался бы въ руки непріятеля и погибъ. Но судьба склонила вѣсы на другую сторону. Усилившись, Константинъ смѣло напалъ на Мицу, и этотъ, съ дѣтьми своими занявъ Месемврію,

сталъ оттуда просить царя о принятіи его подъ свое покровительство, и за то отдавалъ ему во владѣніе тотъ городъ. Тогда царь отправилъ ему достаточное количество войска подъ предводительствомъ Куропалаты Главаса, бывшаго послѣ великимъ ([1]) Папіемъ. Главасъ, занявъ Месемврію, присоединилъ ее къ Римской имперіи, а Мицу сухимъ путемъ чрезъ Гемусъ отправилъ къ царю. Царь принялъ его ласково, укорилъ съ кротостію и, давъ ему для содержанія себя съ дѣтьми землю на рѣкѣ Скамандрѣ, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому обѣщался за старшаго его сына Іоанна выдать свою дочь.

Такъ устроенъ былъ бракъ первой его дочери Ирины. (6) Вторую же Анну царь положилъ отправить къ Сербскому державному Стефану Уресу, для вступленія въ бракъ со вторымъ его сыномъ Милотиномъ (ибо первый его сынъ, соименный отцу, былъ женатъ уже на дочери короля Паннонскаго). Съ цѣлію заключить относительно этого взаимный договоръ, отправленъ въ качествѣ посла самъ іерархъ, которому и поручена была невѣста, окруженная великолѣпной свитой. Прибывъ въ Берію, послы положили— къ Стефану Уресу отправить сперва Хартофилакса Векка и вмѣстѣ съ нимъ Кудумина Трайя-

---

([1]) Великій Папій, по Кодину (с. 5 п. 34), *εἶχε μὲν πάλαι ὑπηρεσίαν ἀνεπίγνωστον νῦν δὲ οὐδεμίαν*. То-есть, эта должность и прежде ничего не означала, а нынѣ она и вовсе не существуетъ. Впрочемъ Понтанъ, основываясь на словахъ Зонары, говоритъ, что великій Папій былъ тотъ судья, которому доносимо было о лицахъ подсудимыхъ и числѣ ихъ, о родѣ преступленій и о людяхъ, содержащихся подъ стражею.

нопула,—тѣмъ болѣе, что Хартофилаксу Деспина приказала опередить посольство и обстоятельнѣе познакомиться съ обычаями Сербовъ, съ образомъ ихъ жизни и порядкомъ управленія; ибо эту дочь она съ особенною заботливостію приготовила къ роскошной царской жизни. Для дознанія того, что слѣдовало узнать, Хартофилаксъ, прибывъ въ Сербію раньше патріарха, не только не нашелъ тамъ никакихъ приготовленій къ принятію царевны, соотвѣтственныхъ ея достоинству, но и привелъ въ удивленіе Уреса и его дворъ своею свитою, особенно же евнухами, и возбудилъ въ немъ вопросъ: а эти зачѣмъ прибыли? Когда Веккъ на это сказалъ, что такой церемоніалъ предписанъ самимъ царемъ, и что всѣ эти люди составляютъ свиту царевны,—Уресъ въ изумленіи воскликнулъ: «что это?! нѣтъ, мы не привыкли къ такой жизни», и вмѣстѣ съ тѣмъ, указавъ рукою на дѣвушку, одѣтую въ бѣдное платье и сидѣвшую за прялкою, сказалъ: «вотъ въ какомъ нарядѣ водимъ мы своихъ снохъ». Вообще въ ихъ жизни царствовала простота и бѣдность до такой степени, что будто бы они питались только краденными животными. Возвратившись назадъ, посланные передали въ подробности все, что видѣли и слышали, и чѣмъ не только возбудили безпокойство въ патріархѣ, но и страшились за самихъ себя, какъ бы не сдѣлаться жертвами коварнаго замысла; ибо не могли вѣрить людямъ, не знавшимъ стыда и поношенія. Тѣмъ не менѣе они ѣхали впередъ, хотя нѣко-

торые и думали, что лучше было бы всѣмъ воротиться назадъ. По прибытіи въ Ахриду, посланные оставили здѣсь царевну съ ея прислугою и нѣкоторою частію свиты и, отправивъ вѣстниковъ впередъ къ Уресу, сами медленно продолжали путь. Когда вѣстники прибыли въ Пологъ, который на туземномъ языкѣ значитъ «роща Божія», и объявивъ тамъ о шествіи царевны, направлялись къ Липенію; тогда оттуда появился посолъ, по нашему — Посредникъ [2], именемъ Григорій, и разсказывалъ, что на дорогѣ ему причинила много зла шайка разбойниковъ. Патріархъ съ своими спутниками и прежде слышалъ о такихъ шайкахъ и боялся ихъ, а теперь дѣйствительно пораженъ былъ величайшимъ страхомъ, какъ бы не подвергнуться чему нибудь невыносимому; ибо если и собственные ихъ, притомъ верховные начальники, не обезпечены противъ разбойниковъ, то могутъ ли обѣщать себѣ безопастность иностранцы? Къ тому же отъ Григорія услышали наши послы нѣчто несогласное съ видами царствующихъ особъ и рѣшительно недоброе. Такъ, они везли съ собой царевну для вступленія въ бракъ со вторымъ сыномъ Стефана, будущимъ наслѣдни-

---

(2) Подъ именемъ Посредника—μεσάζων, Константинопольская хроника, по свидѣтельству Поссина, разумѣетъ важное достоинство, соотвѣтствовавшее достоинству великаго Доместика и Протовестіарія, и говоритъ, что эту должность, при Константинопольскомъ дворѣ носилъ Кантакузинъ, одинъ изъ первыхъ государственныхъ сановниковъ. Но мы думаемъ, что μεσάζων былъ просто сватъ отъ короны, или чиновникъ, на котораго возлагалась обязанность устроенія родственныхъ связей между владѣтельными особами.

комъ его власти, такъ какъ старшій его сынъ, переломивъ себѣ ногу, проводилъ жизнь человѣка частнаго: но Георгій какъ-то обходилъ этотъ вопросъ и затемнялъ условіе; а что касается до опастностей пути, то говорилъ, что и самъ потерпѣлъ вредъ. Слыша все такое и помня, какъ настоятельно наказывала и просила Деспина заботиться объ исполненіи ея порученія, Хартофилаксъ и окружающіе его стали рѣшительно отклонять патріарха и прочихъ начальниковъ посольства отъ дальнѣйшаго путешествія и убѣждали возвратиться, пока не наступила еще опасность. Къ ихъ убѣжденіямъ присоединились и другія обстоятельства, заставившія подозрѣвать, что если поѣдутъ они далѣе, то не обойдутся безъ бѣды. Именно—окрестные жители нерѣдко толпами приходили смотрѣть на нихъ и подстерегали, какою дорогою думаютъ они отправиться; и цѣлію ихъ было, высмотрѣвъ это, ограбить ихъ ночью. Такъ вскорѣ потомъ и вышло: въ ночное время подкрались они къ посольству, отвязали коней и, сколько было силы въ ногахъ, изчезли вмѣстѣ съ ними. Рано утромъ узнавъ о случившемся, послы отъискивали убѣжавшихъ, но поискъ ихъ остался безуспѣшенъ; ибо можно ли было узнать что нибудь о похитителяхъ отъ ихъ же соотечественниковъ? А о судебномъ искѣ и требованіи нечего было и думать; иначе, отъ людей, имѣвшихъ человѣческій образъ и звѣрскій нравъ, могло быть еще хуже. Впрочемъ, чтобы испробовать всѣ мѣры, они просили тамошнихъ пра-

вителей выставить туземныхъ коней, равноцѣнныхъ тѣмъ превосходнѣйшимъ, которые похищены; но выставленные не представляли ничего и похожаго. Тогда положено уже ѣхать назадъ. Принявъ это благое и больше полезное, чѣмъ вредное намѣреніе, послы, какъ говорится, поворотили корму,—приняли обратное направленіе и прибыли въ Ахриду, гдѣ взявъ царевну, вмѣстѣ съ нею достигли Ѳессалоники, а оттуда, не думая больше ни о бракѣ, ни о союзѣ, ни о мирныхъ договорахъ, возвратились къ царю.

7. Вскорѣ за тѣмъ постигло Диррахій страшное и плачевное бѣдствіе. Съ наступленіемъ мѣсяца Кронія тамъ стали постоянно слышать подземный необыкновенный шумъ, который по просту можно было назвать воемъ, предвѣщавшимъ близкое несчастіе. Въ одинъ день удары начали отзываться чаще и сильнѣе прежняго, и напавшій на жителей страхъ заставлялъ ихъ выбираться изъ города, чтобы, въ случаѣ большаго зла, можно было спастись. Въ слѣдующую за этими дневными тревогами ночь произошло самое страшное, какое бывало когда нибудь, землетрясеніе. Это было уже не просто косвенное, какъ говорятъ, содроганіе земли, а настоящее ея колебаніе и волненіе, вырывавшее городъ изъ самыхъ основаній и разбрасывавшее его по поверхности. Тогда домы и большія зданія не въ состояніи были держаться даже на самое короткое время, но разрушались и, падая, погребали подъ своими развалинами остававшихся тамъ жителей, не знавшихъ, гдѣ искать спасе-

нія; ибо если и выбѣгали они изъ домовъ, то опять на каждомъ шагу встрѣчали падавшія массы камней, и потому находили, что имъ легче было спасаться внутри домовъ, чѣмъ выходить изъ нихъ, если только домъ сохранился хоть отчасти; а такихъ, которые бы нисколько не потерпѣли, вовсе не было.—Притомъ одно зданіе обрушивалось на другое, и если которое, по счастію, не упало само по себѣ, то распадалось отъ развалинъ сосѣдняго. Такія паденія были столь часты, что спастись отъ нихъ бѣгствомъ не представлялось никакой возможности. Многихъ, кромѣ того, застигло бѣдствіе во снѣ; такъ что они погибли прежде, чѣмъ узнавали о случившемся. Что же касается до дѣтей и младенцевъ, то они задавливаемы были обломками, вовсе не понимая зла. Трескъ и шумъ произошли мгновенно и съ такою силою, что вскипѣло самое море, и находившіеся за городомъ думали, что это уже не начало болѣзни, а конецъ міра. Диррахій былъ городъ приморскій, разрушеніе открылось неожиданно, люди были въ такомъ страхѣ, трескъ зданій, падавшихъ одно на другое,—такъ великъ, что загородные жители, которыхъ было очень много, чувствуя это дрожаніе и слыша этотъ трескъ, почитали такое явленіе не чѣмъ инымъ, какъ преставленіемъ свѣта. Землетрясеніе продолжалось столько времени, что ничто не устояло, но все упало и засыпало людей, кромѣ одной крѣпости, которая удержалась и не поддалась этой катастрофѣ. По наступленіи дня, окрестные жители съѣзжались сюда съ ло-

патами, заступами и другими орудіями, и начали раскапывать развалины, чтобы спасти отъ опасности несчастныхъ, кто оставался еще живымъ, а главное,—чтобы отрыть и собрать заваленное обломками всякаго рода богатство; ибо послѣ столькихъ погибшихъ явилось много наслѣдниковъ, и правильнаго раздѣла между ними быть не могло. И такъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней все сравнявъ съ землею лопатами, будто заскородивъ граблями, и собравъ богатую золотую жатву, окрестные жители и Албанцы оставили этотъ городъ, превратившійся теперь въ совершенную пустыню и напоминавшій о себѣ лишь не многими темными знаками, да однимъ своимъ именемъ, а не существованіемъ. Тогдашній архіерей этого города, Никита, хотя отъискался и уцѣлѣлъ, однакожъ на многихъ членахъ своего тѣла имѣлъ слѣды описаннаго бѣдствія: при видѣ столь ужаснаго явленія, котораго никто не ожидалъ, онъ объятъ былъ страхомъ и, убѣжавъ изъ митрополіи, оставилъ ее не только безъ себя, но и безъ жителей, и безъ прекрасныхъ зданій, и безъ всего, что въ нихъ было.

8. Въ это время король Апуліи Карлъ, побѣдившій нѣкогда Манфреда, сознавая свое могущество, прервалъ мирныя отношенія къ царю, по случаю родственной своей связи съ Балдуиномъ, и гордясь множествомъ своихъ кораблей, собирался овладѣть Константинополемъ. Для этого снаряжалъ онъ многочисленный флотъ, собиралъ и людей, и оружіе, и деньги, даже

утруждалъ и папу усердною просьбою о соизволеніи на предпринимаемый имъ походъ, доказывая, что Карлъ въ правѣ искать достоянія своихъ дѣтей, которыхъ союзъ основанъ именно на обладаніи Константинополемъ. Церковь дѣйствительно соизволяла на это и обѣщалась сильно содѣйствовать его предпріятію. Итакъ Апулійскій король давно уже приготовлялся; а царь, сознавая, что бороться съ нимъ и одолѣть его не можетъ, если онъ, совсѣми своими кораблями и съ многочисленнымъ сухопутнымъ войскомъ изъ Брундузіи переправится въ Диррахійскую гавань, которая теперь опустѣла, слѣдовательно легко могла быть занята, и которую, какъ говорили, въ состояніи онъ былъ возстановить, чтобы оттуда дѣйствовать двойными силами,—рѣшился вступить съ нимъ въ борьбу другаго рода. Ему не представлялось возможности сноситься съ папою открыто; однакожъ, не отправляя къ нему пословъ, онъ тайно отправлялъ туда письмоносцевъ, и притомъ знатныхъ и расположенныхъ къ Римлянамъ Италіанскихъ вельможъ, которыхъ образъ мыслей былъ ему извѣстенъ, и всячески лаская такъ называемыхъ латинскихъ Фреріевъ [1], т. е. братьевъ, уговаривалъ чрезъ нихъ Римскаго архіерея не допускать Карла до исполненія его

[1] Подъ именемъ фреріевъ Пахимеръ разумѣетъ очевидно членовъ различныхъ религіозныхъ латинскихъ орденовъ, которые тогда разсѣялись по всему востоку и называли себя братьями (frères). Эти люди принадлежали большею частію къ знатнымъ фамиліямъ, а по ордену, были чаще всего Францисканцы и Доминиканцы.

предпріятія и не вводить христіанъ въ войну съ христіанами; потому что Римляне, говорили они, которыхъ Латиняне называютъ Греками, исповѣдуютъ того же Христа и туже церковь, какая и въ Италіи, епископа же ея признаютъ духовнымъ отцемъ и первымъ изъ архіереевъ. Мало того, — царь давалъ ему обѣщанія, еще болѣе лестныя: доказывалъ, что церковь Божія есть одно стадо, что соблазнительное средостѣніе, издавна безумно распростертое между церквами, надобно уничтожить, и что этому не препятствуетъ возвращеніе Константинополя тѣмъ, которые были изъ него изгнаны. Нерѣдко высказывая все такое, онъ посылалъ папскимъ кардиналамъ и деньги, или крюкъ (1)— *στρόφιγξ*, сказалъ бы Грекъ, на которомъ поворачиваются вводящія къ Христу папскія двери, и довѣрялъ инымъ друзьямъ упрашивать папу, чтобы онъ удержалъ Карла. Стараясь еще болѣе скрѣпить миръ съ латинскою церковію, онъ благосклонно принималъ приходящихъ от-

---

(1) Говоря, что Палеологъ посылалъ кардиналамъ деньги, Пахимеръ очень остроумно и съ колкою насмѣшкою употребляетъ то самое выраженіе, которымъ привѣтствовалъ своихъ кардиналовъ Пій II: vos veri mundi *cardines*, supra quibus militantis ostium ecclesiae volvendum ac regendum est,—гдѣ подъ ostium папа, кощунственно толкуя слова Спасителя: *Азъ есмь дверь* (Іоан. 10, 9), разумѣлъ конечно самаго себя. Пій названіе кардиналовъ производитъ отъ cardines—дверныхъ крючьевъ; а Пахимеръ, упоминая о посылкѣ денегъ (*χροσὸν*) кардиналамъ, хотѣлъ выразить ту мысль, что Палеологъ эти крючья подмазывалъ золотомъ, что бы дверь на нихъ легче поворачивалась. Судя по тѣмъ побужденіямъ, которыя располагали Палеолога стараться о соединеніи церквей, надобно полагать, что и самъ этотъ императоръ не иначе понималъ папскихъ кардиналовъ.

туда людей, особенно если они принадлежали къ церковному клиру. Такъ принялъ онъ нѣкогда Кротонскаго епископа, человѣка ученаго и знающаго богословскія науки на двухъ языкахъ, и касательно его распорядился такъ, что послалъ его къ патріарху, высказавъ при томъ свое желаніе современемъ переодѣть его въ Эллина и сдѣлать подставнымъ епископомъ церкви, такъ какъ своей у него не было. Можетъ быть, это и сбылось бы, если бы не уличили его въ нерасположеніи къ Греческимъ обычаямъ и въ стремленіи вредить нашимъ дѣламъ: замѣченный въ неблагонамѣренности, онъ потерялъ благорасположеніе царя и сосланъ былъ въ Понтоираклею, хотя церковь, и не смотря на то, во всемъ пользовалась его образованностію. Царь принималъ и многихъ другихъ фреріевъ, и посылалъ ихъ въ церковь къ архіереямъ и патріарху участвовать въ общихъ съ ними псалмопѣніяхъ, въ таинственныхъ входахъ и стояніяхъ, въ принятіи божественнаго хлѣба, называемаго антидоромъ, и во всемъ другомъ, исключая собственно причащенія, къ которому они не приступали. Все это ясно показывало, какъ близко было положеніе дѣлъ къ возстановленію и утвержденію мира между церквами.

9. Кромѣ того, нѣкоторыхъ духовныхъ, особенно важныхъ, по нравамъ и должностямъ замѣчательныхъ лицъ, царь отправилъ къ королю Французскому, родному брату Карла по происхожденію, но далеко не родному по характеру. Посланниками къ нему были Хартофилаксъ

Веккъ и архидіаконъ придворнаго клира Мелитиніотъ. Имъ не велѣно переправляться въ Брундузій, чтобы оттуда идти сухимъ путемъ, но приказано доѣхать до Авлона на коняхъ, въ Авлонѣ же сѣсть на корабль и отправиться къ королю моремъ—до самаго того мѣста, гдѣ онъ тогда находился. Цѣлію посольства было—сколько возможно, смягчить его дарами и словами и, такъ какъ, по слухамъ, онъ былъ миролюбивъ, расположить его написать письмо къ брату, чтобы своимъ письмомъ онъ постарался укротить его отвагу и удержать порывъ. Достигнуть этого, казалось, тѣмъ легче, что Французскій король, какъ старшій изъ государей, издавна уважаемый за высоту его власти и прямоту нрава, могъ тотчасъ убѣдить младшаго своего брата, сдѣлавшагося королемъ недавно, низшаго по власти и непрямодушнаго; ибо не прямое исправляется кривымъ, чѣмъ оно только было бы искривлено; а кривое прямымъ, отъ чего такъ онѣ и называются. Если онъ будетъ убѣжденъ, то пусть бы написалъ къ папѣ о Грекахъ, какъ о его братьяхъ, дѣйствительно достойныхъ этого имени, и такимъ образомъ постарался разрушить замыслы своего брата противъ Римлянъ. Получивъ отъ царя подробныя наставленія, упомянутые послы отправились,—и вездѣ, гдѣ ни являлись, возбуждали удивленіе многочисленною прислугою, царскими изображеніями, сосудами и тяжелымъ поѣздомъ. Достигнувъ Авлона, и потомъ на кораблѣ—Сицилійской крѣпости Пахина, послы узнаютъ, что король отпра-

вился въ Карѳагенъ, называемый Тунисомъ, воевать съ Ливійскими Еѳіопами. Поэтому, пробывъ тамъ нѣсколько дней, они поплыли прямо въ Тунисъ, но на Сицилійскомъ морѣ, застигнутые бурею, едва не потонули, и только уже послѣ многихъ страданій прибыли на мѣсто, и королю, который тогда былъ болѣнъ, представили царскія грамоты. Король, частію затрудняемый болѣзнію, частію занятый войною, не зналъ, что и дѣлать, а потому медлилъ разсмотрѣніемъ ихъ дѣла и заботился о своемъ здоровьѣ. Тогда посламъ пришлось ежедневно быть свидѣтелями очень печальнаго зрѣлища, какое представляли Агаряне и Латиняне. Итальянцы, окопавшись съ моря и оградившись глубокими рвами, твердо удерживали свою между ними позицію; а Еѳіопляне, искусно пользуясь укрѣпленіями Карѳагена, могли и укрываться въ нихъ отъ непріятелей, и когда приходилось, сами нападали на непріятеля. Сраженія произходили каждый день непрерывно, и съ обѣихъ сторонъ падали многіе. Къ тому же открылась сильная зараза, воины умирали во множествѣ, и погребенія имъ не было, да не было и костровъ для сожженія мертвыхъ тѣлъ. Глубокій и широкій ровъ, защищавшій живыхъ, въ тоже время вмѣщалъ въ себѣ и умершихъ, и наполняемый множествомъ ихъ, какъ бы закапываемыхъ одни другими, приходилъ едва не въ уровень съ занимаемою войскомъ плоскостію. Такимъ образомъ народъ въ одно и тоже время истребляемъ былъ войною и заразою: Но рев-

ность сражающихся за крестъ не ослабѣвала. Между тѣмъ болѣзнь короля усиливалась, и уже отчаявались въ его выздоровленіи. Впрочемъ, и при такомъ состояніи здоровья, онъ нѣсколько говорилъ съ послами, выражалъ наклонность свою къ миру и просилъ ихъ подождать, пока выздоровѣетъ и соберется съ силами. Но это было наканунѣ его смерти: въ слѣдующій день король скончался. Окружавшіе убрали тѣло его, какъ человѣка вполнѣ угоднаго Богу, обмыли благовонными жидкостями, сваренными въ котлахъ, и положили въ драгоцѣнный гробъ, чтобы эти останки перевезть въ отечество; а послы при всѣхъ обѣщаніяхъ короля, возвратились домой, какъ говорится, съ пустыми руками. Но боясь нападенія со стороны Карла, и обманутый въ надеждахъ смертію короля, царь не переставалъ изворачиваться, и всѣми силами старался достигнуть своей цѣли чрезъ многихъ иныхъ посредниковъ между имъ и папою.

Впрочемъ, не показывалъ онъ безпечности или недѣятельности и въ собственныхъ приготовленіяхъ, но ожидая удовлетворительныхъ результатовъ изъ за границы, сколько могъ, приготовлялся и самъ. Такъ, собралъ онъ множество хлѣба, и одною частію его наполнилъ городскія башни, а другую предоставилъ на сохраненіе гражданамъ впредь до востребованія; закупилъ также цѣлыя стада свиней и, раздѣливъ ихъ по десятку и болѣе на каждаго гражданина, приказалъ заколоть ихъ, и внутренности употреблять самимъ, а мясо посолить и хранить для

общей пользы. За тѣмъ приготовлено было множество оружія, стрѣлъ, камнеметательныхъ машинъ и матеріаловъ, нужныхъ военнымъ инженерамъ и механикамъ; приведенъ въ порядокъ весь флотъ; назначено множество строителей и надзирателей для возведенія городской стѣны со стороны моря, а съ суши она утолщена вдвое. Вооружено значительное количество способнаго къ оружію народонаселенія, какое сообразно было съ такимъ приготовленіемъ къ войнѣ, и размѣщено по частямъ внѣ города, чтобы, когда понадобится, ввести его въ городъ вмѣстѣ съ оружіемъ и обозами. Посланы также войска для охраненія приморскихъ мѣстъ и острововъ. Влахернскую гавань царь не находилъ удобною для успѣшной борьбы съ непріятелемъ; потому что въ ней кораблямъ пришлось бы сражаться лицемъ къ лицу съ кораблями непріятельскими; а сраженіе лицомъ къ лицу, при неравныхъ силахъ, былобы затруднительно. Равнымъ образомъ бросилъ онъ и гавань старую (это не та, которою недавно владѣли Латиняне, и которая находится близь монастыря Христа — Евергета, а та, которая называется такъ по своимъ воротамъ); ибо коса этой гавани вдается въ море такъ далеко, что въ томъ заливѣ могутъ помѣститься корабли какъ Римскіе такъ и непріятельскіе. Но видя, что и войско будетъ смѣлѣе и сраженіе пойдетъ успѣшнѣе, если битва откроется въ тылу непріятеля, царь захотѣлъ возстановить гавань

у Бланки Контоскелійской ([1]). Поэтому онъ окружилъ то мѣсто весьма большими камнями, углубилъ тамъ море, впивъ туда ртути ([2]), корабли покрылъ кровлями, входъ въ гавань, окруженную камнями, заперъ извнѣ крѣпкими желѣзными воротами ([3]), чтобы, съ одной стороны, обезопасить флотъ, съ другой—не дать возможности непріятельскимъ кораблямъ быть введенными въ гавань (а держаться въ морѣ, при быстромъ теченіи, они не могли) и напасть на наши корабли съ тылу. Укрѣпилъ онъ также и Перею—посадъ Генуэзцевъ, чтобы они, по одноплеменности съ иноземцами, не пристали къ ихъ союзу, и вообще береглись вступать въ сношеніе съ нападающими. Хотя Генуэзцы и не обязывались поднимать оружіе противъ сво-

---

([1]) Контоскелійскою Бланкою назывались одни изъ Константинопольскихъ воротъ Petr. Gyllii Topogr. urb. Constant. L. I. c. 20.

([2]) О ртути древніе имѣли понятіе, какъ о жидкости, все разъѣдающей и истребляющей. Плиній говоритъ Hist. L. I. c. 6. l. 33 «est et lapis in his venis (argenti), cujus vomica liquoris aeterni argentum vivum appellatur, venenum rerum omnium. Exest ae perrumpit universa permeans tabe dira. Согласно съ такимъ понятіемъ о ртути, Палеологъ лилъ ее на дно обмелѣвшей гавани—въ надеждѣ, что она изъѣстъ всѣ подводные поросты и осадитъ морское дно.

([3]) Поссинъ подъ словомъ πύλαι разумѣетъ здѣсь не ворота, которыхъ построеніе на морѣ представляется не возможнымъ—тѣмъ болѣе, что примѣнительно къ величинѣ кораблей, съ которыхъ притомъ въ ту и другую сторону простирались длинныя весла, они долженствовали быть очень широки. Воротами здѣсь, говоритъ онъ, называется желѣзная цѣпь, протянутая чрезъ гавань, отъ одного конца каменной стѣны къ другому, и такимъ образомъ преграждавшая входъ въ нее. Это мнѣніе Поссинъ основываетъ на выраженіи πύλα ἐκ τῶν ὑφασμάτων, которое встрѣчается въ греческомъ переводѣ сборника образцовъ индійской мудрости, и въ которомъ πύλα берется вмѣсто πτύλα, отъ глагола πτύσσω плету.

ихъ однородцевъ; однакожъ царь мѣрами благоволенія старался привлечь ихъ къ себѣ и сдѣлать своими, какъ у нихъ говорится, кліентами.

Но среди этихъ приготовленій царь не переставалъ отправлять моремъ посольства къ папамъ, тѣмъ болѣе, что смерть тогда часто смѣняла ([1]) ихъ. Главною цѣлію этихъ посольствъ было соединеніе церквей и уничтоженіе древняго соблазна. Михаилъ соображалъ, что еще при Іоаннѣ Дукѣ состоялось соборное опредѣленіе объ отправленіи туда пословъ съ изъявленіемъ готовности восточнаго духовенства имѣть съ Латинянами общее служеніе и поминать папу, если онъ обѣщается помочь городу (посланниками были тогда Андроникъ Сардскій и Георгій Кизикскій,—и соединеніе вѣроятно произошло бы, если бы наши послы были приняты). Соображая тогдашнее съ нынѣшнимъ, онъ въ современномъ положеніи дѣлъ находилъ гораздо болѣе нужды, чѣмъ въ то время,—осуществить мысль о соединеніи; ибо тогда Римляне домагались получить то, что уже выпало у нихъ изъ рукъ, а теперь они боятся только потерять то, что еще находится въ ихъ рукахъ: цѣль же тогдашняго и теперешняго—одна и таже. Иначе какъ нибудь убѣдить папу сражать-

([1]) Въ тѣ времена папы въ самомъ дѣлѣ часто смѣнялись. Александръ IV находился на престолѣ только четыре года, Урбанъ IV—три года, столько же Климентъ IV и Григоріи X, Иннокентій V—четыре мѣсяца, Адріанъ V—меньше мѣсяца, Іоаннъ XXI—девять мѣсяцевъ, Николай III—не полные три года.

ся за Грековъ, чѣмъ говоря и дѣлая это, царь не надѣялся; потому что мѣшалъ соблазнъ:—Греки въ глазахъ Латинянъ были не болѣе, какъ бѣлые Агаряне. И такъ этими мирными договорами онъ предполагалъ съ одной стороны уничтожить соблазнъ, съ другой,—чрезъ уничтоженіе соблазна, удержать флотъ Карла, чтобы избавить Римлянъ отъ опасности потерять снова отечество, которое они только что увидѣли, только вотъ—вотъ кое-какъ спасли, и не повергнуть его еще въ большее бѣдствіе. Занятый такими мыслями, онъ многократно убѣждалъ къ этому и патріарха, и Соборъ: но принимая его убѣжденія легко и поверхностно, они походили на чешемыхъ слухомъ; ибо хотя не могли прямо противиться имъ и вовсе отвергать ихъ, однакожъ оставались твердыми въ управленіи церковію на древнихъ основаніяхъ, чтобы не сочли ихъ, пожалуй, торгашами и барышниками. Они и въ умъ не брали, чтобы этотъ поднимаемый царемъ вопросъ могъ быть рѣшенъ такъ скоро; ибо знали, что сколько разъ прежніе цари ни приступали къ рѣшенію его, всегда возникали препятствія. Такъ было тогда. Впрочемъ, если бы препятствій и небыло,—великій соблазнъ у насъ все не уничтожился бы. Таковы были ихъ мысли. Между тѣмъ съ фреріями и другими Италіанцами они обращались любезно и не расходились въ томъ, что касается вообще христіанства; относительно же большаго не вступали въ состязанія,

будто [1] макуты (или чѣмъ бы ихъ назвать?) и не обнаруживали сочувствія къ дѣлу. Вѣдь если это предпріятіе считали они незаконнымъ, то должны были бы съ самаго начала остановить его и воспротивиться, объявивъ, что они не согласятся, во что бы то ни стало. Но имъ казалось, что церковь, какъ выше сказано, останется безопасною, хотя бы царь и дѣлалъ, что ему полезно; а потому когда этотъ поднималъ свой вопросъ (а онъ разсматриваемъ былъ долго),—тѣ молчали, показывали равнодушіе и ничего не думали.

11. Наконецъ на папскій престолъ призванъ былъ Григорій, который, живя до того времени въ Сиріи, славился добродѣтелями и ревностію о древнемъ мирѣ и единодушіи церквей, и изъ Сиріи спѣшилъ тогда въ Римъ. Узнавъ о сношеніяхъ царя съ папою касательно мира церквей, онъ пожелалъ отправить къ нему пословъ— съ цѣлію во первыхъ дружески привѣтствовать его, а потомъ, извѣстивъ о своемъ избраніи, вмѣстѣ съ тѣмъ объявить пламенное свое стремленіе къ миру церквей, прибавляя, что если тогоже хочетъ и царь, то это никогда не можетъ быть достигнуто лучше, какъ во время

---

[1] Въ подлинникѣ: Μαμακοῦθοι—имя, по видимому, испорченное, и притомъ, кажется—злонамѣренно. Написанное такимъ образомъ, оно, по лексикону Гезихія, однозначительно съ словомъ *μωρός*. Но въ ватиканскомъ экземплярѣ, вмѣсто *μαμακοῦθοι*, читается *μάκουθοί τινες ὄντες*. И это имя Гезихій производитъ отъ *μακοᾶν*, тоже что *παραφρονεῖν*, *πρόςποιεῖσθαι μὴ ἀκούειν*. Такое чтеніе этого имени совершенно соотвѣтствуетъ настроенію тогдашняго духовнаго Собора относительно дѣла о соединеніи церквей.

его папства. Но когда Григорій чрезъ Ферріевъ объявилъ это державному,—тотчасъ оказалось, что послѣдній искалъ мира, боясь только Карла; а еслибы этой боязни не было, то ему и на мысль не пришло бы говорить о мирѣ: напротивъ Григорій главнымъ дѣломъ почиталъ самое благо мира и единеніе церквей. Вѣдь несправедливо и неблагоразумно, что такіе народы разъединяются мелочами: либо виновный пусть оправдается, чтобы братья обратились къ миру; либо обѣ стороны пусть докажутъ, что онѣ въ своихъ чиноположеніяхъ и правилахъ не такъ различны между собою, чтобы имѣли основаніе питать взаимную вражду. Этимъ обѣимъ церквамъ, достойно носящимъ имя Христово, довольно будетъ борьбы и противъ враговъ креста, которыхъ конецъ—погибель; потому что въ этой борьбѣ, показывающей ревность на самомъ дѣлѣ, и побѣда похвальна, и смерть спасительна. Такими мыслями обмѣнивались царь и Григорій, когда послѣдній ѣхалъ принять хиротонію, а первый долговременною настойчивостію предъ Соборомъ и льстивыми рѣчами предъ патріархомъ старался склонить ихъ въ пользу своего предпріятія. Папа, говорилъ царь, есть мужъ мира; желанія его направлены къ наилучшему. Вскорѣ по вступленіи Григорія на престолъ, приходятъ отъ него въ Византію послы,— и послы Ферріи, изъ которыхъ одинъ, по имени Іоаннъ Парастронъ, прежде былъ нашимъ гражданиномъ, хорошо владѣлъ греческимъ языкомъ и имѣлъ такую ревность о соединеніи цер-

квей, что, по его словамъ, неоднократно просилъ себѣ смерти въ борьбѣ за это дѣло, лишь бы только оно увѣнчалось миромъ, чтò съ нимъ послѣ и случилось. Такъ говорилъ онъ, и дѣйствительно былъ самымъ жаркимъ ревнителемъ мира: часто приходя и къ патріарху, и на Соборъ, онъ усердно умолялъ архіеревъ о своемъ дѣлѣ, а предъ нашимъ богослуженіемъ такъ благоговѣлъ, что однажды, при патріаршемъ литургисаніи, снялъ съ себя калиптру и, взявъ съ собою другихъ, вошелъ въ олтарь, гдѣ ставъ близъ одного архіерея, съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ читалъ таинственныя молитвы. Такъ-то ко всему нашему относился онъ чинно и благоговѣйно, а обращаясь къ Италійцамъ говорилъ, что хорошо и безопасно имъ оставлять прибавку къ символу, соблазняющую братьевъ и мѣшающую ихъ примиренію. Впрочемъ, съ другой стороны, не менѣе справедливо будетъ принимать оправданіе людей, читающихъ символъ и съ прибавкою; потому что и Латиняне, вѣрующіе въ происхожденіе Святаго Духа отъ Отца и Сына, и вы—отъ Отца чрезъ Сына,—одинаково берете на себя слишкомъ много и мечтаете проникнуть въ тайны Божіи. Онъ говорилъ такъ съ цѣлію — прикрыть дерзкое прибавленіе къ символу, и обязанъ былъ къ этому, какъ посолъ, старавшійся больше всего исполнить возложенное на него порученіе. Но правители церкви разсуждали, что «миръ—дѣйствительно дѣло доброе, можно ли и отвергать это? особенно миръ между такими церквами, которыя для распро-

странившихся повсюду учениковъ мироначальника Христа имѣютъ значеніе главы: только его нужно заключить твердо, а не какъ нибудь; потому что здѣсь настоитъ важная опасность допустить уклоненіе отъ истины въ ту или другую сторону. Не намъ первымъ пришлось разсуждать объ этомъ, какъ будто мы только имѣемъ причину ввести что нибудь новое, чего прежде никто не вводилъ, или мы только не хотимъ измѣнить то, чего прежде держались. Объ этихъ предметахъ говорили люди, по добродѣтели великіе и по уму мудрые, и опредѣлили ихъ значеніе. Простирать споръ объ этомъ выше мѣры имъ не желательно, и выходящіе въ этомъ отношеніи изъ границъ поступаютъ невѣжественно и дерзко. А что мы указываемъ вамъ на прибавленіе, то за это тогда только можно было бы укорять насъ, когда бы, ради такого прибавленія, мы стали обвинять васъ въ чуждомъ или, что еще хуже, нечестивомъ ученіи, и такимъ образомъ сами, подобно вамъ, сдѣлавъ прибавку, оказались бы нечестивыми. Но если съ нашей стороны вы видите только отреченіе отъ прибавленія къ символу, поколику то-есть не хорошо и вообще не безопасно налагать руку на скрѣпленныя опредѣленія, хотя бы кто и утверждалъ, что это не противно истинѣ; то справедливо ли приписывать намъ подобное? Кто изъ насъ дерзнулъ когда нибудь произносить исповѣданіе такъ, какъ ты говоришь,—съ прибавленіемъ? И такъ дѣло конечно похвальное и полезное, что ты такъ хлопочешь объ устано-

вленіи мира между церквами, стараясь мудро устранить соблазнъ отъ Италіанцевъ: но если бы причина соблазна была въ насъ, и ты могъ бы справедливо укорить насъ, то мы тотчасъ приняли бы твою укоризну: теперь же, такъ какъ онъ выросъ на землѣ Италіанской,—тебѣ, какъ лицу духовному и посланнику мира, необходимо обратить вниманіе на Италію, и изгнать изъ ней грѣхъ нововведенія въ символѣ». Такъ говорили предстоятели церкви и обнаружили столько духа, что рѣшились ничего не слушать, какова ни будетъ въ этомъ отношеніи воля царя, и сколь ни велики были бы его угрозы. Но царь не опускалъ изъ виду однажды принятой цѣли: охотно ли стремился онъ къ ней, или по принужденію, — это отъ іерарховъ скрывалось; а намъ открываемы были и выставлялись на видъ только ужасы войны и льющаяся кровь. Намѣреніе царя казалось неизмѣннымъ, кто бы что ни говорилъ. (12) Вотъ въ одинъ день съѣхались къ нему и патріархъ, и архіереи, и нѣкоторые изъ клира: державный завелъ рѣчь объ этомъ самомъ предметѣ и говорилъ съ жаромъ, воображая, по обыкновенію, ужасы и представляя тогдашнія обстоятельства до крайности опасными. Были и общники его мнѣній, напримѣръ, архидіаконъ Мелитиніотъ, Протапостоларій Георгій Кипрскій, и третій, хотя не столько, какъ эти, преданный ему, но говорившій слегка,—риторъ церкви Оловолъ. Справляясь съ историческими ихъ записями, царь указывалъ на Іоанна Дуку, на бывшихъ при немъ архіере-

евъ и на патріарха ихъ Мануила,—какъ отправлявшимся въ посольство архіереямъ внушалось тогда совершать литургію вмѣстѣ съ Латинянами и упоминать имя папы, если только этотъ пошлетъ помощь находившимся въ то время въ городѣ. Для подтвержденія принесена была памятная книга церкви (τό κωδίκιον), и царь тогдашнія обстоятельства сравнивалъ съ нынѣшними. Принесли также и подлинныя будто бы по этому дѣлу рукописи тѣхъ лицъ, и находили, что въ нихъ Италіанцы вовсе не были обвиняемы въ нечестіи, а только требовалось, чтобы они отреклись отъ прибавки къ символу, написанной въ нѣкоторыхъ экземплярахъ и подающей поводъ къ различному чтенію. Онъ представлялъ на видъ и то, во сколькихъ величайшихъ таинствахъ Греки нимало не затрудняются имѣть общеніе съ Италіанцами, и на переходъ ихъ въ нашу церковь смотрятъ какъ бы только на замѣну одного языка другимъ, своего роднаго — Греческимъ. Что противнаго каноническимъ правиламъ въ провозглашеніи имени предъ церковію, гдѣ и другимъ, не имѣющимъ папскаго достоинства, необходимо участвовать въ томъ же общеніи, когда они присутствуютъ при священнодѣйствіи и когда служащій іерей всѣмъ безъ исключенія преподаетъ благодать Троицы? Въ наименованіи же папы братомъ, и даже первымъ,— менѣе несообразности, чѣмъ въ томъ, что находившійся въ пламени богачь назвалъ Авраама отцемъ, не смотря на то, что своимъ нравомъ онъ на столько отстоялъ отъ бѣдняка, на сколь-

ко велика была раздѣлявшая ихъ бездна. Если мы предоставимъ также (папѣ) право аппелляціи, то въ сомнительныхъ случаяхъ едва ли кому захочется плыть для этого за море. Тогда какъ царь говорилъ это, патріархъ былъ тутъ же и увѣрилъ Хартофилакса, что если онъ, стѣсняясь силою царя, не обличитъ Италіанцевъ и не произнесетъ своего объ нихъ сужденія, то по неволѣ подвергнется отлученію. Поставленный въ затрудненіе съ одной стороны страхомъ царя, съ другой угрозою отлученія, Хартофилаксъ увидѣлъ себя на срединѣ между этими крайностями и сознавалъ неловкость своего, какъ бы висячаго между ними положенія, хотя и думалъ, что духовные интересы надобно предпочитать тѣлеснымъ. Онъ представилъ настоящее дѣло въ видѣ раздѣлительномъ и говорилъ такъ: одни, въ отношеніи къ чему нибудь, и есть и называются; другіе и не называются и ни есть; третьи хотя и называются, но ни есть; а четвертые опять хотя и есть, но не называются. Къ этимъ послѣднимъ должно отнесть и Италіанцевъ, которые, не называясь еретиками, на самомъ дѣлѣ еретики. Такія слова придали смѣлости патріарху, а на царя произвели весьма непріятное и тяжелое впечатлѣніе. Онъ тотчасъ распустилъ летучее собраніе, потому что не могъ перенести произнесенныхъ словъ: они заградили уста царя и не представляли ему возможности отвѣчать, такъ какъ на нихъ лежала печать истины. Но архидіаконъ и Протапостоларій съ яростію бросились на Векка, будто придорожныя осы, кри-

ча, что онъ судитъ не хорошо, что онъ, какъ человѣкъ ученый, воображаетъ себя умнѣе многихъ.

13 Прошелъ тотъ день, и Хартофилаксъ навлекъ на себя ненависть царя, который теперь искалъ случая повредить ему. Въ избыткѣ гнѣва онъ подучилъ Іоанна Хумна сдѣлать на него доносъ въ томъ, что онъ худо исполнилъ обязанность посла. Обвиненіе свое Хумнъ внесъ въ Соборъ, но обвиняемый отвергъ содержаніе доноса и отклонилъ обвиненіе самою даже его запоздалостію, прибавляя, что оно есть дѣло одного царя и что за него не подлежитъ онъ суду владыки. Говорилъ онъ это предъ Соборомъ, стоя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде сидѣлъ, между тѣмъ какъ Хумнъ стоялъ посрединѣ и высказывалъ обвиненіе въ присутствіи членовъ правительствующаго Синклита, великаго Логоѳета Акрополита, Логоѳета домочадцевъ—и другихъ, которые засѣдали на Соборѣ и требовали суда отъ лица пославшаго ихъ царя. Но архіереи въ то время, отказались производить этотъ судъ, говоря, что они не могутъ судить патріаршаго клирика, если не будетъ на то дозволенія отъ самаго патріарха. А партріархъ никакъ не дозволялъ, но нашедши въ немъ способнаго помощника, рѣшился защитить его. Поэтому Соборъ и гражданскіе чины прекратили дѣло, и великій Логоѳетъ, выходя изъ собранія, сказалъ, что Хартофилаксъ водитъ за носъ весь Соборъ, который безъ него не знаетъ, что и дѣлать. И такъ, встрѣтивъ здѣсь отпоръ, они об-

ратились къ царю и извѣстили его о случившемся. Потомъ Хартофилаксъ, размысливъ самъ съ собой, что трудно бороться съ царемъ, пришелъ къ нему и сталъ умолять его, чтобы онъ не гнѣвался на него невиннаго: при этомъ готовъ былъ онъ оставить должность и отказаться отъ всѣхъ своихъ доходовъ, лишь бы только не лишиться церковнаго общенія, и что ни сдѣлалось бы, не отвергать царской милости, чтобы не показаться причиною раздѣленія церкви. Если же царю угодно будетъ сослать его въ изгнаніе, онъ готовъ и на это. Однако царь, прикрывши безславіе злобы какъ бы человѣколюбіемъ, ничего не сказалъ и отпустилъ его домой. Послѣ того Веккъ началъ дѣйствительно готовиться къ ссылкѣ: онъ положилъ свое имѣніе въ церковное сосудохранилище, и, надѣвъ на себя нищенскую одежду, безопасности, вмѣстѣ съ близкими къ себѣ, искалъ въ великомъ храмѣ. Такъ какъ, убѣжавши въ храмъ, онъ казался недоступнымъ для преслѣдованія со стороны царя; то царь, пославъ къ нему письмо, запечатанное красною печатью, весьма почтительно просилъ его къ себѣ. Тотъ послушался, и тотчасъ же по выходѣ (изъ храма) отправился прямо на зовъ: но прежде, чѣмъ успѣлъ онъ представиться царю, его схватываютъ и препровождаютъ въ крѣпостную башню Анемы ([1]),

---

([1]) Башня Анемы находилась близъ Влахернскаго дворца и получила это названіе отъ того, что первый, содержавшійся въ ней узникъ былъ Михаилъ Анема, составившій заговоръ противъ царя Алексѣя Комнина. Подробно объ этомъ пишетъ Анна Комнина. L, 12.

подъ стражу Кельтовъ—тѣлохранителей. Тамъ онъ и оставался.

14. Потомъ царь, пользуясь содѣйствіемъ ученыхъ людей, изъ которыхъ первыми и важнѣйшими были архидіаконъ и Протапостоларій, составляетъ трактатъ, въ которомъ разными изреченіями и выдержками изъ историческихъ сочиненій доказываетъ неукоризненность Италіанцевъ въ дѣлѣ вѣры, и этотъ трактатъ пославъ патріарху чрезъ Арсенія Акапніева, человѣка важнаго и почтеннаго, но въ отношеніи къ настоящему дѣлу хромавшаго на оба колѣна, просилъ принять его и написать общее о немъ мнѣніе, только непремѣнно на основаніи исторіи и письменныхъ изреченій. «Вѣдь доказывать иначе, отъ своего чрева, было бы неубѣдительно и безполезно; да я и не приму такого сужденія». Такъ говорилъ онъ въ высокомѣрной увѣренности, что никто не отважится возразить противъ написаннаго: ибо Хартофилаксъ, который, по его мнѣнію, двигалъ всѣми и могъ побѣдить его словомъ, находится теперь въ такомъ состояніи, что помочь не въ силахъ. Но патріархъ и Соборъ, для разсужденія о присланномъ трактатѣ, созвали всѣхъ, кого считали на своей сторонѣ. Это были отборные люди изъ всей церкви. Здѣсь былъ и Іоанникій Терникикопулъ, явно отдѣлявшійся отъ патріарха, но теперь, по требованію нужды, оставившій прежнее свое малодушіе. Съ ними была и родная сестра царя Евлогія, и все, что представлялось лучшаго между монахами и учеными. И у всѣхъ ихъ

было одно желаніе — написать царю отвѣтъ на его трактатъ. Какъ скоро этотъ трактатъ былъ прочитанъ, каждый сталъ говорить противъ него, что въ настоящемъ случаѣ приходило на мысль. Потомъ, когда эти отдѣльныя мнѣнія нужно было соединить и составить изъ нихъ одно сочиненіе,—стали искать такого составителя. Это дѣло принялъ на себя Іовъ Іаситъ, имѣвшій и другихъ помощниковъ, особенно меня, писателя этой исторіи. Въ короткое время отвѣтный трактатъ былъ готовъ. Перечитавши его предъ всѣми и исправивъ то, чего требовало приличіе, чтобы не оскорбить царя жостkостію нѣкоторыхъ выраженій, Соборъ посылаетъ его къ царю съ тѣмъ же Арсеніемъ. Получивъ отвѣтъ и внимательно прочитавъ его, царь увидѣлъ, что остался далеко позади своихъ словъ; а чтобы скрыть стыдъ, котораго причиною былъ самъ, онъ вооружился презрѣніемъ и, желая показать, что присланная бумага возбудила въ немъ презрѣніе, а не боязнь, какъ было на самомъ дѣлѣ, бросилъ ее.

Встрѣтивъ здѣсь сопротивленіе, державшіе сторону царя взялись за другой способъ дѣйствованія,—обратились къ Векку въ темницѣ. (15) Но вознамѣрившись состязаться съ человѣкомъ ученымъ, они должны были убѣждать его ученымъ образомъ, и потому избравъ мѣста изъ священныхъ книгъ, показывали ему, сидѣвшему въ темницѣ, тѣ слова писанія, которыя, по видимому, благопріятствовали Итaлі-

анцамъ. Принявъ эти выписки и спокойно прочитавши ихъ, Беккъ сталъ какъ бы склоняться къ миру; ибо во первыхъ былъ искрененъ, во-вторыхъ любилъ истину во всемъ, что́ опиралось прямо на писаніи. Состояніе души его подобно было тому, въ какомъ находятся безпомощные люди, когда во время гнѣтущей нужды неожиданно вообразятъ, что имѣютъ все. Такъ какъ онъ любилъ истину, то ему не казалось безчестнымъ признаться въ томъ, что онъ не зналъ и никогда не встрѣчалъ этихъ свидѣтельствъ. И причиною служило то, что, изучая эллинскія (свѣтскія) сочиненія, онъ недовольно занимался Божественнымъ Писаніемъ и мало размышлялъ о немъ; по этому хотѣлъ видѣть и внимательно прочесть эти книги съ тѣмъ, чтобы вникнуть въ самый смыслъ ихъ, и такимъ образомъ надѣялся либо убѣдиться и стать твердо на томъ, къ чему теперь склоняется, либо, если не убѣдится, представить очевидныя причины, по которымъ не соглашается. Такъ говорилъ онъ,—и царь, одобривъ его слова, вывелъ его изъ темницы и доставилъ ему книги, чтобы онъ на досугѣ прочиталъ ихъ.

Между тѣмъ патріарха сильно озабочивало составленіе отвѣтовъ на предложенныя царемъ доказательства, тѣмъ болѣе, что онъ все настоятельнѣе требовалъ ихъ и не давалъ ему покоя. (16) Монахъ Іовъ Іаситъ, видя безпокойство патріарха и опасаясь, какъ бы онъ, ослабѣвъ, не отказался отъ своей настойчивости, придумалъ способъ укрѣпить его мысли. Онъ пред-

лагаетъ ему совѣтъ—написать окружное посланіе и разослать его во всѣ мѣста къ лицамъ благочестивымъ, а для удостовѣренія присоединить и клятву, чтобы они не уклонялись на сторону Латинянъ, но были тверды,—чтобы не вѣрили также, будто патріархъ ослабѣваетъ и такимъ образомъ готовъ увлечь ихъ, куда ему угодно, лишь бы принять отдѣлившихся прежде. Убѣжденный этими словами іерархъ позволяетъ изложить дѣло, и бумага въ самомъ скоромъ времени была готова. Но прежде, чѣмъ послали ее, патріархъ пожелалъ спросить архіереевъ и узнать, будутъ ли они стоять до конца. Для этого окружное посланіе патріарха прочитано было въ общемъ собраніи, и потомъ предложенъ вопросъ: устоятъ ли они въ этомъ? Архіереи тотчасъ изъявили свое согласіе и засвидѣтельствовали его собственноручными подписями, кромѣ немногихъ, болѣе предусмотрительныхъ. Затѣмъ бумага была скрѣплена и запечатана. Когда это посланіе было разослано, патріархъ по необходимости не могъ ничего перемѣнить, чтòбы ни случилось; ибо связанъ былъ клятвою, а потому объявилъ всѣмъ, да говорилъ и царю, что онъ и самъ не начнетъ, и другимъ не будетъ содѣйствовать въ пользу принятаго намѣренія. Отчаявшись въ согласіи патріарха, такъ какъ этому препятствовала страшная клятва, царь счелъ такой поступокъ его очень неблагопріятнымъ; потому что ему одинаково хотѣлось—и привести дѣло къ желаемому окончанію, и окончить его именно вмѣстѣ

съ патріархомъ. Впрочемъ, встрѣтивъ отпоръ съ этой стороны, онъ тѣмъ настойчивѣе приступилъ къ архіереямъ. Въ тоже время и Веккъ, прочитавши книги и нашедши въ нихъ много благопріятнаго разсматриваемому дѣлу, говорилъ, что Италіанцы виноваты, можетъ быть, только въ томъ, что осмѣлились сдѣлать прибавку къ символу; а что касается прибавленнаго слова, то и дивный Кириллъ приводитъ изреченіе, равно благопріятствующее и намъ, и имъ. «Духъ Святый, говоритъ онъ, происходитъ по Существу отъ обоихъ, то есть, отъ Отца чрезъ Сына»: стало быть, разница только въ томъ, что они признаютъ предлогъ *отъ*, а мы — предлогъ *чрезъ;* тогда какъ у Кирилла эти предлоги, соединяясь въ одномъ выраженіи, оправдываютъ и ихъ и насъ. Познакомившись съ этими и многими другими мѣстами, онъ нашелъ свидѣтельство о томъ же предметѣ и у Максима великаго, который въ одномъ изъ посланій къ Руфину между прочимъ выражается такъ: «этимъ они хотѣли доказать не то, будто Единородный есть причина Св. Духа, а только означали происхожденіе Его чрезъ Сына и изображали Его совокупность и неизмѣняемость по существу.» Въ томъ же убѣждали его слова и Аѳанасія великаго, который говоритъ: «въ порядкѣ Св. Троицы Духа Святаго нельзя признавать существующимъ неисходно отъ Бога чрезъ Сына, а какъ утверждаютъ, дѣйственно. Ободренный этими и подобными мѣстами, Веккъ какъ бы уврачевалъ свою совѣсть и склонился къ миру. Это прида-

ло энергіи и царю, живо представлявшему грозныя войны и кровопролитія, для отвращенія которыхъ онъ требовалъ помощи отъ окружавшихъ его ученыхъ. Съ того времени постоянно приступалъ онъ къ архіереямъ и ожидалъ отъ нихъ содѣйствія, говоря, что Италіанскіе послы потеряли уже очень много времени по-пустому.

17. Между тѣмъ какъ это дѣло все еще тянулось, наступила необходимость отправить и съ своей стороны пословъ къ папѣ, чтобы такимъ образомъ обезопасить себя отъ Италіанцевъ и показать, что Греки, подчиняясь первѣйшей изъ церквей и почитая себя уже родственными ей, не подозрѣваютъ оттуда никакой опасности. Итакъ избираются послы. Это были: прежній патріархъ Германъ и Никейскій епископъ Ѳеофанъ, а со стороны Синклита—великій Логоѳетъ Акрополитъ, предсѣдатель вестіаріата Панаретъ и великій Діерминевтъ Верріотъ. Приготовлено двѣ тріиры: одна для сановниковъ церковныхъ, а на другой, за исключеніемъ великаго Логоѳета, должны были помѣститься чины царскіе, везшіе съ собою множество священныхъ даровъ, какъ-то,—одежды, золотыя изображенія и многоцѣнныя благовонія. Къ этому царь прибавилъ и напрестольное облаченіе (ἐνδύτην), шитое золотомъ и украшенное жемчугомъ, которое онъ принесъ въ достойный даръ храму Божію, по случаю разрѣшенія себя отъ церковнаго отлученія, и которое теперь, не успѣвъ въ замѣнъ приготовить другое такое же, для великаго храма первоверховныхъ апостоловъ, согласно

съ его обѣщаніемъ, взялъ изъ церкви и отослалъ. Между тѣмъ царь, считая неудобнымъ расторгнуть союзъ съ патріархомъ (ибо держался его, будто одночерепная раковина ([1])—камня, такъ какъ отъ него получилъ церковное разрѣшеніе, и чрезъ его ходатайство надѣялся также получить спасеніе; а что касается архіереевъ, то они почти уже склонялись), предложилъ ему слѣдующее условіе: патріархъ оставитъ патріархію и поселится въ Перивлептской обители, пользуясь всѣмъ своимъ содержаніемъ и сохраняя обычное право провозглашенія его имени при богослуженіи. По возвращеніи же пословъ, если дѣло какимъ нибудь образомъ не состоится,—онъ снова вступитъ въ патріаршія права, переѣдетъ въ патріархію и примирится съ архіереями, не упрекая ихъ за случившееся: а когда начатое пойдетъ успѣшно и придетъ къ желанному концу,—онъ совсѣмъ удалится на покой и для церкви поставленъ будетъ другой предстоятель, такъ какъ ему, связанному клятвами, нельзя буетъ уже занимать прежняго поста. По выслушаніи такого условія, патріархъ перешелъ въ Перивлептскую обитель. Это было въ 11-й день мѣсяца Экатомвеона, во второмъ индиктѣ 6782 года. Церковныя дѣла находились тогда еще въ спокойномъ состояніи; обез-

---

([1]) Ὠς λέπας πέτρας — старинная пословица, взятая изъ Аристофана, который (in Pluto) влагаетъ въ уста Хремила слѣдующія слова:

ὡς εὐτόνως, ὦ Ζεῦ βασιλεῦ, τὸ γράδιον
ὥσπερ λέπας τῷ μειρακίῳ προσέρχεται.

покоены были только лица, стоявшія во главѣ церковнаго управленія.

18. Державный сильно подозрѣвалъ, что архіереи легко не придутъ къ единомыслію: это открылось особенно съ тѣхъ поръ, какъ разсужденія Векка, который приводилъ имъ мѣста изъ святыхъ отцовъ, не только не подѣйствовали на нихъ, но еще вызвали съ ихъ стороны прямыя показанія, что хотя бы дѣло соединенія пошло и успѣшно, они не примутъ его. Поэтому царь сталъ винить ихъ, что они нарушаютъ должную ему покорность, поносятъ архіереевъ, склонившихся въ пользу мира, и проклинаютъ царя, будто бы принудившаго ихъ къ тому. Впрочемъ прежде, чѣмъ непріятности увеличились, онъ пытался склонить ихъ ласками: пригласилъ къ себѣ и, принявъ очень почтительно, сѣлъ среди ихъ и сталъ излагать обыкновенныя свои мысли. «Его побуждаетъ дѣйствовать въ пользу соединенія, говорилъ онъ, не иное что, какъ желаніе избѣжать жестокихъ войнъ и сохранить Римлянъ отъ пролитія крови; а церковь останется по прежнему неизмѣнною, не смотря ни накакія случайности. Все дѣло соединенія съ Римскою церковію состоитъ только въ трехъ пунктахъ: въ признаніи за папою первенства, въ аппелляціи на его имя и въ провозглашеніи его имени при богослуженіи. Всѣ эти преимущества, если посмотрѣть внимательно,—только пустыя слова. Захочетъ ли папа ѣхать сюда, чтобы предсѣдательствовать предъ другими? Кому изъ подсудимыхъ

вздумается измѣрить взадъ и впередъ такое огромное морское пространство, чтобы только получить судъ у людей, за которыми признано право первенства? Поминать же папу въ первой нашей церкви и во второй вашей—великой, при патріаршемъ служеніи, — что можно найти въ этомъ противозаконнаго? Какъ благоразумно отцы приспособлялись къ обстоятельствамъ, когда того требовала польза? Къ этому побуждаетъ и примѣръ самаго Бога, Который сдѣлался человѣкомъ и претерпѣлъ распятіе и смерть. Хотя Богу и неприлично было принимать на себя тѣло, однакожъ Онъ, по высочайшему домостроительству, сдѣлался человѣкомъ; а чрезъ то, что, вопреки приличію, сталъ Онъ Богомъ плотоноснымъ, получила спасеніе вся вселенная. Такъ чудно домостроительство! Если и мы, чрезъ благоразумное приспособленіе (οἰκονομικῶς), избѣгнемъ угрожающей опасности, то это не только не будетъ поставлено намъ въ грѣхъ, но еще послужитъ доказательствомъ нашего умѣнья достигать своихъ цѣлей. Вы, какъ я слышу, отвращаетесь отъ архіереевъ, которые согласились съ нами, стараясь произвесть раздѣленіе въ церкви, и, какъ носятся слухи, проклинаете насъ. Такъ вотъ теперь представляется удобный случай предложить вамъ и, по возможности, получить отъ васъ удовлетвореніе; потому что и намъ неприлично слышать подобныя вещи, и вамъ небезопасно говорить ихъ и распространять въ народѣ страхъ,—что вотъ мы-де не согласны на соединеніе, что насъ противъ

воли заставляютъ и перемѣнить нравы, и исповѣдывать такъ, какъ говорятъ Латиняне. Время кончить это чистосердечно, и мы предложимъ удовлетвореніе. Теперь я нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ, и пусть каждый выскажетъ свое мнѣніе, какъ ему кажется. Только заботтесь не объ угожденіи своей собственной прихоти; но каждый, какъ духовное лице, пусть и говоритъ по духовному. Основаніе—одно: отвратить опасность, которая неизбѣжна, если мы не сдѣлаемъ ничего въ пользу единенія. А какъ этого достигнуть, — размысли всякій самъ съ собой и выскажи свое мнѣніе въ полной увѣренности, что безъ его согласія не можемъ ничего предпринять и мы. Но разсуждать вамъ объ этомъ съобща, по нашему мнѣнію, совершенно безполезно». Этими и другими подобными рѣчами старался царь склонить предстоятелей церкви на свою сторону. Но предстоятели отвѣчали, что имъ и неприлично и опасно проклинать царя, и рѣшительно отреклись отъ такого обвиненія, изъявляя готовность подвергнуться наказанію, если дѣйствительно будутъ уличены въ этомъ. А что касается ихъ несогласія съ архіереями, то тутъ есть нѣчто похожее на правду: да и очень естественно, что люди, несогласные въ дѣйствіяхъ, расходятся и въ образѣ мыслей; только ихъ не поносятъ, какъ они говорятъ, а порицаютъ ихъ согласіе на преднамѣреваемое дѣло. Да и почему не такъ? Вѣдь каждый—господинъ своего мнѣнія, и что́ человѣку не нравится сегодня, то можетъ понравиться и сдѣлаться предметомъ

его стремленій завтра; и онъ будетъ дѣлать это не по лукавымъ расчетамъ, и не случайно, а по внушенію разсудка. Такъ-то и они склонились къ миру конечно потому, что поступить такимъ образомъ признали дѣломъ полезнымъ, и даже, какъ мы думаемъ, не противнымъ ихъ совѣсти. Что же касается до собственнаго нашего мнѣнія объ этомъ предметѣ, то прежде всего намъ и каноны не позволяютъ разсуждать о немъ, такъ какъ мы находимся подъ властію архіерея, и должны слѣдовать ему;—стало быть, тутъ и говорить нечего. Если же предложенъ будетъ вопросъ каждому изъ насъ отдѣльно, то можетъ быть и страхъ твоего царскаго величества, призывающаго къ разсужденію объ этомъ предметѣ, никому не воспрепятствуетъ высказать свое мнѣніе. Тогда царь сталъ спрашивать каждаго порознь,—и одинъ отвергалъ всѣ три пункта, говоря, что церковь, слѣдуя всегда одному и тому же ученію, не можетъ ничего принять новаго, но должна сохранять и передавать потомкамъ тоже, что̀ и сами мы получали отъ предковъ. Если же угрожаетъ обществу опасность, то это—не ея забота; на ней лежитъ обязанность только молиться: а не допускать ничего, угрожающаго бѣдствіемъ, или опасность сдѣлать безопасною—обязанъ державный. Другіе считали возможнымъ признать за папою первенство и право аппелляціи; такъ какъ эти права будутъ существовать только въ одномъ названіи и для виду, а не на дѣлѣ. Но иное дѣло провозглашать папу при богослуженіи;—на это,

равно какъ и на прибавленіе къ символу Вѣры, согласиться никакъ нельзя. Въ это время Ксифилинъ, занимавшій должность великаго Эконома, надѣясь на свою близость къ царю и на старость, всталъ и, касаясь колѣнъ царя, началъ умолять его, чтобы онъ излишними усиліями—избавиться отъ внѣшней войны, не возбудилъ внутренней—между нами самими: вѣдь никогда не примирить тебѣ всѣхъ, говорилъ онъ, хотя бы насъ-то и удалось склонить къ миру.

19. Въ такихъ разсужденіяхъ прошелъ весь тотъ день, и царь нѣсколько дней не настаивалъ на своемъ. Когда же узналъ онъ, что церковныя дѣла пришли въ замѣшательство, такъ что одинъ не принимаетъ въ общеніе другаго, оставшійся непреклоннымъ чуждается того, кто склонился къ единенію; тогда прежде всего наскоро составилъ грамату, имѣя цѣлію—собрать на ней подписи лицъ, державшихся стороны царя. Неизвѣстно, чтò побуждало его къ этому, — развѣ только то, чтобы между подписями видѣли имена предстоятелей церкви, хотя бы мнѣнія ихъ были и различны. Эти предстоятели съ готовностію подписалась словами, которыя сказалъ Богъ Аврааму (1): «благословляющіе тебя благословятся, и проклинающіе тебя будутъ прокляты».

---

(1) Здѣсь Пахимеръ очевидно перемѣшалъ слова Св. Писанія. Приведенный имъ текстъ читается въ 27, 29 книги Бытія, и заключаетъ въ себѣ благословеніе Исаака, высказанное Іакову; а то, что въ 12, 2. кн. Бытія Богъ изрекъ Аврааму, читается такъ: *и благословлю тя, и возвеличу имя твое, и будеши благословенъ.*

Затѣмъ послалъ онъ своихъ слугъ обыскать домы всѣхъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго. Въ оправданіе этого поступка говорили, что онъ—владѣтель города и, кромѣ всего прочаго, одинъ онъ—владѣтель также всѣхъ домовъ, и даритъ ихъ своимъ приверженцамъ; а тѣмъ, которые противятся ему въ чемъ—либо, онъ отказываетъ въ своей милости, и даже имѣетъ право требовать съ нихъ уплаты за то время, которое они уже прожили въ тѣхъ домахъ. Тотчасъ началась опись всѣхъ домашнихъ украшеній, мебели и всего, что у кого было, и владѣльцы этихъ вещей большею частію обвиняемы были въ оскорбленіи величества. Между тѣмъ приготовляемы были транспортныя суда для отправленія въ ссылку людей, казавшихся виновными; и дѣло не кончилось одними угрозами,—нѣкоторые на самомъ дѣлѣ испытали такую участь: однихъ сослали на Лемносъ, другихъ на Скиросъ, иныхъ на Косъ, а нѣкоторыхъ въ городъ Никею; одни изгнаны были изъ города противъ воли, другіе отправлялись добровольно; иные шли до Симвріи и Редеста, а нѣкоторые не успѣли еще выдти изъ Фаросской пристани, какъ, измѣнивъ образъ мыслей, склонились на другую сторону и были возвращены.

20. Здѣсь кстати расказать объ одномъ случаѣ съ риторомъ, на котораго ужасно было глядѣть и со стороны, а еще ужаснѣе испытать что либо подобное. Хотя разсказываемое произшествіе относится не къ этому времени, а случилось

прежде; однакожъ мы вносимъ его сюда въ образецъ тогдашняго насилія, соединяя съ другими жестокостями и этотъ жестокій поступокъ. Горе, горе намъ, что и послѣ столькихъ страданій, насъ немилосердо осуждали! Что говорить— осуждали? и теперь еще осуждаютъ тѣ самые люди, которые пришли позднѣе насъ, не показали своего лица, не подали голоса и не потерпѣли ни малѣйшаго вреда единственно потому, что таились въ неизвѣстности и не проявили ни малѣйшей ревности. Вы ли это—предстоятели церквей? Гдѣ стояли вы? Гдѣ ходили? Какую показали ревность объ общемъ благѣ? Но упрекъ не вамъ, а принявшимъ (соединеніе),—и имъ тѣмъ болѣе, что они особенно нападали на насъ. Впрочемъ довольно объ этомъ. Теперь время начать обѣщанный разсказъ.

Былъ день собранія въ священныхъ царскихъ палатахъ, и на священное собраніе явились іеромонахи, священники и монахи, сколько находилось ихъ въ городѣ. Пришелъ и патріархъ, и весь Соборъ. Предметомъ разсужденія былъ тотъ, занимавшій всѣхъ миръ. Когда всѣ усѣлись и двое приверженцевъ царя—архидіаконъ Мелитиніотъ и Протапостоларій Киприй удостоены были чести занять мѣста,—риторъ Оловолъ стоялъ и ожидалъ отъ царя позволенія сѣсть. Такъ какъ ему не было указано кресло, то онъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ. Потомъ когда начали разсуждать и стали искать ритора, считая полезнымъ его присутствіе, онъ позванъ былъ и, чувствуя нанесенное себѣ без-

честіе, предсталъ предъ царя не съ видомъ кротости,—на вопросы не отвѣчалъ; и между тѣмъ, какъ царь надѣялся найти въ немъ поддержку своихъ мнѣній, тотъ совершенно измѣнилъ прежній образъ мыслей и объявлялъ царю противное, утверждая, что никогда не согласится на предложенное требованіе. Царемъ вдругъ овладѣла ярость, и онъ разразился крикомъ: ты всегда непріязненъ царю и постоянно мѣняешься въ своихъ мысляхъ—не по другой какой причинѣ, а только по своей ко мнѣ ненависти, которая написана у тебя на носу (¹), напоминающемъ тебѣ о понесенномъ наказаніи. Выведенный изъ себя непомѣрною страстію честолюбія и раздраженный вмѣстѣ мыслію о своемъ униженіи, риторъ высказалъ дѣйствительную причину испытаннаго имъ наказанія: причина состояла въ томъ, говорилъ Оловолъ, что онъ былъ преданъ малолѣтнему царю Іоанну. Едва онъ произнесъ это, какъ приверженцы царя, желая показать наперерывъ другъ передъ другомъ свое къ нему усердіе, бросились,—кто откуда—на ритора и хотѣли растерзать его. Но царь, какъ бы по человѣколюбію, воспретилъ это, отложивши свое мщеніе, какъ послѣ оказалось, до болѣе удобнаго времени. Подпавши гнѣву царя, риторъ прибѣгъ въ церковь и искалъ въ ней спасенія: но царь, взявъ его оттуда, сослалъ въ Никею и, какъ бы желая ему добра, отпра-

---

(¹) Выше въ книгѣ III. гл. II сказано, что Оловолъ, за преданность юному Іоанну, лишенъ былъ носа.

вилъ въ монастырь Іакинѳа. Не прошло еще и года послѣ того, какъ поднятый вопросъ о соединеніи всколебалъ души восточныхъ христіанъ. Царь, пользуясь нисколько неприличными ему доносами, услышалъ уже, что риторъ отказывается принять предписанное соглашеніе и, находя въ этомъ удобный случай—его наказать, а насъ убѣдить, что онъ стоитъ такого наказанія,—даетъ приказъ привести его въ городъ въ оковахъ, и сперва подвергаетъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ пыткамъ, а потомъ устрояетъ слѣдующій новый (1) тріумфъ. Онъ велѣлъ надѣть на шеи длинныя веревки сперва ему, за нимъ второму—Іаситу Мелію, и такъ далѣе подъ рядъ до десяти человѣкъ, а наконцѣ всѣхъ—племянницѣ его, какъ будто за чародѣйство; потомъ первыхъ двухъ велѣлъ обвѣшать овечьими внутренностями со всѣми находившимися въ нихъ нечистотами,—за то, будто они не покорны царю, а ритора сверхъ того приказалъ постоянно бить по устамъ овечьими печенями, и въ такой торжественной процессіи водить ихъ по всему городу, около же церкви подвергать ихъ еще большему безчестію, угрожая чрезъ это духовнымъ лицамъ и наводя на нихъ страхъ.

Это происходило въ шестой день мѣсяца Елафиволіона (2) наступившаго года, спустя шесть

(1) Это былъ тріумфъ конечно необыкновенный, однакожъ въ Константинополѣ не новый. Подобный этому видѣла и въ своей исторіи (к 12) описываетъ еще Анна Комнина. *τὰς δὲ κεφαλὰς,* говоритъ она, *ἐντοσθίοις βοῶν καὶ προβάτων ταινίας δίκην κοσμήσαντες.*

(2) *Елафиволіонъ* у Пахимера — мѣсяцъ Октябрь, какъ это видно и

дней послѣ смерти патріарха Арсенія, который умеръ въ заточеніи на островѣ тридцатаго Гамиліона. Видя висящую надъ собою опасность, духовные начали умолять державнаго избавить ихъ отъ своего гнѣва и водворить спокойствіе, пока не возвратятся изъ Рима послы: но многократныя просьбы не убѣдили его; на противъ было объявлено, что просители будутъ обвинены въ оскорбленіи величества, если не станутъ исполнять предписанныхъ условій. Когда же иные, боясь подвергнуться еще большему насилію, стали спасаться бѣгствомъ,—царь тотчасъ приказалъ составить золотую буллу, въ которой подъ самыми страшными клятвами увѣрялъ, что ему и на мысль не приходило употреблять насиліе, или какимъ нибудь образомъ домогаться сдѣлать къ символу прибавленіе хотя бы-то одной іоты или черты, что онъ не искалъ больше ничего, кромѣ соглашенія въ трехъ пунктахъ: въ признаніи первенства папы, въ правѣ аппелляціи на его имя и въ провозглашеніи его имени,—да и то лишь на словахъ, для цѣлей государственнаго домостроительства; потому что въ противномъ случаѣ произошло бы много бѣдствій и пришлось бы терпѣть гораздо ужаснѣйшее зло. Написавъ и подписавъ это объявленіе, и скрѣпивъ золотою печатью, онъ посылаетъ его въ церковь чрезъ Прота-

---

изъ того, что предшествующій ему ἀμέσως Гамиліонъ есть Сентябрь. Въ Аѳинскомъ календарѣ Октябрю соотвѣтствуетъ Μεταγειτνειὼν.

синкрита Неокесарійца Михаила. Обезпеченные этою грамотою, архіереи подписали (предложенныя условія). Правда, нѣкоторые и теперь отказались и за то сосланы въ ссылку, но чрезъ нѣсколько времени, измѣнивъ свой образъ мыслей, были возвращены и присоединились къ церкви; такъ что изъ принадлежащихъ къ клиру никто не остался въ изгнаніи.

21. Теперь надобно разсказать и о томъ, что случилось съ послами. Отплыли они въ дурное время, потому что вошли на корабли и отправились въ путь въ началѣ мѣсяца Кронія, а въ концѣ тогоже мѣсяца пристали къ Малеѣ (1), которую обыкновенно называютъ древоядною. Въ наступившій тогда великій пятокъ вечеромъ надлежало имъ продолжать свой путь,— и они тутъ же испытали страшное кораблекрушеніе; ибо вдругъ всколыхались волны и вѣтеръ, дувшій съ Геллеспонта, покрывъ облаками сушу и море, распространилъ по землѣ такую тьму, что будто бы наступила тогда настоящая ночь, какая бываетъ по захожденіи солнца, кромѣ только блеска луны и звѣздъ. Сильное движеніе воздуха и быстрые поровы разностороннихъ вѣтровъ произвели на морѣ до того страшную бурю, что угрожали плыву-

---

(1) Малея—мысъ Пелопонеса, на сѣверной сторонѣ Лаконіи, вдающійся въ море на 50 т. шаговъ и, по дующимъ около него противнымъ вѣтрамъ, весьма опасный для мореплавателей. Отсюда произошла пословица: приближаясь къ Малеѣ, забудь о домашнихъ. Поэтому безъ сомнѣнія и Пахимеръ называетъ ее ξυλόφαγον, то-есть разрушающею или пожирающею построенные изъ дерева корабли. Hofm. Lex.

щимъ крайнею опасностію. Эта буря прежде всего разлучила корабли; такъ что находившіеся на одномъ изъ нихъ не могли знать, куда направился другой, ибо кормчіе не въ состояніи были управиться съ волнами, которыя неистово ударяясь о суда, несли ихъ по своей волѣ. Находившіеся съ Германомъ и великимъ Логоѳетомъ направили свою тріиру по вѣтру, въ открытое море, и довѣрившись морю, поступили благоразумнѣе, чѣмъ другіе, которые, при видѣ опасности, потерявъ присутствіе духа и надѣясь найти спасеніе въ какой нибудь пристани, стали держаться ближе къ твердой землѣ и, хотя тоже боялись попасть на мель, однако не отважились довѣриться открытому морю. Поэтому, когда отъ напора волнъ кормчій не могъ справиться съ кораблемъ, они вдругъ ударились о берегъ и цѣлымъ кораблемъ погрузились въ воду, вмѣстѣ со всѣми царскими дарами и драгоцѣннымъ напрестольнымъ облаченіемъ; такъ что изъ всѣхъ спасся только одинъ, который и возвѣстилъ о случившемся несчастіи. Такъ узнали о погибели бывшихъ на томъ кораблѣ гражданскихъ чиновъ. А тѣ, которые находились на другой тріирѣ съ епископами и великимъ Логоѳетомъ, проборовшись цѣлую ночь съ волнами и моремъ, хотя и близки были къ опасности потонуть, однако на зарѣ кое-какъ, съ величайшими усиліями, достигли Метоны ([1])

([1]) Городъ Метона былъ и во Ѳракіи, какъ свидѣтельствуютъ Свида и Стефанъ, и въ Македоніи, какъ это видно изъ указаній Страбона, Ѳукидида, Стефана и Плинія; а Гезихій упоминаетъ еще о Ме-

и сверхъ всякаго чаянія избѣжали предстоявшаго бѣдствія. Остановившись здѣсь на нѣсколько дней, чтобы узнать о другой тріирѣ, не удалось ли также и ей спастись отъ бури, они въ скоромъ времени получили горькое извѣстіе. Итакъ оставшись теперь одни и не видя однакожъ причины возвращаться назадъ, они рѣшились продолжать путь и поплыли къ Риму, а потомъ чрезъ нѣсколько дней, принятые папою, исполнили возложенное на нихъ порученіе. Папа принялъ пословъ съ радостію, одарилъ ихъ тіарами, митрами и перстнями, которые у нихъ обыкновенно носятъ архіереи. Проведши тамъ весну и лѣто и постоянно получая отъ папы знаки благосклонности, они выполнили обязанности своего посольства и, по наступленіи осени, вмѣстѣ съ папскими послами, возвратились въ Константинополь.

22. Теперь, по предположенію, оставалось удалить патріарха на покой и, при богослуженіи поминая папу, приступить къ избранію новаго патріарха. Но удалить патріарха было нелегко, а самъ онъ не отказывался отъ предстоятельства. Въ этомъ случаѣ царь, не видя съ его стороны отреченія, представилъ свидѣтелей

тонѣ Θессалійской. Но корабль, на которомъ плыли царскіе послы отъ Малеи, гонимый Геллеспонтскимъ или сѣвернымъ вѣтромъ, не могъ попасть ни въ который изъ нихъ; потому что въ такомъ случаѣ онъ долженъ бы былъ плыть назадъ, противъ вѣтра. Для рѣшенія этого недоумѣнія, надобно замѣтить, что у Павзанія, вѣроятно, эта самая Метона называется Μοθώνη; а Μοθώνη у него—тотъ самый приморскій городъ въ Сициліи, который нынѣ называется Модономъ. Итакъ послы прибыли въ Модонъ.

своего съ нимъ условія (между свидѣтелями былъ Дикеофилаксъ Скутаріотъ), будто патріархъ добровольно обѣщалъ уступить свое мѣсто другому, какъ скоро дѣло кончится успѣшно. Архіереи сочли эти слова законнымъ отреченіемъ, данную же имъ клятву осуждали, видя въ ней препятствіе; а въ тѣхъ словахъ обѣщаніе. Клятвою удостовѣрялъ патріархъ, говорили архіереи, что онъ не приметъ единенія, а этѣми словами обѣщалъ оставить свое мѣсто, какъ скоро единеніе состоится; стало быть, такъ какъ теперь дѣло единенія совершилось, отреченіе его получило полную силу. Зачѣмъ ему теперь оставаться предстоятелемъ церкви, когда дѣло, котораго онъ не хотѣлъ принимать подъ клятвою, и изъ за котораго обѣщался тотчасъ же отказаться отъ мѣста, рѣшено уже окончательно? Вслѣдствіе этого патріаршее мѣсто общимъ приговоромъ объявлено празднымъ, и съ 9 Экатомвеона имя патріарха перестали упоминать, а самъ онъ изъ Перивлептской обители переѣхалъ въ Анаплскую лавру. Наконецъ въ шестнадцатый день тогоже мѣсяца, когда въ придворной церкви совершалъ литургію Николай Халкидонскій,—въ присутствіи пословъ и царя, прочитанъ былъ на двухъ языкахъ апостолъ изъ дѣяній апостольскихъ (ибо въ тотъ день былъ праздникъ первоверховнаго апостола Петра, котораго память празднуетъ церковь при положеніи божественныхъ веригъ), равно какъ и божественное Евангеліе прочитано по гречески и римски, и въ свое время возглашено

діакономъ имя папы: Григорій названъ былъ верховнымъ архіереемъ апостольской церкви и вселенскимъ папою.

23. Съ того времени церковныя дѣла пришли въ совершенное разстройство; люди начали чуждаться другъ друга и, между тѣмъ какъ одинъ желалъ общенія въ божественныхъ собраніяхъ, другіе говорили: «не прикасайся, ниже осяжи», и отчужденіе простирали до того, что не хотѣли ни изъ одной посуды пить, ни вмѣстѣ разговаривать. Раздѣленіе увеличивалось съ каждымъ днемъ, и съ кѣмъ кто сходился вчера, отъ того отворачивался сегодня. Какъ больной желудкомъ, подвергаясь сверхъ того какой-нибудь новой болѣзни, вдвойнѣ страдаетъ и чувствуетъ, что первая болѣзнь, отъ столкновенія съ другою, еще болѣе усиливается, особенно если онѣ столь различны, что лѣкарство, служащее къ облегченію первой, дѣйствуетъ на другую противоположно и разслабляетъ больнаго: такъ точно было тогда и съ Божіею церковію. Претерпѣвая довольно зла отъ раскола Арсеніанъ, она испытывала теперь еще другое зло, и притомъ такъ, что обѣ эти болѣзни, терзавшія великое и прежде здоровое тѣло церкви, когда бы сталъ ты разсматривать ихъ отдѣльно, не только сами по себѣ—величайшее зло, но и не сродны одна съ другою. Тѣ самые люди, которые одинаково несогласны были со всякою другою партіею, разногласили еще и между собою, и способствовали умноженію раздѣленій—одни такъ, другіе иначе, одни просто,

другіе съ большею ревності . Кто можетъ достойно оплакать тогдашнее состояніе церкви, когда всякое беззаконіе отступниковъ считалось ни во что, и когда казалось гораздо выгоднѣе принять соглашеніе, нежели находиться въ церковномъ общеніи? Впрочемъ не все, что̀ дѣлалось тогда дурнаго, было объявляемо: многое, совершавшееся втайнѣ, оказывалось зломъ еще большимъ. Люди бѣдные были подкупаемы щедрыми подарками злонамѣренныхъ и, увлекаясь ими, молчали. Когда же говорившіе были злонамѣренны, а слушавшіе—просты и необразованы; тогда толки говорившихъ казались достойными вѣроятія. Человѣку необразованному благоразуміе не позволяло разсматривать дѣло, но внушало спасаться, не вдаваясь въ эти хлопоты. А кто, подъ предлогомъ утвержденія себя въ вѣрѣ, тронулъ бы и поднялъ извѣстный вопросъ; тотъ—охъ какой получилъ бы насморкъ! Но если напротивъ начинали въ чемъ либо убѣждать его самого,—онъ долженъ былъ слушать скромно, показывая видъ, что далѣе лопаты, заступа, да насущнаго хлѣба ничего не знаетъ. Многіе находили тогда многихъ и такими (ибо мое слово касается не всѣхъ), что они знали, въ чемъ состоитъ разногласіе церквей, знакомы были съ исторіею, читали писанія, понимали важность обвиненій, которыми одна церковь преслѣдуетъ другую; и однакожъ пользовались обстоятельствами не меньше умѣренно, какъ и осторожно:—это было хуже самаго раскола. Можетъ быть, надлежало бы имъ столь-

ко разногласить съ своими, сколько въ недавнемъ времени разногласили они съ Италіанцами; однакожъ иные и тогда, по нуждѣ, какъ говорили, имѣя съ ними общеніе, отдѣлялись отъ своихъ братьевъ, будто отъ заразы. Впрочемъ довольно объ этомъ. Вижу, что чувство увлекло мою рѣчь далѣе надлежащаго; тогда какъ мы взялись не обвинять, а повѣствовать. Будемъ же излагать одни голые факты и предоставимъ судить онихъ, кому угодно.

24. И такъ, когда Іосифъ, какъ сказано, удалился на покой,—и церковь стала искать ему преемника, представляемы были на видъ многіе изъ монашествующихъ и изъ священниковъ, пока наконецъ голоса не склонились въ пользу Принкипса ([1]), человѣка благороднаго, ведущаго свой родъ отъ князей Пелопонезскихъ. Пришедши съ родины еще въ юношествѣ, онъ, ради подвиговъ добродѣтели и совершеннѣйшей жизни, заключился сперва въ одномъ изъ восточныхъ монастырей Черной горы, гдѣ, какъ мы сказали, подвизался и патріархъ Германъ; потомъ, чрезъ нѣсколько времени, пришелъ къ царю и, получивъ санъ архимандрита, сдѣланъ былъ настоятелемъ монастыря Вседержителя; затѣмъ

([1]) Это былъ тотъ самый Принкипсъ, котораго Палеологъ посылалъ съ незаконнорожденною своею дочерью къ Тохарскому правителю Халаву (кн. 3. гл. 3.) и который въ санѣ архимандрита, а потомъ антіохійскаго патріарха, назывался Ѳеодосіемъ (кн. 6. гл. 5). Имя Принкипса было безъ сомнѣнія не собственнымъ, а родовымъ его именемъ, и происходило отъ управлявшей Пелопонесомъ княжеской фамиліи (Princeps). Собственное же имя, которымъ назывался Принкипсъ, по Георгію Акрополиту (Histor. c. 48), было Виллардуинъ.

находился въ посольствѣ къ восточнымъ Тохарцамъ и тамъ, сочетавъ бракомъ побочную дочь царя съ Апагою, удалился для уединенной жизни въ келью Одигійской обители. Впослѣдствіи Принкипсъ возведенъ на патріаршій престолъ антіохійской церкви, а теперь жилъ на покоѣ. И въ это время, въ его пользу, больше чѣмъ въ чью нибудь, оказалось голосовъ, избиравшихъ его въ санъ константинопольскаго патріарха. Такъ и вышло бы, если бы нѣкоторые изъ архіереевъ не склонились въ пользу Векка, который былъ вмѣстѣ и Хартофилаксъ, и великій Скевофилаксъ, и пользовался величайшею извѣстностію. Когда эти мнѣнія представлены были царю,—Веккъ показался ему болѣе достойнымъ, какъ по другимъ преимуществамъ, такъ и по его учености, вліяніемъ которой, равно какъ долговременною опытностію и краснорѣчіемъ могъ онъ уничтожить расколъ въ нѣдрѣ церкви. Поэтому архіереи, собравшись во святомъ и великомъ храмѣ, его одного избрали по голосамъ и въ первый и во второй и въ третій разъ. Такимъ образомъ въ двадцать шестой день Піанепсіона ([1]), въ праздникъ Святыхъ отцевъ Никейскихъ, Веккъ нареченъ былъ патріархомъ, а втораго Мемактиріона ([2]) въ слѣ-

([1]) *Піанепсіонъ* у Пахимера соотвѣтствуетъ мѣсяцу Маю,—и это не подлежитъ сомнѣнію; потому что праздникъ Пятидесятницы, о которомъ здѣсь говорится, всегда бываетъ въ Маѣ. Въ другомъ мѣстѣ (кн. IV. гл. 8) Піанепсіонъ, можетъ быть, по ошибкѣ переписчика, называется Πυαντιών, въ Аѳинскомъ же календарѣ—'Ελαφηβολιών

([2]) *Мемактиріонъ* у Пахимера соотвѣтствуетъ мѣсяцу Іюню; въ Аѳинскомъ календарѣ Іюнь называется Μουνυχιών

дующее воскресенье, или въ знаменитый Духовъ день получилъ даръ Св. Духа и посвященъ въ архіерея. Поставивъ его на этотъ духовный постъ, царь немного думалъ о церковномъ управленіи, но заботился о дѣлахъ свѣтскихъ; ибо зналъ, что Беккъ имѣетъ довольно опытности и различныхъ свѣдѣній, чтобы управлять церковію. Впрочемъ онъ изъявилъ готовность помогать патріарху, въ чемъ будетъ нужда, надѣясь и самъ пользоваться его помощію. Кромѣ того, царь далъ ему право ходатайствовать за людей и обѣщалъ исполнять по его ходатайству все, что будетъ не противно справедливости. Лица, о которыхъ надлежало просить царя, раздѣлены были патріархомъ на два класса: во первыхъ на лицъ, нуждающихся въ милости для счастливой жизни; во вторыхъ на лицъ, осуждаемыхъ и требующихъ правосудія для избѣжанія суда. Къ тѣмъ возбуждалъ онъ состраданіе царя, олицетворяя въ самомъ себѣ и мольбы ихъ и морщины и косоглазость (1), и съ одной стороны свидѣтельствовалъ объ ихъ виновности, а съ другой просилъ снисхожденія къ достойному наказанія виновному: за этихъ напротивъ ходатайствовалъ предъ державнымъ

(1) Историкъ выражается здѣсь словами Гомера:

Καὶ γάρ τε λιταί εἰσι Διὸς κοῦραι μεγάλοιο
Χωλαί τε ῥυσσαί τε παραβλῶπές τ' ὀφθαλμώ.

Поэтому странно было бы исчисляемыя здѣсь физическія недостатки приписывать Векку. Пахимеръ хотѣлъ сказать только то, что патріархъ всячески старался изобразить бѣдственное состояніе его кліентовъ, чтобы разжалобить царя.

смѣлѣе, доказывая, что они обижены, и требовалъ ихъ оправданія. Не на докладчика опирался онъ, чтобы узнать обстоятельства просителя, а выслушивалъ самъ: и отъ говорящаго требовалъ только правды въ томъ, что хотѣлось ему высказать; предъ царемъ же, полученныя показанія разбирать по правиламъ судопроизводства предоставлялъ себѣ. И сообщаемы были царю дѣла, смотря по свойству ихъ: для пользы просителей, доклады предварительно располагались такъ, что объ одномъ представлялось прежде, о другомъ послѣ, одно защищаемо было напередъ, а другое за тѣмъ. Отъ этого иногда приходилось даже и переписывать докладную бумагу, чтобы извѣстному дѣлу дать второе, или третье, или послѣднее мѣсто, если оно по всей вѣроятности, должно раздражить царя; либо изложить его въ самомъ началѣ, когда можно было надѣяться, что царь легко выслушаетъ его и приметъ съ удовольствіемъ. Потому на этого человѣка многіе полагались съ такою же увѣренностію, какъ на самаго царя, и этотъ патріархъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что смѣло говорилъ въ защиту своего духовенства, и слова его державному казались истинными. Чтобы видѣть, до какой степени прославился онъ своимъ ходатайствомъ въ пользу людей, не худо представить здѣсь нѣсколько примѣровъ его дерзновенія и заступленія за правду. Однажды въ знойное время лѣта, въ самый полдень, державный, проснувшись отъ послѣобѣденнаго сна, сидѣлъ на террасѣ и прохлаж-

дался. Недалеко оттуда, въ сторонѣ, сидѣлъ и патріархъ, ожидая, пока онъ проснется, чтобы тотчасъ подойти къ нему. Наконецъ подошелъ онъ и сталъ ходатайствовать за человѣка, который, какъ ему сдѣлалось извѣстно, обвиненъ былъ несправедливо. Но думая о томъ человѣкѣ нехорошо, царь не соглашался помиловать его. Настойчивость съ той и другой стороны была такова, что могла смутить и сторонняго слушателя. Между тѣмъ дѣло не оканчивалось: напротивъ патріархъ, какъ ходатай за правду, разгорался еще большею ревностію и все смѣлѣе приступалъ къ царю съ просьбою; а царь, въ которомъ непріятное чувство къ защищаемому обратилось уже на защищавшаго, сталъ приходить въ раздраженіе. Одинъ просилъ, а другой не соглашался; тотъ настойчиво умолялъ, а этотъ тѣмъ болѣе ожесточался; первый говорилъ, что обвиняемый незаконно потерпитъ наказаніе, а послѣдній не обращалъ на это вниманія. Наконецъ патріархъ объявилъ, что будетъ дѣйствовать рѣшительно, если царь не послушаетъ его; а царь отвѣчалъ, что никакъ не проститъ, чтобы онъ ни дѣлалъ. Тогда іерей вскипѣлъ ревностію и сказалъ: чтоже это? Чѣмъ архіереи лучше поваровъ и конюховъ, которые необходимо повинуются вамъ во всемъ, чего ни захотите? И сказавъ это бросилъ символъ патріаршей власти—жезлъ, упавшій прямо къ ногамъ царя, а самъ всталъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ вонъ. Видя, что это дѣло постыдное, царь всталъ мол-

ча; а патріархъ, не смотря на то, что его удерживали, и что многіе, одни за другими посланные царемъ просили возвратиться, увѣряя, что царя очень огорчитъ это,—ничего не слушалъ, но пошелъ пѣшкомъ и зашелъ въ сосѣдній монастырь, показавъ самымъ дѣломъ, какъ велика была ревность его и какъ не обращалъ онъ вниманія на лице, когда требовалъ угоднаго Богу. Вотъ и другой случай, о которомъ нужно сказать. Нѣкогда патріархъ просилъ за такого человѣка, который, по его мнѣнію, имѣлъ право на снисхожденіе царя. О немъ говорено было уже много разъ; но патріарха не слушали, и тому человѣку не оказывалось даже и поздней помощи. Наконецъ ходатай хватается за случай: былъ праздникъ славнаго мученика Георгія, когда въ Манганской обители бываетъ большое стеченіе народа. Патріархъ совершалъ безкровную жертву, и царь присутствовалъ при Богослуженіи. По окончаніи возношенія даровъ, царю нужно было, умывшись, приступить къ принятію антидора и благословенія отъ священнодѣйствующаго. Царскія врата отворены, и патріархъ, которому нужно было благословить царя, вышелъ. Царь подходитъ и протягиваетъ руки съ тѣмъ, чтобы взять часть священнаго хлѣба; но іерей удерживаетъ правую свою руку, въ которой былъ священный хлѣбъ. И вотъ когда съ одной стороны царскія руки были протянуты, а съ другой—рука іерея оставалась неподвижною,—въ ту самую минуту языкъ произноситъ просьбу и требуетъ свободы скорбя-

щему. Посмотрѣлъ бы ты тогда на благородное предстательство души. Одинъ проситъ разрѣшенія, а другой откладываетъ, говоря, что разрѣшать теперь, не время; противъ чего тотъ опять, еще громче взываетъ, что, напротивъ, всего приличнѣе оказывать сострадание къ человѣку, когда принимаешь освященіе отъ Бога. Наконецъ царь упрашиваетъ патріарха о полученіи антидора не для употребленія, какъ говорилъ, а болѣе для того, чтобы не было ему стыдно предъ народомъ, если возвратится отъ патріарха съ пустыми руками. Но патріархъ не давалъ, говоря, что этотъ хлѣбъ будетъ ему въ осужденіе, если скорбящій останется съ пустыми надеждами на разрѣшеніе. Тогда спокойствіе царя смѣнилось гнѣвомъ,—и онъ, не давъ никакого отвѣта патріарху, сказалъ только: «Мы не праздновали праздника», ушелъ въ свои палаты.

25. Испугавшись такой настойчивости этого человѣка, царь старался теперь отъискать случай къ ослабленію его непоколебимости и, оправдываясь предъ окружающими, говорилъ, что патріархъ часто бываетъ упоренъ, не вѣритъ никакому посреднику и, по своей недовѣрчивости, требуетъ непрестаннаго свиданія съ нимъ, что по́ходя обезпокоиваемый его докуками, я чувствую тоже, что чувствуютъ сытые люди, когда предлагаютъ имъ множество блюдъ. Какъ эти досадуютъ, когда немогутъ отдѣлаться отъ предлагаемаго: такъ досадно и мнѣ, когда патріархъ ежедневно докладываетъ о множествѣ дѣлъ, и при томъ не на бумагѣ, а лично; такъ

что по всякому предмету приходится заводить съ нимъ споръ и съ неудовольствіемъ оскорблять его достоинство отказами; а между тѣмъ дѣла наплываютъ и съ другихъ сторонъ и развлекаютъ вниманіе ума царскаго. Чтобы избѣгнуть такого затрудненія царю внушили избрать изъ семи дней одинъ и назначить его для сношеній съ патріархомъ. Посему избранъ былъ день третій, и положено, чтобы патріархъ именно въ этотъ одинъ день сносился съ царемъ по дѣламъ извѣстныхъ ему людей; для чего опредѣленъ и особый грамматикъ Михаилъ Ксифилинъ, который на доклады этого рода долженъ былъ писать рѣшенія. Такимъ образомъ Богу, милости и утѣшенію посвященъ былъ день третій. А чтобы онъ не пропадалъ и тогда, когда бы царю необходимо было въ это время заняться другими, нетерпящими отлагательства дѣлами,—мѣстомъ отдыха для патріарха назначенъ сосѣдній монастырь, въ которомъ патріархъ могъ бы побыть, если бы что необходимое иногда помѣшало царю окончательно разсмотрѣть его дѣла, пока онъ не кончитъ остальное по крайней мѣрѣ вечеромъ, или даже позднею ночью. И сколько добра получали люди отъ такой заботливости патріарха! Но объ этомъ довольно. Всѣ приведенные нами разновременные факты мы, при помощи памяти, собрали въ своей рѣчи въ одинъ порядокъ.

26. Между тѣмъ царь опять снаряжаетъ и отправляетъ пословъ къ папѣ, чтобы узнать объ исходѣ дѣла касательно соединенія, равно

какъ и о томъ, что дѣлаетъ Карлъ:—оставилъ ли онъ прежнее свое стремленіе и сдѣлался ли смирнѣе? Прибывъ въ Римъ, послы предложили миръ и были приняты благослонно. Встрѣтили они тамъ и Карла и узнали, что онъ дышалъ угрозами и сильно домогался, чтобы папа позволилъ ему напасть на городъ. Видѣли они также, какъ этотъ король ежедневно валялся у ногъ папы и иногда приходилъ въ такое бѣшенство, что кусалъ зубами скипетръ, который, по обычаю Италіанскихъ вельможъ, держалъ въ своихъ рукахъ. Все это дѣлалъ онъ, умоляя папу позволить ему привести дѣло къ концу и представляя на то свои права. Но папа никакъ не убѣждался, былъ глухъ къ его словамъ и съ своей стороны противопоставлялъ ему права Грековъ, по которымъ греческая столица должна остаться за тѣми, кому она принадлежала. Онъ утверждалъ, что хотя, по законамъ человѣческимъ, и города и деньги суть дары войны, однако Греки выше этого закона,—они сыны церкви и христіане: а на христіанъ не должны нападать христіане; иначе мы возбудимъ противъ себя гнѣвъ Божій.

27. Когда Карлъ такимъ образомъ былъ укрощенъ, царь, освободившись отъ возбуждаемыхъ имъ заботъ, предался ближайшимъ своимъ занятіямъ. Въ это время принялъ онъ къ себѣ Икарія, человѣка весьма опытнаго въ воинскихъ дѣлахъ и владѣвшаго однимъ большимъ островомъ, который у тамошнихъ жите-

лей назывался Анемопилами (1). По какимъ то случайностяхъ этотъ Икарій убѣжалъ оттуда и, передавъ свою власть надъ островомъ царю, самъ зачисленъ былъ въ придворный царскій штатъ. Кстати незадолго предъ тѣмъ царь лишился Севастократора и Деспота—родныхъ своихъ братьевъ, а еще прежде ихъ лишился и другаго Севастократора, и Кесаря, и Протовестіарія, и великаго Дукса, словомъ сказать,—многихъ высшихъ сановниковъ, а потому поставленъ былъ въ необходимость замѣстить ихъ новыми лицами. Впрочемъ этого Икарія держалъ онъ пока еще въ числѣ людей частныхъ и, посадивъ на корабли съ сухопутными войсками, отправилъ его въ Еврипъ сразиться съ великимъ Господиномъ Іоанномъ. Когда Икарій высадилъ войско съ кораблей около Сореевъ,—о его нашествіи свѣдалъ Іоаннъ и, хотя болѣнъ былъ подагрою, однакожъ не отказался вступить въ сраженіе и тотчасъ же, выстроивъ Латинянъ въ боевой порядокъ и держа ихъ въ готовности, вывелъ въ поле. Произошло жестокое сраженіе, въ которомъ великій Господинъ былъ раненъ стрѣлою и упалъ; ибо больными ногами не могъ крѣпко держаться въ стременахъ (1) сѣдла, и потому раненый былъ взятъ

(1) Это названіе острова не было общеупотребительнымъ, и потому Географія не знаетъ его. Нѣкоторые ученые догадываются, что Анемопилами здѣсь называется Липара, или группа Липарскихъ острововъ, изъ которыхъ одинъ только былъ населенъ, и которые лежатъ близъ Эоліи.

(1) Стремена Пахимеръ называетъ κλίμακες—подножными скамейками или лѣстницами, которыя, до изобрѣтенія стремянъ, въ древности при-

въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ нимъ задержаны были и многіе другіе, и въ томъ числѣ родной братъ Икарія. Въ тоже время дѣйствовало и войско сухопутное подъ командою Стратопедарха Синадина Іоанна и великаго Коноставла Кавалларія Михаила. Эти вожди устремились на крѣпость Ѳарсалу, которая нѣкогда называлась Фѳіею, въ намѣреніи запастись тамъ съѣстными припасами; но вдругъ встрѣтились съ незаконнорожденнымъ Іоанномъ. Завязавъ съ ними бой и сражаясь мужественно, Іоаннъ беретъ великаго Стратопедарха Синодина; а великаго Коноставла Италіанцы,—сколько ни преслѣдовали, поймать не могли, потому что онъ ударился бѣжать изо всѣхъ силъ и ушелъ далеко отъ преслѣдователей, хотя, что ни дѣлалъ, не могъ уйти отъ своей судьбы. Гоня своего коня опрометью и часто озираясь назадъ въ той мысли, какъ бы уйти, онъ на всемъ скаку наткнулся на дерево и разбилъ себѣ грудь. Случившіеся тамъ люди съ трудомъ остановили его коня (ибо ему самому пришлось думать уже не о конѣ, а о ранѣ и смерти) и, снявъ съ него полумертваго всадника, отнесли его въ Ѳессалонику, гдѣ онъ умеръ и погребенъ. Между тѣмъ Іоаннъ и его воины необузданно совершали убійства и собрали огромную добычу. Тогда то узнали оставшіеся отъ побоища Римляне, что за человѣкъ былъ этотъ Іоаннъ. Онъ

вѣшивались къ обѣимъ сторонамъ сѣдла. Позднѣе κλίμακες у Грековъ назывались ἀναβολεῖς, что впрочемъ означаетъ почти тоже самое.

дѣлалъ нападенія не изъ открытыхъ мѣстъ, но выскакивалъ изъ засады, ему одному извѣстной, поражалъ при первомъ взглядѣ и мужественнымъ ударомъ, котораго вовсе не ожидали, побѣждая народъ отличный и достаточно опытный въ войнѣ, пріобрѣталъ себѣ величайшую славу. Корабельное же войско, сколько сохранилось его отъ боевыхъ потерь, ведя съ собою военную добычу въ лицѣ великаго Господина Іоанна и окружавшихъ его вождей, весело возвращалось къ державному. Люди, приведенные съ великимъ Господиномъ, скованы были и посажены въ темницы; а Икарій, въ награду за его подвиги, почтенъ достоинствомъ великаго Коноставла. Народъ Ѳивскій, вмѣсто Іоанна, великимъ Господиномъ наименовалъ брата его Вильгельма. Самъ же, Іоаннъ окруженный почетомъ со стороны царя, обѣщалъ ему, что сдѣлается его зятемъ, и запечатлѣвъ свое обѣщаніе клятвою, былъ отпущенъ во свояси. Но этотъ брачный союзъ только и сохранился, что въ обѣщаніи; потому что нареченный зять, едва успѣлъ прибыть въ отечество, какъ заболѣлъ и умеръ. Тогда братъ его Вильгельмъ, котораго исторія называетъ зятемъ Іоанна незаконнорожденнаго, вполнѣ уже принялъ власть умершаго, и потому постоянно враждовалъ противъ Римлянъ. Римскій флотъ, правда, ежегодно приставалъ къ берегамъ его владѣній и, находясь подъ управленіемъ Икарія, возведеннаго уже въ достоинство великаго Дукса, причинялъ ему много зла; но рѣшительныхъ успѣховъ не было.

28. Тогда какъ Іосифъ жилъ въ Анаплскомъ монастырѣ, пратріаршествовавшій Іоаннъ, т. е. прежній Хартофилаксъ Веккъ впалъ въ тяжкую болѣзнь. Однакожъ наконецъ, послѣ долгихъ страданій, ему стало легче, и врачи нашли нужнымъ перевезти больнаго въ мѣсто болѣе спокойное, гдѣ могъ бы онъ лечиться отдыхомъ и гдѣ недосугъ не способствовалъ бы развитію болѣзни; потому что, не смотря на облегченіе, ему надлежало употреблять чистительныя средства. Удобнымъ для того мѣстомъ была избрана Лавра. По этому случаю царь захотѣлъ перемѣстить Іосифа, такъ какъ почиталъ неприличнымъ, чтобы въ одномъ и томъ же мѣстѣ жили—и патріархъ, посланный на покой, и тотъ, который послѣ него патріаршествуетъ. Но Іоаннъ зналъ пріятный характеръ Іосифа, и то, что недавно еще подавалъ онъ голосъ, по которому самъ принялъ кормило церкви; ибо когда державный желалъ слышать, кого Іосифъ укажетъ на свое мѣсто, и спрашивалъ его объ этомъ,—тотъ, преимущественно предъ многими, указалъ на Іоанна, какъ на человѣка ученаго и въ дѣлахъ опытнаго. Такъ вотъ поэтому, и вмѣстѣ потому, что вѣрилъ въ миролюбивое расположеніе Іосифа, патріархъ воспротивился его перемѣщенію и поселился съ нимъ въ одной обители. Прибывъ туда, онъ послалъ привѣтствовать Іосифа отъ своего лица и получилъ отъ него отвѣтное привѣтствіе въ выраженіяхъ дружбы и искренней признательности; потому что Іосифъ былъ человѣкъ дѣйстви-

тельно миролюбивый и пріятный, и держался столь далеко отъ дѣлъ церковныхъ, что, по собственному его признанію, одна только клятва мѣшала ему принять настоящій порядокъ вещей, который не можетъ уже идти далѣе того, до чего онъ доведенъ. Живя въ Анаплѣ Іоаннъ имѣлъ въ рукахъ много сочиненій, написанныхъ раскольниками, которые доказывали, что нынѣшнія дѣла опасны и удаляютъ христіанъ отъ Бога, и что причина нынѣшнихъ ересей—нетолько скрываемыхъ и поддерживаемыхъ сомнѣніемъ, но и гласныхъ, очевидныхъ, заключается въ Италіанцахъ. Приводили они доказательства и изъ писаній, на которыхъ опирались непрестанно,—ссылались и на изреченія святыхъ, если они благопріятствовали ихъ ученію и покровительствовали собственно имъ. Надобно стараться и о мирѣ, говорили они, но такъ, чтобы не оскорбить Бога; а если настоитъ опасность оскорбить Бога, то нужно бороться. Всему своему ученію давали они такимъ образомъ видъ совершеннаго православія и, наполняя свои сочиненія множествомъ другихъ такихъ же мыслей, представляли дѣло весьма опаснымъ.

Пересматривая все это, Іоаннъ видѣлъ, что для оправданія себя по каждому пункту ихъ обвиненія, необходимо писать и самому: но онъ понималъ, что борьба словъ противъ словъ должна произвести соблазнъ, и что пишущему нельзя избѣжать дѣйствительнаго или мнимаго нареканія въ неправильномъ сужденіи о многомъ, и потому молчалъ. Обѣщаніе не писать ничего

состязательнаго, далъ онъ даже Ксифилину, человѣку почтенному и великому Эконому церкви: «чтобы не показалось кому, говорилъ, будто мы, что ни сказали бы, налагаемъ руки на неизмѣнныя постановленія. Вѣдь имъ во всякомъ случаѣ представляется нововведеніемъ попытка— какъ опускать нѣчто въ церковныхъ дѣлахъ, такъ и держать. Говорятъ ли только что нибудь, или явно, самымъ дѣломъ востаютъ на неизмѣнные догматы,—у нихъ одно оправданіе: стоятъ за церковь;—и опытъ предпріятія отклонить имъ нетрудно. Напротивъ для насъ, хотябы наши рѣчи были яснѣе дня, хорошо будетъ и то уже, если мы удостоимся вниманія и избѣгнемъ укоризны въ извращеніи догматовъ». Такъ говорилъ Іоаннъ, когда бралъ въ руки сочиненія раскольниковъ; но находя въ нихъ много положеній вздорныхъ, захотѣлъ онъ написать опроверженіе, и сколько ни удерживался, наконецъ не могъ не сдѣлать опыта, чрезъ что навлекъ на себя множество непріятностей. Между тѣмъ живя въ лаврѣ, онъ совершенно выздоровѣлъ и, дружелюбно простившись съ Іосифомъ, возвратился въ Контанстинополь.

29. Между тѣмъ нѣкоторые люди столь далеки были отъ мира, что Іосифу, живущему и на покоѣ, не давали покоя. Они ежедневно приходили докучать этому человѣку, непрестанно занимали его, и тогда какъ онъ, по простотѣ своего нрава, мало по малу охладѣвалъ, возжигали въ немъ рвеніе. Іосифъ былъ такого уступчиваго и умѣреннаго характера, что изъ лицъ,

находившихся въ общеніи съ церковію, кто ни пожелалъ бы посѣтить его для принятія благословенія, всякому стоило только припасть къ нему и испросить благословеніе, — тотчасъ дѣлался онъ причастникомъ даровъ св. Духа. Это было невыносимо, какъ для тѣхъ, которые окружали его, такъ и для другихъ. Отъ того ежедневные его посѣтители получали все больше дерзновенія, такъ что наконецъ совершенно отдѣлялись отъ церкви. Слыша объ этомъ, державный лишилъ его своей довѣренности и обвинялъ въ томъ, что онъ не съ добрымъ намѣреніемъ допускаетъ къ себѣ многихъ и оказывается несправедливымъ къ царю; ибо тогда, какъ царь радовался, что доставилъ ему спокойствіе, онъ отечески и дружелюбно принимаетъ къ себѣ людей, далеко не согласныхъ съ нимъ въ мнѣніяхъ, и такимъ образомъ раздираетъ тѣло церкви. Имъ бы надлежало слѣдовать за Іосифомъ, а не Іосифу за тѣми, которые стали отъявленными врагами и сильно разногласятъ съ церковію. Питая эти мысли, царь послалъ къ нему запрещеніе, принимать подобныхъ людей, если только онъ дорожитъ своимъ покоемъ. Но Іосифъ отвѣчалъ, что если державному угодно будетъ сослать въ изгнаніе какъ его, такъ и лицъ его окружающихъ, то онъ уже по необходимости не станетъ принимать приходящихъ къ себѣ людей: а до тѣхъ поръ за пріемъ посѣтителей обвинять его не хорошо; ибо и для нашего утѣшенія нужно, чтобы посѣщали насъ многіе не только зна-

комые, но и незнакомые. И такъ пусть царь или сошлетъ насъ въ изгнаніе, если хочетъ; или безъ причины не дѣлаетъ намъ упрековъ, пока мы на свободѣ. Такъ отвѣчалъ Іосифъ не для того, чтобы настоящія свои обстоятельства хотѣлъ привесть въ худшее состояніе, а потому, что вѣрилъ въ расположеніе къ себѣ царя: надѣясь на это, онъ даже примѣшивалъ къ своимъ словамъ выраженія нѣсколько рѣзкія; говорилъ, напримѣръ, что царь, лишивъ меня чести, хочетъ лишить еще и утѣшенія видѣть вокругъ себя людей. Но державный, схвативъ въ этихъ словахъ, что было по его мыслямъ, вздумалъ послушаться Іосифа и сдѣлать то, чего самъ онъ хочетъ, и чего изъ уваженія къ нему, можетъ быть, не сдѣлалъ бы; то есть, подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ назначилъ ему изгнаніе, о которомъ онъ первый напомнилъ, и чрезъ посланныхъ выведши его изъ лавры, удалилъ въ Хилу (это островская крѣпость у береговъ Евксинскаго моря), гдѣ весною жить весело, но чрезвычайно тяжело зимовать; такъ какъ тотъ островъ открытъ для сѣвернаго вѣтра, который дышетъ жестокимъ холодомъ. Нѣкоторыхъ же, преданныхъ Іосифу монаховъ, разселилъ онъ, въ качествѣ ссыльныхъ, по разнымъ островамъ Егейскаго моря; а монаха Іасита Іова послалъ подъ крѣпкою стражею въ Кавею— крѣпость, лежащую при рѣкѣ Сангарѣ.

30. Въ то время царь собирался предпринять походъ въ Орестіаду, чтобы смирить до наглости безпокойныхъ Генуэзцевъ. Прежде гораздо

сильнѣе ихъ были Венеціане, правительство которыхъ отличалось и богатствомъ и оружіемъ и другими снаряженіями; такъ какъ они владѣли моремъ болѣе, чѣмъ Генуэзцы, и на длинныхъ своихъ корабляхъ переплывая морскіе пути, получали больше добычи, чѣмъ сколько случалось пріобрѣтать выгодъ Генуэзцамъ, посредствомъ торговли и перевозки товаровъ. Но съ того времени, какъ Генуэзцы получили отъ царя право свободно и безпошлинно владѣть Евксинскимъ моремъ, по которому они осмѣливались плавать даже среди зимы на укороченныхъ корабляхъ, называемыхъ таритами, — не только для Римлянъ заперты были ими всѣ пути морской торговли, но и для самыхъ Венеціанъ. Богатство ихъ и снаряженія сдѣлались предметомъ зависти. Отъ этаго стали они гордиться не только предъ единоплеменниками, но и предъ самыми Римлянами. При томъ надобно сказать, что царь особенно почтилъ одного благороднаго Генуэзца, поимени Мануила Захаріева, подаривъ ему въ восточной Фокеѣ богатыя пріисками алюминія горныя высоты, на которыхъ поселившись, онъ и работалъ съ своимъ народомъ. Но получая отъ этой работы большія выгоды, Мануилъ захотѣлъ еще большихъ и, надѣясь на милостивое расположеніе къ себѣ царя, обратился къ нему съ прозьбою. Онъ просилъ запретить Генуэзцамъ провозъ алюминія изъ верхнихъ странъ чрезъ Евксинское море; а между тѣмъ извѣстно было, что этого металла много требуютъ люди, занимающі-

еся окрашиванiемъ шерстяныхъ тканей въ разные цвѣта. Когда царь согласился на такое запрещенiе, тогда одни изъ жившихъ въ городѣ Генуэзцевъ, частiю по уваженiю къ волѣ державнаго, а частiю и потому, что городъ былъ послѣднимъ ихъ убѣжищемъ, рѣшились строго исполнять царское предписанiе; другiе же напротивъ, не обращая на это никакого вниманiя, построили большой круглый транспортъ и, выплывъ изъ своего порта, направились къ Ѳракiйскому Босфору, переплыли узкiе проходы Понта и нисколько не стѣснялись ни царскимъ указомъ, ни своими обычаями, которые требовали, чтобы ни одинъ Генуэзскiй корабль не проходилъ куда бы то ни было, не сдѣлавъ приличнаго салюта живущему въ Влахернѣ царю и не отдавъ ему поклона. И такъ, не обративъ вниманiя ни на какiя условiя и пользуясь благопрiятнымъ южнымъ вѣтромъ, Генуэзцы смѣло отчалили и, миновавъ устье Понта, направились къ сѣвернымъ берегамъ моря, гдѣ, занимаясь пиратствомъ, прожили довольно долго. Наконецъ, собравъ много добычи, которой значительную часть составлялъ алюминiй, и нагрузивъ ею транспортное судно, они смѣло поплыли назадъ. Между тѣмъ царь, узнавъ объ ихъ отплытiи, сильно оскорбился неуваженiемъ ихъ къ своей особѣ и сталъ думать, какимъ бы образомъ этихъ презрителей забрать въ свои руки. Такое намѣренiе царя не неизвѣстно было и имъ. Посему стали они теперь заботиться особенно о томъ, какъ бы счастливо совершить плаванiе необык-

новеннымъ способомъ, и чрезъ то избѣжать угрожавшей имъ, какъ они знали, отъ царя опасности. Когда передъ этими пловцами открылись уже восточныя горы, — вѣтеръ для нихъ былъ то попутный, то боковой, какъ бы только скользившій по парусамъ, и пловцы находили его достаточнымъ, для благополучнаго плаванія удовлетворительнымъ: но приблизившись къ Фаросу, они разсчитали, что единственно сѣверный вѣтеръ будетъ для нихъ полезенъ, лишь бы дулъ онъ не слабо и лѣниво, будто при безвѣтренномъ состояніи воздуха, когда паруса только что зыблются, а такъ, какъ дуетъ вѣтеръ, называемый у моряковъ Танаитскимъ ([1]). И на этотъ-то одинъ вѣтеръ надѣялись они, отчаяваясь во всемъ другомъ; ибо знали, что царская засада караулитъ ихъ. Наконецъ чрезъ нѣсколько дней ожидаемый вѣтеръ, къ ихъ радости, подулъ и сильно погналъ ихъ корабль. Оживленные надеждою на него, Генуэзцы и сами ободрились и, распустивъ всѣ паруса, понеслись по теченію. Но полагаясь на силу вѣтра, они не забыли однакожъ бока корабля завѣсить бычачьими кожами и вооружиться — съ намѣреніемъ достаточно противустать огню и всякому другому разрушительному дѣйствію на корабль,

---

([1]) О вѣтрѣ Танаитскомъ упоминаетъ Прокопій (L. 4. c. 4): Τάναϊν δὲ καλοῦσιν οἱ ἐπιχώριοι καὶ τὴν ἐκβολὴν ταύτην ἐκ λίμνης ἀρξαμένην τῆς Μαιωτίδος ἄχρι ἐς τὸν Εὐξεῖνον Πόντον... ἀλλὰ καὶ τὸν ἄνεμον, ὃς ἐνθένδε πνεῖ Ταναΐτην προσαγορεύουσιν. Стало быть, вѣтромъ Танаитскимъ называется тотъ, который дуетъ въ проливѣ, соединяющемъ Азовское море съ Чернымъ; такъ какъ этотъ проливъ въ древности, нераздѣльно съ рѣкою Дономъ (Τανάϊς), носилъ имя Танаиса.

даже и самимъ сразиться, еслибъ напали на нихъ посланные царемъ. Узнавъ объ этомъ, царь приказалъ жившимъ въ Перѣ Генуэзцамъ послать людей и остановить плывущихъ. Тѣ дѣйствительно послали много народу, чтобы преградить имъ путь; но посланные не могли остановить ихъ. Тогда Генуэзцы, не сочувствуя ихъ упорству и предохраняя самихъ себя, извѣстили царя обо всемъ, и вину сложили на этихъ единоплеменниковъ. Царь, понявъ это, какъ выраженіе крайняго къ себѣ презрѣнія, и думая, что ему будетъ стыдно, если корабль не задержатъ, и Генуэзцы уйдутъ, — собралъ всѣ грузовыя суда, какія только стояли у города, и расположивъ ихъ, будто охотникъ-собакъ, выше Гаемулійской части столицы, поставилъ начальникомъ надъ ними Вестіарія, Алексѣя Алвата: потомъ съ бывшими при немъ людьми самъ переправился чрезъ Босфоръ, и своими приказаніями производилъ ужасы. Если Вестіарій не одолѣетъ Генуэзцевъ, говорилъ онъ, то лишенъ будетъ власти. И вотъ одни изъ Римлянъ расположились на корабляхъ, а другіе выстроились на морскомъ берегу, и готовились принять грузовое генуэзское судно. Римляне напали и, окруживъ Генуэзцевъ, выполняли дѣло солдатъ, но не имѣли никакого успѣха; потому что сильный попутный вѣтеръ и высокая палуба корабля весьма много помогали Генуэзцамъ, такъ что всѣ усилія нападающихъ остались напрасными. Одни бросались, чтобы удержать корабль; а другіе, бывшіе на корабляхъ, даже и не безпокои-

лись, зная, что это будетъ безуспѣшно. Стрѣлки пускали множество стрѣлъ и дырявили паруса; но сильный вѣтеръ ослаблялъ ихъ полётъ, и больше помогалъ ходу корабля, чѣмъ сколько задерживали его нападающіе; такъ что, проскользая между окружавшими его, онъ— одинъ мало по малу убѣгалъ отъ многихъ. Царь сидѣлъ гдѣ-то въ сторонѣ и, видя, что одни нападаютъ, а другіе убѣгаютъ, находился въ сильномъ волненіи и непрестанно посылалъ однихъ воодушевлять, другимъ приказывать, а инымъ грозить. Но усилія оставались напрасными, и корабль, несомый попутнымъ вѣтромъ, уходилъ изъ рукъ преслѣдователей. Когда эти ооелѣдніе не знали наконецъ, что дѣлать, — душа царя сильно возмутилась; онъ видѣлъ въ себѣ предметъ поношенія и смѣха. Въ это время кто-то изъ приближенныхъ далъ ему такой совѣтъ, который, повидимому, обѣщалъ успѣхъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы царь воспользовался на этотъ разъ Каталонскимъ кораблемъ, который былъ больше другихъ. На этотъ корабль надобно послать достаточное число солдатъ и, распустивъ на немъ паруса, поставить его такъ, чтобы онъ первый принималъ на себя удары вѣтра: тогда сила его приражения на корабль убѣгающій ослабѣетъ; онъ будетъ загражденъ отъ дуновенія какъ бы стѣною, и потому съ другаго корабля останется только сдѣлать на него нападеніе. Этотъ совѣтъ тотчасъ приведенъ въ исполненіе. Войско быстро взошло на Каталонскій корабль и стянуло его корму. Къ

счастію стоялъ онъ недалеко; — и царь былъ радъ употребить его въ дѣло. Какъ скоро помѣстился онъ взади Генуэзскаго коробля,—удары вѣтра на второй корабль стали падать на первый, и сильно надутыя его паруса сдѣлали то, что корабль непріятельскій скоро остановился. Тогда можно было уже вскакивать съ одного корабля на другой; причемъ помогали люди на коробляхъ и съ низкими палубами, и и нападали на Генуэзцевъ съ жаромъ. Такимъ образомъ на Генуэзскій корабль, при возбужденіи со стороны царя, изъ числа однихъ всходили одни, изъ числа другихъ—другіе, и послѣ сильнаго сраженія на морѣ, взяли его. Тогда корабль этотъ приведенъ былъ въ царскую гавань, а бывшіе на немъ понесли должныя казни: многимъ изъ нихъ, въ наказаніе за презрѣніе къ царю, выколоты были глаза случайно попавшимися гвоздями. Подобнаго рода обвиненіе падало и вообще на Генуэзцевъ; ибо когда одинъ изъ нихъ сталъ величаться предъ Проселономъ и сказалъ ему, что городъ снова достанется нашимъ, — этотъ, движимый ревностію, ударилъ его по щекѣ и вышибъ Латинянину глазъ, а Латинянъ вдругъ схватилъ кинжалъ и лишилъ его жизни. Узнавъ объ этомъ, царь надѣлалъ ужасовъ; но своего гребца не отыскалъ. А такъ какъ его не возвращали (да онъ уже и не существовалъ), то царь до того разгнѣвался на Генуэзцевъ, что приказалъ Мануилу Музалону тотчасъ истребить все это племя. Музалонъ немедленно собралъ войско, сколько было его въ

городѣ и по окресностямъ. Оно—страшное и вообще, казалось еще страшнѣе, когда окружило всѣ Генуэзскіе домы и, готовое рубить, ожидало только приказанія отъ царя. Генуэзцы объяты были ужасомъ и, обуздавъ, сколько могли свою гордость, отвратили отъ себя гибель: пришедши, по возможности къ лучшему расположенію и принявъ смиренный видъ, они обратились къ просьбамъ и, представляя повинныя головы въ полную волю царя, что ни захотѣлъ бы онъ сдѣлать съ ними, стали умолять его, совершенно подчинились царской его власти и давали обѣщаніе охотно исполнять всѣ его приказанія; потому что не имѣли другаго убѣжища, кромѣ царской милости. Обузданные такимъ страхомъ, они отъ имени всего общества приняли царскій указъ и, обязавшись заплатить большой штрафъ золотомъ, едва смягчили царскій гнѣвъ. Тутъ только стало для нихъ ясно, что царское слово гораздо сильнѣе ихъ глупости. Такъ это было.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Между тѣмъ царя стали снова озабочивать движенія на Гемусѣ; ибо условія союза съ Константиномъ и договоры по случаю его брака

были уже нарушены, и Марія возбуждала въ своемъ мужѣ вражду противъ Римлянъ; такъ какъ Михаилъ, не смотря на то, что рождались у нихъ дѣти, все еще оттягивалъ дѣло о Месемвріи; да и явно было, что онъ только выдумывалъ предлоги, почему не отдаетъ этого города, въ самомъ же дѣлѣ не хотѣлъ отдать его. Притомъ ненависть Маріи противъ царя раздуваема была также и презрѣніемъ къ ея матери Евлогіи. А причиною презрѣнія къ ней оказалось разномысліе, произведенное событіями церковными; потому что державный предполагалъ въ Евлогіи враждебное къ себѣ чувство, когда она не только сама прервала общеніе съ церковію, но еще окружила себя многими раскольниками и покровительствовала имъ. Все это узнавала Марія отъ лицъ, ежедневно къ ней приходившихъ (между ними не мало было и монаховъ, домогавшихся отъ ней подаянія) и замышляла противъ дяди страшныя вещи, говоря просителямъ монахамъ, что она съ отвращеніемъ смотритъ и на поступокъ царя, почитая его ужаснымъ, и на враждебное чувство Михаила къ ея матери. Поэтому и сама старалась сдѣлать ему столько же, или еще больше зла, чѣмъ сколько можно было ожидать отъ женщины. Она отправляетъ посольство въ Палестину и, чрезъ избраннаго для этой цѣли Іосифа, называемаго также Каѳаромъ, въ сопровожденіи другихъ, съ одной стороны открываетъ Элійскому патріарху все, что сдѣлалъ царь, съ другой—располагаетъ султана къ возстанію на

царя; такъ чтобъ султану оттуда, а Болгарамъ отсюда сойтись въ его земляхъ и разорить ихъ; ибо царь, какъ нарушитель данной Богомъ вѣры, ненавистенъ Ему, и ничто столько не привлекаетъ на людей Его гнѣва, какъ нарушеніе древле откровеннаго Имъ ученія. Патріархъ эти разсказы пословъ Маріиныхъ почиталъ очень вѣроятными; потому что подобные слухи доходили до него и отъ другихъ. Стало быть, посольство это, если не смотрѣть на преувеличеніе дѣла, представлялось ему говорившимъ правду; и онъ уже не входилъ въ намѣренія того, отъ кого оно прислано; даже съ своей стороны удостовѣрилъ пословъ, что если бы Александрійскій Аѳанасій и Антіохійскій Евѳимій пришли къ единомыслію съ царемъ,—онъ будетъ дѣйствовать и одинъ. А что касается султана, то для него Болгарское посольство было явленіемъ вовсе неожиданнымъ; да и предшествовавшіе ему правители Египта не видывали подобнаго. Притомъ народъ Болгарскій не пользовался такою славою, чтобы можно было возводить его на степень государства. Поэтому послы для султана казались подозрительными, и султанъ отпустилъ ихъ молча. Между тѣмъ мнѣніе Элійскаго патріарха Григорія о несогласіи прочихъ патріарховъ оказалось дѣйствительно справедливымъ. Вотъ прибылъ въ Константинополь патріархъ Антіохійскій, едва избавившійся отъ рукъ царя Армянскаго. Послѣдній, питая къ нему ненависть, хотѣлъ отдѣлаться отъ него и, имѣя его въ своихъ рукахъ, приказалъ отвесть

туда, гдѣ онъ долженъ былъ непремѣнно погибнуть. Лица, которымъ это дѣло было поручено, отвели его на окруженпую моремъ скалу, гдѣ не встрѣчалось ни одного жителя, и не отъ кого было получить утѣшеніе. Однакожъ, сосланный, по предстательству чудотворца Николая, какъ говорилъ онъ, избавился отъ погибели и, привезенный въ городъ, явился къ царю. Патріархъ же Александрійскій, взошедшій на престолъ уже послѣ описанныхъ выше событій, не хотѣлъ пересматривать то, что состоялось прежде, и, почитая это дѣло къ себѣ не относящимся, былъ спокоенъ. Спрашивать его—не спрашивали; а самъ онъ извинялъ себя тѣмъ, что, живя между безбожниками и перенося много оскорбленій, прибѣгалъ къ царю, будто въ пристань, и потому, узнавъ о новыхъ постановленіяхъ церкви, считалъ нужнымъ молчать. Правда, отъ содѣйствованія ему онъ рѣшительно уклонялся; однакожъ и возстановлять нарушенный порядокъ находилъ тоже неблаговременнымъ.

2. Теперь слѣдуетъ сказать, что Марія, короновавъ сына своего Михаила до его совершеннолѣтія, вела и воспитывала его по царски, и въ торжественныхъ привѣтствіяхъ давала ему мѣсто послѣ отца; поэтому очень подозрѣвала Свентислава, который былъ Деспотомъ, и коварно подкапывалась подъ него, чтобы, боясь безнадежнаго положенія больнаго Константина, надежно устроитъ судьбу сына. Въ этихъ видахъ отправила она къ Свентиславу пословъ,

которые должны были клятвенно увѣрить его, что ему не мыслятъ ничего худаго, и просить его прибыть къ Маріи. Положившись на ихъ клятвы, Свентиславъ прибылъ въ Терновъ и, не смотря на свою старость, просилъ себѣ усыновленія. Усыновленіе его торжественно совершено въ церкви. Послѣ того, какъ священникъ, при множествѣ зазженныхъ свѣчей, вознесъ приличное молитвословіе, Марія обѣими полами верхней своей одежды охватила съ одной стороны Михаила, съ другой Свентислава. Когда эта церемонія кончилась, Свентиславъ отправился домой съ именемъ сына Болгарской Деспины послѣ Михаила. Но не много еще прошло времени, какъ эта коварная мать убиваетъ того, который считалъ себя усыновленнымъ ею. За то Дика, противъ обыкновенія, не на долго отложила наказаніе,— скоро взыскала неправедно пролитой крови убитаго. Что бы разсказать, какъ это было, надобно взять дѣло нѣсколько выше.

3. Жилъ тамъ по найму одинъ свинопасъ, по имени Кордокува ([1]). Такъ какъ этому имени на Греческомъ языкѣ соотвѣтствуетъ слово овощь— *λάχανον*, то называли его также Лаханою. Этотъ человѣкъ, заботясь о свиньяхъ, о себѣ самомъ не заботился,—не хлопоталъ ни о пищѣ, ни объ одеждѣ, а кормился однимъ хлѣбомъ и дикимъ овощемъ, вообще—содержался скромно и бѣдно. Но въ бесѣдѣ своей съ другими такими же бѣд-

([1]) Филологи замѣчаютъ, что Кордокува было слово Мизійское и означало *овощь*.

няками, онъ открыто высказывалъ о себѣ странныя мечты, на которыя тѣ отвѣчали больше смѣхомъ, чѣмъ увѣренностью. Восторгаясь такими-то, незнаю, откуда взявшимися надеждами, сталъ онъ внимателенъ къ себѣ, и, какъ могъ, молился Богу; ибо гдѣ было ему узнать на память божественныя молитвы, когда онъ въ простотѣ нрава жилъ почти между такими же дикими людьми, каковы были и пасомыя имъ свиньи? Питаясь подобными мыслями, онъ не шутя забралъ себѣ въ голову, что Промыслъ назначилъ его къ какой-то власти, и объ этомъ часто говаривалъ съ поселянами и свинопасами, утверждая, что ему нерѣдко являлись святые и возбуждали его произвесть волненіе въ народѣ, чтобы самому управлять имъ. Многократно слыша разсказы его объ этомъ, люди наконецъ стали ему вѣрить, и уже иначе смотрѣли на него, чѣмъ прежде; ибо предназначеніе, говорилъ онъ, близко ко времени осуществленія. Въ одинъ день, сказавъ, что получилъ знакъ приступить къ исполненію своихъ намѣреній, онъ тотчасъ приглашаетъ своихъ сосѣдей къ содѣйствію, и они повинуются, какъ бы въ надеждѣ совершить что-то великое. Вотъ приходятъ они въ страну и провозглашаютъ имя свинопаса, утверждая, что ему дано повелѣніе отъ Бога сдѣлаться правителемъ. Слова ихъ имѣли силу убѣжденія, и число его приверженцевъ постоянно увеличивалось. Теперь онъ принарядился: надѣлъ тонкое платье, опоясалъ мечь, сѣлъ на коня и отважно пустился на дѣло, превышавшее его силы. Въ то вре-

мя Константинъ страдалъ болѣзнію (у него была сломана нога, отчего лежалъ онъ безъ движенія; а если нужно было ему куда идти, то его везли въ коляскѣ, будто мертвую тяжесть); поэтому многіе презирали его, а особенно сосѣдніе Тохарцы, и, ежедневно производя набѣги на его страну, дѣлали ее по истинѣ Мидійскою добычею. И такъ вотъ Лахана столкнулся съ Тохарскою фалангою и, противупоставивъ ей свои силы, напалъ на нее и разбилъ на голову. Тоже произошло и на другой день. И такимъ образомъ въ теченіе немногихъ дней имя его сдѣлалось громкимъ. Теперь присоединились къ нему цѣлыя области и твердо надѣялись, что онъ отлично поведетъ дѣла. Лахана вездѣ былъ прославляемъ, и не проходило дня, чтобы число его приверженцевъ не увеличилось сравнительно съ прежнимъ, и чтобы онъ не отличился какимъ нибудь новымъ набѣгомъ. Все это очень пугало Константина и даже самъ царь не мало безпокоился, слыша о его славѣ: вѣдь не достигъ бы онъ того, чего достигъ (думалъ царь), еслибы не было въ немъ чего-то великаго. Впрочемъ одинъ только Константинъ такъ испугался, что тотчасъ обратился къ рядамъ своего войска, чтобы противустать такому нечаянному явленію, о какомъ никогда не думалъ ни самъ онъ, ни другой кто. А царь, отчасти слѣдуя собственному желанію быть тамъ, отчасти же и возмущаясь слухами, отправился напередъ занять крѣпости на предѣлахъ имперіи. Выѣхавъ изъ Константинополя, онъ быстро поскакалъ

къ Орестіадѣ. Но отправившись зимою и взбираясь на гору по льду, онъ потерпѣлъ нѣчто невыносимое: конь его споткнулся на льду и упалъ вмѣстѣ съ нимъ. При этомъ ужасномъ паденіи, всадникъ такъ сильно ободралъ себѣ руки и лицо, что раны его не успѣли закрыться въ продолженіе всего похода, и слѣды ихъ оставались даже по его возвращеніи. Тогда какъ державный ѣхалъ въ Адріанополь, пришло извѣстіе, что Константинъ убитъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ: Лахана съ каждымъ днемъ становился сильнѣе,—и Болгары, презиравшіе своего царя, присоединялись къ нему во множествѣ. Свентислава, по коварству Маріи, въ живыхъ уже не было; искренно же дѣйствовавшіе въ пользу Константина, по проискамъ этой Деспины, были убиваемы: если же иные и жили еще, то либо были заподозрѣны въ непріязненныхъ замыслахъ, либо дѣйствительно злоумышляли. И такъ Константинъ оставался одинъ съ немногими, и долженъ былъ бороться съ Лаханою, который уже презиралъ его. Устроивъ войско, онъ повелъ его, а самъ сидѣлъ въ коляскѣ. Тѣ, кому ввѣрилъ онъ защиту своей особы, устремились на непріятелей. Но Лахана тоже шелъ ему на встрѣчу и, только что появился, тотчасъ напалъ и разбилъ его войско на голову; потомъ его самаго, какъ несдѣлавшаго въ сраженіи ничего достойнаго царствованія, закололъ будто жертву, бывшихъ же съ нимъ и побѣжденныхъ воиновъ присоединилъ къ собственному войску и смотрѣлъ на нихъ, какъ на сво-

ихъ. Такимъ образомъ, крѣпко держа въ рукахъ всю страну, онъ началъ уже забирать и города и, покоряя ихъ своей власти, не успокоился до тѣхъ поръ, пока не былъ провозглашенъ правителемъ и царемъ. Таковы были его дѣла; такъ съ каждымъ днемъ возрасталъ онъ силою и получалъ успѣхи за успѣхами.

4. Поскорбѣвъ, естественно, объ этомъ неожиданномъ событіи, и по возможности обезопасившись, сколько требовала осторожности смерть Константина, царь задумалъ увеличить свою силу сближеніемъ съ Лаханою. Онъ послалъ развѣдать о варварѣ и желалъ узнать, въ состояніи ли этотъ мятежникъ идти дальше, послѣ того какъ, начавъ свою жизнь столь скромно, онъ легко достигъ такого величія. У царя была даже мысль принять его къ себѣ въ зятья по дочери, если только посламъ покажется, что онъ способенъ управлять Болгарскимъ народомъ. Но при этомъ подумалъ онъ о непостоянствѣ счастія, которое иногда благопріятствуетъ до крайности, а иногда, склоняя вѣсы въ другую сторону, отнимаетъ и то, чѣмъ владѣлъ человѣкъ издавна: одна только добродѣтель упрочиваетъ все, что есть, и питаетъ надежду получить то, чего еще нѣтъ. Размышляя такимъ образомъ, царь сильно заподозрилъ счастіе Лаханы въ томъ отношеніи, какъ бы не отняло оно своихъ даровъ скорѣе, чѣмъ дало ихъ; ибо гдѣ нѣтъ добродѣтели, тамъ эти дары быстро увядаютъ и непозволяютъ спѣшить ни удивленіемъ, когда получаются, ни сожалѣніемъ, когда бы-

ваютъ отнимаемы. Переворачивая такія мысли въ головѣ, сталъ онъ совѣтоваться съ своими приближенными. Явно было, что Болгарское правительство имѣетъ нужду въ представителѣ: и вотъ на совѣтѣ царь противупоставлялъ Лаханѣ сына Мицы Іоанна, и зная, что первому даютъ право на власть только счастіе, отвага и благопріятный ходъ дѣлъ, послѣдняго почиталъ онъ тѣмъ достойнѣе—управлять Болгаріею, что за нимъ утверждалось это право и родомъ его, и родственными отношеніями. Въ мнѣніи царя многимъ нравилось то, что сынъ Мицы сдѣлается царскимъ зятемъ, и такимъ образомъ, взошедши на принадлежавшій ему прежде престолъ, обязанъ будетъ этимъ самому царю—частію потому, что царь заступается за право Мицы, котораго предки кротко управляли Болгарскимъ народомъ, частію потому, что онъ заботился объ Іоаннѣ, какъ о зятѣ. А что касается до Лаханы, то непостоянное счастіе, по всей вѣроятности, обмануло его: онъ уже и теперь, при одномъ появленіи Римскихъ войскъ, ослабилъ свои порывы, и ему безъ надежды—на чемъ нибудь опереться, предстоитъ опасность или впасть въ рабство, или уйти и скрыться. Марію же, вмѣстѣ съ ея сыномъ, Терновцы охотно выдадутъ, такъ какъ обиды, какіе эта Деспина наносила имъ, представлялись не такъ малыми, чтобы можно было забыть ихъ.

5. Держа открытый совѣтъ объ этомъ, царь тайно послалъ просить мнѣнія и у патріарха. Патріархъ очень сильно склонялся въ пользу

Мицы и, написавъ свой отзывъ, передалъ его совѣту. Тоже писалъ и Принкипсъ, іеромонахъ Ѳеодосій, удостоенный чести участвовать въ совѣщаніи, такъ какъ онъ, по случаю смерти Ѳеоспокійскаго Евѳимія, былъ уже избранъ вмѣсто его на патріаршую каѳедру. Впрочемъ объ этомъ не худо разсказать подробнѣе. Антіохійская патріархія вдовствовала. И вотъ съѣхалось въ Константинополь много восточныхъ епископовъ, изъ которыхъ одни прибыли сюда изъ тамошнихъ своихъ епархій сами собою, а другіе находились здѣсь еще раньше, по распоряженію Евѳимія; потому что, когда патріархъ сдѣлался болѣнъ, — епископъ Аназарбскій Ѳеодоритъ совѣтовалъ ему призвать съ востока достаточное число епископовъ, и это уладилъ съ тою цѣлію, чтобы, по смерти патріарха, они безпрепятственно нашли преемника Евѳимію въ Ѳеодоритѣ. Но такъ какъ въ этомъ случаѣ требовался человѣкъ, который могъ бы быть полезнымъ; то относительно Принкипса никто не спорилъ, и онъ тогда же былъ избранъ и призванъ на патріаршество. Однакожъ царь, входя въ это дѣло глубже, опасался, какъ бы не вздумали надъ нимъ подшутить, и удерживаемый подозрѣніемъ, избѣгалъ повода къ насмѣшкѣ надъ собою. Онъ не совсѣмъ не зналъ, что Принкипсъ, по случаю недавнихъ событій, какъ-то мало держится единенія съ церковію, и хотя думалъ, что достиженіе высочайшей чести заставитъ его покориться, но твердо въ томъ не былъ увѣренъ. Если же избранный на патріаршество, онъ не усту-

питъ; то, удостоившись такой чести, не будетъ его слушать, да и избравшимъ по необходимости надѣлаетъ не меньше притѣсненій. Потому-то царь писалъ объ этомъ патріарху секретно, съ намѣреніемъ напередъ испытать, какое дастъ онъ съ своей стороны мнѣніе. И это испытаніе сдѣлано было чрезъ писателя настоящей исторіи; ибо, по особенной близости его къ Принкипсу, находили, что для предположенной цѣли онъ будетъ способнѣе другихъ. Такимъ образомъ патріархъ, получивъ секретное письмо отъ царя, писалъ къ сочинителю этой исторіи, чтобы онъ, часто посѣщая Принкипса и заводя рѣчь о патріаршемъ престолѣ, искусно вызналъ образъ его мыслей, проникъ въ его чувствованія и увѣрилъ его въ томъ, что если, призванный, будетъ онъ слушать царя, то получитъ достоинство патріарха. Это и было исполнено. Тогда державный, относясь къ Принкипсу, какъ уже къ избранному на патріаршество, послалъ ему любезное письмо и сдѣлалъ его участникомъ въ томъ совѣтѣ. Итакъ получивъ ихъ мнѣнія и еще прежде—мнѣніе Деспипы, онъ привелъ ихъ въ исполненіе и, чрезъ посла призвавъ къ себѣ Іоанна изъ Троиковъ Скамандрскихъ, гдѣ онъ жилъ, пользуясь достаточнымъ отъ царя содержаніемъ, переодѣлъ его и назвалъ своимъ зятемъ и царемъ Болгарскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дано было ему дѣдовское имя Асана и это наименованіе торжественно объявлено всей его свитѣ, съ назначеніемъ должнаго наказанія тому, кто, по старой привычкѣ, назвалъ бы его ина-

че. Болгаръ, которые готовы были покориться его зятю, царь тутъ же призывалъ для полученія благодѣяній; а сохранявшимъ въ этомъ отношеніи нѣкоторую осторожность посылалъ подарки и подкрѣплялъ ихъ надеждою, что они будутъ блаженствовать, если, отложившись отъ Маріи, признаютъ царемъ Іоанна. Все это устроялъ онъ изъ Адріанополя, и нѣкоторыхъ Болгаровъ, приступившихъ къ нему по одному слуху, осыпалъ благодѣяніями, а прочихъ располагалъ силою обѣщаній.

6. Едва только царь возвратился въ городъ, какъ извѣстили его о скоромъ прибытіи Михаила съ запада. Махаилъ былъ младшій сынъ Деспота, и сперва назывался Димитріемъ; но по смерти отца, въ память о немъ, принялъ имя Михаила. Доставшаяся ему часть отцовской земли казалась для него уже несоотвѣтственною важности того достоинства, которое получилъ онъ отъ державнаго, вмѣстѣ съ обѣщаніемъ принять его въ зятья. Поэтому, оставивъ отцовское наслѣдіе, и вѣря граматѣ, запечатлѣнной клятвою, онъ и явился теперь къ царю. И такъ у царя предназначенъ былъ бракъ двухъ его дочерей Ирины и Анны (Евдокія была еще малолѣтна). Бракъ Ирины съ Асаномъ, котораго величали уже Болгарскимъ царемъ, совершаемъ былъ весьма торжественно. Асанъ носилъ царскіе знаки: только лошадиные попоны были у него изъ шерсти; а во всемъ другомъ онъ нисколько не отличался отъ царя. Притомъ было положено, что если дѣло пойдетъ

хорошо,—онъ съ войсками царя вступитъ въ Терновъ; въ противномъ же случаѣ снова будетъ украшаться деспотствомъ Римской имперіи. На этихъ условіяхъ сперва совершенъ былъ бракъ, а за тѣмъ начались непрестанныя совѣщанія, какимъ бы образомъ получить дальнѣйшіе успѣхи. Но браку Михаила и второй царской дочери Анны помѣшали нѣкоторые церковные каноны, положенные въ древности Сисиніемъ ([1]) и получившіе силу неизмѣнныхъ опредѣленій. Извѣстно было, что жена Деспота Никифора, Анна, приходилась родною племянницею дочери царя Анны; а Михаилъ и Никифоръ были родные братья. Такимъ образомъ этому браку препятствовала шестая степень родства: то-есть, съ одной стороны оказывалось четыре степени, да съ другой—двѣ. Поэтому требовалось соборное разсмотрѣніе и разрѣшеніе вопроса. Разсмотрѣвъ это дѣло, Соборъ опредѣлилъ: такъ какъ связи царей способствуютъ миру государствъ; то правила для нихъ можно болѣе ослаблять, чѣмъ для другихъ, и несогласіе съ канонами уравновѣшивать милостію къ просителямъ. Такимъ образомъ бракъ былъ разрѣшенъ, и Михаилъ, получивъ достоинство Деспота, соединился съ царевною Анною. Съ этого времени клят-

---

([1]) Подъ именемъ Сисинія разумѣется здѣсь не тотъ древній Константинопольскій патріархъ, который слѣдовалъ за Аттикомъ и патріаршествовалъ въ 226 году по Р. Х., какъ говоритъ Сократъ L. с. 26, а другой, управлявшій церковію около 995 года; ибо Іоаннъ Куропалата (Hist. ad ann. mundi 6503) этому именно патріарху приписываетъ составленіе каноновъ о степеняхъ родства.

венно обязался онъ служитъ царямъ; а Іоаннъ, если сдѣлается Болгарскимъ царемъ, тоже клятвенно обѣщался быть въ союзѣ съ Римлянами, въ противномъ же случаѣ—давалъ клятву оставаться вѣрнымъ слугою царей въ качествѣ Деспота.

7. Тогда царю пришло на мысль сперва овладѣть Маріею, чтобы не дать ей времени привести свои дѣла въ хорошее состояніе, и такимъ образомъ разрушить его планы. Съ этою цѣлію онъ посылалъ къ ней многихъ не столько для дѣйствій непріязненныхъ, сколько для того, чтобы кротко расположить Болгаръ къ выдачѣ Маріи и принятію царскихъ дѣтей. Марія знала, что находится въ тѣсныхъ обстоятельствахъ и что ей грозитъ зло съ двухъ сторонъ: съ одной—буйствовалъ Лахана, который, недавно явившись, успѣлъ уже опустошить страну и овладѣть всѣми окрестностями Тернова, съ другой—наступали и все увеличивались войска царя, которыя черни грозили внѣшнимъ разорѣніемъ, а въ высшихъ сословіяхъ возбуждали внутреннее неудовольствіе. Поэтому она трепетала какъ за себя, такъ и за своего сына, и ужасныя безпокойства волновали ея душу. Знала она, что ей не по силамъ бороться съ тѣмъ и другимъ врагомъ, а потому рѣшилась умилостивить одного изъ нихъ, обѣщавшаго ей больше пользы. По ея мнѣнію, всего естественнѣе было обратиться къ царю. Къ этому обязывали ее—и приличіе, требовавшее отъ ней цѣломудрія, и долгъ къ покойному мужу, который возбранялъ ей вступать въ связь съ его убій-

цею. Лучше казалось искать спасенія у того, отъ кого получено ею и царское достоинство. Такимъ образомъ она нашла справедливымъ послать къ царю и умолять его о спасеніи. Это однакожъ нисколько не благопріятствовало ея видамъ: главною ея заботою было упрочить власть за собою и за своимъ сыномъ Михаиломъ; а царю между тѣмъ и во снѣ не снилось пренебречь выгодами своихъ дѣтей, которыхъ онъ и прежде уже предназначилъ къ той власти. И такъ требованія царя были совершенно отвергнуты. Но послать къ варвару и просить союза съ нимъ на условіяхъ, чтобы онъ предоставилъ ей управленіе народомъ—Марія почитала дѣломъ тоже безсмысленнымъ; ибо съ человѣкомъ, который добивается ея власти, вступить въ условія о томъ, чтобы онъ оставилъ власть, казалось, не возможно. Со стороны царя озабочивало ее опять и то, что начавъ хлопотать о власти для своихъ дѣтей, онъ не успокоится. Это привело ее къ рѣшимости—презрѣть и честь покойнаго мужа, и негодованіе людей, что бывъ Деспиною, она предается такому человѣку и смотритъ только на выгоды свои и своего сына; а выгоды эти, по ея мнѣнію, состояли въ томъ, чтобы вполнѣ предаться свинопасу и, отворивъ для него ворота царства и города, соединиться съ нимъ и жить, какъ Деспинѣ съ царемъ. Обдумавъ это, она немедленно (ибо посольство со стороны царя не позволяло медлить) посылаетъ къ свинопасу объявить ея мнѣніе и желаніе. Выслушавъ пословъ, Лахана сперва обнаружилъ гордость

и неуваженіе, величаясь такъ, что вотъ онъ долженъ подарить ей власть, которой не успѣлъ еще добыть мечемъ и превосходнымъ войскомъ; однакожъ потомъ принялъ условія касательно брачнаго союза,—только очень лукаво и двусмысленно, чтобы кто не счелъ его женолюбивымъ и охотникомъ до женскихъ спаленъ. Онъ обнаружилъ характеръ тѣхъ людей, которые берегутся изнѣживать чувства и презираютъ это, а только по миролюбію и во избѣжаніе пролитія крови въ междоусобной войнѣ соглашаются на подобныя уступки, оказывая чрезъ то милость другимъ, но никакъ не принимая милости отъ другихъ. Послѣ того съ обѣихъ сторонъ заключены были клятвенные договоры, и ворота для него отворились. Принявъ его внутри города, Марія вступила съ нимъ въ бракъ и, раздѣляя съ новымъ мужемъ почести царствованія, думала, что нашла себѣ въ немъ достаточную оборону противъ царя. Услышавъ объ этихъ событіяхъ, царь, какъ и надлежало полагать, довольно возмутился, однакожъ притворно скрывалъ свое смущеніе, возбужденное обманутыми надеждами, и только по справедливости укорялъ Марію за ея поступокъ, говоря, что этимъ она и родъ ихъ обезчестила, и власть отдала человѣку ничего нестоющему. Вѣдь Лахана не въ состояніи ни отразить, ни выдержать Тохарцевъ, которые, по всей вѣроятности, устремятся на него, частію какъ на явнаго ихъ врага, а частію и потому, что его ненавидятъ сами соотечественники. Но царь не ограничивался одними

словами: онъ опять послалъ войско бороться и подготовлять паденіе Маріи. Тогда Лахана, оставивъ супружескую нѣжность, сталъ жить варварски, и хитро поддѣлывался къ лицамъ, его окружавшимъ. Онъ зналъ, что непріятели возстаютъ на него съ двухъ сторонъ, и думая, что изнѣженность—вздоръ, что она только усыпляетъ человѣка во время военныхъ опасностей, сталъ ссориться съ Маріею и даже нерѣдко билъ ее. Лучше всякаго бездѣйствія казалось ему входить въ окружавшія его обстоятельства, располагать къ себѣ Болгарскихъ правителей и готовиться къ войнѣ съ обоими непріятелями; ибо послѣ того, что сдѣлано, нельзя было ему ни примириться съ Тохарцами, ни питаться надеждою на царя. Поэтому онъ, сколько могъ, волею—неволею готовился къ борьбѣ. Получивъ власть, сверхъ всякаго чаянія, ему хотѣлось не только сохранить ее, но и отстоять. Ежедневно подвергаясь нападеніямъ извнѣ, онъ принужденъ былъ сражаться по неволѣ; ибо, хоть и варваръ, а зналъ, что при всемъ нерасположеніи къ войнѣ, воевать ему велитъ самая необходимость. Поэтому отважныя его схватки выходили удачными, и противустоявшіе безпорядочной его стремительности не въ силахъ были удержать ее; такъ что и хорошіе воины боялись встрѣтиться съ нимъ, ибо знали, что худо будетъ тому, кого онъ одолѣетъ. Попасть въ руки Лаханы было тоже, что, по крайней его жестокости, подвергнуться смерти; ибо никто не видывалъ, чтобы варварское его сердце

когда нибудь смягчалось состраданіемъ. Поэтому смѣлость нашихъ воиновъ часто была задерживаема представленіемъ ужасовъ, если кого возметъ онъ въ плѣнъ; и отъ того они дѣйствовали какъ бы не всею полнотою своихъ силъ. Между тѣмъ Асанъ окружаемъ былъ многочисленнымъ войскомъ,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторые съ враждебной стороны, нехотя попавшіеся нашимъ въ плѣнъ, находили себя въ хорошемъ состояніи; потому что, покорившись, избавлялись отъ тиранна и присоединялись къ царю: напротивъ отведеннымъ туда нечего было и думать о спасеніи; ихъ наказывали, какъ враговъ.

8. Такимъ образомъ дѣло шло медленно, и другой надежды на избавленіе отъ зла не оставалось, кромѣ надежды—избавиться отъ варвара. Это скоро и послѣдовало; ибо Лахана не избѣгъ непостоянства судьбы, которой все приписывалъ. Вскорѣ разнеслась вѣсть, что онъ побѣжденъ Тохарцами. Услышавъ объ этомъ, Терновиты, давно уже волновавшіеся противъ Маріи, нашли теперь благовременнымъ выдать ее вмѣстѣ съ сыномъ военачальникамъ царя, а Асана признать своимъ Деспотомъ; потому что ему издавна принадлежало право господства надъ Болгарскимъ народомъ. И такъ Марія, беременная плодомъ отъ варвара, была приведена вмѣстѣ съ Михаиломъ къ царю въ Адріанополь, куда прибылъ онъ вторично, и отдана подъ приличный караулъ; а Асанъ съ Ириною (только не вмѣстѣ,—Ирина послѣ Асана,—уже по воз-

вращеніи царя въ городъ) безпретятственно вступили въ Терновъ и были привѣтствованы, какъ цари. Между Терновитянами особенно замѣчателенъ былъ Тертерій, котораго Болгары очень уважали и величали. Царь захотѣлъ соединить его узами родства съ Асаномъ и почтить достоинствами; потому что онъ сильно посягалъ на царскую власть, и между военачальниками домогался высшаго значенія. Но этому желанію царя препятствовала жена Тертерія. Если почтить его, имѣющаго такую жену, то онъ роду Асана не принесетъ никакой пользы; потому что жена начнетъ тѣмъ болѣе раздражать и поджигать его замыслы. И такъ царь обѣщалъ сдѣлать Тертерія Деспотомъ съ тѣмъ условіемъ, если онъ разведется съ своею женою и вступитъ въ бракъ съ родною сестрою Асана. Это состоялось, и жена его, отведенная въ Никею съ сыномъ Свентиславомъ, отдана подъ стражу; а сестра Асана соединилась съ Тертеріемъ, и оба они почтены достоинствомъ Деспотства.

9. Содѣйствіе Тертерія было, по видимому, весьма полезно для Асана, и потому Асанъ нѣсколько времени раздѣлялъ съ нимъ власть. Но скоро все это разстроилось; народъ Болгарскій всегда готовъ къ вѣроломству: такъ что скорѣе можно повѣрить дуновенію вѣтра, чѣмъ благорасположенности Болгаръ. Ясно было, что Болгары давно уже задумали измѣну; а возбуждалъ умы ихъ Тертерій, тайно домогавшійся царской власти. Онъ и явно былъ подозрѣва-

емъ; но только прикрывался родствомъ съ Асаномъ, — какъ, то-есть, сдѣлаться ему измѣнникомъ, когда онъ родственникъ Асана? Между тѣмъ Асанъ ожидалъ возмущенія и, опасаясь, какъ бы оно не предупредило его и не поставило въ состояніе безвыходно бѣдственное, задумалъ подъ благовиднымъ предлогомъ бѣжать и захватить съ собою государственное богатство. Это и въ самомъ дѣлѣ удалось ему. Сокровища Болгарскаго государства, особенно драгоцѣнныя, состояли изъ вещей, давно уже взятыхъ у Римлянъ, когда они, воюя подъ предводительствомъ царя Исаакія, были побѣждены Болгарами. Съ тѣхъ поръ эти вещи лежали въ царской сокровищницѣ больше для хвастовства, чѣмъ для употребленія. Взявъ ихъ и другое кое-что удобоносимое, они скрыли это подъ одеждою и, вышедши ночью изъ города, какъ будто для освѣженія себя прогулкою на чистомъ воздухѣ, переодѣлись и со всевозможною скоростію пустились въ Константинополь. Въѣзжая въ Месемврію, обнаружили они царскую пышность и великолѣпіе, чтобы незамѣтили въ нихъ бѣглецовъ; а потомъ поплыли моремъ на кораблѣ и прибыли въ городъ. Когда пристали они къ обители архистратига въ Анаплѣ,—царь нѣсколько дней не принималъ ихъ и сильно гнѣвался за это бѣгство, приписывая такой поступокъ ихъ трусости и малодушію, чрезъ которое они въ короткое время потеряли плоды многихъ трудовъ и походовъ. Но такъ какъ сдѣланнаго возвратить было нельзя, то онъ наконецъ

дозволилъ имъ вступить въ городъ и представиться ему. Между тѣмъ Тертерій, по желанію Болгаровъ, занялъ оставленный царскій престолъ; а потомъ вскорѣ пронесся слухъ, что онъ началъ царствовать самымъ дѣломъ и торжественно коронованъ, какъ владѣтель Болгаріи. Доселѣ было такъ, а о дальнѣйшемъ скажемъ послѣ.

10. Прошло уже четыре года прекраснаго патріаршествованія Іоаннова, какъ вдругъ въ мѣсяцѣ Линеонѣ, седьмаго индиктіона, нѣкоторые клирики взвели на Іоанна страшныя обвиненія. Они были конечно ложны и совершенно пусты, однакожъ такія, какія принимать царь не затруднялся; потому что особеннымъ его стараніемъ было ослабить ревность патріарха, силою которой онъ недавно сдѣлалъ то, о чемъ было говорено выше. Это и очень многое другое возбуждало гнѣвъ царя, и онъ не зналъ, какъ усмирить столь пылкаго и стремительнаго человѣка—тѣмъ болѣе, что патріархъ имѣлъ въ виду не себя (объ этомъ нечего бы и безпокоиться), а пользу другихъ. Тогда какъ онъ придумывалъ, какимъ образомъ укротить этого льва, взнесенныя на него обвиненія, сколь ни мало они представлялись правдоподобными и достойными вниманія, на взглядъ его были полезны. Обвинять въ наклонности къ блудодѣянію скорѣе можно бы Пелея [1], чѣмъ Іоанна; а взво-

[1] Почему Пелей, отецъ Ахиллеса, представлялся Пахимеру образцемъ чистоты, ни изъ чего невидно. Гомеръ по мѣстамъ прославляетъ

дить обвиненіе въ разграбленіи церковнаго имущества скорѣе можно бы на честнѣйшаго изъ людей, Аристида, чѣмъ на этого патріарха. Поводомъ же къ клеветѣ на него былъ слухъ, будто онъ, проклиналъ царя. Отправляясь къ царю ходатайствовать за кого нибудь, кто нуждался въ его милости, патріархъ, на основаніи опыта, часто подавалъ просителю надежду на успѣхъ: но сколько онъ ни ходатайствовалъ, успѣха никогда не было. Изъ этихъ трехъ лицъ, то есть, покровительствуемаго патріарха и царя, одинъ все неотступнѣе просилъ, другой все упорнѣе докучалъ, а царь все увертывался со дня на день и откладывалъ. Тотъ, за кого патріархъ ходатайствовалъ, просилъ еще похлопотать за него; а послѣдній, наученный опытомъ, не рѣшался, ибо зналъ, что прогнѣваетъ царя, если опять заговоритъ и, оправдываясь предъ просителемъ, что не по нерадѣнію не продолжаетъ представлять царю о его невинности, призывалъ Бога въ свидѣтели своего усердія и говорилъ: «видитъ Богъ, какъ я старался объ этомъ». Слыша такія слова, клеветникъ составилъ ложный доносъ, будто патріархъ призывалъ Бога для отмщенія несправедливо поступающему царю. Какъ бы такими-то сильными рычагами думали они поколебать твердыню ду-

---

только его щедрость и гостепріимство. Не дѣлалъ ли Пахимеръ аллюзіи на этимологію слова πηλεὺς—отъ πηλὸς грязь? Какъ бы то есть хотѣлъ сказать: въ блудодѣяніи скорѣе можно бы обвинять Пелея, любимца боговъ,—по крайней мѣрѣ потому, что его именемъ означается грязь, чѣмъ Векка.

ши его. Возбуждалъ же ихъ къ тому Исаакъ Ефесскій, духовный отецъ царя, который не имѣлъ никакой причины ненавидѣть патріарха, а только хотѣлъ сдѣлать пріятное державному. Это побуждало его; а можетъ быть представлялось и другое побужденіе—стѣснить патріаршую власть на востокѣ, чтобы, то есть, патріархъ не завѣдывалъ ни какими другими мѣстами, кромѣ тѣхъ, которыя находятся въ Константинополѣ, мѣста же, лежащія внѣ его области, зависѣли бы отъ епископовъ тѣхъ областей, гдѣ они находятся. Вотъ о чемъ старался онъ и чего можно было достигнуть не иначе, какъ поселивъ вражду между царемъ и іерархомъ. Такъ и сдѣлалось, когда позволено было являться къ нему обвинителямъ, и когда обвинители по возможности были имъ подстрекаемы. (11) По крайней мѣрѣ къ этому времени относится царская новелла, которая, между многими другими постановленіями и опредѣленіями, заключала въ себѣ и то, чтобы всякаго рода мѣста, подчиненныя дотолѣ патріарху, въ какихъ бы областяхъ и обителяхъ они ни были, зависѣли отъ епископовъ тѣхъ областей, гдѣ находятся; ибо древнія каноническія правила не позволяютъ, чтобы судъ патріарха Константинопольскаго простирался за предѣлы его епархіи. Говорившій это не понималъ, что онъ отнимаетъ у патріарха значеніе «вселенскаго», когда ограничиваетъ его однимъ Константинополемъ и не назначаетъ ему даже такой области, какую имѣлъ всякой епископъ. Воспользовавшись временемъ нерасполо-

женія царя къ патріарху, будто находкою, Исаакъ Константинопольскія права передалъ своимъ епископамъ, а это значило все равно, что себѣ. Дѣла о патріархѣ царь не рѣшалъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцовъ, то оставаясь на сторонѣ судей, то заступаясь за патріарха и освобождая его отъ обвиненій, какъ отъ выдуманной доносчиками клеветы. Онъ игралъ здѣсь двоякую роль: то побуждалъ судей обвинить и даже обличить патріарха; то опять ласкалъ его и притворно утверждалъ, что доносители—наглые клеветники. Но еслибы онъ говорилъ это искренно, то клеветники не осмѣлились бы и разинуть рта. Ясно было, что онъ ненавидѣлъ патріарха за его настойчивость; ибо ревность его считалъ сварливостью, а ходатайство за невинно осуждаемыхъ вмѣнялъ себѣ въ безпокойство.

12. Нехудо будетъ, для шутки, разсказать и о томъ, что произошло при началѣ обвиненій, и показать, какъ можетъ иногда успѣвать злоба, воспользовавшись случаемъ. Приходилось въ церкви торжественно отправлять праздникъ Срѣтенія въ тотъ день, когда державный примиренъ былъ чрезъ Іосифа съ церковію. Въ то самое время, по обычаю, приносимы были для благословенія чаши съ зрѣлою пшеницею и спѣлыми плодами, и изъ этого, наилучшее, какъ бы начатокъ, отдѣлялось для царя. Такихъ мѣдныхъ чашъ съ разныхъ сторонъ на тотъ разъ снесено было множество, и между ними находилась одна, которую, такъ какъ она красотою

превосходила всѣ прочія, стоило поднесть царю. На этой чашѣ, въ значеніи украшеній, пестрѣлись и египетскія надписи; ибо у Египтянъ, говорятъ, былъ обычай, вмѣсто всякихъ другихъ украшеній, и на одеждахъ, и на окнахъ и на сосудахъ разнаго рода дѣлать надписи. Но случилось, что та надпись восхваляла имя проклятаго Магомета, или иначе Моамеѳа. Это имя, написанное кругомъ чаши, обвинители не оставили не замѣченнымъ; но тогда какъ сосудъ, до отправленія его къ царю, стоялъ еще въ церкви особо, они посылаютъ объявить, что на чашѣ, назначенной для царя, не случайно безъ сомнѣнія начертано проклятое имя, что патріархъ нарочно приготовилъ ее—съ намѣреніемъ послать царю, что отвратительная надпись на ней не только не обѣщаетъ благословенія, но и выражаетъ крайнее отвращеніе. Услышавъ это, царь захотѣлъ точнѣе удостовѣриться въ справедливости доноса, и для этого послалъ служителя при опочивальнѣ, Василія Василика, который, зная агарянскій языкъ, прочиталъ надпись и засвидѣтельствовалъ, что донесеніе вѣрно. По этому чаша не была принята царемъ, такъ какъ онъ по совѣсти соблюдаетъ ученіе апостольское. И вотъ къ другимъ обвиненіямъ впослѣдствіи присоединено и это, какъ важнѣйшее.

13. Итакъ, когда дѣло о патріархѣ, тянувшееся два мѣсяца, не приходило къ концу, а были толькое пустые толки да поношенія, и все, что можетъ быть еще хуже (ибо чего ужъ, — если и лѣстница, по причинѣ развѣсистости нѣкото-

рыхъ, посаженныхъ у патріарха деревъ, устроенная на верху ихъ, сдѣлалась тогда предметомъ клеветы, и царь, принявъ эту клевету, приказалъ совершенно уничтожить лѣстницу)? Такъ вотъ, когда не выходило ничего, кромѣ поношеній, имѣвшихъ цѣлію заставить преслѣдуемаго оскорбленіями патріарха отказаться отъ престола, — въ мѣсяцѣ Кроніѣ, въ срединѣ поста, Іоаннъ приказалъ пишущему эту исторію составить актъ отреченія и, подавъ его царю, который при этомъ показывалъ видъ, будто не принимаетъ его, самъ удалился въ обитель Пренепорочной Дѣвы. Такимъ образомъ церковь снова осталась безъ пастыря; потому что этого не было, а призвать на его мѣсто другого царю не хотѣлось. Въ пору такой нерѣшительности онъ даже посылалъ къ патріарху сына своего, царя Андроника, и пытался смягчить его.

14. Въ это время приходятъ изъ Рима отъ папы послы; а царь тогда возвращался въ городъ изъ Адріанополя. Желая скрыть отъ нихъ дѣло патріарха, онъ выдумывалъ разныя причины, и говорилъ, что патріархъ, изможденный трудами, пожелалъ подолѣе успокоиться, и навремя оставилъ патріархію, но что онъ постарается доставить имъ свиданіе съ патріархомъ въ одной изъ городскихъ обителей. Самаго же патріарха чрезъ посланнаго просилъ онъ оставить малодушіе и, приписавъ все болѣе обстоятельствамъ, нежели царской волѣ, отправиться въ обитель Манганскую, для свиданія тамъ съ прибывшими послами, только не открывать имъ

ничего изъ прежнихъ событій. Разсказывая посламъ о патріархѣ, онъ вмѣстѣ съ ними вступилъ въ городъ. Но прежде чѣмъ представились они Собору и патріарху, царь узналъ главную цѣль этого посольства. Она состояла въ томъ, чтобы миръ церквей утверждался не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы наше исповѣданіе вѣры было согласно съ ихъ исповѣданіемъ, и чтобы такимъ образомъ единеніе достигло своей полноты. Они побуждаемы были къ этому требованію нашими же, какъ говорили, схизматиками, которые, соглашаясь со многими изъ своихъ фреріевъ, утверждали, что миръ (церквей)—шутка и что поэтому должно испытать, такъ ли читаютъ они сѵмволъ, какъ Латиняне. Послѣдніе думали, озаботить этимъ царя; ибо онъ долженъ былъ избрать одно изъ двухъ: или не согласиться на это, и такимъ образомъ расторгнуть миръ; или нарушить нѣчто изъ основныхъ положеній церкви и, сдѣлавъ еще большій грѣхъ, дать имъ поводъ справедливо избѣгать единенія съ нимъ, какъ съ явнымъ преступникомъ. Узнавъ объ этомъ, царь вдругъ понялъ, что такое предложеніе возмутитъ и тѣхъ, которые дотолѣ были спокойны; по этому послалъ онъ созвать архіереевъ и весь клиръ и, принявъ ихъ у себя особо, (мірянамъ не дозволено было присутствовать), (15)говорилъ имъ слѣдующее: Вы хорошо знаете нынѣшнія дѣла,—знаете, какъ они происходили и какими непріятностями были сопровождаемы; потому что я не столько не чувствителенъ, что-

бы не трогался этимъ. Знаю, что, по ихъ поводу, я презрѣлъ патріарха,—говорю объ Іосифѣ,—котораго любилъ, какъ роднаго отца, и даже болѣе; потому что отецъ былъ виновникомъ моего рожденія на свѣтъ, а Іосифъ возвратилъ меня къ Всеблагому. Знаю, что я причинялъ многимъ насиліе, соблазнялъ друзей, даже огорчалъ и своихъ: свидѣтельствуютъ объ этомъ родственники мои въ темницахъ, содержащіеся тамъ частію за сношеніе ихъ съ Италіанцами, частію за неуваженіе къ нашей особѣ, которое не могло не возбудить въ насъ гнѣва. У меня была мысль дѣлать все такъ, чтобы Италіанцы ни о чемъ меня не спрашивали: въ этомъ смыслѣ далъ я свое согласіе и вамъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ хранящійся въ церкви хрисовулъ. Но вотъ нѣкоторые изъ нашихъ, и особенно тѣ, какъ я убѣдился, которымъ нравится расколъ, не знаю, по какому побужденію (если только не скажешь, что для искушенія насъ и для увеличенія нашей скорби), сошедшись съ фреріями, говорили, что миръ церквей—чрезвычайно забавная шутка и обманъ, и способствовали имъ узнать нѣчто болѣе; а это и есть главная цѣль настоящаго посольства. Потому я хочу предварительно сказать вамъ нѣсколько словъ и убѣдить васъ, чтобы вы, нечаянно услышавши слова пословъ, не обезпокоились и опять не вдались въ худыя относительно правительственной нашей дѣятельности подозрѣнія. Богъ свидѣтель, что изъ ученія нашей церкви не будетъ упущено ни одной черты или іоты; я самъ

обѣщаюсь божественный символъ отцевъ держать, какъ знамя, и воевать за него не только съ Италіянцами, но и со всякимъ народомъ, который сталъ бы въ немъ сомнѣваться. Касательно этого даю вамъ полное удостовѣреніе. Впрочемъ, распорядиться дѣломъ такъ, чтобы пословъ отпустить съ миромъ,—въ этомъ ни съ моей стороны нѣтъ ничего преступнаго, ни съ вашей—несправедливаго. И такъ я хочу дружески обнять ихъ и благосклонно привѣтствовать, чтобы въ противномъ случаѣ не спугнуть намъ, какъ говорятъ, добычи—тѣмъ болѣе, что папа теперь новый и къ нашимъ дѣламъ не такъ расположенный, какъ Григорій. Моя будетъ забота отвѣчать имъ, не назначая опредѣленнаго времени для совѣта». Послѣ этихъ словъ царя, патріархъ отправился въ Манганскую обитель и велъ себя такъ, что послы не получили никакого свѣдѣнія относительно того, что съ нимъ было. Когда собрались у него архіереи и избранный клиръ,—пришли и послы и, заботясь о цѣли посольства, прямо представили то, о чемъ еще прежде говорилъ царь. Поэтому предувѣдомленные напередъ, они благосклоннѣе выслушали то, чему безъ подготовленія внимали бы съ большимъ неудовольствіемъ.

16. Вмѣстѣ съ тѣмъ и царь, желая доказать, что миръ церквей почитаетъ онъ не шуткою, послалъ Исаака Ефесскаго съ послами въ темницу и показалъ имъ заключенныхъ тамъ родственниковъ. Въ темницѣ находились Протостраторъ Андроникъ Палеологъ, ВиночерпійМану-

илъ Рауль, братъ его Исаакъ, и четвертый—родной племянникъ Протостратора, Іоаннъ Палеологъ. Они вчетверомъ, украшенные, сказалъ бы поэтъ, тяжелыми цѣпями, поддерживали четыре угла темницы. Виночерпій Рауль, увидѣвши Ефесянина и, какъ бы досадуя на него за то, что онъ живетъ на свободѣ, а они страдаютъ въ темницѣ, тогда какъ первый долженъ бы бороться сильнѣе за нихъ, чѣмъ послѣдніе—сами за себя, тихо сложилъ лежавшую на немъ цѣпь и, приманивъ его ближе къ себѣ, съ усиліемъ бросилъ на него эту складку, чтобы нанести ему ударъ, но не попалъ, потому что цѣпь задержана была его шеею.

17. Желая еще болѣе доказать посламъ, что, относительно вѣры, онъ поступаетъ справедливо, царь счелъ умѣстнымъ—безъ изслѣдованія постановить, чтобы патріархъ былъ снова возведенъ на престолъ; потому что архіереи не хотѣли принять отреченія, не смотря на то, что царь принялъ его. Вѣдь противъ патріарха не выставлялось ничего такого, что свидѣтельствовало бы о его недостоинствѣ—управлять священными дѣлами. Доносщики произвели только шумъ и неразумное смятеніе; а патріархъ не разсудилъ, что совѣсть нѣкоторыхъ смущающихся людей надобно щадить, какъ бы, то есть, иначе и самому не поступить съ кѣмъ нибудь противъ совѣсти. Кчему тутъ отреченіе? Оно служитъ лишь укоризною тѣмъ, которые въ состояніи были обуздать злобу. Потому архіереи съ общаго согласія положили, что-

бы Іоаннъ по прежнему принялъ предстоятельство. Но онъ не соглашался, если не будутъ наказаны клеветники; а это для царя было однимъ изъ дѣлъ невозможныхъ; потому что у державныхъ есть неразумная привычка, по которой заведено клеветливость врачевать-таки и оклеветаннаго освобождать отъ бѣды, но доносчика ни въ какомъ случаѣ не наказывать, хотя бы клевета его доходила до послѣдней крайности; потому что царю и не узнать бы правды, еслибы онъ не допускалъ къ себѣ доносящихъ объ опасности. Итакъ патріархъ, хотя и не успѣлъ въ томъ, чего требовалъ, однакожъ, снисходя къ просьбамъ, по подражанію Христу—отпускать грѣхи, принялъ предложеніе, и въ шестой день Посидіона, тогоже индикта, торжественно сопровождаемый Сенатомъ и духовенствомъ, вступилъ въ патріархію. Послѣ того составлена была защитительная грамата къ папѣ (а папа въ то время былъ Урбанъ) [1], и скрѣплена многими подписями не дѣйствительныхъ епископовъ, управлявшихъ дѣйствительными епископіями, а рукою одного и того же писца, хотя такъ, какъ будто бы скрѣпляли ее многія священныя и важныя лица. Патріарху ли этого хотѣлось, — я незнаю: вѣроятнѣе то, что такъ распорядился царь, желая показать видимое сходство церквей и увѣрить, что у насъ не меньше епископовъ, чѣмъ у нихъ; а у нихъ епископы такъ многочислен

---

(1) Ниже, въ хронологическихъ замѣчаніяхъ будетъ доказано, что папа въ это время былъ не Урбанъ, а Николай III.

ны, что на Соборѣ считаются многими сотнями. Такъ вотъ, желая сравнять нашу церковь съ латинскою, царь и сдѣлалъ это. Въ упомянутой граматѣ между прочимъ приведены многія мѣста и изъ писаній нашихъ отцовъ, въ которыхъ выраженіями: Духъ отъ Сына изливается, предлагается, дается, возсіяваетъ, является, и подобными, принятое у Латинянъ слово «исходитъ» какъ бы совсѣмъ закрывалось, и въ заключеніе было сказано, что «несоглашающихся на примиреніе мы подвергаемъ достойному наказанію». Но это была мечта. Знающіе дѣло понимали, что обвиненные во лжи своимъ оправданіемъ не изглаживали вины, а усугубляли ее. Впослѣдствіи такое оправданіе служило камнемъ претыканія для тѣхъ несчастныхъ членовъ церкви, которые обвиняемы были за то, что объявляли себя православными, чему очевиднѣйшими свидѣтелями служили, говорятъ, посланія къ папѣ. Впрочемъ дѣйствіе этихъ писемъ, сколько мнѣ извѣстно, выходило иное, хотя къ папѣ писали и льстиво. Что эта лесть не имѣла успѣха для самыхъ льстецовъ, довольно указать на Мелетія и Игнатія. (18) Явно отпавшіе отъ церкви и наказанные царемъ, они должны были еще отправиться къ папѣ, чтобы и тамъ потерпѣть что нибудь. Послы дѣйствительно взяли ихъ и поѣхали. Но папа не только не думалъ наказывать обвиненныхъ, а еще пожалѣлъ о нихъ, боясь, какъ бы не послужило это препятствіемъ къ примиренію великихъ церквей; потому весьма благо-

склонно отпустилъ ихъ назадъ къ царю и даже писалъ, чтобы царь относительно этихъ людей не безпокоился и обращался съ ними ласково и благосклонно. Съ другой стороны, и посланія Латинянъ были также не безъ лести, хотя, какъ многимъ извѣстно, иногда содержали въ себѣ и угрозы отлученія. Нѣкоторые люди заносчивые и легкомысленные, нисколько не знакомые съ исторіею Италіанской церкви и думать не хотѣли, что встарину они болѣе другихъ были въ единеніи съ нею. Хотя этотъ союзъ потомъ случайно и разрушился, но таинства христіанскія у насъ и у нихъ остались равно не поврежденными; такъ что никто не дерзнетъ наложить руку на что нибудь ни въ совершеніи крещенія, ни въ священствѣ, ни въ бракѣ, ни въ монашескомъ поставленіи, ни въ другихъ, которыми единая каѳолическая церковь ведетъ своихъ питомцевъ къ совершенству. Между тѣмъ эти люди,—какъ будтобы въ древности произошли они изъ дуба или изъ камня,—по незнанію того, что свойственно христіанамъ, сильно отвращаясь отъ Италіанцевъ, стали гнушаться и нашими священными предметами и бросали ихъ то въ рытвины, то въ рѣки, то на горы, какъ вещи не заслуживающія никакого уваженія, и чрезъ то препятствовали ходу вѣры. Тогда царь возревновалъ,—созвалъ всѣхъ епископовъ, монаховъ и даже нѣкоторыхъ раскольниковъ (увѣривъ ихъ въ безопасности), въ числѣ которыхъ находились А¨акій изъ Фригіянъ, ученикъ его Германъ и многіе иные,—и ставъ на срединѣ,

началъ упрашивать ихъ словами Параволики ([1]) Ихнилата, чтобы они не обращали вниманія на людей, которые располагаютъ ихъ къ бездѣйствію. Сдѣлавъ такое приточное вступленіе, онъ сталъ потомъ предостерегать ихъ отъ пренебреженія вѣры, подвергающейся опасности, и отъ презрѣнія къ святынѣ, выступающаго подъ видомъ благочестія, внушая всячески охранять себя постановленіями церковными. Мучило насъ великое горе, говорилъ царь, когда въ нашу жизнь вкралось то, что у насъ не въ обычаѣ. Отсюда, по необходимой связи слѣдствій, произошло, что многіе, отложившись отъ церкви, стали не только соблюдать у себя дома то, чего не слѣдовало, но даже осмѣливались разрушать законы церковные; такъ что ихъ дерзости недоставало одного только зла, — объявить себя не-христіанами. Когда это открылось,—для презрителей силы понадобились узы церкви, чтобы они, связанные страхомъ, и сами не рѣшились вонзить мечь въ утробу собственой матери, и не морочили другихъ, убѣждая ихъ совершать дѣла нечестія. Такова была тогдашняя рѣчь царя: въ ней говорилось не объ отлученіи

([1]) Эта Параволика Ихнилата, по изслѣдованіямъ Алляція, была индійское сочиненіе, переведенное сперва на персидскій, потомъ на арабскій, а съ него на греческій языкъ. У Алляція въ греческомъ переводѣ оно озаглавливается такъ: Книга Физіологическая, принесенная изъ Индіи и поднесенная царю Хозрою въ Персіи однимъ мудрецомъ и врачемъ Перзое, потомъ переведенная на арабскій языкъ, съ котораго Симеонъ, учитель и философъ, по прозванію Сиѳъ, переложилъ ее на греческій. По арабски называется она Cylile и Dimne, а по гречески Στεφανίτης Ἰχνιλάτης.

людей, а о какомъ-то необыкновенномъ прикрываніи зла. Да и въ самомъ дѣлѣ, многіе, досадовавшіе на тотъ миръ, сами же подавали тогда голось проклятія лицамъ, оскорблявшимъ святыню. Доказательствомъ служитъ то, что хотя въ этомъ собраніи разсуждали многіе и важные люди,—никто изъ нихъ однако не спорилъ, никто не противорѣчилъ, ни кто не вставалъ и не показывалъ даже миною, что онъ хочетъ защищать иную мысль. А этому непремѣнно надлежало бы быть, если бы они могли свободно выставлять на видъ христіанскія свои убѣжденія. Въ томъ собраніи на самомъ дѣлѣ господствовало правило осторожности—не вдругъ все говорить, что представится, но брать въ расчетъ, что и благоговѣйно приступающимъ къ святынѣ можетъ быть произнесено проклятіе. Но довольно объ этомъ.

19. Въ томъ же году Лахана, не смотря на то, что у него отняли и Терновъ и жену, не склонялся къ миру, но собравъ достаточное количество народа, осадилъ Терновитянъ и, тогда какъ Асанъ находился еще внутри города, вмѣстѣ съ Часимпаксомъ Протостраторомъ, котораго нѣкогда самъ царь удостоилъ этой чести за преданность Асану, разбилъ войско Римлянъ. Потомъ на помощь Терновитянамъ шелъ отрядъ Римскаго войска, заключавшій въ себѣ около десяти тысячь человѣкъ, находившійся подъ предводительствомъ Протовестіарія Мурина, и расположившійся лагеремъ при Діавенѣ. Пока онъ былъ на этой позиціи внѣ города, Лахана,

окруженный огромными силами, встрѣтивъ столь малочисленнаго непріятеля, семнадцатаго Анѳестиріона вступаетъ съ нимъ въ битву и, разбивъ его на голову, производитъ страшное кровопролитіе: однихъ полагаетъ на мѣстѣ, а другихъ захватываетъ въ плѣнъ и потомъ предаетъ лютой смерти. Спустя немного времени, въ пятнадцатый день Посидіона, онъ снова вступаетъ въ открытый бой съ отрядомъ Протовестіарія Априна, въ которомъ было около пяти тысячь человѣкъ, и разбиваетъ его въ конецъ, а самаго умерщвляетъ мечемъ. И много въ то время произвелъ онъ неистовствъ. Наконецъ, когда Асанъ убѣжалъ, и царскую власть захватилъ Тертерій,—онъ вздумалъ обратиться къ Ногаю и просить его помощи. Но и царь въ свою очередь не оставлялъ безъ вниманія этого обстоятельства: онъ тоже посылаетъ къ Ногаю Асана съ многочисленными дарами, и проситъ его не презрѣть наслѣдственнаго Болгарскаго князя, но помочь ему, какъ брату, который нуждается въ помощи для защиты своихъ правъ. Ногай, сдѣлавъ благосклонный пріемъ Лаханѣ, который успѣлъ прійти раньше, съ такою же благосклонностію принялъ и Асана. Но взявши отъ обоихъ дары, онъ чрезъ то очень затруднилъ свои отношенія. Долго удерживая ихъ и водя всюду съ собою (ибо у обоихъ были одни и тѣже виды противъ Тертерія, хотя втайнѣ они сильно враждовали за царство другъ противъ друга, и далеко расходились въ своихъ намѣреніяхъ), онъ ничего не дѣлалъ, но тра-

тилъ время въ пустыхъ обѣщаніяхъ то тому, то другому. А они между тѣмъ раболѣпствовали предъ нимъ и поневолѣ слушались каждаго его мановенія. Наконецъ учреждается пиръ, и хмѣль успѣлъ уже сильно отуманить пирующихъ. Когда они опьянѣли и потеряли разсудокъ,—Ногай тотчасъ, какъ бы очнувшись отъ сна и припомнивъ, какъ могъ тогда, взаимную ихъ вражду (Асанъ въ это время сидѣлъ возлѣ его, а Лахана и его Протостраторъ Часимпаксъ—пониже, другъ противъ друга), приказываетъ своимъ людямъ прехладнокровно, какъ будто дѣло было ничтожное, взять Лахану въ томъ положеніи, въ какомъ тотъ сидѣлъ. И только онъ успѣлъ сказать «этотъ человѣкъ врагъ моего отца—царя и достоинъ ни какъ не жизни, а смерти,» они вдругъ, скрутивъ ему руки, вонзаютъ каждый по-ножу въ его горло, и онъ тутъ же падаетъ мертвый. Тоже повторяется и съ Часимпаксомъ, который смотрѣлъ на это зрѣлище.—Ногай отдалъ приказъ убить его, и слуга вонзилъ ему кинжалъ въ шею. Видя это, совершенно потерялъ присутствіе духа и Асанъ, и сильно боялся за себя,—да и испыталъ бы конечно тоже самое, если бы не заступилась за него Евфросинія, и потомъ вскорѣ не отослала его. Такъ это было.

20. Между тѣмъ царь узналъ, что дѣла на востокѣ опять находятся въ затруднительномъ положеніи съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Деспотъ Іоаннъ. Этотъ военачальникъ своею смертію внушилъ Персамъ столько отваги, что они

стали безнаказанно нападать на Римлянъ и опустошать ихъ области. Земли по Меандру, Карія и Антіохія окончательно уже погибли; внутреннія же за тѣми области сильно ослаблены и нуждались въ исцѣлителѣ; а мѣста прилежащія къ Каистру и Пріэнѣ подвергались набѣгамъ.—Непріятели грабили также окресности Милета и, не встрѣчая никакого препятствія, совершенно опустошили какъ Магеддонъ, такъ и земли пограничныя. Поэтому царь счелъ необходимымъ послать туда своего сына и товарища въ управленіи, Андроника, съ находящимися на востокѣ войсками. Прибывъ на востокъ вмѣстѣ съ царицею и имѣя при себѣ, въ числѣ многихъ другихъ вельможъ, великаго Доместика Михаила Тарханіота, который по матери писался Палеологомъ, и въ послѣдствіи возведенъ былъ въ достоинство Протовестіарія,—также Ностонга-хранителя великой печати [1], и съ ними великое множество людей, исправляющихъ различныя должности, Андроникъ возстановилъ тамошнія дѣла. Идя по берегамъ Меандра, увидѣлъ онъ величайшій (въ древности) городъ Траллы и, плѣнившись прекраснымъ его мѣстоположеніемъ, возъимѣлъ намѣреніе возстановить этотъ городъ, возвратить въ него выселившихся гражданъ и пригласить другихъ, сколько можно въ большемъ количествѣ, а по-

---

[1] Хранитель великой печати—у Пахимера παρακοιμόμενος τῆς μεγάλης σφενδόνης т. е. царскаго перетня. Это былъ вельможа высшаго ранга и, по словамъ Кодина (с. 4), отличался самою формою платья.

томъ возстановленному такимъ образомъ городу дать свое имя, такъ чтобы съ этого времени онъ назывался не Траллами, а Андроникополемъ или Палеологополемъ. И такъ онъ вошелъ въ это дѣло съ величайшею заботливостію и, поручивъ его великому Доместику, приказалъ возстановить городъ какъ можно скорѣе. Когда строители приступили къ работѣ и успѣли возобновить многое, ихъ ревность еще болѣе увеличена была найденнымъ тамъ предсказаніемъ [1], начертаннымъ на мраморѣ, что возстанетъ такой человѣкъ, волею котораго разрушенный городъ приведенъ будетъ въ лучшее противъ прежняго состояніе. Это предсказаніе о возстановителѣ по всѣмъ чертамъ такъ совпадало съ производимыми работами, что подъ благодѣтелемъ города, о которомъ гласило пророчество, всѣ разумѣли самаго царя. Поэтому царь Андроникъ съ особенною ревностію поощрялъ строителей къ скорѣйшему возстановленію его; ибо предсказаніе назначало возстановителю и опредѣленное время. И они, нисколько не медля,

---

[1] Это предсказаніе передаетъ и Григора (l. 5 p. 67), но не вполнѣ. Полнѣе изложено оно in magine Barberianae codicis, и въ переводѣ съ греческаго состоитъ въ слѣдующемъ: «Вотъ предсказаніе предсѣдателя Павзанія. Красота города Трамовъ со временемъ увянетъ; но малѣйшіе остатки ея у народа, никѣмъ не управляемаго, хотя будутъ подъ страхомъ, однакожъ совершенно не погибнутъ. Этотъ городъ возобновится могуществомъ мужа, соименнаго побѣдѣ, который будетъ блистательно проживать восьмую эннеаду дисковъ, и трижды семь кикловъ будетъ прославлять городъ Аттала. Это, въ сравненіи съ Иракмеею,—мѣстечко: но ему подчинятся города запада и дѣтски поклонятся гордые.

усердно трудились надъ возобновленіемъ. Между тѣмъ эти письмена оказались насмѣшкою и грезами; потому что изъ за нихъ суждено было погибнуть здѣсь цѣлымъ десяткамъ тысячь жителей, какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Какъ скоро возведены были стѣны и величественный городъ на берегу прекрасной рѣки Меандра всталъ изъ развалинъ,—надлежало отвсюду собирать жителей, чтобы онъ считался городомъ славнымъ не по однимъ стѣнамъ, но и по количеству населенія. Вотъ нашлось больше тридцати шести тысячь охотниковъ, которые льстили себя прекрасными надеждами, что въ новомъ мѣстѣ будутъ жить великолѣпно; а не знали того, что скоро не будутъ имѣть и самаго необходимаго. Главное, — у нихъ не имѣлось вмѣстилищь для воды, чтобы на всякій случай обезопасить себя отъ недостатка въ питьѣ, чрезъ собираніе въ нихъ дождевой воды, или чрезъ наполненіе ихъ водою изъ рѣки; а найти воду въ подземныхъ ключахъ казалось невозможнымъ. Причиною этого, думаю, была невязкость почвы вблизи рѣчной влаги, которая за отсутствіемъ въ землѣ соковъ во время солнечнаго жара втягивается обыкновенно почвою до самой поверхности земли, и совершенно пересыхаетъ по причинѣ постояннаго испаренія земной влажностп съ одной стороны, и большой убыли влаги въ рѣкѣ—съ другой; отъ чего она, понижаясь въ уровнѣ, уже не можетъ приливаться къ пустымъ мѣстамъ; а течь ей ключами въ глубину, также въ рытвины и ко

дну колодцевъ препятствовала поверхность земли, которая, едва лишь успѣетъ принять притекающую влагу, тотчасъ истрачиваетъ ее чрезъ испаренія. Вѣдь вода, какъ и вѣтеръ, приводитъ все въ движеніе потому направленію, какое принято въ началѣ; такъ что куда потечетъ что нибудь одно въ этомъ родѣ, туда необходимо несется и прочее. Но тогда какъ по этой причинѣ существенное тамъ постоянно убываетъ, несущественное въ той же мѣрѣ постоянно прибываетъ:—когда влаги въ почвѣ достаточно, — плоды питаются превосходно, за то глубже воды уже нѣтъ. Это подвергало жителей тяжкимъ бѣдствіямъ; ибо доколѣ можно было пользоваться рѣчною водою, они, не предусматривая будущаго, жили беззаботно. Видно имъ не извѣстно было, что хотя Прометей гораздо умнѣе Эпиметея; однакожъ того, что бываетъ по необходимости, разсужденіями не отвратишь.

21. Тогда какъ жили они беззаботно и утѣшались прекрасными надеждами, видя въ себѣ гражданъ, находящихся подъ особеннымъ покровительствомъ царя, вдругъ нападаетъ на нихъ толпа Персовъ; ибо когда тѣ думали стать выше другихъ, эти старались противодѣйствовать ихъ возвышенію. И такъ вотъ Салпакисъ, что на ихъ языкѣ значитъ мужественный, по имени Мантахіасъ, гордясь огромнымъ количествомъ войска, приступаетъ къ городу и осаждаетъ его. Начальникъ гарнизона великій Хартулларій Ливадарій этою осадою поставленъ былъ въ край-

нее затрудненіе; ибо запершіеся въ городѣ чувствовали недостатокъ въ продовольствіи и особенно начинали страдать отъ недостатка въ водѣ. Дѣло доходило до такой крайности, что голодные принуждены были ѣсть запрещенную пищу, а мучимые жаждою употребляли всякіе способы для отысканія какой-нибудь влаги, такъ что разрѣзывали жилы у лошадей, и пили изъ нихъ кровь. Но и это не утоляло ихъ жажды,— и они умирали толпами. Съ голодомъ можно было бороться; потому что въ городѣ было довольно труповъ падающаго скота, и даже мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ: они до такой степени терпѣли недостатокъ въ необходимомъ, что касались и этого. Но противъ жажды, усиливавшейся больше и больше, нельзя было придумать никакого врачевства,—особенно въ полдень, при палящемъ солнцѣ. Поэтому нашлись такіе, которые добровольно вышли къ непріятелямъ, считая всякій другой родъ смерти болѣе сноснымъ, чѣмъ смерть отъ голода и жажды, и униженно просили ихъ изсохшими губами оказать милость, но были заколоты и брошены незарытыми, не удостоившись погребенія. Персы подобнымъ образомъ рѣшились истребить и тѣхъ, которые держались еще въ городѣ, ожидая, не придетъ ли откуда-нибудь помощь, или не будетъ ли какого-нибудь облегченія,—и покрывшись щитами, въ густыхъ рядахъ обступили стѣны. Они не обращали вниманія на бросаемые сверху камни, которые страшны были только производимымъ ими стукомъ, и начали

подкапывать стѣну ломами и заступами. Сдѣлавъ много такихъ подкоповъ, они чрезъ то уничтожили основанія стѣны, и вмѣсто ихъ положили подъ постройки легко сгараемыя деревья; послѣ чего стоило только бросить огонь, и стѣна должна была разрушиться. Осаждавшіе хотѣли, чтобы имъ сданъ былъ городъ на условіяхъ и съ этимъ предложеніемъ посылали своихъ вѣстниковъ, обѣщаясь остающимся даровать спасеніе; но получили отказъ. Тогда имъ ничего не оставалось, какъ взять его съ бою. Они взяли его и разрушили до основанія, не смотря на пресловутыя о немъ предсказанія и лестныя относительно его надежды; а народонаселеніе его, которое и исчислить было трудно, сдѣлалось добычею меча. Это былъ второй подвигъ Персовъ послѣ перваго, при Ниссѣ, гдѣ окруженный непріятелемъ Ностонгъ испыталъ величайшія бѣдствія, потерялъ все свое войско и, послѣ того, какъ одни пали въ сраженіи, другіе были плѣнены, самъ попалъ въ плѣнъ. Съ этого времени дерзость Персовъ неимовѣрно увеличилась, и они еще сильнѣе стали нападать на восточныя области. Между тѣмъ молодой царь провождалъ время въ Нимфеѣ и надѣялся вскорѣ встрѣтиться съ отцемъ.

22. Желая пріучить къ военнымъ дѣламъ и младшаго послѣ царя порфиророднаго, Константина, царь посылаетъ его со многими опытными военачальниками на западъ противъ возмутившихся Трибалловъ, которые, поручивъ войска нѣкоему Котаницѣ, отложившемуся отъ ца-

ря, опустошили страну до Серръ. Самъ же узнавъ о худомъ положеніи дѣлъ на востокѣ, и объ опасностяхъ, угрожавшихъ областямъ по Сангарѣ,—отъ ея устьевъ до Прусы, тотчасъ вооружился, какъ могъ, и переправившись чрезъ Босфоръ, остановился лагеремъ при подошвѣ холма Святаго Авксентія, въ ожиданіи западнаго войска, которое собиралось въ назначенныхъ пунктахъ, чтобы идти съ нимъ въ походъ. Находясь здѣсь, онъ получилъ отъ сосланнаго на островъ Хилу Іосифа прошеніе о переведеніи его оттуда; потому что зимою въ той странѣ, писалъ онъ, свирѣпствуетъ такой холодъ, что если ему необходимо будетъ оставаться тамъ еще, то здоровье его не перенесетъ приближающейся зимы: проведши тамъ это время года одинъ разъ, онъ говоритъ по опыту. По этому прошенію, царь пригласилъ Іосифа къ себѣ и удерживалъ его въ лагерѣ. Это происходило въ мѣсяцѣ Мемактиріонѣ. Они видѣлись каждый день по нѣскольку разъ; державный угождалъ ему, съ удовольствіемъ слушалъ его, по его ходатайству, дѣлалъ многимъ то, о чемъ его просили, а для жительства ему назначилъ монастырь Космидія. Поэтому и старецъ относился къ царю кротко и дружески; такъ что, когда царь въ шутку приглашалъ его на патріаршую каѳедру, онъ отвѣчалъ: готовъ, если только отмѣнено будетъ сдѣланное. Но тогда не время было отмѣнять это: напротивъ, какъ скоро вступилъ на престолъ новый папа, Николай,— державный опять отправилъ туда пословъ; а

потомъ посылалъ еще въ Апулію Доместика ([1]) церкви Мандана, или Меркурія, внушивъ ему обратиться къ папѣ, если не достигнетъ цѣли посольства. Для того-то и назначены были послы церковные. Манданъ схваченъ былъ королемъ Карломъ и задержанъ. Но когда узнали, что задержанный былъ первый проповѣдникъ ([2]) церкви,—Папа повелѣлъ тотчасъ освободить его. Такъ поступалъ державный, стараясь всячески показать свою заботливость о поддержаніи мира. Посему во время разговоровъ съ нимъ Іосифа не могло быть и рѣчи о томъ дѣлѣ; бесѣды ихъ были просто дружескія, предрасполагавшія царя назначить Іосифу болѣе спокойное мѣсто жительства.

23. Патріархъ Іоаннъ не могъ сдержать обѣщанія, которое далъ тому почтенному мужу, великому Экономy церкви Ѳеодору Ксифилину,—не могъ утерпѣть, что бы не писать и не отвѣчать противникамъ относительно догматовъ, какъ бы тамъ другіе ни говорили. Видя, что ежедневно являются различныя сочиненія, въ ко-

---

([1]) Доместиками въ церковномъ клирѣ Кодинъ называетъ ἐπιστάτας τῶν μελῳδῶν или ἀρχῳδῶν—начальниками хора, которые управляли пѣніемъ послѣ Протопсалта, или хороначальника, регента. Доместиковъ было два: одинъ на правомъ, другой—на лѣвомъ клиросѣ. *Constantin.* de Admir. Imp. c. 50. *Scylitz* Ioh. Cantacuz. Hist. L. 1. c. 41 Domin. Macer. дѣлитъ Доместиковъ церкви на патріаршихъ, на царскихъ и царицыныхъ, и на клировыхъ. Hierolex. *Hofman.* Lex.

([2]) Первый проповѣдникъ у Пахимера называется Πρωτοκήρυξ; а подъ этимъ словомъ разумѣется лице, отличающееся не особенною способностію проповѣдовать, а внѣшнимъ, полученнымъ отъ церкви достоинствомъ—стоять во главѣ проповѣдниковъ. Слѣдовательно Πρωτοκήροξ былъ ἐπιστάτης τῶν κηρύκων, какъ πρωτοψάλτης ἐπεστατεῖτο τῶν ψαλτῶν.

торыхъ примиряющіеся съ Италіанцами подвергаются порицанію, какъ отступники, и притомъ на основаніи писаній, и своею твердостію возжигаютъ гнѣвъ въ другихъ, которые и не знали, что находятся въ такомъ опасномъ состояніи, Іоаннъ тоже рѣшился писать и равнымъ образомъ изъ книгъ доказывать, что возстановители мира между церквами нисколько не уклонились отъ истины, но постановили ее твердо и основали на письменныхъ свидѣтельствахъ, не имѣя въ виду ничего своекорыстнаго. Ему попадается въ руки сочиненіе, писанное мудрѣйшимъ Блеммидомъ къ царю Θеодору, которое начиналось такъ: «ищущій не во время и получающій во время», и посланіе къ царю Болгаріи Іакову, начинавшееся такимъ выраженіемъ: «есть у меня болѣзнь, которую выскажу; ибо къ священному врачу....» Встрѣчаетъ онъ и еще книгу Никиты Маронейскаго, очень уважаемаго великою церковью, въ которой онъ былъ Хартофилаксомъ, а въ послѣдствіи—архіереемъ великаго города Θессалоники: она въ цѣлыхъ пяти разсужденіяхъ раскрывала мѣста божественныхъ писаній, говорившія въ пользу мира церквей. Воспользовавшись этими сочиненіями, какъ основаніями, онъ присоединилъ къ ихъ сожержанію очень многое и, хотя имѣлъ въ виду цѣль, преслѣдуемую тѣми писателями, однако, увлекаясь страстію излагать свои мысли, входилъ въ предметъ старательнѣе и все направлялъ къ первой цѣли—доказать основательность предпринятаго дѣла примиренія. При этомъ онъ

не останавливался на немногихъ ясныхъ свидѣтельствахъ, но, по жадности, привнесъ много такихъ, которыя не согласны были съ прежними, такъ что у него выходили противорѣчія. Съ нимъ случилось тоже, что бываетъ съ людьми неразборчивыми въ пищѣ: принявъ пищу полезную и удобоваримую, они потомъ наполняютъ желудокъ неполезною, и отъ того, вмѣстѣ съ этою изблевываютъ и ту. Чтоже произошло отсюда? Возникли неблаговременныя распри и споры,—и главною причиною словопренія было то, что затронуты догматы. «Жалкіе люди! Вамъ позволено разсуждать о догматахъ; но если они внесены въ домъ Господень, то здѣсь, что ни говорите, это—догматы. Преступно ли по необходимости напоминать о догматахъ тѣмъ, которые защищаютъ догматы, тогда какъ не ихъ бы дѣло — толковать объ этомъ? Недумаю.—Между тѣмъ явились жалобы и нѣкоторыя изъ нихъ дошли до слуха царя. Противники обѣщались успокоиться, если царь открыто запретитъ толковать о нѣкоторыхъ догматахъ, какъ бы кто ни содержалъ ихъ. Но царю съ одной стороны хотѣлось примирить ихъ, съ другой — ему непріятно было исполнить ихъ требованіе: поэтому онъ излагаетъ догматы на бумагѣ, считая это вѣрнымъ средствомъ и отдѣлаться отъ просителей, и представить принятое правило вѣры. Вѣдь о Богѣ, говорилъ онъ, должно чаще вспоминать, чѣмъ дышать; а догматъ есть воспоминаніе о Богѣ. При этомъ повелѣно однажды навсегда возбранить уклоненіе

отъ писаній. Однако патріархъ не избавился отъ обвиненій въ томъ, что дѣло, утвердившееся уже долгими временами, захотѣлъ ослабить, и отложившихся подвергъ жестокимъ со стороны царя наказаніямъ. Благоразуміе требовало, что бы онъ молчалъ и кротко переносилъ порицанія; тогда было бы меньше зла. Явными своими противорѣчіями давъ пищу существовавшей враждѣ, онъ противникамъ открылъ слабую сторону дѣла, а себѣ и своимъ сообщникамъ причинилъ много вреда. Въ тоже время, узнавъ о свиданіи царя съ Іосифомъ, и о томъ, что въ царскомъ лагерѣ находится и епископъ Ефесскій, онъ сталъ догадываться, что царь не въ хорошемъ къ нему расположеніи; а потому счелъ нужныхъ писать Ефесскому епископу, прибавивъ изъ лести къ титулу ἱερωτάτῳ (священнѣйшему) слово πάν (все), чтобы выходило πανιερωτάτῳ [1] (всесвященнѣйшему), и просилъ, при свиданіи съ царемъ, исходатайствовать у него благосклонное соизволеніе на прибытіе къ нему патріарха; и если получится рѣшительное приглашеніе, проситель будетъ очень благодаренъ за такое содѣйствіе. По полученіи письма отъ патріарха, епископъ Ефесскій, притворившись его другомъ (ибо ненависть къ нему, возбуж-

---

(1) Титулъ πανιερώτατος въ византійской церкви въ то время прилагаемъ былъ только къ патріарху; а прочіе архіереи назывались ἱερώτατοι. Впрочемъ въ литургіи Златоуста и митрополитъ называется πανιερώτατος; при совершеніи ея священнодѣйствующій громогласно взываетъ: μνήσθητι, κύριε, πανιερωτάτου μητροπολίτου ἡμῶν τοῦ δεῖνος.

денная недавними безпокойствами, въ немъ еще не умолкла), докладываетъ царю и получаетъ его согласіе на пріѣздъ патріарха. Причины же ненависти (необходимо упомянуть и объ этомъ) были различны; впрочемъ о нихъ мы будемъ говорить немного. Самое худое въ этомъ отношеніи было то, что приверженцы Ефесскаго епископа и многіе архіереи терпѣли сильныя притѣсненія за несогласіе принять церковный миръ, пока не принуждены были подчиниться волѣ царя и не показали вида, будто согласны на единеніе, врачуя совѣсть не писаніями (ибо бились не изъ за этого), а тѣмъ, что согласіе на миръ приносило тогда церкви много пользы со стороны экономической. Стало быть, въ то время дѣйствовали отъ противнаго, какъ выражаются риторы, то есть совершали нѣчто худое, что бы выходило больше хорошаго. Такъ-то вѣдь и Павелъ, говорили они, остригъ себѣ волосы, соблюдалъ обрядъ очищенія по закону Моисееву и обрѣзалъ Тимоѳея; такъ и третій Соборъ не отлучилъ Ѳеодора Мопсуетскаго; такъ еще прежде Василій великій принялъ дары, принесенные въ церковь Валентомъ. Подобныхъ случаевъ, чтобъ не исчислять ихъ порознь,—приводимо было множество въ доказательство законности тогдашнихъ дѣйствій. Поэтому принимавшіе миръ къ своему исповѣданію прибавляли такія слова: если они грѣшатъ, то грѣхъ ихъ пусть падетъ на того, кто разсматривалъ основанія этого дѣла, и священная клятва пусть обрушится на отступниковъ, которые ручались за

его истинность. Но патріарху это не нравилось: онъ говорилъ, что и жизнь ему не въ жизнь, если не докажетъ изъ писаній, что тѣ прежніе, не имѣвшіе съ Латинянами общенія, находились въ заблужденіи. Это заставило его учреждать частые Соборы и, приглашая на нихъ много людей стороннихъ, разсматривать съ ними книги, и издавать новыя сочиненія. Стараясь же такимъ образомъ, сколько могъ, доказать основательность церковнаго мира, онъ нечувствительно впалъ въ излишества. Вмѣсто того, чтобы ссылаться на Дамаскина и божественнаго Максима, также на божественнаго Тарасія или— что тоже — на весь седьмой Соборъ, котораго исповѣданіе, посланное восточнымъ епископамъ, подписано было всѣми, и въ которомъ сдѣлано прибавленіе: «мы научились исповѣдывать, что (Духъ Святый) исходитъ изъ Отца чрезъ Сына», —вмѣсто того, говорю, чтобы сослаться на эти свидѣтельства и врачевать себя и другихъ этимъ прибавленіемъ, не вдаваясь въ толкованія, онъ началъ, сколько можно больше, собирать выдержекъ изъ писаній. Нашедши, что Василій Великій, въ разсужденіи о Сынѣ, частицу *чрезъ* (διὰ) замѣнялъ частицею *изъ* (ἐξ), и эти предлоги считалъ какъ бы взаимно-замѣнимыми, напримѣръ, въ изреченіяхъ «*я* стяжалъ человѣка чрезъ Бога», т. е. изъ Бога, и «рожденное изъ жены» т. е. чрезъ жену,—чтобы божественный апостолъ не служилъ поводомъ, какъ онъ говорилъ, къ выводу еретической мыли о рожденіи будто чрезъ каналъ,—ежедневно отыски-

вая множество и другихъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ *чрезъ* поставлено вмѣсто *изъ*, онъ думалъ этимъ совершенно оправдать прибавку къ символу изъ Сына. Нашедши также у божественнаго Дамаскина выраженіе, въ которомъ Отецъ называется изводителемъ (προβολέος) Духа возвѣстителя (ἐκφαντορικοῦ) и измѣняя «изводителя» «въ виновника» (αἴτιος), онъ говорилъ, что Дамаскимъ, хотя и не называлъ Сына виновникомъ Духа, однакожъ исповѣдывалъ, что виновникъ Духа есть Отецъ чрезъ Сына. Поэтому Отецъ называется виновникомъ Духа чрезъ слово изводитель. Это выраженіе отца, Дамаскина, нѣкоторые отвергали какъ подложную вставку; другіе же хотя и принимали его, но слово προβολεὺς измѣняли въ παροχεὺς (податель), ἐκφαντορίαν же (возвѣщеніе) понимали не въ смыслѣ бытія, а въ смыслѣ вѣчнаго обнаруженія (ἔκφανσις). Для потомковъ такія выраженія послужили поводомъ ко многимъ соблазнамъ, равно какъ и изреченіе отца, Григорія Нисскаго, въ которомъ объ исхожденіи раздѣльно говорится такъ: «одно (изъ Божественныхъ Лицъ) исповѣдуется причиною, другое—изъ причины; въ сущемъ же изъ причины мыслимъ мы опять иное различіе: ибо одно выступаетъ изъ перваго, а другое—чрезъ выступающее изъ перваго; такъ что посредство Сына и ему самому сохраняетъ единородность, и Духу не преграждаетъ единенія съ Отцомъ». Такіе доводы приводилъ патріархъ, доказывая, что посредство Сына необходимо требуетъ частицы *чрезъ* (διά); частица же *чрезъ*

допускаетъ Италіанскую частицу *изъ* (ἐξ); потому что эти предлоги безразлично употребляются одинъ вмѣсто другаго. Епископъ Ефесскій, Мелетій Аѳинскій и очень многіе другіе соблазнялись этимъ, но искаженіе догматовъ почитая зломъ большимъ, предпочли зло меньшее — принять на себя грѣхъ мирнаго общенія съ людьми, ошибающимися въ значеніи Божественныхъ догматовъ. Впрочемъ Мелетій дѣйствовалъ довольно смѣло: однажды, говоря на Соборѣ очень много, онъ приказалъ наконецъ слугѣ взять верхнюю свою одежду и слѣдовать за собою, какъ бы приготовлялся, за противоборство, идти въ изгнаніе. Ефесскій же епископъ, хотя въ отношеніи къ царю держалъ себя осторожно и не хотѣлъ въ настоящемъ случаѣ казаться вводителемъ соблазна, однако переносилъ это съ величайшею болью и, какъ думали, старался тайно низвергнуть патріарха.

24. И такъ теперь, двѣнадцатаго Анѳестиріона, переправимся чрезъ Босфоръ и, на пути къ царю, сперва отдохнемъ въ Лихнійской обители, а потомъ, проведши одинъ день въ дорогѣ, повидаемся съ царемъ. О томъ, что тогда сдѣлано имъ, стоитъ описать не чернилами, а слезами. Изступленный дикими мыслями и подозрѣніями, онъ производилъ ужасы. Чѣмъ возбуждаема была его подозрительность, — я незнаю: развѣ, можетъ быть, мучился онъ призраками и думами о себѣ и религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ,—православнымъ ли то-есть почитать ему самаго себя, когда поносятъ его, какъ

извратителя вѣры? Онъ повелѣваетъ освободить изъ темницы тѣхъ благородныхъ мужей, о которыхъ мы прежде упомянули, именно родныхъ братьевъ изъ Раулевой фамиліи Мануила и Исаакія, да третьяго—Іоанна изъ Кантакузиновъ (ибо Протостраторъ Андроникъ умеръ въ темницѣ раньше) и привести ихъ къ себѣ, какъ осужденныхъ. Пытаясь нѣсколько дней сряду склонять ихъ и словами и жестокими оскорбленіями къ исполненію воли державнаго, и видя, что они остаются непреклонными, онъ наконецъ приказываетъ выколоть имъ глаза, — сперва Мануилу, а за нимъ и Исаакію: Кантакузинъ же, отведенный въ тюрьму, оробѣлъ и склонился. На тѣхъ однихъ не подѣйствовало страданіе, а этотъ рѣшился спастись покорностію. Тѣ за претерпѣніе мученій, на которыя не отважился бы никто другой, украсились славою хранителей отечественныхъ обычаевъ, и еще прежде, при царѣ обличили самаго патріарха, говоря, что настоящія ихъ убѣжденія не отличаются отъ прежнихъ его убѣжденій, что находясь въ цѣпяхъ, онъ вѣровалъ лучше, чѣмъ теперь—въ патріаршемъ достоинствѣ. И вотъ люди, которыхъ носило одно и тоже чрево, ослѣплены въ одинъ и тотъ же день, которые соединены были и родствомъ и страданіями, разлучены теперь другъ отъ друга такъ, что одного содержали подъ стражею гдѣ-то тамъ, а другой, Мануилъ, заключенъ былъ въ Кенхреяхъ на Скамандрѣ, въ какой-то безлюдной крѣпости. Послѣ того царь послалъ за Іоанномъ

сыномъ Деспота Михаила, котораго мать привезла съ запада и отдала царю въ заложники заключеннаго въ то время договора, и который потомъ, по волѣ царя, сдѣлался зятемъ Севастократора Торникія, хотя не любя своей жены, жилъ особо отъ ней. Этотъ-то Іоаннъ приведенъ былъ тогда въ узахъ изъ Никеи, гдѣ, начальствуя надъ войсками, прославился своими побѣдами надъ Персами, и навлекъ на себя подозрѣніе царя только тѣмъ, что, успѣшно подвизаясь, пользовался любовію народа. Подозрѣніе царя вызвано было особенно отношеніемъ къ Іоанну монаха Котиса Θеодора, который часто по цѣлымъ днямъ и ночамъ просиживалъ съ нимъ наединѣ, глазъ на глазъ. Это былъ тотъ самый Котисъ, который нѣкогда, бывъ еще міряниномъ, узналъ о намѣреніи царя ослѣпить тогдашняго великаго Коноставла, а теперешняго державнаго, и по дружбѣ открывъ ему этотъ замыслъ, вмѣстѣ съ нимъ убѣжалъ въ Персію. Такъ какъ совѣты Котиса Палеологу, который въ то время стремился къ царской власти, имѣли успѣхъ; то тѣмъ-то болѣе, думаю, и питалось теперь подозрѣніе царя, представлявшаго, что и Іоаннъ могъ находиться подъ вліяніемъ такихъ же совѣтовъ и зналъ прежніе его планы. И такъ царь приказалъ привесть и его. Явно взводимое на него обвиненіе состояло въ томъ, будто онъ злословилъ порфиророднаго и, когда царь приказывалъ ему отправиться въ походъ противъ Персовъ, онъ будто бы съ ироніею говорилъ посланнымъ:

пусть-ка идетъ порфирородный и исполнитъ это приказаніе. Таково было обвиненіе открытое, а тайно изслѣдывалось то, которымъ мучима была его подозрительность. Но такъ какъ нельзя было уличить его въ этомъ, безъ показаній Котиса, то царь грозилъ употребить самыя ужасныя пытки, чтобы добиться, о чемъ они разсуждали при частыхъ своихъ свиданіяхъ. Котисъ утверждалъ, что причиною непрестаннаго свиданія ихъ было знакомство, а предметомъ разговора—продажа имѣнія (это былъ участокъ Врисисъ—Грея, доставшійся Котису по наслѣдству отъ родителей), о наслѣдствѣ же престола знаетъ онъ столько, сколько можетъ сказать объ антиподахъ. Но эти слова показались не убѣдительными; а потому царь рѣшился еще обратиться къ врачу Іоанна Пердиккѣ, не выпытаетъ ли отъ него чего-нибудь касательно своихъ подозрѣній объ Іоаннѣ, такъ какъ Пердикка служилъ при этомъ военачальникѣ. И вотъ приказано взять подъ стражу и этого, а Котиса передать Кельтамъ, что бы они пытали его на вѣсу. Но онъ предупредилъ пытку: едва только связали его,—тотчасъ отъ страха послѣдовалъ ударъ, и несчастное бремя, поднятое при множествѣ зрителей, предано было землѣ. Іоанна же сперва предалъ царь безчестію, сорвавъ съ его головы калиптру — почетную принадлежность вельможъ, которою прежде самъ почтилъ его; а потомъ поручилъ царскому постельничему отвести его въ Даматрій и ослѣпить такъ, чтобы никто не зналъ о томъ. Предъ этимъ

родной его братъ Михаилъ Деспотъ, униженно умолялъ и Деспину, и (обоихъ) патріарховъ, и уважаемыхъ царемъ духовныхъ особъ, ходатайствовать объ отмѣненіи такого жестокаго приговора надъ Іоанномъ; но ни какіе ходатаи не умолили царя. Когда чрезъ день послѣ того около полудня произошло землетрясеніе,—Пердикка замѣтилъ, что онъ удивляется не землетрясенію, а тому, какъ не обрушится гора на людей, совершающихъ такія злодѣйства, и за это тотчасъ же наказанъ былъ отсѣченіемъ носа. Другой тогда, за то лишь, что увидѣвши близкаго къ Пердиккѣ мальчика, по прежней привычкѣ, съ любовію поласкалъ его, былъ наказанъ оторваніемъ ноздрей. Здѣсь нужно разсказать о томъ, что случилось съ Георгіемъ Пахоміемъ, грамматистомъ и ученымъ. Живя ([1]) у Стратигопула Михаила въ Ираклеѣ Понтійской, Георгій, по множеству дневныхъ занятій, весьма нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ по ночамъ. Когда донесли объ этомъ царю,—онъ, перваго отставивъ отъ должности военачальника, велѣлъ привести къ себѣ и осудилъ, будтобы за посягательство на царскій престолъ, а другаго подвергъ страшному подозрѣнію, будто онъ, узнавши изъ книгъ судьбу царствъ, говорилъ объ этомъ съ военачальникомъ. Стратигопула

([1]) Погречески—*συνῶν τῷ Στρατηγοπούλῳ Μιχαὴλ*. Словомъ *συνῶν* выражается то, что Михаилъ пользовался бесѣдами Георгія съ ученою цѣлію, и для того держалъ его въ своемъ домѣ. Такое значеніе слова *συνῶν* раскрывается въ длинномъ сочиненіи Лукіана *περὶ τῶν ἐπὶ μισθῷ συνόντων*.

онъ предположилъ было ослѣпить, но удержался отъ этого, внявъ заступленію Деспины, которая была родная его племянница, и отложилъ наказаніе. За то на Пахомія обрушился весь его гнѣвъ; ибо и самое имя, которое наводило на царя суевѣрный страхъ и о которомъ онъ слышалъ, какъ о магическомъ, не мало способствовало къ погибели того, кто носилъ его; такъ-какъ оно содержало въ себѣ что-то злое, имъ выражалось какое-то соотвѣтственное ему прорицаніе. Итакъ, желая избѣжать предопредѣленнаго рока, царь отдалъ приказъ ослѣпить того человѣка. И вотъ, тогда какъ Пахомій на своей родинѣ, въ Македоніи, гдѣ давно ожидали его, былъ уже оплаканъ, какъ умершій,—этотъ слѣпецъ бродилъ между людьми и возбуждалъ въ нихъ не столько жалость, сколько удивленіе,—неужели и такіе люди могли подвергнуться подозрѣрію въ посягательствѣ на царствованіе. Водясь слѣпыми надеждами, царь думалъ избѣжать опредѣленій рока, а на самомъ дѣлѣ не избѣжалъ. Изъ этого же источника происходила ярость его и на монаховъ — не за отступленіе ихъ отъ церкви, а за то, что они считали дни и времена его жизни, и такимъ образомъ накликали на себя бѣдствія. И страшна была гроза его гнѣва, хотя и въ самыхъ малостяхъ открывалась осторожно, что бы не казалось,будто онъ наказываетъ безъ причины. Галактіона царь лишаетъ зрѣнія, у Мелетія отрѣзываетъ языкъ, избавшіеся же отъ казней посланы въ заточеніе. Такъ поступилъ онъ съ Лазаремъ Горіани-

тою — человѣкомъ достопочтеннымъ, котораго сперва велѣлъ было ослѣпить, но потомъ подвергъ только пыткамъ. Подъ судъ его подпалъ и Макарій за простоту и незлобіе прозванный Голубемъ: онъ жилъ гдѣ-то внѣ нашихъ предѣловъ и обвиненъ былъ въ преступленіи противъ величества, будто бы, то есть, возбуждалъ противъ царя западныхъ правителей. Давъ знать Икарію, возведенному тогда въ достоинство великаго Дукса, что бы онъ схватилъ Макарія, царь взводитъ на него вину противъ величества, и предлагаетъ ему либо прощеніе, если онъ приметъ миръ, либо—осужденіе, если не приметъ. Макарій оказался твердымъ,— и былъ казненъ. Не говорю уже о монахахъ Коккахъ (1) и о тѣхъ, которые враждовали противъ царя. Царь дошелъ тогда до такой раздражительности, что едва только доносили ему, что такой-то возмутился, за доносомъ тотчасъ же слѣдовала казнь: онъ вѣрилъ всякому, кто ни говорилъ, основываясь на подозрѣніяхъ, будто на достаточныхъ свидѣтельствахъ противъ (своихъ) подданныхъ. А когда намекали ему о неотвратимости гнѣва даже въ отношеніи къ людямъ ему близкимъ, онъ оправдывался указа-

(1) Что это были за монахи Кокки, опредѣлить трудно. Основываясь на этимологіи слова κοκκος — красный, Поссинъ думаетъ, что то былъ родъ особеннаго братства, отличавшійся краснымъ цвѣтомъ какихъ нибудь частей одежды, или даже по одеждѣ имѣлъ преимущества монашества придворнаго: но эта догадка не подтверждается никакими указаніями исторіи. Едва ли не вѣрнѣе полагать, что они носили имя Кокковъ отъ какого нибудь урочища, въ которомъ находился ихъ монастырь.

ніемъ на царскіе законы, (прибавляя) что не хорошо и не справедливо Римлянамъ управляться монашескими уставами, по которымъ преступленія можно изглаживать покаяніемъ. На доносчика и самъ онъ смотритъ съ неудовольствіемъ; потому что доносчикъ пересказываетъ либо услышанное, либо выдуманное на ближнихъ по недоброжелательству; но выслушивать обвиненія и позволять доносы—необходимо. Нерѣдко оправдывался онъ и тѣмъ, что, прослывъ съ дѣтства другомъ монашества, доведенъ теперь до необходимости ненавидѣть монаховъ за враждебное ихъ къ себѣ расположеніе; враждебностію же называлъ уклоненіе ихъ отъ того, что тогда дѣлалось. Потому-то, можетъ быть, и монахи въ свою очередь считали время, когда-то они избавятся — не отъ царя (ибо безъ царя и жить нельзя, какъ тѣлу—безъ сердца), а отъ гнѣтущихъ ихъ бѣдствій. Людямъ, которые созданы свободными, и однакожъ сознаютъ необходимость—руководиться одною волею, куда бы она ни наклонялась, — тяжело конечно бываетъ и тогда, когда опасносность угрожаетъ только тѣлу (потому что интересъ правителя и управляемыхъ не раздѣленъ; спастись имъ иначе нельзя, какъ по добровольному согласію); но если она грозитъ и душѣ, какъ иные тогда думали, то спасеніе одно—совершенная смѣна. И такъ какъ въ то время они, можетъ быть, къ тому и стремились; то на нихъ и обрушивались ужасы со стороны державнаго. Тогда какъ надлежало исправлять кривое по прямому, чтобы все выравни-

валось, онъ принуждалъ править прямое по кривому, не исправляя послѣдняго, а осуждая даже хорошее, если оно не кривилось. Человѣкъ разсудительный долженъ бы сообразить, что нѣкоторые изъ монаховъ соскользнули съ средины и впали въ крайность—только по ревности, и что между поступками, заслуживающими наказаніе, открывались дѣла, достойныя и нѣкоторой похвалы.

Наконецъ, въ обличеніе злоупотребленія властію, стала выползать изъ мрака и выходить наружу говорливая смѣлость людей свободныхъ; начали появляться сочиненія. Но какъ писателя наказать было нельзя, потому что нельзя было обнаружить его; то оскорбителями признаваемы были тѣ, у кого подобныя сочиненія отъискивались: и на нихъ налегали сильно; ибо обличеніе почиталось оскорбленіемъ. И вотъ письменно назначалось наказаніе всякому, кто ни нашелъ бы такое сочиненіе, если онъ станетъ или самъ читать его, или прочитаетъ другому, а не сожжетъ тотчасъ. Самому же писателю василографій (оскорбительнаго сочиненія противъ царя), какъ скоро былъ бы онъ открытъ, угрожала прямо смертная казнь. (25) О дѣйствительности этой угрозы свидѣтельствуетъ случай съ Калоидою—человѣкомъ въ высшей степени благочестивымъ, который жилъ дѣвственно, раздавалъ милостыню и любилъ ближнихъ искренно; а служба его была при кладовой Деспины. Какъ скоро обличили его въ томъ, что имъ написано сочиненіе, не спасло его ни благочестіе, ни хо-

датайство Деспины: неотступныя просьбы последней едва подвигли царя замѣнить смертную казнь лишеніемъ глазъ. По его приказанію, осужденный приводится къ позорному столбу на площади въ Константіанахъ. Тудаже приказано было скоро идти и клирикамъ, которые ничего не знали объ этомъ, и стоять на мѣстѣ. На клириковъ онъ всегда смотрѣлъ подозрительно, и теперь созвалъ ихъ, чтобы попугать казнію. Потому незнавшіе, въ чемъ дѣло, пришли; а тѣ, которые знали, позаботились скрыться, кто куда могъ. И такъ вотъ поставили Калоиду къ столбу и сначала остригли ему на головѣ волосы, — впрочемъ не по самую кожу, чтобы оставить пищу и огню; потомъ зажгли просмоленный пергаменъ и обложили имъ его голову, такъ чтобы и она обгорѣла вмѣстѣ съ пергаменомъ, а наконецъ, отрѣзавъ ему ножемъ и носъ, полуживаго и полумертваго отпустили. Впрочемъ это сдѣлано немного послѣ, когда царь возвратился уже въ городъ.

Тогда же, въ 16 день Посидеона, послѣ праздника Богородицы, царь выѣхалъ отсюда, выѣхалъ и патріархъ, а прежній патріархъ Іосифъ отправился въ Космидій. Между тѣмъ посланы были люди взять и привести также Гавріила Сфанцу, который былъ племянникъ ослѣпленнаго уже Іоанна и сперва занималъ должность хранителя великой печати, а потомъ за какую-то вину ослѣпленъ. Этого Сфанцу царь приказалъ сковать вмѣстѣ съ родственникомъ его Іоанномъ и, ведя ихъ съ собою, поѣхалъ по до-

рогѣ въ Никомидію и ея окрестности. А патріархъ, у холма Кивота переправившись чрезъ морской проливъ, направилъ свой путь прямо къ Никеѣ. Между тѣмъ, таща за собою слѣпцевъ, царь смотрѣлъ, какое бы мѣсто выбрать для ихъ заточенія. Но Іоаннъ не могъ долѣе выносить жестокаго мученія и, сознавая, что страдаетъ напрасно, не сталъ принимать ни пищи, ни питья, и не дозволялъ имѣть попеченіе о своихъ глазахъ, а влачимъ былъ по дорогѣ, что пустая тяжесть, и думалъ только о томъ, какъ бы гдѣ нибудь удариться головою о землю или о камень, и—умереть. Отъ такихъ ударовъ онъ конечно умеръ бы давно уже, если бы не удерживали его стражи. Однако сильные и, по возможности, частые удары головою наконецъ довели его до смерти, и онъ избавился отъ горькой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и царь—отъ своихъ относительно его безпокойствъ. Объѣхавъ всѣ крѣпости по Сангарѣ и самъ лично оставивъ въ нихъ надежные гарнизоны, онъ въ мѣсяцѣ Гамиліонѣ возвратился въ городъ. Но патріархъ, доѣхавъ до Никеи и поживъ въ Эннатѣ, не счелъ нужнымъ вступить въ самый городъ, ибо хотѣлъ бы имѣть при себѣ, что дать знакомымъ и чѣмъ одарить родственниковъ; а между тѣмъ у него на тотъ разъ ничего не было: вступить же въ городъ и не одарить, какъ слѣдуетъ, онъ считалъ дѣломъ недостойнымъ себя и неприличнымъ его сану. Поэтому поворотивъ, какъ говорится, корму, переѣхалъ чрезъ Іолипифіи и рѣшился, какъ можно скорѣе, воз-

вратиться; ибо ему не позволялъ медлить (приближавшійся) праздникъ Воздвиженія. Такимъ образомъ, вслѣдъ за царемъ пріѣхалъ въ городъ и онъ,—и это было тринадцатаго Гамиліона. Не пренебрегая тѣми подъисками, какіе подъ него дѣлались, патріархъ тотчасъ, по сошествіи съ корабля, отправился къ царю, цѣлый день заискивалъ его благосклонность и, приглашенный на праздникъ, готовъ былъ въ угодность ему сдѣлать все; ибо совершенно измѣнился въ своемъ характерѣ съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ трудными обстоятельствами, и только въ подчиненіи царю обѣщалъ себѣ теперь завидную долю—прожить спокойно. За то и царь не столько сталъ бояться за свою честь;а напрасноео скорбленіе патріарха со стороны народа считалъ достойнымъ смерти. Объ этомъ можно судить по случившемуся раздраженію царя противъ всего. Его нисколько не заставили измѣнить принятому направленію даже безпокойства самыхъ приближенныхъ къ нему людей, на которыхъ онъ особенно надѣялся, которые воспитаны были имъ и удостоены отъ него почестей. Царь признавалъ ихъ виновными именно предъ патріархомъ: тѣ говорили, что причина соблазна заключается въ немъ, такъ какъ онъ оправдывалъ Латинянъ, судя о нихъ по одной только прибавкѣ къ символу; а этотъ готовъ былъ легко и открыто оправдывать его съ той и другой стороны—и со стороны царя, и со стороны подвергавшихся бѣдствію, которые возмущали его душу: со стороны царя—тѣмъ, что онъ ли-

шился благорасположенія лицъ къ нему близкихъ, а со стороны терпящихъ бѣдствія—тѣмъ, что начатаго дѣла не предоставлялъ времени. Людей, досадовавшихъ на патріарха, было много; досадовали на него также Константинъ Акрополитъ и Ѳеодоръ Музалонъ. (26) Перваго изъ нихъ царь взялъ еще мальчикомъ у его отца, великаго Логоѳета, чтобы дать ему воспитаніе, и сдѣлалъ самымъ близкимъ къ себѣ человѣкомъ: освободилъ его отъ военной службы, отдалъ для обученія наукамъ, почтилъ достоинствомъ Логоѳета общихъ дѣлъ, женилъ на дочери Кантакузина и сдѣлалъ посредникомъ въ управленіи государствомъ. Этого-то Акрополита царь удалилъ отъ себя, хотя все еще сохранялъ къ нему доброе расположеніе. Но на Музалона разгнѣвался онъ гораздо больше. Когда наступило время отправить посольство въ Римъ, державный, оставивъ въ покоѣ другихъ, для испытанія, думаю, сталъ возлагать дѣло посольства больше на него. Однакожъ, сколько ни приказывалъ онъ, не добился отъ него никакого знака согласія, какъ будто говорилъ глухому, или указывалъ что-нибудь слѣпому. Причина отказа царю не была не извѣстна,—и онъ какъ ни сдерживалъ свой гнѣвъ, наконецъ, не могши болѣе владѣть собою, приказалъ другому Музалону, который былъ при царѣ въ качествѣ докладчика и получилъ эту должность при посредствѣ брата, — долго и жестоко бить его; такъ что находившаяся въ рукахъ его палка не могла удовлетворить гнѣву царя и, отъ много-

кратныхъ ударовъ сломившись, отказалась служить и потребовала другой, которая докончила бы ея дѣло. Но и этимъ тогда не ограничилось его наказаніе;—царь удалилъ его отъ своего лица и не замедлилъ отстранить отъ участія въ управленіи государственными дѣлами. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ презрѣніи и пріобрѣталъ необходимое трудами рукъ своихъ, пока не только согласился на миръ, но и готовъ былъ дѣлать еще больше, если царь прикажетъ. Довольный такою его перемѣною, и ни во что не ставя охлажденіе его ревности, которой далѣе условленныхъ предѣловъ не позволялъ и самому себѣ,—онъ опять принялъ его къ дѣламъ и приказалъ твердо стоять въ своихъ мысляхъ,

27. Въ томъ же году возвратился съ востока царь Андроникъ, оставивъ тамъ Деспину; а предъ этимъ прибылъ съ запада и порфирородный, не принесши никакого трофея, кромѣ того, что привелъ съ собою Котаницу, котораго убѣдилъ отдаться въ свои руки клятвенными обѣщаніями въ томъ, что онъ не потерпитъ отъ царя ничего жестокаго. Котаница былъ вѣренъ своей присягѣ, и хотѣлъ до конца сохранить ее; а царь, имѣя въ виду не себя одного, но смотря и на то, что бы рабство этого измѣнника и на будущее время было безвредно, положилъ ослѣпить его. «Вѣдь не я клялся», разсуждалъ онъ, «чтобы завлечь его вѣроломствомъ, а сынъ, безъ всякаго моего соизволенія». Человѣку злому зло и мерещется, думалъ царь, и говорилъ это не по предсказанію оракула, а по естественной

предусмотрительности. Кто попробовалъ разбойничать, тотъ никогда не привыкнетъ подчиняться распоряженіямъ другаго. Итакъ царь оставался неизмѣннымъ въ своемъ намѣреніи, а сына, который представлялъ ему, что чрезъ это сдѣлается онъ явнымъ клятвопреступникомъ, успокоивалъ словами, говоря, что вѣдь онъ-то хранитъ клятву, сколько можетъ, давъ ее безъ сношенія съ царемъ; царю же, какъ свободному отъ клятвы, позволительно поступать такъ, какъ требуетъ безопасность. Получивъ рѣшительный отказъ и видя безуспѣшность ходатайства за своего кліента, царевичъ принялъ намѣреніе совѣтовать Котаницѣ—для избѣжанія опасности, уйти на Черную гору, чтобы тамъ облечься въ монашескій образъ, только бы какъ нибудь спастись отсюда. Вѣдь невозможно подозрѣвать, думалъ онъ, чтобы тотъ, кто однажды навсегда съ страшными клятвами отрекся отъ всего мірскаго, могъ возвратиться къ прежнему роду жизни. При томъ царь такъ уважаетъ иноческій образъ, что вѣрно не рѣшится наказать человѣка, который облекся въ него. Такъ говорилъ ему порфирородный и, давая совѣтъ, повидимому полезный, очевидно, заботился очистить себя отъ вины, которая лежала бы на немъ, если бы тотъ, не сдѣлавъ этого, подвергся опасности: съ моей стороны, думалъ онъ, выполнено все, чтобы сколько возможно помочь ему. Котаница видѣлъ, что ему угрожаетъ таже опасность, какая постигла зятя Торникіева, и потому, совѣтъ Константина признавъ добрымъ,

самаго же совѣтника просилъ о ходатайствѣ предъ царемъ, что бы ему позволено было принять монашество и отречься отъ міра со всѣми его радостями. Едва только попросили у царя позволенія облечься Котаницѣ въ одежду совершенства,—тотчасъ послѣдовало соизволеніе. И вотъ, освободившись отъ наказанія, поступаетъ онъ въ монашество и,—только что вчерашній разбойникъ, оказывается цѣломудреннымъ и незлобивымъ, однакожъ не по душевному расположенію, а по одному внѣшнему виду; ибо у него была вовсе не та цѣль, чтобы заботиться о спасеніи души: его смиреніе было плодомъ необходимости. Что изъ этого вышло, скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Послѣ того порфирородный отправился на востокъ и принялся за устроеніе тамошнихъ дѣлъ, вмѣсто возвратившагося оттуда царя.

28. Въ этотъ небольшой промежутокъ времени умираетъ тамъ Деспинна Анна и вскорѣ вѣсть о томъ доходитъ до царя. Стараясь скрыть это до времени отъ своего сына и царя, онъ тайно отправляетъ архидіакона и Хартофилакса своей церкви, Константина Мелитиніота, для перенесенія тѣла, какъ слѣдовало, въ Никею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, распорядился онъ и касательно того, чтобы порфирородный, по случаю печальнаго событія, снявъ пурпурное одѣяніе, никогда больше не носилъ его. На этотъ случай устроена была одежда изъ двухъ цвѣтовъ—пурпурнаго и бѣлаго, и украшена царскимъ гербомъ—орлами,

обложенными золотомъ и жемчугомъ. Вмѣстѣ съ такою одеждою посланы были ему соотвѣтственныя сандаліи и уздѣчка, и приказано считать этотъ нарядъ параднымъ, уступающимъ царскому только въ пурпурѣ. Это дѣло придумано было искусно и благовременно, такъ что никому не показалось, будто съ перемѣною пурпуровой мантіи на разноцвѣтную перемѣняется и значеніе (лица): всѣ полагали, что такая перемѣна сдѣлана только на время траурное, тогда какъ прежде онъ украшался самыми великолѣпными послѣ царя одеждами и имѣлъ блистательныя преимущества предъ прочими чинами царства. Державный понуждалъ архидіакона спѣшить, и посылалъ его, нисколько немедля, чтобы царь не узналъ о своемъ лишеніи. Архидіаконъ дѣйствительно спѣшилъ, такъ что успѣлъ прибыть на востокъ даже раньше даннаго ему срока. Но сколько ни старался онъ скрыть несчастіе, не успѣлъ въ этомъ: тайна открылась, и царь, какъ могъ, переносилъ свое горе. Да и въ самомъ дѣлѣ, посланный явился къ нему съ выраженіемъ только глубокой скорби, и принесъ сыну отъ царя такіе дары, которые вовсе ему не нравились. Оставшись здѣсь не надолго, сколько нужно было употребить времени для приготовленія къ перенесенію тѣла, Андроникъ поспѣшилъ отправиться въ Никею. Тудаже посылаются и патріархъ, и всѣ іерархи, сколько было ихъ въ городѣ, и весь отборный клиръ. Все относящееся до погребенія державный устроилъ очень торжественно. Когда же погребеніе

надъ покойницею надлежащимъ образомъ было совершено,—патріархъ, получивъ щедрую награду за богослуженіе и достаточно одаривши золотомъ многихъ своихъ знакомыхъ, такъ что разсудокъ дарителя могъ за готовность порицать его руку, тотчасъ отправился въ столицу. Узнавъ же на пути, что царь Андроникъ снова намѣренъ переправиться чрезъ Босфоръ, и ѣхать на востокъ, онъ тотчасъ своротилъ съ дороги къ холму св. Авксентія и гдѣ-то при подошвѣ того холма увидѣлся съ царемъ въ его палаткѣ. Такъ-какъ это происходило въ концѣ Мемактиріона, предъ наступленіемъ праздника святыхъ апостоловъ; то не много времени провелъ онъ въ дружескихъ бесѣдахъ съ Андроникомъ (ибо царь успѣлъ уже привязаться къ нему любовію), но совершивъ въ праздникъ тайнодѣйствіе въ монастырѣ Архистратига и, сопровождаемый благожеланіями, удалился оттуда.

29. Царь же, получивъ снова извѣстіе, что предѣлы имперіи по Сангарѣ находятся въ бѣдственномъ состояніи, и что Персы, дѣлая на нихъ частыя нападенія, безъ всякаго опасенія переправляются чрезъ рѣку и опустошаютъ страну, собралъ наскоро войска, какія были у него въ то время подъ рукою, и, сколько позволяли ему дѣла, быстро понесшись въ тѣ мѣста, переправился чрезъ Сангару. Обозрѣвая тогда эту, можно сказать, Скиѳскую пустыню, онъ едва не выдралъ у себя всѣхъ волосъ ему чрезвычайно было жаль той страны; онъ

сильно скорбѣлъ о томъ поруганіи, какое испытывали тамошніе его подданные. Бесѣдуя съ Александрійскимъ патріархомъ, который въ то время сопровождалъ его для утѣшенія, онъ съ сердечными вздохами высказывалъ причину такого опустошенія. Помнилъ царь, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи былъ тотъ край прежде, когда онъ водилъ тамъ войска, по волѣ бывшаго государя: въ тѣхъ мѣстахъ и проходу не было по лѣсамъ, густо покрывавшимъ землю широколиственными деревьями.—А въ какомъ жалкомъ положеніи видитъ онъ эту страну теперь! Причина же, говорилъ онъ, скрывается въ волненіи ревнителей, усиливающихся возстановлять подданныхъ противъ царя, и толкующихъ, что вотъ сдѣлано то и то, что царь поступаетъ незаконно, и прочее тому подобное, чѣмъ отчуждали сердца людей отъ царя и заставляли его опасаться за себя; ибо случалось, что опасеніе за себя сосредоточивало всѣ попеченія его сердца на себѣ самомъ. Отсуда происходила медленность въ распоряженіяхъ и то, что управленіе дѣлами областей предоставлялось только военачальникамъ, которые, предавшись страсти своекорыстія, изъ боязни, какъ бы не потерпѣть чего нибудь отъ царя за безсовѣстное взяточничество, для сокрытія своихъ преступленій, доношенія къ нему наполняли ложью, будто страна ихъ наслаждается спокойствіемъ, и такимъ образомъ довели имперію до опустошенія. Говоря это, царь отказался отъ обычныхъ ему удовольствій и отъ всякой при-

слуги, такъ что питался, чѣмъ случилось, и по-возможности, шелъ впередъ. Продолжая безостановочно походъ, онъ слѣдовалъ по-пятамъ за отступавшими Персами: проводилъ день тамъ, гдѣ они ночевали, такъ что заставалъ еще горячими покинутые ими очаги,—и ночевалъ тамъ, откуда за день или за два едва успѣвали они сняться. Плодовъ, отъ зрѣлости падавшихъ въ то время съ деревьевъ, было такое множество, что ими питалась большая часть войска; а возить туда что нибудь другое изъ съѣстнаго давно уже всякій, боясь непріятелей, отказывался съ клятвою. Поэтому роскошныя кушанья своего стола—черствый хлѣбъ изъ отрубей и сухари, царь не рѣдко посылалъ и женѣ, и тещѣ, и патріарху, и знакомымъ, изображая этимъ трудность своего похода, и въ письмахъ прибавляя, что вода доставляется ему не изъ фонтановъ, а изъ мутной рѣки, и бываетъ годна къ употребленію только тогда, какъ ее процѣдятъ и дадутъ отстояться на воздухѣ. Видя невозможность далѣе преслѣдовать Персовъ, а особенно чувствуя недостатокъ въ необходимомъ, онъ счелъ нужнымъ заняться укрѣпленіемъ границъ и снабдилъ ихъ частыми крѣпостями по обѣимъ сторонамъ рѣки: однѣ, развалившіяся отъ времени, обновилъ и возстановилъ, другія воздвигъ самъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка, по мелководью, переходима была въ бродъ, чтобы такимъ образомъ воспрепятствовать вторженіямъ Персовъ, какъ многочисленностію крѣпостей, такъ и занятіемъ необходимыхъ для перепра-

30

вы пунктовъ. Желая вообще положить преграду набѣгамъ непріятелей, чтобы они не могли безпрепятственно вторгаться, откуда ни захотѣли бы, и пробираться незамѣченными внутрь, имперіи, онъ приказываетъ немедленно собрать какъ можно большее число рабочихъ съ топорами, и во всю длину рѣки, гдѣ нужно было ее укрѣпить, сообразивъ при этомъ и достаточную ея широту, велитъ строить засѣки изъ деревъ: эти деревья, наваленныя одни на другія, такъ тѣсно переплелись своими вѣтвями, что сквозь нихъ нельзя было пролѣзть и змеѣ. Устроивши все это въ своемъ присутствіи и по своему плану, онъ былъ утомленъ тамошними трудами и, снабдивши гарнизоны достаточнымъ количествомъ продовольствія, отправился по рѣкѣ до самой Прузы; тщательный же осмотръ тѣхъ мѣстъ, равно какъ и окончательное преслѣдованіе враговъ, отложилъ до благопріятнаго случая.

30. Въ то время, какъ царь находился въ Прузѣ, пришло къ нему извѣстіе, что послѣ папы Николая вступилъ на престолъ Мартинъ. Это заставило его къ новому папѣ отправить, въ качествѣ пословъ, Льва Ираклейскаго и Ѳеофана Никейскаго. Явившись туда, они приняты были Италіанцами вовсе не такъ, какъ надѣялись при отправленіи, а совершенно напротивъ. Узнавъ, въ какомъ состояніи находится у насъ дѣло примиренія церквей, и подозрѣвая, что все бывшее имѣло характеръ насмѣшки, а недѣйствительной истины,—ибо кромѣ одного царя и па-

тріарха, да нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нимъ лицъ, всѣ остальные отвергали миръ, особенно, когда царь хотѣлъ утвердить его страшными казнями, Латиняне приняли пословъ съ презрѣніемъ, и не скоро, да и то съ трудомъ доставили имъ доступъ къ папѣ, а наконецъ и царя и сообщниковъ его, какъ насмѣшниковъ и людей, идущихъ къ миру путемъ казней, а не истины, отлучили отъ церкви, пословъ же отпустили назадъ, не удостоивъ ихъ должныхъ почестей. Узнавъ объ этомъ отъ возвратившагося Никейскаго епископа (ибо Ираклейскій скончался), царь пришелъ въ неописанный гнѣвъ, такъ что, когда діаконъ хотѣлъ было, по обычаю, въ присутствіи державнаго, провозгласить папу, онъ запретилъ, говоря: хороши плоды любви ихъ! изъ-за нихъ я вооружилъ противъ себя своихъ ближнихъ; а они не только не оказали мнѣ нималѣйшей благодарности, но еще отлучили меня. Тогда же хотѣлъ-было онъ уничтожить договоръ, да и уничтожилъ бы, если бы не пришли ему на мысль нѣкоторыя соображенія. Вѣдь если, измѣнивъ образъ мыслей, вдругъ разрушить такое дѣло, думалъ царь, изъ-за котораго онъ такъ много терпѣлъ и которое едва могъ совершить; то, когда бы потребовали обстоятельства снова домогаться того же самаго,—ему уже совсѣмъ ничего не удалось бы сдѣлать. Съ этою перемѣною иначе пойдутъ и церковныя дѣла; потому что на патріаршество тогда надобно будетъ вступить Іосифу. Правда, самъ Іосифъ миролюбивъ со всѣми, и нѣтъ сомнѣнія, что отъ него

не будетъ никакихъ крутыхъ дѣйствій; но при этомъ необходимо явятся другіе — люди безпокойные. Такъ думалъ царь не просто по подозрѣнію; эти мысли возбуждало въ немъ также одно обстоятельство, встрѣтившееся съ нимъ недавно, когда онъ жилъ на Сангарѣ, и заставлявшее страшиться за все, если условія договора будутъ вдругъ уничтожены, какъ вредныя. (31). Около того времени Іосифъ, ожидая скорой смерти, сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Въ завѣщаніи нужно было упомянуть и о царѣ и написать молитву за него. Іосифъ дѣйствительно упомянулъ и молился, но не прибавилъ названія ἅγιος (святый), которое обыкновенно носили цари мѵропомазанные. Когда завѣщаніе въ такой формѣ было прислано, царь, увидѣвъ его и выразивъ негодованіе, тотчасъ написалъ и патріарху, написалъ и начальнику города, чтобы онъ спросилъ и узналъ, какъ это сталось, что отъ царскаго его титула отнято слово «ἅγιος». Не считаетъ ли меня Іосифъ недостойнымъ святости, говорилъ царь, что такъ пишетъ? Написано было объ этомъ и Антіохійскому патріарху Принкипсу. Тѣ послали спросить Іосифа о причинѣ, по которой онъ такъ написалъ, и говорили, что спрашиваютъ по желанію царя; а Іосифъ причину этого сложилъ на окружающихъ его монаховъ, и въ доказательство представлялъ другой, точно такой же экземпляръ, только съ прибавленіемъ святости. Объявивъ этотъ подлинный документъ, онъ сказалъ, чтобы сперва сняли съ него копію; но

монахи соблазнились имъ и сообщили ему такой видъ, въ какомъ онъ перешелъ въ руки царя. Такъ миролюбивъ былъ Іосифъ со всѣми. Получивъ такое объясненіе, царь, хотя и подозрѣвалъ окружающихъ его, но не желалъ подавать повода къ новымъ противъ себя обвиненіямъ и, притворившись, что дѣлалъ розыски ради смѣха, а не серьёзно, отложилъ это дѣло до другаго времени.

32. Между тѣмъ какъ царь занимался этимъ, пришло извѣстіе о событіяхъ въ Бѣлградѣ. Но тутъ нужно взять немного выше. Иллирійцы отложились отъ царя и жили сами по себѣ. Овладѣвъ городомъ Диррахіемъ съ того времени, какъ онъ разрушенъ былъ землетрясеніемъ, они возстановили его, да заселили также и нѣкоторые другіе отложившіеся города. Съ королемъ Карломъ, котораго владѣнія соприкасались съ Иллирійскимъ городомъ Канииою, были у нихъ сношенія дружескія, опредѣленныя мирными условіями. Канина прежде принадлежала адмиралу Филиппу, человѣку весьма сильному; ибо Михаилъ Деспотъ, боясь его особенно съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ одержалъ верхъ надъ Манфредомъ, такъ что убилъ его и, при значительномъ вспомоществованіи церкви, захватилъ его власть, —постарался вступить съ Филиппомъ въ родство и, выдавъ за него замужъ родную сестру своей жены, которая была прежде за Сфаницею и осталась послѣ него вдовою, уступилъ ему Канину и Корифъ. Но потомъ онъ коварно умертвилъ Филиппа чрезъ тайно подосланныхъ убійцъ, и ког-

да это дѣло было совершено, по смерти Адмирала, хотѣлъ было удержать за собою Канину. Однакожъ жившіе въ этомъ городѣ Италіанцы воспротивились ему и, воспользовавшись случаемъ произведеннаго убійства, тотчасъ склонились на сторону Карла. Карлъ послалъ укрѣпить Канину и, смотря на эту крѣпость, какъ на собственную, намѣревался вторгнуться оттуда съ своими войсками во владѣнія Римлянъ. Къ этому подстрекали его тогда — и отложеніе Иллирійцевъ, и давняя ненависть къ царю, съ тѣхъ поръ, какъ онъ своими происками удержалъ этого короля отъ морскаго похода подъ Константинополь. Итакъ Карлъ изъ Брундузіи переправляется чрезъ Іоническое море съ значительнымъ количествомъ войска, состоявшаго изъ трехъ тысячъ пѣхоты и конницы. Вступивъ въ Канину и вооружившись здѣсь, какъ можно лучше, войско его устремилось отсюда такъ, что, судя по отвагѣ, можно было предполагать его движеніе сухимъ путемъ до Өессалоники и даже до самой столицы. Оно столько увѣрено было въ своей силѣ, что вожди его заранѣе дѣлили области и города, и каждый изъ нихъ надѣялся захватить лучшее. Надъ всѣми ими начальствовалъ Росъ Солима, превосходившій ихъ своимъ самомнѣніемъ,—человѣкъ огромнаго роста, съ гордою душею, съ минами презренія въ обращеніи, съ рыжими волосами и съ высокомѣріемъ вспыльчиваго характера. Я думаю, оттого и получилъ онъ это названіе,

что походилъ на Роса [1] Итакъ одушевляемые отвагою Италіанцы устремились сначала на Бѣлградъ — въ намѣреніи овладѣть тамошнею крѣпостію. А крѣпость эта стоитъ при рѣкѣ, называемой у туземцевъ, кажется, Асуною, и расположена на берегу ея, но не на ровномъ мѣстѣ, а на холмѣ, омываемомъ внизу рѣкою. Поэтому, если бы на крѣпость извнѣ и сдѣлапо было нападеніе, то осаждающіе все не моглибы помѣшать жителямъ ежедневно наливаться водою и пить. Притомъ, рѣка такъ (близко) прилегала къ крѣпости, что осажденные съ сосѣдняго возвышенія легко могли Македонскими копьями прогонять непріятелей, если бы они подошли брать воду, и только закрываясь щитами можно было имъ пользоваться водою. На противуположной сторонѣ рѣки возвышался надъ равниною тоже холмъ, и лежалъ прямо противъ (крѣпости); а возлѣ него протекала другая рѣка, Вооза, разсѣкающая долину и отдѣляющая предѣлы Канины. Непріятели, со всѣмъ войскомъ переправившись чрезъ Воозу, заняли тотъ холмъ и, избравъ позицію на этой высотѣ, думали находившихся въ крѣпости поразить страхомъ и даже поставили камне-метальныя машины, чтобы сильными ударами громить оттуда стѣну. Съ быстротою вѣтра долетѣла вѣсть объ этомъ

---

(1) Этимологія слова: Ῥῶς ничего не представляетъ для объясненія этого Пахимерова текста. Надобно полагать, что Пахимеръ думалъ произвесть Ῥῶς отъ ῥώξ; а Ῥώξ, по Евстаѳію, есть φαλαγγίου εἶδος — паукъ, очень ядовитый. Plin. 1. 29. c. 4. phalangium... est plurium generum, unnm simile formicae, sed multo majus, rufo capite. Вѣроятно этому-то пауку Пахимеръ уподобилъ того военачальника.

до ушей царя и привела его въ смущеніе; такъ что онъ затрепеталъ всѣмъ своимъ существомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тотъ не погрѣшилъ бы въ сравненіи, кто дерзость Латинянъ, соединенную съ яростію, уподобилъ бы огню, когда въ него подливаютъ масло. Всякій догадается, что въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ ему ничего болѣе не оставалось, какъ собрать всѣ свои силы, не исключая и флотскихъ, и отправить ихъ сухимъ путемъ, чтобы они, при самомъ началѣ войны, могли умерѣть съ пользою. Но прежде всего онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ Богу, а потомъ приготовить достаточныя по численности силы, чтобы однимъ появленіемъ ихъ остановить напоръ непріятелей и, при первомъ опытѣ, дать имъ почувствовать, что далѣе идти невозможно. Молебствіе предписано было совершить слѣдующимъ образомъ: патріарху и архіереямъ со всѣмъ клиромъ велѣно прежде всего возносить молитвословіе во всю ночь; потомъ вмѣстѣ съ зарею патріархъ и съ нимъ шесть другихъ главныхъ архіереевъ, облекшись въ священныя одежды, должны, въ присутствіи прочихъ молящихся, совершить освященіе елея и, сдѣлавъ предварительно пуки папируса, погрузить ихъ въ тотъ освященный елей, а потомъ раздѣлить между отправляющимися противъ непріятеля воинами, такъ чтобы достало на каждаго изъ нихъ, сколь бы ни велико было число войска, и чтобы каждый шелъ противъ врага, имѣя при себѣ освященный папирусъ. Такъ и сдѣлано было, какъ предписано,—

и священные пуки папируса, вложенные въ стеклянные сосуды, съ молитвою и бережно отправлены въ армію. Противъ непріятеля царь посылаетъ зятя своего Михаила Деспота, великаго Доместика Тарханіота, называвшагося тоже Михаиломъ, великаго Стратопедарха Іоанна Синадина, и четвертаго съ ними—евнуха Андроника, бывшаго тогда придворнымъ Татою (1) и прозывавшагося Іонополитомъ. Этимъ лицамъ ввѣряетъ онъ достаточныя силы для предстоящаго дѣла, изгоняетъ изъ нихъ всякую робость и воодушевляетъ ихъ надеждою на содѣйствіе священическихъ молитвъ. Совершивъ путь, они остановились лагеремъ на возможно далекомъ разстояніи отъ непріятеля; напасть же тотчасъ не отваживались, ибо считали это неблагоразумною дерзостію: особенно такъ думалъ великій Доместикъ, которому предоставлена была главная власть надъ всѣмъ, какъ человѣку предусмотрительному и преданному хранителю пре-

---

(1) О достоинствѣ подъ этимъ именемъ часто упоминаетъココдинъ (in libr. de offic. anl. c. 2), поставляетъ его на тридцать шестой степени придворныхъ чиновъ (c. 4) и описываетъ офиціальный его костюмъ, замѣчая подъ конецъ (c. 5), что съ этимъ достоинствомъ не соединялось никакой служебной дѣятельности. У Латинянъ Тата было имя, которымъ дѣти, только что начинавшіе лепетать, называли отцовъ, какъ мамою матерей. Такъ у Марціала: Mammas atque tatas habct Afra; adipsa tatarum dici et mammarummaxima mamma potest. И Русскія дѣти употребляютъ его въ томъ же значеніи и произносятъ: тятя. Можно почти навѣрное сказать, что упоминаемый здѣсь эвнухъ, придворный Тата, состоялъ при дѣтяхъ царя, когда они были еще дѣтьми; и потому теперь Кодинъ не назначаетъ ему никакой должности. Даже можно догадываться, что и имя Андроника дано ему, какъ почетное, въ память того, что онъ былъ Татою теперешняго царя Андроника.

стола. Эти вожди нашли необходимымъ — попытаться послать находившимся въ крѣпости съѣстные припасы, по недостатку которымъ, осажденные уже чувствовали голодъ. И казалось, что протекавшая у крѣпости рѣка много поможетъ имъ въ этомъ случаѣ, съ одной стороны потому, что припасы будутъ отправлены по ней ночью, съ другой потому, что они могутъ быть введены въ крѣпость чрезъ устроенныя на случай нужды въ водѣ шлюзы. Разсудивши такимъ образомъ, они приготовили грузовыя суда и, наполнивъ ихъ достаточнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, пустили по рѣкѣ; а на берегу рѣки разставили стрѣлковъ, сколько нужно было для защиты пущенныхъ судовъ отъ нападенія. Это не скрылось отъ Италійцевъ и привело ихъ въ ярость: они ринулись, чтобы захватить грузъ, во чтобы то ни стало. Непріятели выстроились на противуположномъ берегу Асуны и приготовились напасть на плывшихъ, чтобы воспрепятствовать подвозу продовольствія, надѣясь крѣпость принудить къ сдачѣ голодомъ. А Росъ Солима съ весьма многими и сильными своими товарищами рѣшился переправиться чрезъ рѣку и сбить стоявшую по берегу стражу. Съ величайшею быстротою бросаются они въ рѣку и, выдержавъ напоръ воды, мгновенно являются на другомъ берегу, въ надеждѣ однимъ ржаніемъ рьяныхъ своихъ коней поразить всѣхъ противниковъ. И вотъ они отважно поскакали и хвастливо устремились на нашъ отрядъ; а этотъ отъ перваго натиска, какъ и слѣдовало,

благоразумно уклонился,—частію изъ-осторожности, частію же и по стратегическимъ соображеніямъ; а потомъ, нашедши выгодное мѣсто, сталъ мужественно стрѣлять въ тяжеловооруженныхъ всадниковъ. Но такъ какъ крѣпкое ихъ вооруженіе пробить было невозможно, то наши воины стали бросать копья въ ихъ коней, чтобы, перестрелявши ихъ, оставить этихъ хвастуновъ пѣшими. И вотъ, въ числѣ многихъ другихъ раненныхъ коней, раненъ былъ и конь Роса Солимы. Нанесенная ему рана была не такъ смертельна, чтобы онъ тотчасъ же палъ, однако много убавилъ своей рыси (ибо рана отъ копья была глубока) и несъ сѣдока лѣниво, а потомъ споткнувшись на бороздѣ, упалъ на землю вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Такъ какъ этотъ гордецъ, прижатый конемъ, не могъ тронуться съ мѣста, то вдругъ былъ окруженъ и взятъ руками. Вѣсть о взятіи его въ плѣнъ тотчасъ перенеслась и въ царскій лагерь, и въ крѣпость. Въ лагерѣ держали уже въ рукахъ этого недавно великаго самохвала, а находившіеся въ крѣпости еще прежде, чѣмъ успѣли дойти до нихъ вѣстовые, знаками радости извѣщали находившихся внѣ стѣнъ, что знаютъ о плѣнѣ. Вмѣстѣ съ зарею царскіе полки въ полномъ вооруженіи и съ освященнымъ папирусомъ у каждаго воина, выступивъ изъ лагеря и переправившись чрезъ рѣку, нападаютъ на непріятелей и тотчасъ же обращаютъ ихъ въ бѣгство. Одни изъ Италіанцевъ, стоявшіе фронтомъ впередъ, были прямо поражаемы и истребляемы

(они не для того и стояли фронтомъ впередъ, чтобы выдерживать натискъ непріятелей, а только, чтобы смотрѣть на происходившее); другіе, ища спасенія въ бѣгствѣ, получали удары въ тылъ и, падая съ коней, умирали; а иные забираемы были въ плѣнъ живыми. При этомъ происходила страшная суматоха отъ поспѣшности, съ какою непріятели стремились къ рѣкѣ Возѣ, чтобы переправиться чрезъ нее и спастись, тогда какъ царскія войска старались опередить ихъ и заградить имъ пути къ рѣкѣ. Чтобы въ бѣгствѣ встрѣтить меньше препятствія, они бросали и сосуды и женъ; задніе изъ нихъ напирали на переднихъ и, сваливая этихъ подъ ноги, то и дѣло топтали другъ друга; многіе же прежде, чѣмъ достигли рѣки, растоптаны были лошадьми и, быстрый всадникъ дѣлался добычею легко вооруженнаго пѣхотинца. Взятыхъ въ плѣнъ было множество, такъ что тѣ же воины, отведши однихъ плѣнниковъ въ крѣпость, возвращались тотчасъ за другими, а послѣ этихъ, снова шли брать въ плѣнъ слѣдующихъ, и убивая рядовыхъ, уводили начальниковъ до тѣхъ поръ, пока непріятели, не достигли рѣки Воозы и добровольно не побросались въ воду, предпочитая погибель въ рѣкѣ позорному впаденію въ руки Римлянъ; ибо изъ большаго числа ихъ немногіе преодолѣли быстроту рѣки и спаслись бѣгствомъ въ крѣпость Канину,—да и то нагіе, безоружные и пѣшіе, тогда какъ не задолго они были до того высокомѣрны, что надѣялись захватить Римскую имперію, будто гнѣздо птенцевъ.

33. Стоитъ повѣствованія и торжество, совершившееся въ городѣ по случаю этой побѣды. Зрѣлище для Римскихъ патріотовъ было по истинѣ восхитительное, когда царскіе военочальники, разбивъ враговъ на голову, или лучше сказать,— безъ труда совершивъ надъ тѣми наглецами чудные подвиги, раздѣли павшихъ, собрали множество оружія, одеждъ, коней и всякой красивой рухляди, и вели съ собою живыхъ плѣнниковъ и ихъ коней, первыхъ закованными въ цѣпи, а послѣднихъ пущенными въ стадо рогатаго скота; взяли также и все войско,—ибо по истребленіи непріятельской арміи, тамъ нечего было бояться,—и все это представили царю въ видѣ блистательныхъ трофеевъ. Принявъ свои войска и узнавъ въ подробности весь ходъ дѣла, царь сталъ осматривать плѣнниковъ—каждаго изъ нихъ съ его конемъ и принадлежностями. Они были изнурены: но и подъ этими костями да кожею можно было замѣчать прежнее цвѣтущее ихъ состояніе; одежда на нихъ была не прежняя, а изорванная, какая случилась и какую давали имъ изъ состраданія. Обошедши внимательно ихъ ряды и видя изнуренныя ихъ тѣла, которыя почти нельзя было назвать тѣлами, а развѣ тѣнями древнихъ гигантовъ, замѣчая также, что души ихъ были сокрушены тяжкими страданіями, хотя поднятыми бровями и важною осанкою обнаруживали признаки прежней свободы, царь тронутъ былъ постигающими человѣка несчастіями и, поднявши руки къ небу, внятнымъ голосомъ воз-

несъ благодареніе Богу. Желая сохранить память объ этомъ событіи, онъ приказалъ изобразить его на стѣнахъ царскихъ палатъ,—и не это только, но и прежнія, по милости Божіей, одержанныя побѣды. Настоящее дѣло тогда же дѣйствительно и было изображено въ портикѣ; а другихъ изображеній, по причинѣ послѣдовавшей смерти царя, кончить не успѣли. За тѣмъ царь, желая воздать благодарность Богу за все, приказываетъ водить плѣнныхъ въ торжественной процессіи—не для того, чтобы недавно совершенными подвигами величаться самому, какъ дѣлаютъ люди тщеславные и малодушные, но чтобы виновникомъ побѣды признать Бога и славословить Его одного. Это торжество устроено было такъ: царь стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ во Влахернскомъ дворцѣ, обратившись лицемъ на западъ къ морю, откуда ему все было видно, и откуда самъ онъ виденъ былъ всѣмъ. Плѣнники ведены были по одному въ рядъ, и каждый изъ нихъ сидѣлъ на конѣ, опустивъ обѣ ноги на одну сторону. При этомъ каждому дано было въ руки копье изъ папируса, или изъ какого-нибудь другаго слабаго вещества, въ знакъ совершеннаго ихъ пораженія. По обѣимъ сторонамъ этой процессіи стояли огромныя толпы народа, изъ котораго многіе тронуты были несчастіемъ плѣнныхъ и жалѣли, что съ такимъ безчестіемъ ведутъ вельможъ; другіе насмѣхались, говоря, что это — естественное слѣдствіе гордости, которая сначала немного польститъ, а потомъ подвергаетъ большой бѣдѣ; иные же

изъ черни посвистывали и глумились надъ ними. Удовольствіе — видѣть эту торжественную процессію плѣнниковъ не заставляло зрителей переходить съ мѣста на мѣсто, какъ будто бы она отъ нихъ удалялась и оставляла ихъ однихъ назади: напротивъ здѣсь одинъ только что проходилъ, какъ за нимъ слѣдовалъ другой; и первый, однимъ своимъ появленіемъ доставивъ зрителямъ порядочное удовольствіе, не опечаливалъ ихъ своимъ удаленіемъ, потому что его мѣсто тотчасъ занималъ другой и тоже увеселялъ толпу. При такой постоянной смѣнѣ проѣзжавшихъ одного за другимъ лицъ, забавляло зрителей и то новое зрѣлище, что головы плѣнныхъ были вокругъ острыжены. По этому случаю, какъ слухъ ихъ наслаждался остроумными замѣчаніями, такъ и взоръ — новымъ разнообразнымъ зрѣлищемъ; ибо эта картина постоянно разнообразилась тѣмъ, что взрослый слѣдовалъ за юношею, обнаженный за одѣтымъ, накрытый шапкою за непокрытымъ, печальный за дерзкимъ, сухощавый за тучнымъ, убитый страданіями за сохранявшимъ присутствіе духа, — и каждый приковывалъ къ себѣ взоры развлекавшихся глазъ. При томъ, этотъ прямолинейный поѣздъ растянутъ былъ не на маломъ пространствѣ, но раздѣленъ по-сотенно значительными разстояніями. Каждый изъ ѣхавшихъ, поравнявшись съ царемъ, долженъ былъ, хотя бы и нехотѣлъ, приподняться на сѣдлѣ и поклониться царю, показывая смиренный видъ и выражающуюся въ лицѣ надменность души замѣняя выраже-

ніемъ кроткимъ. Итакъ вступивъ въ городъ и проѣхавъ его изъ конца въ конецъ въ торжественной, оскорбительной процесіи, они потомъ заключены въ крѣпость Зевгзиппа. Люди площадные смѣялись надъ ними, а болѣе образованные жалѣли о нихъ. Такъ шли тогда дѣла.

34. Царь не только заботился о своихъ подданныхъ, чтобы они вели себя благоприлично, но старался умѣрить горячность и тѣхъ, которые не подлежали его владычеству, какъ скоро видѣлъ, что они востаютъ противъ своихъ властителей. Однихъ, которые по случаю, или по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, управлялись сами собою, онъ держалъ въ предѣлахъ вооруженною рукою, давая понять, какъ опасно имъ прыгать не по силамъ и домогаться царства: а Іоанну правителю Лазовъ, хваставшемуся знаками царскаго достоинства, тогда-какъ царство совсѣмъ ему не принадлежало, онъ неоднократно посылалъ приказанія — принадлежащею ему властію свободно пользоваться, какъ хочетъ, отъ титуловъ же и царскихъ знаковъ воздерживаться; ибо пока самъ онъ царствуетъ въ городѣ и занимаетъ царскій престолъ, другимъ—кому-бы то ни было, неприлично величаться тѣмъ же верховнымъ достоинствомъ. По этому Іоаннъ, какъ представитель части имперіи, долженъ присоединиться къ цѣлому, а не припутываться къ царскому величію. Сколь ни часто дѣлалъ царь такія напоминанія, успѣха они не имѣли и только доказывали, что успѣть этимъ путемъ невозможно. Какъ варваръ, Іоаннъ былъ человѣкъ

надменный и приказаніе презиралъ, представляя въ извиненіе, будто не самъ онъ началъ вводить эту новость, а выдумывалъ, что получилъ на то право отъ отцовъ; къ тому же, его подданные, говорилъ онъ, не дозволяютъ ему лишить себя этого отцовскаго наслѣдія, переходившаго изъ рода въ родъ и доставшагося ему; да и сами они не такъ мало заслуживаютъ уваженія, чтобы, чрезъ отнятіе у него царскаго титула, могли быть лишены части своей славы. Впрочемъ, не много завиднаго—носить красныя сандаліи и украшаться именемъ царя тому, кто имѣетъ гораздо бо̀льше; это, говорилъ онъ, даетъ ѐму право только на земные поклоны и рабскія встрѣчи, на заключеніе мирныхъ договоровъ и сношеніе со всѣми. Послѣ того, державный разсудилъ поступить съ Іоанномъ иначе, особенно соображая, что онъ въ правительственномъ своемъ служеніи еще слишкомъ молодъ. У него родилось намѣреніе принять Іоанна въ родство и тѣмъ изгнать изъ его души подозрѣніе, будто царь хочетъ ограничить царскія его права и, вмѣстѣ съ царскимъ титуломъ, снять съ него и приличную этому сану одежду (кто захочетъ у своихъ дѣтей отнимать принадлежащія имъ права?). Съ этою цѣлію царь прежде всего счелъ нужнымъ избрать особенно умныхъ вельможъ и послать къ Іоанну въ качествѣ пословъ, чтобы они и отличались своею знатностію, и могли убѣдительно говорить и, обладая силою слова, умѣли изгнать изъ него всякую вредную въ отношеніи къ царю недовѣрчивость. И вотъ

посланъ былъ великій Логоѳетъ Акрополитъ, который тогда былъ еще живъ ([1]), и великій Экономъ великой церкви Ксифилинъ, какъ посредники при заключеніи брака; ибо у царя была и третья дочь Евдокія, которую онъ хотѣлъ отдать замужъ за Іоанна. Они должны были убѣдить какъ его самаго, такъ и приближенныхъ его: — послѣднихъ, чтобы они отпустили юношу къ царю; а его самаго,—что бы онъ смѣло ѣхалъ съ несомнѣнною надеждою, найти счастіе тамъ, куда его зовутъ. Такъ располагалъ царь; но съ той стороны ни вельможи не думали отпускать своего правителя, ни самъ онъ не изъявилъ желанія ѣхать: ибо издавна уже вошло у нихъ въ обычай, говорили они, что ихъ правители женятся въ сосѣдствѣ и живутъ дома, а на царское семейство привыкли смотрѣть, какъ на звѣзды, и его величію и блеску предпочитаютъ скромность своей жизни. Послѣ многократныхъ совѣщаній послы, не могши убѣдить Лазовъ, которые, по отношенію къ своимъ желаніямъ, все ставили на второмъ планѣ, возвратились къ царю безъ всякаго успѣха. Однако царь не совсѣмъ отказался отъ своего намѣренія, но высылая посольства одно за другимъ, то угрожалъ, то старался приманить обѣщаніемъ будущихъ благъ, если склонятся на его убѣж-

---

([1]) Изъ этого видно, что Пахимеръ писалъ свою исторію въ царствованіе Андроника, и притомъ спустя много лѣтъ послѣ смерти царя Михаила; потому что Георгій Акрополитъ умеръ въ темницѣ, въ которую былъ посаженъ Андроникомъ за то, что не хотѣлъ оставить латинства и возвратиться въ нѣдро православной Церкви.

денія и пріѣдутъ. Наконецъ посылаетъ онъ Логоѳета домочадцевъ Ятропула и вмѣстѣ съ нимъ пресвитера церкви: одного, чтобы оказать честь приглашаемому и возвѣстить предлагаемыя отъ имени царя блага; а другаго какъ бы для засвидѣтельствованія и удостовѣренія въ истинности царскихъ обѣщаній. Церковь т. е. которая, какъ велѣлъ убѣждать державный, по лицепріятію, обыкновенно никогда не соглашается обманывать, служитъ имъ въ этомъ случаѣ порукою. Итакъ оставивъ всякое подозрѣніе, они должны были судить по самымъ дѣламъ,—можно ли и принять кого нибудь въ сыновья, и хотѣть ему зла. Говоря это, послы наконецъ убѣдили и, давъ клятву, что Іоаннъ будетъ зятемъ царя и съ богатыми дарами возвратится назадъ, что и свита его будетъ также принята хорошо, отправились въ городъ на длинномъ кораблѣ. Но случилось, что царь въ то время находился въ отсутствіи и жилъ въ Лопадіѣ (ибо объѣхавъ границы по Сангарѣ и укрѣпивъ ихъ, какъ слѣдовало, онъ остановился и здѣсь, чтобы обезопасить крѣпости, лежащія по Ахираю); а Іоаннъ между тѣмъ вступилъ уже въ Римскіе предѣлы. Тогда послы окружающимъ его предлагаютъ совѣтъ—снять съ правителя красныя сандаліи и обуть его въ черныя, чтобы онъ представился царю совершенно достойнымъ будущихъ почестей: хотя то есть и было условіе, что онъ будетъ облеченъ во всѣ знаки Деспотства, сдѣлается сыномъ царя и достигнетъ блестящей славы; но красную одежду замѣнить двухцвѣтною ему не не-

прилично, такъ какъ иначе-то трудно и явиться къ царю. Сдѣлавъ это, они пристаютъ къ городу и, вышедши изъ корабля въ пристани Рога, получаютъ великолѣпное помѣщеніе въ подгородномъ домѣ; потомъ чрезъ нѣсколько дней, отдохнувши отъ морской качки, по приказанію царя, отправляются въ Лопадій, а оттуда, послѣ взаимныхъ дружескихъ привѣтствій, взошедши на корабль, вмѣстѣ съ царемъ возвращаются въ городъ. Царь побуждаемъ былъ къ поспѣшному возвращенію какъ предстоящимъ бракомъ дочери, такъ и вѣстію о движеніи съ запада Тохарцевъ, которыхъ онъ просилъ у Ногая на помощь противъ Іоанна Севастократора, и которыхъ, когда они были посланы, хотѣлъ принять самъ. Итакъ, прибывъ въ городъ, онъ въ концѣ Гамиліона отпраздновалъ сватьбу дочери, а весь Элафиволіонъ провелъ въ устроеніи военныхъ силъ и въ приготовленіи къ походу.

35. Севастократору Іоанну не сидѣлось спокойно; снова нарушивъ заключенныя условія, онъ нападалъ на мѣста, ему не принадлежащія. Царь же, не зная, какъ удержать его отъ своеволія (ибо дикость и необузданность его заставляли уже грозить ему отнятіемъ владѣній), пришелъ къ мысли призвать Тохарцевъ, чтобы они опустошили всю его землю, а самаго поставили въ тѣсный кругъ дѣйствій и надеждъ, и лишили всякой возможности избѣжать бѣды. Съ этою мыслію хотѣлъ онъ весть на него Тохарцевъ и удобнымъ для того временемъ почиталъ

наступавшую зиму; потому что Тохарцы привыкли воевать зимою. Ему нужно было предупредить зимнюю погоду только для того, чтобы соединиться съ Тохарцами внѣ города. Такой замыслъ воину былъ конечно свойственъ, но съ чувствованіями христіанина никакъ не ладилъ; ибо нечестивыхъ вооружать на христіанъ и храмы предавать на поруганіе безбожникамъ, нисколько не имѣвшимъ страха Божія,—это вопіющая дерзость. Между тѣмъ Тохарцевъ вызвала сюда именно просьба царя къ Ногаю; такъ какъ желаніе его было, что бы они совершенно истребили врага съ его областью. И вотъ наказаніе за это, въ другихъ случаяхъ медлящее,— теперь, какъ вскорѣ будетъ сказано, посѣтить его не замедлило. Наступилъ мѣсяцъ Мунихіонъ, и царь приготовился къ выступленію, надѣясь не столько на своихъ и на собственныя войска, сколько на Тохарцевъ. Царица видѣла безразсудность и несвоевременность этого похода и вмѣстѣ замѣчала, что царя мучитъ болѣзнь, приключившаяся ему отъ неудачь прошедшаго лѣта, чего открывать онъ не хотѣлъ. Поэтому она сильно удерживала государя, не позволяла ему выступать, и говорила не уклончиво или намеками, какъ сталъ бы говорить кто-другой, а прямо и ясно предсказывала, что отъ этого похода непремѣнно произойдетъ какое нибудь великое несчастіе. «Что за крайность тебѣ, повторяла она, не щадить своего тѣла и самой жизни? Я не возбуждаю въ тебѣ подозрѣнія относительно чего нибудь недобраго,

или какихъ нибудь случайныхъ опасностей; но вотъ болѣзнь-то и нездоровье должны остановить тебя». Сознавая, что она говоритъ правду, царь и самъ сталъ опасаться за себя и положилъ, достигши Ѳракіи, соединиться съ Тохарцами и ободрить ихъ словами и ласками, но вмѣстѣ съ ними на войну не идти, а прошедши нѣсколько впередъ, сдать ихъ своимъ приближеннымъ и, сдѣлавъ надлежащія распоряженія, возвратиться. Это намѣреніе можно было угадывать изъ того, что вмѣстѣ съ нимъ отправились въ походъ и сыновья его, и зятья, и даже только что вступившій въ бракъ Іоаннъ. Между тѣмъ царь, хотя былъ сильно встревоженъ и возмущенъ безпокойствомъ и опасеніемъ царицы, и ея страхъ почиталъ недобрымъ предзнаменованіемъ, представляя, какъ она, не имѣя понятія о внѣшнихъ дѣлахъ, боится будущаго, или лучше, — какъ душа ея провидитъ имѣющее случиться несчастіе, однако, простившись съ близкими, выступилъ изъ города. До Силивріи онъ и дѣти его ѣхали на коняхъ: но такъ какъ болѣзнь постоянно усиливалась, и ему нельзя было ѣхать сухимъ путемъ; то отсюда до Редеста онъ рѣшился плыть моремъ — на кораблѣ. Едва взошли они на корабль (ибо къ тому времени пришло извѣстіе, что Тохарцы уже близко и что медлить или откладывать дѣло за болѣзнію было невозможно, не смотря на то, что царь страдалъ внутренностями и былъ въ худомъ состояніи), — итакъ едва взошли на корабль онъ и дѣти его, человѣкъ догадливый,

умѣющій узнавать будущее по своему соображенію, тогда же съ перваго взгляда понялъ бы, что̀ готовится впереди. (36) Къ несчастію въ то самое время погода изъ ясной вдругъ перемѣнилась въ бурную, и море, дотолѣ тихое, отъ жестокаго сѣвернаго вѣтра, сильно взволновалось; такъ что корабль, везшій царей, не могъ плыть спокойно, но обуреваемый дикими волнами и бросаемый, на зло кормчему, то въ ту, то въ другую сторону, близокъ былъ къ потопленію вмѣстѣ съ находившимися на немъ людьми: онъ часто погружался такъ, что повидимому не могъ всплыть; иногда всѣ отчаявались, а онъ всплывалъ. — Тутъ и матросы, и кормчій незнали, что дѣлать съ моремъ. Тогда-то царь, видя явную опасность и страшась какъ за себя, такъ и за всѣхъ дѣтей, сказалъ кормчему: ты долженъ употребить всѣ силы; ибо если не весь міръ, то всю Римскую имперію везешь на этомъ утломъ деревѣ, поддерживающемъ царей. Тотъ конечно не отказывался и прямо не объявлялъ объ опасности, а про себя думалъ, что, не смотря ни на какія усилія, необходимо потонуть всѣмъ, если Богъ не поможетъ. Такъ-то висѣвшею надъ головами опасностію побѣждаемо было тогда всякое мореходное искуство. Наконецъ однако, преодолѣвъ кое-какъ ярость морскихъ волнъ, часто грозившихъ имъ потопленіемъ, они, полумертвые отъ страха, достигли Редеста, гдѣ отдохнувъ отъ безпокойства нѣсколько дней, опять сѣли на коней и,

отправившись въ дальнѣйшій путь, доѣхали до мѣстечка Аллаги.

Аллага была то мѣсто, въ которомъ царю суждено кончить жизнь. Здѣсь родина того самаго Пахомія, который, по несправедливымъ подозрѣніямъ, когда-то былъ ослѣпленъ, и вотъ теперь мѣстечко Пахоміево напомнило державному о роковомъ имени слѣпца. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ съ войскомъ сталъ тамъ лагеремъ,—болѣзнь его усилилась. Въ то же время соединились съ царемъ и Тохарцы: но царь уже не могъ не только сѣсть на коня и видѣть ихъ, — не могъ даже и въ постелѣ говорить съ ними. Тогда же текущій мѣсяцъ Ноябрь надписалъ онъ буквою N и, поставивъ надъ нею удареніе, прибавилъ: вотъ конецъ Ноября, давая понять, что съ Ноябремъ окончатся всѣ дѣла царя и что его душа предвидитъ будущее. Ожидая, что болѣзнь впослѣдствіи ослабѣетъ, онъ сперва откладывалъ выходъ къ Тохарцамъ: когда же увидѣлъ, что она становится все тяжелѣе,—сталъ бояться не только за себя, но и за тотъ народъ; ибо надлежало ожидать, что какъ скоро царь умретъ, эти люди, по привычкѣ къ грабежу, возмутятся и все затопчутъ ногами. Боясь этого, онъ принужденъ былъ принять Тохарцевъ и, не смотря на свои страданія, говорить съ ними съ подножной скамейки,—рядовыхъ обдаривать, а старшихъ впустить внутрь и бесѣдовать съ ними, о чемъ слѣдовало. И вотъ, приготовившись, какъ могъ, и по обѣимъ сторонамъ поставивъ своихъ

родныхъ, а самъ черезъ силу сѣвъ на подножную скамью, онъ, сколько было у него времени и сколько позволяли ему дѣла, въ короткихъ словахъ выразилъ имъ свое благорасположеніе: просилъ ихъ благодарить Ногая, что онъ исполнилъ его просьбу, благодарилъ и ихъ, что они пришли къ нему на помощь, и досадовалъ на свою болѣзнь, что она рѣшительно не позволяетъ ему воспользоваться ихъ прибытіемъ, а только высказывалъ надежду, что, по выздоровленіи и по совершеніи того, чего ему хочется, онъ по надлежащему наградитъ ихъ. Когда царь сказалъ это, — Тохарцы на своихъ лицахъ обнаружили признаки скорби и вмѣстѣ надежды, что царю скоро будетъ легче и что, когда болѣзнь пройдетъ, они получатъ много хорошаго. Такъ говорили Тохарцы; а болѣзнь между тѣмъ усиливалась и грозилась довершить свое дѣло. Вотъ наступило воскресенье, — и открылись уже признаки приближавшейся смерти, понятные особенно для врачей: но Актуарію [1] Касилѣ казалось небезопаснымъ дѣломъ напомнить царю объ угрожающей опасности; потому

---

[1] У Пахимера *ἀκτουάριος*—имя должности довольно неопредѣленное. По Аврелію Виктору, Актуаріи были какъ будто военные комисары, завѣдывавшіе продовольствіемъ арміи. Но кажется яснѣе можно видѣть значеніе Актуарія изъ слѣдующихъ словъ Акрополита (Hist. p. 34, ed. Reg.): «его словамъ противорѣчилъ *врачь* Николай — человѣкъ, философствовать не любившій, но глубоко знавшій домоводство, и извѣстный своею опытностію. Онъ пользовался благосклонностію царицы и почтенъ былъ именемъ ея *Актуарія*». Изъ этихъ словъ можно заключать, что Актуаріями назывались домашніе врачи.

что больные и отъ того уже, какъ думаютъ, приближаются къ смерти, что имъ указываютъ на ея признаки. Впрочемъ не хорошо было бы, по его мнѣнію, и то, если бы царь отошелъ не готовымъ. Въ такомъ раздумьѣ рѣшается онъ подойти къ сыну — царю Андронику и сказать ему рѣшительно, что царь жить не будетъ. Но Андроникъ тоже не бралъ на себя этого страшняго напоминанія, а только выдумалъ способъ приготовленія. Тотчасъ принесены были символы смерти Господней: взявъ ихъ, старшій іерей клира, по надлежащему облачился и предсталъ предъ царя, когда этотъ вовсе и не ожидалъ такого явленія. Въ то время царь лежалъ лицемъ къ стѣнѣ и размышлялъ самъ съ собою, ибо былъ въ полной памяти. Пресвитеръ сталъ съ другой стороны ложа и, держа въ рукахъ святые дары, довольно долго молча ждалъ, пока больной повернется къ нему лицемъ. Наконецъ царь,—самъ ли подумавъ что нибудь такое, или что другое приведши себѣ на мысль, повернулся къ пресвитеру и, какъ скоро увидѣлъ его, тотчасъ понялъ драму и спросилъ: что это значитъ? Іерей отвѣчалъ, что молящіеся за него принесли ему въ помощь св. дары во исцѣленіе его недуга. Тогда больной попробовалъ приподняться и сѣсть на своемъ ложѣ, искалъ пояса, прочиталъ святый символъ и сказалъ: «избави меня, Господи, отъ часа сего»; потомъ, по обычаю помолившись Всевышнему, принялъ святое причастіе и, опять упавъ на подушку,

вскорѣ испустилъ духъ ([1]). Скончавшійся почтенъ былъ слезами не меньше Тохарцевъ, какъ и своихъ родныхъ. Умершаго назначенные для того люди скоро ночью перенесли въ новую, недалеко оттуда находившуюся обитель. Такъ отошелъ царь, прожившій всего пятьдесятъ восемь лѣтъ, а царствовавшій двадцать четыре года безъ двадцати дней; ибо красныя сандаліи надѣлъ онъ, какъ сказано, перваго Экатомвеона, а умеръ одиннадцатаго Скиррофоріона, въ пятницу. И все это высказывалось его печатью. На ней изображенъ былъ символъ изъ трехъ знаковъ, именно ΠΓ, и показывалъ, какъ я думаю, вопервыхъ, его прозваніе—Палеологъ, во

([1]) Послѣ этихъ словъ въ Ватиканскомъ кодексѣ читается еще слѣдующее, чего въ другихъ кодексахъ нѣтъ: *ὁ μηδὲν τὸ παράπαν πώποτε τεθνήξεσθαι προσδοκήσας, διὸ καὶ ὅρκους τοὺς ὄνομα Θεοῦ φέροντας εἰς οὐδὲν ἐλογίζετο, καὶ ἀδικίαν καὶ φόνους καὶ τιμωρίας ὡς κώνωπας πρᾶξιν ἡγεῖτο· ὅμως ἔκειτο νεκρός, καὶ δάκρυσι τῶν οἰκείων ἐβρέχετο.* То-есть: «онъ думалъ, что никогда не умретъ, и потому клятвы именемъ Божіимъ считалъ ни во что, а на обиды, убійства и казни смотрѣлъ такъ, какъ будто бы подвергались имъ комары. И однакожъ вотъ онъ лежалъ мертвый, и домашніе орошали слезами тѣло его».—Латинскіе критики никакъ не соглашаются признать подлинность этихъ словъ—на томъ основаніи, что императоръ столь сильно ревновавшій о соединеніи церквей, не могъ быть столь жестокимъ тиранномъ. Но исторія Пахимера ясно говоритъ и о побужденіяхъ, располагавшихъ Михаила Палеолога домогаться соединенія церквей, и о свойствѣ религіозныхъ его убѣжденій, и о деспотическихъ отношеніяхъ его къ церкви. Не признавая подлинными приведенныхъ словъ, Латиняне въ тоже время съ чрезвычайною наивностію превозносятъ похвальную рѣчь Михаилу Палеологу, написанную Іоанномъ Метохитою. Этотъ Метохита, по сказанію Латинянъ, былъ православный, qui tetrum a schismaticis carcerem pro fide apostolica Romana multis annis usque ad mortem invicta constantia sustinuit. Видно, что былъ православенъ!

вторыхъ, мѣсто его смерти — Пахоміево мѣстечко, и въ третьихъ, день его смерти — пятницу,въ которую это случилось, то-есть одиннадцатаго, какъ сказано, Скиррофоріона 6791 года.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ,

КАСАЮЩІИСЯ ИСТОРІИ ПАХИМЕРА

О ЦАРСТВОВАНІИ МИХАИЛА ПАЛЕОЛОГА.

I.

НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНІЯ ѲЕОДОРА ЛАСКАРИСА.

I. За эпоху исторіи Пахимера всего удобнѣе принять начало царствованія Ѳеодора Ласкариса, который былъ сынъ и наслѣдникъ Іоанна Дуки, по прозванію Ватацы; ибо все, что Михаилъ Палеологъ, какъ частное лице, совершилъ болѣе замѣчательнаго, совершено было имъ при Ѳеодорѣ. Правда, нѣкоторыя его дѣла относятся еще къ царствованію Іоанна (L. I. c. 6); но тогда онѣ принадлежали болѣе Ѳеодору, чѣмъ Палеологу. И такъ Пахимеръ началомъ исторіи Михаила справедливо почитаетъ 7 главу первой книги, которою вступаетъ въ описаніе правительственныхъ распоряженій Ѳеодора по смерти отца, и опасеній его относительно Палеолога, домогавшагося царской власти; потому что здѣсь скрывается узелъ дальнѣйшихъ событій, развивавшихся и при Ѳеодорѣ, и при Михаилѣ, до самой смерти послѣдняго. Стало быть, для насъ весьма важно точнѣйшимъ образомъ опредѣлить время, въ которое Ѳеодоръ Ласкарисъ принялъ бразды правленія. Но указаній на это у самаго Пахимера найдемъ мы очень не много: го-

раздо больше помогутъ намъ другіе два, важнѣйшіе историки — Георгій Акрополитъ и Никифоръ Григора. Первый изъ нихъ, бывшій самовидцемъ событій, въ своей исторіи (с. 52 р. 56 ed. Reg.) пишетъ такъ: «царь Іоаннъ умеръ, оставивъ престолъ Ѳеодору, которому тогда было тридцать три года; ибо время его жизни равнялось времени царствованія его отца; такъ какъ онъ родился въ самый годъ воцаренія Іоанна». А послѣдній (L. 3. р. 24. ed. Reg) о вступленіи на престолъ Ѳеодора говоритъ слѣдующее: «Іоаннъ умеръ на шестидесятомъ году; но въ то время, какъ онъ взялъ въ руки скипетръ, шелъ ему двадцать седьмой годъ; такъ что одно царствованіе его продолжалось тридцать три года, — именно столько, сколько исполнилось тогда сыну и преемнику его на престолѣ Ѳеодору; ибо въ то самое время, какъ мать родила его, отецъ вступилъ въ управленіе имперіею».

II. Странно, что ни одинъ изъ этихъ историковъ не указываетъ на опредѣленный годъ греческой эры, въ которомъ умеръ Іоаннъ и воцарился Ѳеодоръ. Но Георгій Акрополитъ въ началѣ своей исторіи по крайней мѣрѣ обозначилъ 6711 годъ отъ сотворенія міра, въ которомъ Латиняне овладѣли Константинополемъ, и съ той поры старательно исчисляя времена, представляетъ возможность найти тотъ самый годъ, который долженъ быть отмѣченъ смертію Іоанна и воцареніемъ Ѳеодора. Онъ въ 4 гл. своей исторіи пишетъ такъ: «Константинополь взятъ Латинянами въ 6711 году отъ сотворенія міра, 12 Апрѣля; ибо на 10 году въ Маѣ они подступили къ городу, да одиннадцать мѣсяцовъ продолжалось опустошеніе его». Годы греческой эры приводятся къ годамъ эры христіанской, какъ извѣстно, чрезъ исключеніе изъ нихъ 5508 лѣтъ — времени, протекшаго отъ сотворенія міра до Рождества

Христова. Исключивъ ихъ, мы находимъ, что взятіе Константинополя Латинянами произошло въ 1203 году послѣ Р. Х. Съ этого времени греческая имперія провела два года въ состояніи анархіи, по минованіи которой провозглашенъ былъ царемъ Θеодоръ Ласкарисъ, зять Исаака Ангела, и коронованъ патріархомъ Михаиломъ. Georg. Acrop. c. 6. Слѣдовательно возшествіе Θеодора на престолъ должно было произойти въ 1205 году, въ мѣсяцѣ Апрѣлѣ. Затѣмъ протекло 18 лѣтъ его царствованія; ибо Акрополитъ говоритъ, что «царь Θеодоръ Ласкарисъ, окончивъ жизнь, имѣлъ отъ роду больше сорока пяти лѣтъ, но меньше пятидесяти, и изъ нихъ осьмнадцать провелъ на престолѣ». И такъ къ 1205 годамъ прибавивъ эти 18 лѣтъ, мы получимъ 1223-й годъ смерти Θеодора Ласкариса и воцаренія зятя его Іоанна Дуки-Ватацы.

III. О царствованіи и лѣтахъ жизни Іоанна Дуки тотъ же писатель (р. 56) говоритъ: «онъ прибылъ въ Нимфей, но не остановился тамъ въ царскомъ дворцѣ, а помѣстился въ домѣ загороднаго царскаго сада, гдѣ и отдалъ долгъ природѣ въ третьи календы Ноября, проживъ, по показанію близкихъ къ нему, шестьдесятъ два года, изъ которыхъ тридцать три провелъ на престолѣ». Стало быть, если эти 33 года мы придадимъ къ 1223-мъ, то получимъ 1255-й годъ, въ концѣ котораго умеръ Іоаннъ. Потомъ, изъ словъ Акрополита и Григоры намъ извѣстно, что сынъ Іоанна Ватацы Θеодоръ, по матери, Ласкарисъ, провозглашенъ былъ царемъ тотчасъ по смерти отца, а коронованъ церковію нѣсколько позднѣе; потому что тогда не было патріарха. Мануилъ не задолго предъ тѣмъ умеръ; избранный на его мѣсто Никифоръ Блеммида отказался, а другіе по разнымъ причинамъ не нравились новому государю. Наконецъ выборъ палъ на монаха Арсенія, и онъ, вызванный

изъ монастыря, стоявшаго при Аполлоніадскомъ озерѣ, въ одну недѣлю проведенъ былъ по всѣмъ степенямъ церковной іерархіи—отъ діакона до патріарха. Всему этому безъ сомнѣнія нужно было посвятить мѣсяцъ Ноябрь и часть Декабря; такъ что коронація царя новымъ патріархомъ могла совершиться не раньше, какъ въ праздникъ Рождества Христова.

IV. Вѣроятность догадки, что для коронаціи Θеодора избранъ былъ день именно Рождества Христова, несомнѣнно подтверждается однимъ темнымъ и запутанно выраженнымъ мѣстомъ Пахимера. Въ 13 главѣ 1 книги онъ говоритъ такъ: «это было предвозвѣщено знаменіемъ: въ шестой день, до третьяго часа затмилось солнце; отъ чего густой мракъ скрылъ все, и на небѣ видимы были звѣзды. Такъ восхищенъ былъ отъ земли прежде времени мужъ царственно рожденный и образованный». Читая эти слова невольно приходишь къ двумъ вопросамъ: въ которомъ году совершилось такое предзнаменованіе? и что это былъ за шестой день? – былъ ли онъ шестой предъ смертію Θеодора, или шестой послѣ его коронаціи? Касательно перваго вопроса надобно замѣтить, что во весь 1259 годъ, въ которомъ, какъ извѣстно, умеръ Θеодоръ второй или младшій, ни въ Никеѣ, ни въ мѣстахъ пограничныхъ не было никакого затмѣнія. При томъ, говоря о солнечномъ затмѣніи, предзнаменовавшемъ смерть этого царя, Пахимеръ говоритъ о немъ, какъ о явленіи, нетолько предшествовавшемъ самой смерти, но и, по видимому, давно прошедшемъ, потому что выражается давно прошедшими временами, — не пишетъ: ἐκλέλοιπεν ἥλιος, а ἐκλελοίπει, не пишетъ также: σκότος τὸ πᾶν κατείληφε, а κατειλήφει, какъ бы то-есть это происходило когда-то тогда, а не теперь, не недавно. И такъ кто спросилъ бы: какое разстояніе вре-

мени разумѣетъ писатель между смертію царя и предзнаменованіемъ, и какія событія почитаетъ предзнаменованными? тотъ, обозрѣвая всѣ бѣдствія четырехлѣтняго Θеодорова царствованія, почти непрерывавшуюся болѣзнь державнаго, самую жалкую и мучительную его подозрительность, ненависть къ нему правителей, непрестанныя внутреннія возмущенія и внѣшнія войны, легко замѣтилъ бы, что на это именно мѣтитъ указательное мѣстоименіе въ выраженіи Пахимера—ὃ δὴ καὶ προσήμανε. Но такъ какъ предзнаменованіе долженствовало предшествовать предзнаменуемому, то явно, что предзнаменованія надобно искать въ началѣ царствованія Θеодорова. Обратимся теперь ко второму вопросу. Кчему это Пахимеръ упоминаетъ о шестомъ днѣ? Несомнѣнно, что онъ имѣлъ въ мысли какую-то важную эпоху, отъ которой считалъ тотъ день, какъ шестой. Но такою эпохою не могла быть смерть Θеодора; потому что предзнаменованіе долженствовало предшествовать его смерти. Поэтому остается заключить, что день, въ который совершилось предзнаменованіе, былъ шестымъ со дня его коронаціи. Послѣ сего остается только изслѣдовать, было ли на первыхъ дняхъ царствованія Θеодора солнечное затмѣніе, и если было, то въ который именно день. Тогда, считая этотъ день шестымъ послѣ коронаціи, можно уже будетъ несомнѣнно опредѣлить и день, въ который Θеодоръ былъ коронованъ. Для рѣшенія вопроса о солнечномъ затмѣніи въ Никеѣ, которое относилось бы къ тому времени, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать извлеченіе изъ трактата Якова Грантама, писавшаго объ этомъ предметѣ.

V Грантамъ говоритъ, что по Рудольфовскимъ вспомогательнымъ таблицамъ Кеплера, примѣненнымъ къ Никейскому меридіану въ Виѳиніи, великое солнечное затмѣніе было тамъ въ 1255 году 30 Декабря. Сдѣлавъ исчисленія, опре-

дѣляющія всѣ подробности этого затмѣнія, онъ почитаетъ его тѣмъ самымъ, о которомъ упоминаетъ Пахимеръ, и своими изслѣдованіями проясняетъ всѣ обстоятельства, которыя у Пахимера такъ темны и запутаны. Тутъ вопервыхъ становится несомнѣннымъ, что затмѣніе солнца въ Никейскомъ горизонтѣ было 30 Декабря 1255 года, слѣдовательно относилось не къ смерти Θеодора Ласкариса, случившейся въ Августѣ, къ осени 1259, а къ торжественному его коронованію, которое совершено въ концѣ 1255 года. Притомъ, въ никейскомъ горизонтѣ, по вычисленіямъ, оно было въ третьемъ часу по полудни, и видимое его начало не переходило и двумя минутами за три часа. Если же это затмѣніе дѣйствительно то самое, о которомъ говоритъ Пахимеръ, и если оно относится ко времени не смерти, а коронаціи Θеодора; то, соображая слова Пахимера, что оно произошло въ шестой день, мы не можемъ болѣе сомнѣваться, что эти дни историкъ считалъ отъ дня коронаціи новаго царя, и что, если затмѣніе было 30 Декабря 1255 года, то коронація совершена 25 декабря въ томъ же году, то-есть, въ день Рождества Христова.

II.

ВРЕМЯ СМЕРТИ ΘЕОДОРА ЛАСКАРИСА, КОРОНОВАНІЕ ПАЛЕОЛОГА И ОСЛѢПЛЕНІЕ ОТРОКА ІОАННА.

I. О времени царствованія и смерти Θеодора Ласкариса Акрополитъ (Hist. p. 85 ed. Reg.) пишетъ слѣдующее: «живъ такимъ образомъ, онъ не процарствовалъ и полныхъ четырехъ лѣтъ; потому что началъ царствовать въ ноябрѣ, а умеръ въ августѣ». Поэтому яснѣе солнца, что смерть его случилась въ 1259 году. Не противо-

рѣчитъ этому и Пахимеръ, говоря что державный умеръ къ осени, — *τοῦ χρόνȣ πρὸς τὸ φθινοπορινὸν ἀποκλίνοντος*, то есть хотя и лѣтомъ, но уже тогда, какъ наступала осень; а это и есть время Августа. Потомъ въ девятый день по смерти Ѳеодора въ Сосандрскомъ храмѣ Магнезіи совершилось убійство Музалоновъ, о чемъ согласно говорятъ—и Акрополитъ, и Григора, и Пахимеръ. За тѣмъ пошли совѣщанія объ опекѣ надъ царемъ-отрокомъ, объ избраніи Михаила Палеолога въ должность опекуна, о возведеніи его по степенямъ достоинствъ—сперва въ достоинство великаго Дукса, потомъ Деспота и наконецъ товарища царю. Всѣ эти занятія государственнаго совѣта, всѣ сопровождавшія ихъ интриги преданныхъ Палеологу ласкателей, всѣ мѣры, которыя придумывала каждая партія, чтобы сообщить своимъ представленіямъ больше силы и дѣйствовать на мнѣніе духовенства и патріарха, требовали не меньше трехъ мѣсяцевъ; такъ что не прежде, какъ подъ конецъ Декабря государственные чины, духовенство и народъ могли наконецъ согласиться—провозгласить Палеолога царемъ въ слѣдующемъ Январѣ. На это именно время провозглашенія его въ концѣ 29 главы I книги указываетъ и Пахимеръ: «Итакъ назначенъ день нареченія, говоритъ онъ: то было новолуніе Экатомвеона, втораго протекавшаго тогда индикта». Этотъ день былъ первымъ днемъ 1260 года.

II. Послѣ коронованія Палеолога, важнѣйшимъ событіемъ надобно почесть обратное взятіе у Латинянъ царской столицы. Посему нужно съ особенною точностію опредѣлить время ея возвращенія. Пахимеръ (кн. 2. гл. 26 — 28) о самомъ событіи подробнѣе говоритъ, чѣмъ другіе историки; а о времени отнятія Константинополя въ концѣ 27 главы передаетъ только то, что онъ взятъ Кесаремъ Алексѣемъ

Стратигопуломъ въ день св. Анны, матери Богородицы, 25 числа Іюля; ибо въ этотъ именно день православная Церковь празднуетъ ея память. О годѣ же взятія Константинополя опредѣленно говоритъ Георгій Акрополитъ (р. 100 ed. Reg.), этимъ самымъ событіемъ оканчивающій свою исторію. «Константинополь волею Божіею перешелъ снова въ руки Римскаго царя, какъ и слѣдовало этому быть по справедливости. Онъ взятъ въ 25-й день мѣсяца Іюля, четвертаго индиктіона, въ 6769 году отъ сотворенія міра, и подъ властію непріятелей находился 58 лѣтъ». Если изъ этой цифры, показывающей годъ взятія Константинополя, мы вычтемъ 5508 лѣлъ, протекшихъ до Р. Х., то получимъ 1261 годъ послѣ Р. Х.—время возвращенія его. Слѣдовательно Палеологъ овладѣлъ Константинополемъ на второмъ году своего царствованія. Столь же вѣрно опредѣляетъ Акрополитъ и число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ восточная столица находилась во власти Латинянъ. Намъ извѣстно, что Латиняне овладѣли ею въ 1203 году. Но исключивъ это число изъ 1261 года, мы получимъ въ остаткѣ 58 лѣтъ.

III. Теперь остается еще опредѣлить время ослѣпленія юнаго сына Ѳеодорова Іоанна. Пахимеръ (L. 3. с. 10), оплакивая его участь, замѣчаетъ только одно временное обстоятельство, что этотъ злодѣйскій поступокъ съ невиннымъ отрокомъ совершенъ былъ въ священнѣйшій для всѣхъ день Рождества Христова. Но главное,—мы должны найти годъ, въ которомъ Іоаннъ подвергся такому звѣрскому насилію. Надобно полагать, что это дѣло было близко къ началу Михаилова царствованія, на что отчасти указываетъ и Пахимеръ, описывая царственнаго отрока, въ пору его ослѣпленія (кн. 3. гл. 10), такъ: «дитя нѣжное и почти вовсе еще не понимавшее, что такое радость или печаль,—дитя, для котораго было все равно — повелѣвать

или повиноваться. Но по сказанію Пахимера Іоаннъ лишился отца, имѣя отъ роду девять лѣтъ. Если къ этимъ годамъ прибавить еще три—четыре года, прожитыхъ имъ сперва въ Никеѣ, потомъ въ Константинополѣ до времени своего ослѣпленія; то къ тринадцати — или четырнадцатилѣтнему его возрасту едва ли можно будетъ приложить приведенныя слова Пахимера о дѣтскости Іоанна. Поэтому можно думать, что Пахимеръ не совсѣмъ точно означилъ годы сына Θеодорова въ пору смерти его отца. Въ этомъ отношеніи правдоподобнѣйшимъ кажется показаніе Георгія Акрополита (Hist. c. 75), который говоритъ, что сынъ царя Θеодора, Іоаннъ, былъ еще очень не зрѣлаго возраста, когда умеръ его отецъ; потому что ему не вышло тогда и полныхъ восьми лѣтъ. Принимая это показаніе и соображая, что Палеологъ вступилъ въ Константинополь 15 Августа 1861 года, слѣдовательно ровно чрезъ два года послѣ смерти Θеодора, и давая новому царю еще четыре слишкомъ мѣсяца до осуществленія злодѣйскаго его замысла въ день Рождества Христова, мы можетъ навѣрное заключить, что Іоаннъ ослѣпленъ 25 Января 1261 года, когда ему было съ небольшимъ девять лѣтъ.

III.

ХРОНОЛОГІЯ ПАТРІАРХОВЪ АРСЕНІЯ И НИКИФОРА.

I. Въ царствованіе Михаила Палеолога на патріаршій Константинопольскій престолъ восходили преемственно пять патріарховъ, изъ которыхъ одинъ—Арсеній занималъ его два раза. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ патріархъ началъ патріаршествовать съ 1255 года; ибо въ томъ же году произошло вступленіе на престолъ Θеодора Ласкариса, бывшее при-

чиною ускореннаго возведенія Арсенія на степень патріарха. При томъ, надобно полагать, что Арсеній принялъ патріахію не ранѣе, какъ въ послѣднемъ мѣсяцѣ означеннаго года; потому что въ предпослѣднемъ—Ноябрѣ Өеодоръ, послѣ похоронъ отца, занявшись избраніемъ патріарха, сносился еще съ Никифоромъ Блеммидомъ и ему, какъ любимому своему наставнику, предлагалъ патріаршество. Приглашеніе его на патріаршій престолъ производилось чрезъ посланниковъ и, по дальнему разстоянію обители, въ которой приглашаемый подвизался, конечно требовало не мало времени. Никифоръ отказался отъ предлагаемаго ему предстоятельства, — и тогда уже обращено было вниманіе на Арсенія, котораго, такъ какъ предназначенный день коронованія царя (№ I) приближался, надобно было провесть по всѣмъ степенямъ іерархіи въ одну недѣлю.

II. Патріаршествованіе Арсенія, начавшееся около половины Декабря 1255 года, спокойно продолжалось до смерти Өеодора, случившейся въ 1259 году, и даже до коронаціи Михаила Палеолога, которое, по всей вѣроятности, происходило въ Февралѣ 1260 года. Но съ этого времени душа патріарха стала возмущаться замысломъ царя возвратить отрока Іоанна въ частное состояніе, и онъ вскорѣ оставилъ свой престолъ и удалился въ монастырь Пасхазія. Это должно было случиться въ Мартѣ того же 1260 года; ибо объ удаленіи его донесено было царю тогда, когда онъ собирался переправиться чрезъ Геллеспонтъ для осмотра недавно взятой Силивріи; а это падаетъ на мѣсяцъ Апрѣль, такъ какъ въ этомъ именно мѣсяцѣ предпринимаемы были внутреннія экспедиціи съ воинскою цѣлію. И такъ мѣсяцемъ Апрѣлемъ 1260 года окончилось первое патріаршествованіе Арсенія.

III. По отреченіи Арсенія, на патріаршій престолъ тот-

часъ возведенъ былъ Никифоръ; потому что царь спѣшилъ отправиться для осады Галаты, да и самъ Никифоръ давно ожидалъ патріаршаго сана. Начало его патріаршествованія относилось, по всей вѣроятности къ концу Апрѣля или къ началу Мая 1260 года. Не пользуясь любовію Никеянъ и разсорившись съ ними, новый патріархъ уѣзжаетъ въ царскій лагерь подъ Галатою и тамъ проводитъ все лѣто, до самаго отступленія царя отъ Галаты; а по отступленіи, ѣдетъ вмѣстѣ съ царемъ въ Нимфей и тамъ умираетъ—уже осенью, или при началѣ зимы тогоже 1260 года. Такимъ образомъ его патріаршествованіе продолжалось не болѣе семи или осьми мѣсяцевъ. Послѣ него церковь оставалась безъ предстоятеля около года; потому что царь, принявъ твердое намѣреніе отнять у Іоанна всякую надежду взойти когда нибудь на престолъ, старался облечь въ санъ патріарха такое лице, которое не мѣшало бы осуществленію его замысла. Наконецъ, уже по взятіи Константинополя, мысли царя остановились на Арсеніѣ,—и ему, подъ извѣстными условіями, предлагается снова вступить на патріаршій престолъ. Арсеній соглашается и—вступаетъ.

IV. Вторичное вступленіе Арсенія на патріаршество должно было совершиться вскорѣ по вступленіи Михаила въ Константинополь. Это видно изъ того, что Арсеній вторично короновалъ Палеолога въ первый, по своемъ прибытіи въ столицу, воскресный день; а въ этотъ день на ектеніяхъ, послѣ царя и царицы, велѣно было поминать Кесаря Алексѣя Стратигопула, за совершенный имъ подвигъ освобожденія Константинополя. Слѣдовательно дѣло освобожденія столицы тогда было еще столь новое, что виновниковъ его до того дня царь не успѣлъ и вознаградить. И такъ если положимъ, что Константинополь взятъ

Кесаремъ Алексѣемъ 25 Іюля 1261 года (Пах. II. 28), а торжественное вступленіе Михаила въ эту столицу, по Акрополиту (с. 88), происходило въ день Успенія Божіей Матери, т. е. 15 Августа; то возвращеніе Арсенія на патріаршій престолъ надобно относить къ концу Августа, а коронованіе Палеолога—къ началу Сентября. Съ этого времени до 25 Декабря 1261 года зрѣла въ головѣ царя мысль объ ослѣпленіи отрока Іоанна.

V. Зная время вторичнаго вступленія Арсенія на патріаршій престолъ, можно, по нѣкоторымъ признакамъ, опредѣлить время и низложенія его. Іоаннъ былъ ослѣпленъ 25 Декабря 1261 года: но это хранилось втайнѣ, и патріархъ о томъ узналъ не скоро. Вѣсть о злодѣйскомъ поступкѣ Михаила дошла до патріарха, кажется, не раньше 1263 года, и тогда же предстоятель подвергъ царя анаѳемѣ. Подпавъ подъ анаѳему, царь сперва молчалъ и надѣялся получить прощеніе, а потомъ сталъ упрашивать патріарха о прощеніи, и при томъ упрашивалъ многократно, чрезъ долгое время. Наконецъ оскорбленный рѣшительнымъ отказомъ, онъ возбуждаетъ противъ Арсенія судъ Собора, который, не успѣвъ преклонить обвиняемаго, объявляетъ его низложеннымъ. Когда же произошло низложеніе?—Узнать это можно только по одному приводимому Пахимеромъ обстоятельству. «предъ наступленіемъ Вондроміона (т. е. Апрѣля), говоритъ Пахимеръ, во время Великаго поста, въ праздникъ, который обыкновенно называли Стояніемъ, одинъ изъ клириковъ, Эпситопулъ, поднесъ царю записку, наполненную обвиненіями на патріарха». Изъ разсказовъ Пахимера извѣстно, что этотъ доносъ поданъ царю тогда, когда Соборъ уже разсматривалъ вопросъ объ Арсеніѣ, и что Арсеній былъ низложенъ въ концѣ Мая. Но въ которомъ году? Праздникъ «Стояніе»,

бывающій обыкновенно на пятой недѣлѣ Великаго поста, приходился тогда предъ наступленіемъ Апрѣля: но онъ принадлежитъ къ числу праздниковъ подвижныхъ; поэтому надобно смотрѣть, въ которомъ году около тѣхъ временъ падалъ онъ на указываемый Пахимеромъ мѣсяцъ. Пасхальныя таблицы показываютъ, что то былъ годъ 1266-й, въ которомъ Пасха была 18 Апрѣля, слѣдовательно «Стояніе», бывающее обыкновенно за 16 дней до Пасхи, приходилось 3 Апрѣля. И такъ съ поприща вторичнаго своего патріаршествованія Арсеній сошелъ въ концѣ Мая 1266 года, а потому патріаршествовалъ въ другой разъ четыре года и семь мѣсяцевъ.

VI. Остается опредѣлить время, когда умеръ Арсеній. Пахимеръ обозначаетъ его смерть временемъ поноснаго наказанія, которому, по волѣ царя, подвергнутъ былъ риторъ Оловолъ. Описавъ наказаніе Оловола, онъ говоритъ (5, 20): «это происходило въ шестой день мѣсяца Елафиволіона (т. е. Октября) наступившаго года (начиная его индиктомъ -- съ Сентября), спустя шесть дней послѣ смерти патріарха Арсенія». Итакъ теперь нужно бы знать, въ которомъ году происходило наказаніе Оловола. Оловолъ раздражилъ царя, на Соборѣ, разсуждавшемъ о мирѣ церквей. Пахимеръ упоминаетъ о двухъ Соборахъ по этому предмету (5, 12. 20); но разсказъ о второмъ у него, по видимому,—только упоминаніе о первомъ. Первый же Соборъ созванъ былъ по случаю прибытія пословъ отъ папы Григорія X. Эти послы, какъ извѣстно изъ посольскихъ грамотъ (Raynald. h. a. n. 25) отправлены были въ концѣ 1272 года; слѣдовательно онъ долженъ былъ состояться въ началѣ 1273 года. Если примемъ за несомнѣнный фактъ, что на томъ именно Соборѣ Оловолъ подпалъ подъ гнѣвъ царя и сосланъ въ Никейскій монастырь Іакинѳа; то несомнѣн-

но будетъ и то, что поносное наказаніе претерпѣлъ онъ въ томъ же 1273 году; потому что Пахимеръ говоритъ: «не прошло еще и года послѣ того (т. е. послѣ Собора), какъ поднятый вопросъ всколебалъ души восточныхъ христіанъ; царь услышалъ уже, что риторъ отказывается принять предписанное соглашеніе, и приказываетъ привести его въ городъ въ оковахъ». Итакъ Оловолъ былъ наказанъ 6 Октября 1273 года; слѣдовательно Арсеній скончался 30 Сентября въ томъ же году, проживъ въ заточеніи на островѣ Оксіи или Оксѣ шесть лѣтъ и около четырехъ мѣсяцевъ.

IV.

ХРОНОЛОГІЯ ПАТРІАРХОВЪ — ГЕРМАНА, ІОСИФА И ІОАННА ВЕККА, СЛѢДОВАВШИХЪ ЗА АРСЕНІЕМЪ.

I. Пахимеръ говоритъ (4, 13), что послѣ Арсенія на патріаршій престолъ вступилъ Германъ и что вступленіе его произошло въ мѣсяцѣ Мемактиріонѣ (т. е. въ Іюнѣ) въ праздникъ Св. Духа;—но въ которомъ году? Если положимъ, что въ томъ же, въ которомъ низложенъ былъ Арсеній, т. е. въ 1266; то разстояніе между низложеніемъ одного патріара и призваніемъ другаго долженствовало быть не больше восьми дней; потому что въ 1266 году Пасха была 18 Апрѣля, слѣдовательно Пятьдесятница (день Святаго Духа) 6 Іюня, а Арсеній лишенъ патріаршества въ концѣ Мая. Между тѣмъ въ этомъ короткомъ промежуткѣ времени долженствовали происходить соборныя совѣщанія, сношенія царя съ Соборомъ и переписка съ патріархами Антіохійскимъ и Александрійскимъ. Все это требовало, повидимому, гораздо больше времени, чѣмъ сколько было его

при предполагаемой смѣнѣ патріарховъ. Поэтому вступленіе Германа на патріаршій престолъ, иные относятъ къ слѣдующему 1267 году, въ которомъ Пасха была 17 Апрѣля, а Пятьдесятница 5 Іюля. Но критики, кажется, мало обратили вниманія на то, что Германъ былъ уже епископъ, слѣдовательно по единодушному мнѣнію Собора могъ тотчасъ же вступить, на патріаршество; что онъ пользовался особенною довѣренностію царя, какъ лице, главнымъ образомъ помогавшее ему принять корону одному, безъ сотоварищества Іоаннова (Пах 11, 8); что онъ имѣлъ на своей сторонѣ волю державнаго, который нетолько хотѣлъ, но и просилъ членовъ Собора не откладывать призванія Германа. Поэтому, мы думаемъ что временемъ вступленія его на патріаршій престолъ нетолько не странно почитать 6 Іюня 1266 года, а напротивъ совершенно необходимо. Петръ Поссинъ, усильно доказывая, что Германъ принялъ патріаршество въ 1267 году, заговоръ противъ царя, въ которомъ былъ замѣшанъ и Арсеній, относитъ между тѣмъ къ 1266 году. Но когда по этому случаю отправились къ Арсенію посланные, для взятія отъ него объясненія, онъ своими отвѣтами ясно давалъ разумѣть, что церковь уже не вдовствуетъ, только патріарха называлъ фатріархомъ. «Хорошо что это случилось, говорилъ онъ: пусть помолится о немъ (о царѣ) фатріархъ его съ благословеніемъ всего, что имъ сдѣлано». Что же касается до переписки съ всточными патріархами, то она относилась вовсе не къ Герману, а къ Арсенію, и производилась тогда, когда Арсеній былъ еще на патріаршемъ престолѣ. Ясно также обозначается и время сошествія его съ престола. Пахимеръ говоритъ, что Германъ оставилъ патріархію и удалился въ Манганскій монастырь въ день Воздвиженія честнаго креста, т. е. 14 Сентября;

а что касается до года, то въ немъ ошибиться нельзя и потому же, что преемникъ Германа, Іосифъ избранъ на патріаршество въ концѣ 1267 года. Итакъ Германъ патріаршествовалъ отъ 6 Іюня 1266 до 14 Сентября 1267 года т. е. въ продолженіе одного года, трехъ мѣсяцевъ и восьми дней.

II. Время вступленія Іосифа на престолъ у Пахимера, обозначается ясно (4, 23): «царь въ 28 день мѣсяца Скирофоріона (т. е. Декабря) 1267 года возвелъ его на патріаршество; а въ новомѣсячіи Экатомвеона (т. е. въ Январѣ) рукоположенъ онъ въ епископа». Ясно также опредѣляется у Пахимера и то, когда Іосифъ, по волѣ царя, оставилъ патріархію и переѣхалъ на жительство въ Перивлептъ. Это было 11 Января 1274 года. Слѣдовательно все патріаршествованіе Іосифа продолжалось шесть лѣтъ одинъ мѣсяцъ и 23 дня.

III. Преемникомъ Іосифа на патріаршемъ престолѣ въ Константинополѣ былъ Іоаннъ Веккъ. О вступленіи его на патріаршество Пахимеръ говоритъ такъ (5, 23)· «въ 26 день Піанепсіона (т. е. Мая), въ праздникъ св. Отцовъ Никейскихъ, Веккъ нареченъ былъ патріархомъ, а 2 Мемактиріона (т. е. Іюня), въ слѣдующее воскресенье, или въ знаменитый Духовъ день, получилъ даръ Св. Духа и посвященъ въ архіерея». По этимъ признакамъ ища въ пасхальныхъ таблицахъ соотвѣтствующаго имъ года, мы находимъ что всѣ они идутъ къ 1275 году, въ которомъ Пасха была 14 Апрѣля, а день Пятидесятницы 2 Іюня. Поэтому съ того времени, какъ оставилъ патріархію Іосифъ, до принятія ея Веккомъ прошелъ одинъ годъ четыре мѣсяца и двадцать одинъ день.

Примѣч. Нѣкоторые критики оспариваютъ указаніе Пахимера на время смерти Михаила Палеоло-

га и утверждаютъ, что онъ умеръ не въ 1283 году, какъ говоритъ Пахимеръ а въ 1282.—на томъ основанiи, что 11 Декабря — день смерти его въ 1283 году падаетъ не на пятницу а на субботу.

V.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ГЛАВНѢЙШИХЪ СОБЫТIЙ, ОПИСЫВАЕМЫХЪ ВЪ ИСТОРIИ ЦАРСТВОВАНIЯ МИХАИЛА ПАЛЕОЛОГА.

Годъ событія.	Царь.	Патріархъ.	Событія.
1255.	Θеодоръ Ласкарисъ I.		Царь Iоаннъ Дука Ватаца умираетъ близъ Нимфея 3 Ноября 1255 года. Georg. Acrop. Сынъ его Θеодоръ, по матери Ласкарисъ, съ согласiя вельможъ и народа, провозглашается царемъ. Acrop.
		Арсенiй I.	Когда отказался отъ патрiаршества Никифоръ Блеммида, возводится на патрiаршiй престолъ Арсенiй. Acrop.
			Онъ коронуетъ Θеодора въ день Рождества Христова.
			Чрезъ 6 дней, 30 Декабря, въ 3-мъ часу по-полудни въ Никеѣ—страшное солнечное затмѣнiе.
1256.			Походъ Θеодора Ласкариса на западъ, противъ Константина Болгарскаго и Михаила Деспота, которыхъ поразивъ страхомъ, онъ принудилъ къ миру. Acrop. Hist. n. 58 sq. Gregor. l. 3, p. 26.

Годъ событія.	Царь.	Патріархъ.	Событія.
			Подъ осень того же года великій Коноставлъ Михаилъ Палеологъ, оставленный въ Никеѣ для управленія государственными дѣлами, по случаю отсутствія царя, узнаетъ отъ Котиса, что ему готовится ослѣпленіе, и убѣгаетъ въ Персію. Тамъ, получивъ отъ султана начальство надъ какими-то Римскими войсками, мужественно сражается противъ Скиѳовъ. Gregor. l. 3, p. 27.
1257.	2	2	По ходатайству Иконійскаго предстоятеля, Палеологъ вызывается царемъ изъ Персіи и, обласканный имъ, снова получаетъ достоинство великаго Коноставла. Gregor. l. 3, p. 28.
1258	3	3	Михаилъ Палеологъ отправляется съ войскомъ на западъ и ведетъ удачно войну. Acrop. Hist. n. 70. Страдая подозрительностію, Ѳеодоръ мучитъ сестру Палеолога Марѳу и, боясь, какъ бы за это не возмутился братъ ея, посылаетъ Ходина на западъ взять его и привезти въ оковахъ. Предсказанія царской власти Михаилу Палеологу. Михаилъ Палеологъ выводится изъ тюрьмы и снова удостоивается царскаго благоволенія.

Годъ события.	Царь.	Патріархъ.	Событія.
1259	4	4	Царь Өеодоръ умираетъ въ Августѣ, подъ осень, Acrop. п. 74. Gregor. l. 3, p. 29, оставивъ малолѣтняго своего сына на попеченіе патріарха Арсенія и протовестіарія Георгія Музалона.
—			Въ девятый день по смерти Өеодора, взбунтовавшееся войско убиваетъ Георгія и Өеодора Музалоновъ. Gregor. p. 30, 31. Phrantzes l. 3, p. 42.
—			Михаилъ Палеологъ объявляется опекуномъ царевича и провозглашается великимъ Дуксомъ.
—			Щедрыми подарками онъ привлекаетъ на свою сторону вельможъ.
—			Дѣлается Деспотомъ.
—			Испрашиваетъ высочайшую власть въ имперіи.
—			Осенью этого года Ахайскій князь, помогая Михаилу, Деспоту запада, возставшему противъ царя, попадаетъ въ плѣнъ и приводится въ Константинополь. Greg. p. 35.
1260	Михаилъ Палеол. I.	5.	Въ первый день Января Михаилъ Палеологъ провозглашается царемъ—соправителемъ отрока Іоанна, котораго былъ онъ опекуномъ. Greg. l. 4, p. 36. Acropol. Hist. п. 77, 89. Phrantzes l. 4, p. 43.

Bayerische Staatsbibliothek München

Годъ событія.	Царь.	Патріархъ.	Событія.
			Михаилъ, Деспотъ запада, пользуясь помощію зятя своего Манфреда, короля Сицилійскаго, разбиваетъ Римлянъ при Трикорифѣ и беретъ въ плѣнъ Кесаря Алексѣя Стратигопула.
			Кесарь Алексѣй вскорѣ освобождается и возвращается къ царю Палеологу.
			Палеологъ еще до коронаціи обозрѣваетъ западныя границы имперіи и, слѣдуя совѣту преданнаго себѣ царедворца Ходина, укрѣпляетъ пограничные замки, которые однакожъ вскорѣ были потеряны.
			Назначается время коронованія двухъ царей: но Палеологъ своими происками достигаетъ того, что коронуется одинъ, безъ Іоанна.
			Патріархъ Арсеній уходитъ изъ Никеи и оставляетъ патріаршество.
		Никифоръ I.	На его мѣсто восходитъ Ефесскій епископъ Никифоръ.
			Взявъ Силиврію, царь долго, но безуспѣшно осаждаетъ Галату.
			Снявъ осаду, онъ возвращается въ Нимфей, гдѣ патріархъ Никифоръ умираетъ.
1261	2	—	Тохарцы, разбивъ Персидскаго калифа, вливаютъ ему въ горло золото.

Bayerische Staatsbibliothek München

3р

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Georgius

Georgija Pachimera istorija o Michailě i Andronikě Paleologach Trinadcat'
knig. Perevod pod red. [vasilija Nikolaeviča] Karpova

Bd.: 1 = 4

Sanktpeterburg 1862

H.int. 64 p-4
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10447281-0